

Ева Иллуз

ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ РАНИТ?

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

DirectMEDIA

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Ева Иллуз

**ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ РАНИТ?
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ**

Перевод с англ. С. В. Сидоровой

Москва
Берлин
2020

УДК 316.613.4:177.61
ББК 60.561.5+88.576.6
И44

Впервые работа опубликована в 2012 году издательством Polity Press
Polity Press
65 Bridge Street
Cambridge CB2 1UR, UK
Polity Press
350 Main Street
Malden, MA 02148, USA

Иллуз, Е.

И44 Почему любовь ранит? Социологическое объяснение /
Е. Иллуз; пер. с англ. С. В. Сидоровой. — Москва ; Берлин :
Директмедиа Паблшинг, 2020. — 400 с.

ISBN 978-5-4499-0435-5

Ничто не обладает более разрушительной или более созидательной силой, чем любовь. Откуда эта сила в любви? И как она трансформируется в различных социальных условиях? Как меняется любовь в условиях эпохи Интернета?

Книга известного социолога и психолога Евы Иллуз получила оглушительный международный успех, потому что дает ключ к пониманию тех изменений, которые произошли в отношениях между мужчиной и женщиной в современности. Причины силы любовных травм следует искать зачастую не в глубине психологических переживаний, а в специфике социальных правил, в которые загоняется современный индивидуум. Изменения в способах самовосприятия, построения собственной карьеры, формирования брачных рынков, женской эмансипации — все это автор тщательно анализирует, искусно обращаясь к литературной классике и новейшим социологическим трендам.

Книга предназначена для социологов и психологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся психологией отношений между мужчиной и женщиной.

Все права защищены. За исключением цитирования коротких отрывков с целью критики и рецензирования, ни одна часть настоящей публикации не может быть воспроизведена, сохранена в информационно-поисковой системе или передана в какой бы то ни было форме или какими бы то ни было средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные, записывающие или иные, без предварительного разрешения издателя.

УДК 316.613.4:177.61
ББК 60.561.5+88.576.6

ISBN 978-5-4499-0435-5

© Suhrkamp, текст, 2012

© Сидорова С. В., перевод с англ., 2019

© Издательство «Директмедиа Паблшинг», оформление, 2020

Слова благодарности

Много лет назад, будучи подростком, я не раз принималась за создание этой книги, прокручивая в голове разные варианты ее написания. Она стала результатом сотен, возможно, даже тысяч, разговоров с близкими друзьями и малознакомыми людьми, которые озадачили меня и привели в замешательство хаосом, пронизывающим современные романтические и сексуальные отношения. Почему, несмотря на присущую им силу и независимость, женщины четырех стран (Франции, США, Израиля и Германии), в которых я жила уже взрослой, сбиты с толку неопределенностью поведения мужчин? Почему мужчины представляются загадкой и неиссякаемым источником потрясений для женщин? Страдали ли мужчины и женщины прошлого от мучительной любви так же, как современные мужчины и женщины? Окружающая нас культура главным образом учит нас искать ответы на подобные вопросы в изъянах и пороках нашего несовершенного детства и объясняет беспорядок в нашей личной жизни несовершенствами нашей психики.

Эта книга подвергает сомнению это, по большей части неоспоримое, предположение. Она хочет объяснить, почему любовь причиняет боль, выдвигая на первый план социальную, а не психологическую подопку отношений между мужчиной и женщиной. Эта книга появилась благодаря многочасовым душевным разговорам, но она в значительной степени обязана также и другим, менее интимным, но не менее важным, беседам. Прежде всего, я хочу поблагодарить *Wissenschaftskolleg zu Berlin* (институт перспективных исследований), который в течение 2007–2008 гг. предоставлял мне тишину и покой монастыря и оживленные беседы салонов XVIII в. Я благодарю Дейла Бауэра, Юта Фреверта, Свена Хиллеркампа, Аксель Хоннет, Тома Лакера, Рейнхарта Меркеля, Рейнхарта Мейер Калкуса, Сьюзен Нейман, Джона Томпсона и Эйтана Уилфа за то, что щедро поделились со мной своими мыслями, вопросами и великолепными советами. Маттан Шачак был чрезвычайно необходим в процессе написания этой книги, каждый день даря мне ощущение радости быть учителем выдающегося студента и ассистента-исследователя. Я благодарю Ори Шварц, Дана Каплана и Жужу Беренд за удивительную щедрость ума, их комментарии сыграли значительную роль в улучшении этой книги. Я благодарна Натали-Мириам Иллуз, моей сестре и великолепному психоаналитику, и Беатрис

Смедли, моей подруге и соавтору, за наши нескончаемые обсуждения великолепия и мук любви. Я могу только надеяться на то, что мне удалось соответствовать утонченности их исследований.

Книга — особый товар: ее не только должны создавать профессионалы, в нее нужно верить. *Polity Press* уникально в своем стремлении содействовать глобальному распространению идей и в своей по-семейному душевной и неослабевающей заботе в процессе производства книги. Мне посчастливилось узнать, что Джон Томпсон от всего сердца одобрил эту книгу. Глубина его заботы, четкость и оперативность делают его исключительным издателем. Джастин Дайер оказался превосходным редактором, а Дженнифер Ян и Клэр Анселл — самыми отзывчивыми и полезными в качестве помощника редактора и выпускающего редактора соответственно.

Я благодарю всех, и близких друзей, и просто знакомых, которые доверились мне и поделились своими историями, иногда в отчаянии, но часто с надеждой и верой. Я посвящаю свою книгу этим мужчинам и женщинам, которых буду хранить в своем сердце до конца дней.

Издатели хотели бы выразить признательность за разрешение на воспроизведение эпиграфов:

Из книги Филиппа Рота «Возмущение» (Indignation), Copyright (c) 2008, Philip Roth. Используется с разрешения The Wylie Agency (UK) Limited;

Крис Картер, www.catchhimandkeephim.com;

Из романа Д. М. Кутзее «Бесчестье» (Disgrace), Copyright (c) 1999, J. M. Coetzee. Используется с разрешения Viking Penguin, подразделения Penguin Group (USA) Inc. и Vintage, подразделение Random House;

Из книги Джулиан Барнс «Любовь и т. д.», Copyright (c) 2000, Julian Barnes. Используется с разрешения Alfred A. Knopf, подразделения The Random House, Inc.; опубликовано Vintage Books. Переиздание с разрешения The Random House Group Ltd.

Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец, раньше не знавший любви.
Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелой,
Пусть узнает в стихах собственной страсти черты
И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться, —
воскликнет, — этот искусник поэт —
и рассказать обо мне?»

Овидий «Любовные элегии» (*Amores*)
Пер. с лат. С. В. Шервинского

Глава 1 Введение

Муки любви

Однако безмятежная любовь встречается довольно редко. На каждую современную счастливую любящую пару, на каждый краткосрочный любовный роман приходится десять мучительных любовных переживаний и постлюбовных «падений», длящихся гораздо дольше самого романа и часто приводящих к разрушению личности или, по крайней мере, к эмоциональному цинизму, который создает определенные трудности, а порой вообще не позволяет человеку полюбить снова.

Суламифь Файерстоун «Диалектика пола: Доводы феминистской революции»¹

«Грозовой перевал» (1847 г.) принадлежит давней литературной традиции изображать любовь как мучительно болезненное чувство². Печально известные главные герои романа Хитклиф и Кэтрин сильно любят друг друга с самого детства, однако Кэтрин решает выйти замуж за Эдгара Линтона, более подходящего ей по социальному статусу. Униженный Хитклиф,

---

¹ Файерстоун С. Диалектика пола: Обоснование феминистской революции. NY: Bantam, 1970. С. 129 [Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: Bantam, 1970. P. 129].

² Бронте Э. Грозовой перевал. Oxford: Oxford University Press, 2008 [1847] [Brontë E. Wuthering Heights. Oxford: Oxford University Press, 2008 [1847]].

случайно услышав слова Кэтрин о том, что она опустится до него, если выйдет за него замуж, убегает. А Кэтрин, бросившись на его поиски и не найдя, серьезно заболевает и некоторое время находится между жизнью и смертью.

Созданная в более ироничном стиле «Мадам Бовари» (1856 г.) описывает несчастливый брак одной романтической особы с добросердечным, но посредственным провинциальным врачом, который не может удовлетворить ее сентиментально-романтические и социальные фантазии, почерпнутые из любовных романов. Главная героиня думает, что она обрела мужчину своей мечты в образе лихого землевладельца Родольфа Буланже. После трехлетнего романа любовники решают сбежать. Но в один роковой день Эмма получает от Родольфа письмо, в котором он отказывается от своего обещания. Здесь автор, описывая романтические чувства своей героини, обходится без свойственной ему иронии, с сочувствием рассказывая о ее страданиях:

Эмма прислонилась к стене в амбразуре мансарды и перечитала письмо с недоброй усмешкой. Но чем внимательнее она в него вчитывалась, тем больше путались ее мысли. Она снова видела Родольфа, слышала его, обнимала. И удары ее сердца подобно ударам молота становились все чаще и неравномерней. Она смотрела вокруг, и ей хотелось, чтобы земля разверзлась у нее под ногами. Почему не покончить со всем этим? Что ее удерживает? Ведь она свободна! Эмма шагнула вперед, бросив взгляд на брусчатку мостовой, и сказала себе: — Ну, давай! Давай!³

По современным критериям мучения Кэтрин и Эммы кажутся невыносимыми, но все еще понятными. Тем не менее, как данная книга пытается обосновать, романтические страдания, которые испытывают обе эти женщины, изменили содержание, цвет и структуру. Прежде всего, противостояние между обществом и любовью, которое каждую из них приводит к страданиям, едва ли имеет отношение к современному

---

³ Флобер Г. Мадам Бовари. NY: Courier Dover Publications, 1996 [1857]. С. 145 [Flaubert G. Madame Bovary. New York: Courier Dover Publications, 1996 [1857]. P. 145].

обществу. Действительно, мало какие экономические препятствия или нормативные запреты помешали бы Кэтрин и Эмме сделать любовь своим первым и единственным выбором. Как бы то ни было, наше современное чувство целесообразности заставило бы нас следовать указаниям нашего сердца, а не социальной среды. Во-вторых, в наше время на помощь нерешительной Кэтрин и изнывающей от бесстрастного брака Эмме уже давно прибежала бы целая толпа экспертов — психологи-консультанты, семейные психотерапевты, адвокаты по бракоразводным процессам и специалисты по медитации массово бросились бы на урегулирование частных проблем предполагаемо или реально скупающих жен. В отсутствие помощи экспертов (или совместно с ними) современные Кэтрин и Эммы поделились бы секретами своей любви и своими желаниями с другими, скорее всего, с подругами или, по крайней мере, со случайными анонимными друзьями, найденными в интернете, значительно скрашивая таким образом свое одиночество и отчаяние. На них обрушился бы бурный поток слов, состоящий из анализа собственных поступков, переживаний и дружеских или экспертных советов. Современные Кэтрин или Эмма потратили бы много времени на размышления и разговоры о терзающей их боли и, вероятно, нашли бы ее причины в собственном неблагополучном детстве (или детстве своих любовников). Они ощутили бы триумф, но не от того, что испытали горе, а именно от того, что преодолели его с помощью арсенала терапевтических техник самопомощи. Современные сердечные муки порождают почти бесконечный поток рассуждений и толкований, целью которых является как понимание, так и искоренение их причин. Смерть, самоубийство и бегство в монастырь больше не входят в наш репертуар. Но это, разумеется, не означает, что современные люди ничего не знают о муках любви. На самом деле мы знаем о них, возможно, даже больше, чем наши предшественники. Однако речь идет о том, что социальная составляющая сердечных страданий претерпела глубокие изменения. Эта книга посвящена пониманию природы произошедших изменений посредством

изучения трех различных ключевых аспектов современной личности: воли (того, насколько мы чего-то хотим), признания (того, что важно для нашего чувства значимости) и желания (к чему мы стремимся и как мы жаждем это заполучить).

Откровенно говоря, мало кому из современных людей удастся избежать душевных страданий в интимных отношениях. Эти страдания могут принимать разные формы: приходится порой перецеловать слишком много лягушек на пути к Прекрасному Принцу или Принцессе; заниматься изматывающими бесплодными поисками в интернете и возвращаться в одиночестве из баров, с вечеринок или со свиданий вслепую. Когда отношения, наконец, формируются, муки не исчезают, поскольку вам может стать скучно, вы можете почувствовать тревогу или злость, погрязнуть в болезненных спорах и конфликтах или, в конечном итоге, испытать смятение, неуверенность в себе и даже впасть в депрессию от расставаний или разводов. Это малая толика того, через что может пройти человек в мучительных поисках любви, от которых избавлены лишь немногие из наших современников. Если бы социологи могли услышать голоса мужчин и женщин, ищущих любовь, на них пролился бы нескончаемый поток громких причитаний и стонов.

Несмотря на широко распространенный и почти коллективный характер таких испытаний, наша культура настаивает на том, что они являются результатом несовершенной или недостаточно зрелой психики. Бесчисленные пособия и семинары по самосовершенствованию учат нас эффективно управлять нашими чувствами, помогая нам понять, каким образом мы неосознанно моделируем наши собственные поражения. Согласно теории Фрейда сексуальное влечение лучше всего объясняется опытом прошлого и наши любовные предпочтения формируются в детстве в отношениях между ребенком и его родителями. Для многих утверждение Фрейда о том, что именно в семье вырабатывается модель эротических привязанностей, было главным объяснением того, почему мы не можем найти или сохранить любовь. Фрейдистская культура, непоколебимая в своей непоследовательности,

утверждает, что будущее наших романтических отношений является прямым отражением нашего детского опыта независимо от того, похож наш партнер на наших родителей или является их полной противоположностью. С идеей о навязчивом повторении Фрейд пошел еще дальше, утверждая, что потери, пережитые в раннем возрасте, какими бы болезненными они ни были, станут бессознательно воспроизводиться на протяжении всей взрослой жизни в качестве одного из способов их окончательно преодолеть. Эта идея оказала огромное влияние на коллективную точку зрения и на лечение любовных страданий, рассматривая их как благотворный фактор процесса взросления. Более того, фрейдистская культура предполагала, что, по большому счету, страдания от любви неизбежны.

Клиническая психология сыграла исключительно важную роль в придании научной легитимности идее о том, что любовь и связанные с ней неудачи могут быть объяснены психической историей индивидуума и, как следствие, могут им контролироваться. Хотя оригинальное фрейдовское понятие бессознательного создавалось с целью развеять традиционные представления о личной ответственности, на практике психология сыграла решающую роль в передаче сферы романтики и эротики под личную ответственность человека. Осознанно или нет психоанализ и психотерапия предоставили огромный арсенал различных техник, чтобы помочь нам разговориться, но сделали нас неизбежными носителями ответственности за наши страдания.

На протяжении всего XX в. идея о том, что люди сами создают свои любовные муки, была невероятно успешной, возможно потому, что психология одновременно давала утешительное обещание избавления от них. Мучительные любовные переживания стали мощным фактором, активизирующим массу профессионалов (психоаналитиков, психологов и терапевтов всех мастей), издательскую индустрию, телевидение и множество других средств массовой информации. Появление чрезвычайно успешной индустрии самоусовершенствования стало возможным на фоне глубоко укоренившейся веры в то, что наши страдания тесно связаны с психическим развитием

нашей личности, что самопознание и способность говорить о них обладают исцеляющей силой, а выявление закономерностей и источников наших страданий поможет их преодолеть. Муки любви теперь указывают только на личность, на историю ее психического развития и на ее способность к самоформированию.

Именно потому, что мы живем в то время, когда господствует идея личной ответственности, социология остается жизненно важной сферой деятельности. Точно так же, как в конце XIX в. считалось радикальным утверждать, что бедность является результатом систематической экономической эксплуатации, а не результатом сомнительной морали или слабого характера, в настоящее время крайне необходимо заявить, что все неудачи, превратности и невзгоды нашей эмоциональной жизни скорее формируются институциональными механизмами, а не являются результатом слабой психики. Итак, цель этой книги состоит в том, чтобы значительно изменить точку зрения на то, что правильно, а что неправильно в современных отношениях. Основной проблемой является не трудное детство или недостаток самосознания, а совокупность социальных и культурных напряженностей и противоречий, которые формируют современную личностную идентичность.

По сути, подобное предложение не ново. Феминистские писатели и мыслители уже давно оспаривают и общепринятую веру в любовь как в источник абсолютного счастья, и психологическое индивидуалистическое осмысление любовных страданий. Вопреки распространенным мифам феминистки утверждают, что романтическая любовь не является источником трансцендентности, счастья и самореализации. Скорее, это одна из основных причин разногласий между мужчинами и женщинами, а также одна из традиционных культурных норм, вынуждающая женщин принимать (и «любить») свое подчинение мужчинам. Ибо, когда мужчина и женщина любят друг друга, разногласия, характеризующие их как личность, только усиливаются. По словам Симоны де Бовуар, «даже будучи влюбленными, мужчины сохраняют свой суверенитет, в то время

как женщины с самоотречением отдаются своему чувству»⁴. В своей противоречивой книге «Диалектика пола», процитированной в начале этой главы, Суламифь Файерстоун пошла еще дальше: «Источником социальной силы и энергии мужчин является любовь, которую женщины обеспечивали и продолжают им обеспечивать, и это позволяет предположить, что именно любовь является цементом, с помощью которого построено здание мужского превосходства»⁵. Романтическая любовь не только скрывает классовую и половую дискриминацию, но фактически делает ее возможной. Согласно меткой фразе Ти-Грейс Аткинсон, романтическая любовь является «основным психологическим фактором притеснения женщин»⁶. Наиболее поразительным утверждением феминисток является то, что борьба за власть лежит в самой сути любви и сексуальности, что мужчины всегда доминировали и продолжают доминировать в этой борьбе, поскольку существует сближение между экономической и сексуальной властью. Подобное сексуальное господство мужчин заключается в их способности определять объекты любви и устанавливать правила, регулирующие ухаживание и выражение романтических чувств. В конечном счете, мужская власть заключается в том, что гендерная идентификация и иерархия воплощаются и создаются с помощью выражения романтических чувств, а чувства, в свою очередь, поддерживают экономическое и политическое неравенство возможностей⁷.

---

⁴ С. де Бовуар. Второй пол. NY: Vintage Books, 1970 [1949] [*S. de Beauvoir. The Second Sex.* New York: Vintage Books, 1970 [1949]].

⁵ См. ссылку 1.

⁶ Аткинсон Т.-Г. Радикальный феминизм и любовь. NY: New York University Press, 2001 (1974). С. 138–142 [*Atkinson T.-G. Radical Feminism and Love* (1974), in Susan Ostrov Weissner (ed.), *Women and Romance: A Reader.* New York: New York University Press, 2001. P. 138–142].

⁷ Маккиннон С. А. Сексуальные домогательства в отношении работающих женщин: Вопрос о половой дискриминации. New Haven: Yale University Press, 1979 [*MacKinnon C. A. Sexual Harassment of Working Women: A Case of Sex Discrimination.* New Haven: Yale University Press, 1979]; Рич А. Принудительная гетеросексуальность и лесбийская сущность // *Signs.* 5(4). 1980. С. 631–660 [*Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence* // *Signs.* 5(4). 1980. P. 631–660]; Шектер С. Анализ сохранения насилия в отношении

Но во многом именно это предположение о превосходстве власти является недостатком того, что стало доминирующей нитью феминистской критики любви. В периоды, когда патриархат был гораздо сильнее, чем сегодня, любовь играла гораздо менее значительную роль в представлениях людей об окружающем мире. Более того, культурная значимость любви, по-видимому, связана с упадком, а не с увеличением власти мужчин в семье, а также с ростом более равноправных и симметричных гендерных отношений. К тому же большая часть феминистской теории основана на предположении, что в любовных и других социальных отношениях власть является первичным структурным элементом, игнорируя, таким образом, огромное количество эмпирических данных, свидетельствующих о том, что любовь не менее первична, чем власть, и что она также является мощным и невидимым двигателем социальных отношений. Недооценивая любовь женщин (и их желание любить) к патриархату, феминистская теория часто не понимает причин той огромной власти, какую любовь имеет над современными женщинами и мужчинами, а также не осознает эгалитарного напряжения, содержащегося в идеологии любви, и ее способности разрушать патриархат изнутри. Патриархат, безусловно, играет главенствующую роль в объяснении структуры отношений между полами и того невероятного восхищения, которое гетеросексуальность по-прежнему вызывает у них, хотя одного этого недостаточно, чтобы объяснить необычайную власть, которую идеал любви имеет над современными мужчинами и женщинами.

Таким образом, эта книга хочет определить рамки для установления институциональных причин романтических страда-

---

женщин в семье // Эгида: Журнал об искоренении насилия в отношении женщин. Июль/август 1979. С. 47 [Schechter S. Towards an Analysis of the Persistence of Violence against Women in the Home // Aegis: Magazine on Ending Violence against Women. July / August 1979. P. 47]; Шектер С. Женщины и мужское насилие: Взгляды и противостояние Движения Женщин, подвергающихся насилию в семье. NY: South End Press, 1983 [Schechter S. Women and Male Violence: The Visions and Struggles of the Battered Women's Movement. New York: South End Press, 1983].

ний, но само собой разумеется, что каждый конкретный опыт любви оказывает мощное влияние, которое нельзя объяснить просто «ложным сознанием»⁸. Это исключило бы сам вопрос, прежде чем он был бы задан. Я утверждаю здесь то, что причина столь большого значения любви для нашего счастья и самосознания недалеко от причин, объясняющих, почему это такой сложный аспект нашего жизненного опыта: эти причины тесно связаны с тем, каким образом личность и самосознание институционализируются в эпоху модернизма. Если многие из нас испытывают некое щемящее чувство тревоги или беспокойства в отношении любви, если все, что касается любви, приводит нас в смятение, делает нас уязвимыми и недовольными собой, по словам философа Гарри Франкфурта⁹, это происходит от того, что любовь содержит в себе, отражает и усиливает захват личности институтами модернизма¹⁰, институтами, надо отметить, сформированными экономическими и гендерными отношениями. Как прекрасно выразился Карл Маркс, «люди творят свою историю сами, но не добровольно, не по своему собственному выбору, а в мгновенно возникших обстоятельствах, которые были им предоставлены или переданы по наследству»¹¹. Когда мы любим или находимся в подавленном состоянии (или обижаемся на кого-то), мы делаем это не по собственной воле и в ситуациях, созданных не нами, и именно эти обстоятельства и ситуации я хотела бы исследовать в данной книге. Самое главное доказательство, которое мне хотелось представить на следующих страницах, заключается в том, что нечто фундаментальное

⁸ Для исчерпывающего ответа на этот вопрос см: *Свидлер А. Разговор о любви*. Chicago: University of Chicago Press, 2001 [*Swidler A. Talk of Love*. Chicago: University of Chicago Press, 2001].

⁹ *Франкфурт Н. Причины любви*. Princeton: Princeton University Press, 2004. С. 5 [*Frankfurt N. The Reasons of Love*. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 5].

¹⁰ *Чоуэрс Э. Современная личность в безвыходном положении*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003 [*Chowers E. The Modern Self in the Labyrinth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003].

¹¹ *Вагнер П. Социология модернизма: Свобода и дисциплина*. London: Routledge, 1994. С. xiii [*Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. London: Routledge, 1994. P. XIII].

в структуре наших романтических желаний изменилось в современном обществе. Эти изменения, т. е. чего мы хотим и как мы подходим к реализации наших потребностей в отношениях с сексуальными партнерами, очень подробно описаны в главах 2 и 3. В главе 4 рассматриваются изменения, которые делают нас уязвимыми и заставляют чувствовать себя недостойным. Наконец, 5 и 6 главы рассказывают об изменениях в структуре наших эротических и романтических желаний и в содержании мыслей и эмоций их активизирующих. Структура самого желания, его осознание и воплощение составляют три основные линии анализа преобразований любви в эпоху модернизма. В конечном счете, моя цель состоит в том, чтобы рассмотреть любовь так, как Маркс в свое время рассматривал товары: показать, что она формируется и возникает в конкретных социальных отношениях; продемонстрировать, что она подобно товару находится в обращении среди неравных конкурирующих субъектов; и утверждать, что некоторые из них обладают более значительным потенциалом для определения условий этой любви.

Опасностей, таящихся в подобном анализе, множество. Самая очевидная из них, вероятно, связана с тем, что я, возможно, преувеличила различия, отделяющие «нас» (современных) от «них» (наших предшественников). Несомненно, многие читатели (если не большинство) будут думать о своем собственном наборе доказательств, ставящих под сомнение мое утверждение о том, что причины любовных страданий имеют отношение к современности. Однако я охотно отвечу на это серьезное возражение. Во-первых, я не утверждаю, что страдания от любви — это нечто новое, появились лишь некоторые причины, из-за которых мы их испытываем. Второй ответ имеет отношение к социологии: нас интересуют не столько отдельные действия и настроения индивидов, сколько структуры, их провоцирующие. Хотя в близком и отдаленном прошлом мы можем найти огромное количество примеров, внешне похожих на нынешние ситуации, они не указывают на те крупномасштабные структуры, на которые указывают нам современные любовные практики и свойственные им стра-

дания. В этом смысле, я надеюсь, историки простят меня за то, что я использую историю не столько как сложную науку, полную дат, событий и достижений, сколько в качестве контраста, декоративного фонового гобелена с фиксированными мотивами, которые помогают высветить характерные черты модернизма.

Как и другие социологи, я рассматриваю любовь как привилегированный микрокосм, с помощью которого можно понять процессы модернизма, но в отличие от них история, которую я должна рассказать, не героическая победа чувств над разумом и гендерного равенства над гендерной эксплуатацией, это история, в которой все далеко не так однозначно.

Что такое модернизм?

В отличие от любой другой дисциплины социология возникла из отчаянных и тревожных вопросов о значении и последствиях модернизма. Карл Маркс, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель — все они пытались понять смысл перехода от «старого» мира к «новому». «Старым» была религия, община, порядок и стабильность. «Новым» были захватывающие дух перемены, отделение церкви от государства, расторжение общественных связей, растущие претензии на равенство и мучительная неопределенность в отношении личности. С тех самых пор, с того самого удивительного периода, отмечающего переход от середины XIX к XX в., социология задавалась одними и теми же острыми вопросами: не подорвет ли общественный порядок снижение роли религии и общины в жизни общества? Сможем ли мы жить содержательной полноценной жизнью в отсутствие святости? В частности, Макс Вебер был обеспокоен вопросами, которыми задавались Достоевский и Толстой: «Если мы больше не боимся Бога, что будет с нашей нравственностью? Если мы больше не связываем нашу жизнь со святостью, общиной и послушанием, что сделает нашу жизнь содержательной, что даст ей смысл? Если в основе нравственности человек, а не Бог, что случится с “этикой братства”»,

ставшей движущей силой религий?¹²». На самом деле, изначально, социология была призвана понять, каким мог бы стать смысл жизни после упадка религии.

Большинство социологов сошлись во мнении, что модернизм предложил вдохновляющие возможности, но также и риски, угрожающие нам жить наполненной смыслом жизнью. Даже социологи, признавшие, что модернизм означал прогресс по сравнению с невежеством, хронической бедностью и повсеместным подчинением, все еще рассматривали его как оскудение нашей способности рассказывать красивые истории и жить в богато обставленной культурной среде. Модернизм отрезвил людей, освободил их от сильных, но сладких иллюзий и заблуждений, которые делали их страдания терпимыми. Лишенные этих фантазий люди проводили бы свои жизни без каких-либо обязательств по отношению к высшим принципам и ценностям, без религиозного пыла и экстаза, без героизма святых, без определенности и упорядоченности божественных заповедей, но больше всего — без тех романов, которые утешают и украшают жизнь.

Подобное отрезвление нигде более не проявляется так очевидно, как в сфере любви, которой в течение нескольких веков в истории Западной Европы управляли идеалы рыцарства, доблести и романтизма. Рыцарство следовало одному кардинальному положению: преданно и самоотверженно защищать слабых. Слабость женщин, таким образом, стала частью культурной системы, где она была общепризнана и окружена ореолом, поскольку преобразовала мужскую власть и женскую хрупкость в привлекательные качества: «способность защитить» для мужчин и «мягкость» и «нежность» для женщин. Женская социальная неполноценность могла таким образом обмениваться на абсолютную мужскую преданность в любви, которая, в свою очередь, служила той самой областью прояв-

---

¹² Вебер М. Направления религиозного неприятия мира // in Н. Н. Gerth and C. W. Milles (eds and trans), *From Max Weber*. London: Routledge, 1970 [1948]. С. 323–359 [Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions, in Н. Н. Gerth and C. W. Milles (eds and trans), *From Max Weber*. London: Routledge, 1970 [1948]. P. 323–359].

ления мужественности, доблести и чести. Более того, лишение женщин права собственности и экономических и политических прав сопровождалось (и, по-видимому, компенсировалось) заверением, что, будучи любимыми, они не только защищены мужчинами, но даже имеют превосходство над ними. Поэтому неудивительно, что любовь исторически так желанна для женщин; она обещала моральный статус и достоинство, в котором им было отказано в обществе, и ореолом окружила их социальный удел: быть матерью, женой или любовницей, любить и заботиться о других. Так, исторически любовь была крайне привлекательной именно потому, что, приукрашив, она скрывает глубокое неравенство, лежащее в основе гендерных отношений.

Высокий, или гипермодернизм, узко определенный в этой книге, это период после Первой мировой войны, известный повсеместно как модернизм, обозначивший обострение социальных тенденций, заложенных в раннем модернизме, и изменивший, порой глубоко, культуру любви и структуру гендерной идентичности. Эта культура действительно сохранила и даже усилила идею любви, наделяя ее способностью выходить за рамки обыденного. Впрочем, когда в интимных отношениях оказались вместе два политических идеала гендерного равенства и сексуальной свободы, это лишило любовь ритуалов уважения и той мистической ауры, которой она ранее была окутана. Все святое в любви стало мирским, и в конечном итоге мужчины вынуждены были трезво взглянуть на реальные условия жизни женщин. Этот глубокий раскол и двойственный характер любви, являющиеся источниками экзистенциальной трансцендентности и глубоко оспариваемой областью проявления гендерной идентичности, характеризуют современную культуру любовных отношений. Строго говоря, проявить гендерную идентичность и осуществить гендерную борьбу означает разобраться с институциональными и основными культурными дилеммами и двойственностью модернизма, дилеммами, организованными вокруг ключевых культурных и институциональных идей подлинности, независимости, равенства, свободы, ответственности и самореализации.

Изучение любви не является второстепенным, оно имеет ключевое значение для изучения сути и основ модернизма¹³.

Гетеросексуальная романтическая любовь как нельзя лучше подходит для анализа такого двойственного представления о модернизме, поскольку последние четыре десятилетия стали свидетелями радикализации свободы и равенства в романтических отношениях, а также радикального раскола между сексуальностью и эмоциональностью. Гетеросексуальная романтическая любовь пережила две наиболее важные культурные революции XX в.: индивидуализацию образа жизни и активизацию эмоциональности; а также экономизацию социальных отношений, широкую распространенность экономических моделей для формирования личности и ее подлинных эмоций¹⁴. Пол и сексуальность освободились от моральных норм и стали частью образа жизни индивида, при этом язык капиталистической культуры массово проник в сферу гетеросексуальных романтических отношений.

Например, когда (гетеросексуальная) любовь стала основной темой романа, мало кто заметил, что она тесно переплелась с другой темой, не менее важной для буржуазного романа и для модернизма в целом: с темой социальной мобильности. Это можно увидеть на примерах Кэтрин и Эммы, обсуждаемых ранее. Таким образом, одним из главных вопросов, заданных романом (а затем и голливудским кинематографом), был и остается вопрос о том, может ли и при каких условиях любовь превалировать над социальной мобильностью и, наоборот, должна ли социально-экономическая совместимость быть необходимым условием для любви. Формирование современной личности было одновременно эмоциональным и экономическим, романтичным и рациональным. Центральное

---

¹³ Это также является теоретической и социологической точкой зрения различных социологов, таких как Гидденс, Бек и Гернсхайм-Бек и Бауман.

¹⁴ См.: Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press, 1985].

место любви в браке (и в романах) совпало с угасанием самого брака как инструмента создания межсемейных союзов, что ознаменовало новую роль любви в социальной мобильности. Однако это означало далеко не прекращение, а углубление экономических расчетов и исчислений, поскольку положение мужчин и женщин на социальной лестнице все чаще и чаще менялось в ту или другую сторону благодаря социальной алхимии любви. Поскольку любовь сделала сопряжение между браком и стратегиями экономического и социального воспроизводства менее явным и формальным, современный выбор партнера стал постепенно включать в себя как эмоциональные, так и экономические притязания. Любовь учитывала теперь рациональные и стратегические интересы, объединяя экономическое положение и эмоциональные склонности партнеров в единую культурную матрицу. Таким образом, одним из ключевых культурных преобразований модернизма стало смешение любви с экономическими стратегиями социальной мобильности. По этой же причине в данной книге содержится ряд методологических погрешностей: гетеросексуальная любовь здесь рассматривается более пристально, чем гомосексуальная, поскольку первая содержит отрицание экономического обоснования выбора объекта любви и объединяет в себе как экономическую, так и эмоциональную логику. Иногда эти две логики гармонично и плавно согласуются, но они одинаково часто расщепляют романтические чувства изнутри. Смешение любви и экономического расчета приводит к тому, что любовь моментально оказывается в эпицентре современной жизни и подвергается противоречивому давлению. Подобное переплетение эмоционального и экономического, таким образом, является лейтмотивом переосмысления роли любви в эпоху модернизма, которое я предлагаю рассмотреть, демонстрируя как возможность выбора, рациональность, интерес и конкуренция изменили характер поиска, способы знакомства и ухаживания за партнером, методы консультирования и варианты принятия решений о своих чувствах. Другая методологическая погрешность этой книги заключается в том, что она рассматривает

любовь главным образом с точки зрения женщин, а не мужчин, и особенно с точки зрения женщин, в основном предпочитающих брак, продолжение рода и образ жизни среднего класса. Как я надеюсь здесь показать, именно сочетание этих устремлений и их место на свободном рынке сексуальных контактов создают новые формы эмоционального доминирования мужчин над женщинами. Иными словами, несмотря на то, что эта книга касается многих женщин, она, разумеется, относится не ко всем (конечно, не к лесбиянкам и женщинам, которые не заинтересованы в семейной жизни, в браке или без, в детях).

Любовь в эпоху модернизма, современный характер любви

Усиление позиций модернизма обычно объясняется научными знаниями, деятельностью печатных средств массовой информации, развитием капитализма, секуляризацией и влиянием демократических идей. Недостающим звеном в этом списке является формирование рефлексивной эмоциональной личности, которое, как я ранее отмечала¹⁵, сопровождало становление модернизма, личности, определявшей себя и свою идентичность преимущественно эмоционально и сосредоточенной на управлении своими чувствами и на их утверждении. Эта книга хотела бы определить место для культурного идеала и искусства романтической любви в культурной сущности модернизма, наиболее ярко проявляющейся в ее решающем значении для формирования биографии и характера эмоциональной личности. Как выразился Уте Фреверт: «Не только история порождает эмоции, но и эмоции творят историю»¹⁶.

Философ Габриель Моцкин предлагает задуматься о роли любви в длительном процессе формирования современной лич-

---

¹⁵ *Иллюз Е.* Спасая современную душу: Терапия, Эмоции и Культура самопомощи. Berkeley: University of California Press, 2008 [*Illouz E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help.* Berkeley: University of California Press, 2008].

¹⁶ *Frevert U.* Was haben Gefühle in der Geschichte zu suchen? // *Geschichte und Gesellschaft.* 35. 2009. P. 183–208 (P. 202)].

ности. По его словам, Христианская (Паулианская) вера отводила центральное место эмоциям любви и надежды, создавая тем самым эмоциональную личность (а не, скажем, интеллектуальную или политическую)¹⁷. Моцкин заявляет, что процесс секуляризации культуры состоял, в частности, в секуляризации религиозной любви. Такая секуляризация принимала две различные формы: она превратила мирскую любовь в священное чувство (позднее отмечаемое как романтическая любовь), а романтическую любовь в эмоцию, противостоящую ограничениям, налагаемым религией. Таким образом, секуляризация любви сыграла важную роль в процессе освобождения от религиозной власти.

Если нужно определить более точные временные рамки этих исследований, то протестантская реформация, по-видимому, считается важным этапом в формировании современной романтической личности, поскольку она обозначила новый комплекс противоречий между патриархальностью и новыми эмоциональными ожиданиями относительно идеала подходящего брака. «Пуританские писатели поощряли формирование новых идеалов поведения в браке, подчеркивая важность близости и эмоциональности среди супружеских пар. Мужьям было рекомендовано не забывать о духовном и психологическом благополучии своих жен»¹⁸.

Многочисленные ученые, историки и социологи утверждают, что любовь, особенно в протестантских культурах, была источником гендерного равенства, поскольку она сопровождалась возвышенным отношением к женщине¹⁹. Благодаря религиозному

---

¹⁷ Моцкин Г. Секуляризация, знания и полномочия // Религия и демократия в современной Европе / Под ред. Г. Моцкин, Я. Фишер. Jerusalem: Alliance Publishing Trust, 2008 [Motzkin G. Secularization, Knowledge and Authority // Religion and Democracy in Contemporary Europe / G. Motzkin and Y. Fischer (eds). Jerusalem: Alliance Publishing Trust, 2008].

¹⁸ Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 98 [MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 98].

¹⁹ Канциан Ф. Любовь в Америке. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 [Cancian F. Love in America Cambridge: Cambridge University Press, 1987]; Гидденс А. Трансформация интимности. Cambridge: Polity Press, 1992

наказу нежно любить своего супруга статус женщин повысился, и они получили возможность принимать решения наравне с мужчинами. Энтони Гидденс и др., кроме того, предполагают, что любовь играла главную роль в формировании женской независимости, поскольку в XVIII в. культурный идеал романтической любви, отделенный от религиозной этики, предписывал женщинам, равно как и мужчинам, свободно выбирать объект своей любви²⁰. На самом деле, сама идея любви подразумевает свободную волю и независимость влюбленных. Моцкин даже предполагает, что «развитие демократических концепций власти является дальним следствием предпосылки эмоциональной независимости женщин»²¹. Сентиментальная литература и романы XVIII в. еще больше подчеркивали эту культурную тенденцию, поскольку идеал любви, который они пропагандировали, и в теории и на практике способствовал ослаблению власти, которую родители — особенно отцы — проявляли по отношению к бракам своих дочерей. Таким образом, идеал романтической любви является движущей силой женской эмансипации в одном важном аспекте: он является движущей силой индивидуализации и независимости, какие бы формы она ни принимала. Поскольку в XVIII и XIX вв. частная жизнь стала цениться высоко, женщины могли проявлять то, что Энн Дуглас называла, используя выражение Харриет Бичер Стоу, «белорозовой тиранией», т. е. стремлением «американских женщин девятнадцатого века получить власть, злоупотребляя своей женской сущностью»²². Любовь отдала женщин под опеку мужчин, но сделала это, узаконив модель неприкосновенной личности,

---

[Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. Cambridge: Polity Press, 1992]; *Смоун Л. Семья, секс и супружество*. NY: Harper and Row, 1977 [Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. New York: Harper and Row, 1977].

²⁰ Гидденс А. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004 [Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. Saint-Petersburg: Piter, 2004].

²¹ Моцкин Г. Секуляризация, знания и полномочия. С. 43 [Motzkin G. *Secularization, Knowledge and Authority*. P. 43].

²² Дуглас А. Феминизация американской культуры. NY: A. A. Knopf, 1978. С. 6–7 [Douglas A. *The Feminization of American Culture*. New York: A. A. Knopf, 1978. P. 6–7].

любящей семейный уют, которая отличалась независимыми суждениями и поступками и, самое главное, требовала эмоциональной независимости. Таким образом, романтическая любовь укрепила нравственный индивидуализм в частной сфере, что сопровождалось подъемом сферы общественной. На самом деле, любовь является наглядным примером и двигателем новой модели общения, которую Гидденс назвал «чистыми отношениями»²³, основанной на договорном предположении, что два человека с равными правами объединяются в эмоциональных и индивидуалистических целях. Подобный договор устанавливается двумя лицами ради их блага и может вступать в силу и аннулировать по их собственному желанию.

Однако, наряду с тем, что любовь сыграла значительную роль в формировании «эмоционального индивидуализма», как называют его историки, модернистская художественная литература имеет тенденцию представлять ее как героическую, как путь от рабства к свободе. Когда любовь торжествует, согласно истории, браки по расчету и интересам исчезают, а индивидуализм, независимость и свобода празднуют триумф. Тем не менее, хотя я и согласна с тем, что романтическая любовь бросила вызов как патриархату, так и институту семьи, «чистые отношения» также сделали частную сферу более нестабильной, а романтическое сознание несчастным. На мой взгляд, то, что делает любовь таким постоянным источником неудовлетворенности, дезориентации и даже отчаяния, может быть должным образом объяснено только с помощью социологии и понимания культурной и институциональной сущности модернизма. Именно поэтому я считаю, что подобный анализ будет уместным для большинства стран, вовлеченных в процесс формирования модернизма, основанного на равенстве, договорности, интеграции мужчин и женщин в капиталистический рынок и на узаконенных «правах человека» как основной сути личности: эта межкультурная

---

²³ Гидденс А. Модернизм и самосознание. Stanford: Stanford University Press, 1991. С. 70–108 [*Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 70–108*]; Гидденс А. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004 [*Giddens A. The Transformation of Intimacy. Saint-Petersburg: Piter, 2004*].

институциональная матрица, которую можно найти во многих странах мира, разрушила и преобразовала традиционную экономическую функцию брака и традиционные способы регулирования отношений между полами. Эта матрица позволяет нам задуматься о весьма противоречивом нормативном характере модернизма. Хотя мой анализ любви в условиях модернизма и носит *критический* характер, но лишь с точки зрения *трезвого модернистского* подхода, т. е. подхода, признающего, что, несмотря на огромное количество страданий и разрушений, который принес западный модернизм, его основные ценности (политическая эмансипация, секуляризм, рациональность, индивидуализм, нравственный плюрализм, равенство) остаются в настоящее время без какой-либо видимой превосходящей альтернативы. Тем не менее одобрение западного модернизма должно быть здравым, поскольку эта культурная форма модернизма произвела свои собственные виды эмоциональных страданий и разрушений традиционных жизненных укладов, сделала онтологическую неуверенность привычной чертой современной жизни и оказывает все более ощутимое влияние на формирование личности и ее стремлений²⁴.

Почему социология является и остается необходимой

Дедушка современной психологии Уильям Джеймс утверждал, что первый факт, который должны учитывать психологи, заключается в том, что «процесс мышления продолжается», а мышление, по его словам, процесс личный, каждая мысль является частью сознания человека, которое заставляет его выбирать, с какими переживаниями внешнего мира иметь дело, а какие отвергать²⁵. В то же время с самого момента возникновения социологии ее основным призванием было развенчание социальной основы мировоззрения. Для социологов не существует

---

²⁴ См.: *Жируп Р.* Священная жертва. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003 [*Girard R.* Le Sacrifice. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003]; *Жируп Р.* Театр зависти: Уильям Шекспир. NY: Oxford University Press, 1991 [*Girard R.* A Theatre of Envy: William Shakespeare. New York: Oxford University Press, 1991].

²⁵ *Джеймс У.* Основы психологии. NY: Cosimo, 2007 [1890]. С. 224 [*James W.* The Principles of Psychology, Vol. 1. New York: Cosimo, 2007 [1890]. P. 224].

противоречия между личным и общественным, поскольку содержание мыслей, желаний и внутренних конфликтов имеет институциональную и коллективную основу. Например, когда общество и культура поощряют страстную романтическую любовь и гетеросексуальный брак в качестве моделей для взрослой жизни, они формируют не только наше поведение, но и наши стремления, надежды и мечты о счастье. Но социальные модели делают больше: соединяя идеал романтической любви с институтом брака, современные формы правления внедряют социальные противоречия в наши стремления, противоречия, которые, в свою очередь, отнимают психическую жизнь. Институциональное устройство брака (основанное на моногамии, сожителстве и объединении экономических ресурсов для увеличения благосостояния) препятствует возможности поддерживать романтическую любовь как глубокую и всепоглощающую страсть. Подобное противоречие вынуждает супругов или партнеров выполнять значительный объем духовной работы для управления и согласования этих двух конкурирующих культурных систем координат²⁶. Объединение идеала романтической любви с институтом брака, в свою очередь, иллюстрирует, что гнев, неудовлетворенность и разочарование, свойственные им, лежат в основе социальных и культурных отношений. Противоречия являются неизбежной частью культуры, и люди, как правило, без особых усилий лавируют между ними, однако с некоторыми из них справиться гораздо труднее. Когда противоречия затрагивают саму возможность сформулировать произошедшее, их плавная интеграция в повседневную жизнь становится затруднительной.

То, что люди по-разному трактуют одни и те же пережитые испытания или то, что мы переживаем наш социальный опыт в основном через психологические категории, не означает, что этот опыт является частным и единичным. Опыт всегда формируется учреждениями (для больного — в больнице, для неуправляемого подростка — в школе, для сердитой женщины — в семье и т. д.); он имеет формы, интенсивность и своеобразие,

²⁶ См.: Свидлер А. Разговор о любви [Swidler A. Talk of Love].

которые исходят из того, как институты структурируют эмоциональную жизнь. Например, большая часть гнева или разочарования в браке зависит от того, как каждая пара выстраивает гендерные отношения и совмещает институциональные и эмоциональные алгоритмы: скажем, стремление добиться равенства и взаимодействия друг с другом независимо от половой принадлежности и дистанцию, которая неизбежно возникает во взаимоотношениях полов. Наконец, чтобы быть понятным, жизненный опыт должен следовать установленным культурным укладам. Больной человек может объяснить свою болезнь как Божье наказание за его прошлые поступки, или как биологическую случайность, или как заболевание, возникшее из-за бессознательного желания умереть, — все эти толкования формируются благодаря тщательно разработанным объяснительным моделям, исторически возникшим в определенное время в определенном обществе.

Это не означает, что я отрицаю идею о том, что между людьми существуют важные психические различия или что эти различия не играют важной роли в определении нашей жизни. Скорее, мое возражение против нынешнего доминирующего психологического этоса (совокупность стабильных черт индивидуального или социального характера, проявляющихся в речи, поступках, привычках и пристрастиях, чувствах и увлечениях, то, что отлочно от природы человека) состоит из трех аспектов: то, что мы считаем индивидуальными устремлениями и опытом, на самом деле имеет важную социальную и коллективную составляющую; что психические различия часто, хотя и не всегда, являются ничем иным, как различиями в социальных позициях и социальных устремлениях; и, наконец, влияние модернизма на формирование личности и самосознания как раз и состоит в том, чтобы выявить психические качества индивидов и предоставить им решающую роль в определении их судеб, как романтических, так и социальных. Тот факт, что мы являемся психологическими сущностями, т. е. наша психология имеет огромное влияние на нашу судьбу, *сам по себе является социологическим*. При сокра-

щении моральных ресурсов и ослаблении системы социальных ограничений, формировавших поведение человека в социальной среде, структура модернизма оставила его один на один со *своей* психической структурой, тем самым сделав его психику уязвимой, но имеющей сильное влияние на создание собственной социальной судьбы. Соответственно, уязвимость личности в эпоху модернизма можно резюмировать следующим образом: человеческий опыт формируют мощные институциональные ограничения, но люди справляются с ними с помощью психических ресурсов, накопленных в ходе своего социального развития. Именно этот двойственный аспект современного социального опыта, заключенного между институциональным и психическим, я хочу подробно рассмотреть с точки зрения любви и любовных страданий.

Социология и психические страдания

С самого начала основным объектом изучения социологии были человеческие страдания, которые она рассматривала сквозь призму их коллективных форм неравенства, нищеты, дискриминации, болезней, политического угнетения, крупномасштабных вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Добившись в этом больших успехов, дисциплина пренебрегла, однако, исследованием обычных психических страданий, свойственных социальным отношениям: негодование, унижение и не встречающие ответа желания — лишь некоторые из множества примеров их повседневных и невидимых форм. Социология неохотно включала в сферу своей компетенции эмоциональные муки, которые справедливо считались основным направлением клинической психологии, во избежание оказаться втянутой в мутные воды индивидуалистической и психической моделей общества. Но для того, чтобы сохранить свою актуальность в современном обществе, социология должна в обязательном порядке исследовать эмоции, отражающие уязвимость личности в условиях позднего модернизма, уязвимость, которая одновременно является институциональной и эмоциональной. Эта книга утверждает, что любовь — одна из таких

эмоций и что тщательный анализ опыта, который она порождает, вернет нас к первичному, все еще столь необходимому и остро актуальному призванию социологии.

Понятие «социальное страдание» может показаться долгожданным средством осмысления современных любовных страданий. Однако такое понятие не слишком подходит для моих целей, поскольку согласно трактовке антропологов, социальные страдания характеризуются широкомасштабными последствиями голода, нищеты, насилия, катастроф или стихийных бедствий²⁷, пренебрегая, таким образом, менее заметными и очевидными формами страдания, такими как тревога, чувство несостоятельности и депрессии, скрытыми в повседневной жизни и в обычных отношениях.

Психическое страдание имеет две основные черты. Во-первых, по предположению Шопенгауэра, страдание проистекает из того факта, что мы живем «воспоминаниями и ожиданиями»²⁸. Иначе говоря, страдание реализуется благодаря воображению: через образы и идеалы, составляющие наши воспоминания, через ожидания и душевные порывы²⁹. С точки зрения социологии, можно предположить, что страдание опосредовано культурными определениями индивидуальности. Во-вторых, страдание обычно сопровождается нарушением нашей способности к осмыслению. В результате, говорит Поль Рикер, страдание часто принимает форму стенаний о его слепоте и произволе³⁰. Поскольку страдание — это вторжение иррационального в повседневную жизнь, оно требует рационального

---

²⁷ Социальные страдания / Под ред. А. Клейнман, В. Дасс, М. Лок. Berkeley: University of California Press, 1997 [Social Suffering / A. Kleinman, V. Dass and M. Lock (eds). Berkeley: University of California Press, 1997].

²⁸ Шопенгауэр А. Очерки и афоризмы. Harmondsworth: Penguin, 1970. С. 44 [Schopenhauer A. Essays and Aphorisms. Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 44].

²⁹ Например, можно предположить, что эгалитарные культуры с эгалитарным культурным воображением и мобильной социальной структурой порождают больше психических страданий, чем кастовые общества, в которых у индивидов формируется мало или меньше ожиданий.

³⁰ Уилкинсон И. Страдание. Cambridge: Polity Press, 2005. С. 43 [Wilkinson I. Suffering. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 43].

объяснения причин, по которым человек его заслужил³¹. Иначе говоря, пережить страдание будет еще более невыносимо, в случае если его невозможно будет разумно объяснить. Когда страдание бессмысленно, мы страдаем вдвойне: от боли, которую испытываем, и от нашей неспособности придать ей смысл. И способы объяснения страданий различаются тем, какой смысл они придают боли и как они распределяют ответственность, различаются по аспектам переживания страдания и по возможности (или невозможности) его преобразования в другую категорию опыта, будь то «искупление», «зрелость», «развитие» или «мудрость». Я бы добавила, что современные психические страдания, хотя и могут включать в себя целый ряд реакций, физиологических и психологических, характеризуются тем фактом, что на карту поставлены самооценка и чувство собственного достоинства. Психическое страдание включает в себя переживания, которые угрожают целостности личности. Страдание в современных интимных межличностных отношениях отражает положение личности в условиях модернизма. Романтическое страдание не является лирическим отступлением по отношению к возможно более серьезным формам страдания, поскольку, как я надеюсь показать, оно отображает проблемные ситуации и демонстрирует формы бессилия личности в эпоху модернизма. Как я показываю на основе анализа различных источников (подробных интервью, интернет-сайтов, статей из «Нью-Йорк Таймс», «Индепендент», «Модерн лав», романов XVIII и XIX вв., самоучителей по вопросам знакомств, любви и романтических отношений³²), случаи отвергнутой

³¹ В религии это было главной функцией религиозной теодицеи (богооправдания), которая объясняет, почему люди страдают и, что более важно, почему это является справедливым. В сфере любви клиническая психология выполняет функцию теодицеи, объясняя причины наших страданий и делая их не только понятными, но и приемлемыми.

³² Мои данные разнообразны и включают в себя 70 интервью с людьми, живущими в трех мегаполисах Европы, США и Израиля; широкий спектр веб-групп поддержки; романы XIX в. и современные романы; большую выборку современных справочников, касающихся любовных отношений, свиданий, брака и развода; сайты знакомств в интернете; наконец, двухлетний анализ еженедельной колонки «Современная любовь» в Нью-Йорк Таймс. Опрошенные

и безответной любви имеют такое же большое значение в жизни личности, как и другие (политические или экономические) формы социального унижения.

Скептики могут с полным основанием утверждать, что поэта́м и филосо́фам давно уже известно о разрушительных последствиях любви и что страдание от любви было и все еще остается одним из главных сюжетных мотивов, кульминацией которого является Романтизм, в котором любовь и страдание взаимно отражают и определяют друг друга. Тем не менее эта книга утверждает, что есть нечто качественно новое в современном опыте страданий, порожденных любовью. Что по-настоящему ново в современных романтических страданиях, это: электронное регулирование брачных рынков (глава 2); изменения, произошедшие в искусстве выбора партнера (глава 3); ошеломляющее значение любви для формирования чувства социальной значимости (глава 4); рационализация страсти (глава 5); способы развития романтического воображения (глава 6). Но если эта книга и посвящена пониманию того, что в романтических страданиях по-настоящему ново и современно, она не стремится исчерпывающим образом охватить все многочисленные формы, которые принимают муки любви, а лишь некоторые из них; не исключает она и того факта, что многие люди счастливы в любви. Здесь утверждается, что и любовные муки, и счастье имеют особенные современные формы, и именно на них эта книга хочет обратить внимание.

составили 60 % женщин и 40 % мужчин. Поскольку мне были необходимы правдивые ответы, я использовала процедуру снежного кома. Все опрошенные были выпускниками высших учебных заведений, и их возраст колебался от 25 до 67 лет. Выборка включала одиноких людей, никогда не состоящих в браке, одиноких людей, которые были разведены, и женатых людей. Чтобы защитить анонимность опрашиваемых, я использовала псевдонимы. Национальные различия не обсуждаются по двум причинам. Во-первых, я обнаружила, что типы трудностей, с которыми сталкиваются мужчины и женщины, удивительно похожи (что само по себе является открытием); во-вторых, раз уж все исследования предполагают сосредоточить выбор на определенных аспектах явления и не принимать в расчет другие, мой выбор состоял в том, чтобы сосредоточиться именно на том, что объединяет, а не разделяет переживания этих мужчин и женщин в различных национальных контекстах.

Глава 2

Великая трансформация любви или возникновение брачного рынка

«А зачем вы САМИ к нам никогда не зайдете? Отчего это, Макар Алексеевич?» Что же это вы пишете, родная моя? Как же я к вам приду? Голубчик мой, что люди-то скажут? Ведь вот через двор перейти нужно будет, наши заметят, расспрашивать станут, — толки пойдут, сплетни пойдут, делу дадут другой смысл. Нет, ангельчик мой, я уж вас лучше завтра у всенощной увижу; это будет благоразумнее и для обоих нас безвреднее.

*Федор Достоевский. Бедные люди*³³

...Это было в 1951 году... Какая девушка нашла бы парня «желанным» в Уайнсбургском колледже? Во всяком случае, мне никогда не доводилось слышать о подобных чувствах среди девушек Уайнсбурга, Нью-арка или где-либо еще. Насколько мне было известно, девицы не горели подобным желанием; их возбуждали ограничения, запреты и строгие табу, которые служили одной-единственной цели для большинства студенток (по крайней мере, для моих соучениц по Уайнсбургу): закрутить роман с надежным перспективным молодым человеком и свить с ним семейное гнездышко вроде того, которое они временно покинули из-за учебы в колледже, причем сделать это как можно скорее.

*Филипп Рот. Возмущение*³⁴

---

³³ Достоевский Ф. М. Бедные люди (1846).

³⁴ Рот Ф. Возмущение. NY: Houghton Mifflin, 2008. С. 58 [Roth P. Indignation. New York: Houghton Mifflin, 2008. P. 58].

Любовь издавна изображалась как переживание, подавляющее волю, как непреодолимая сила, неподвластная человеку. Тем не менее в этой и следующей главе я делаю заявление, которое, казалось бы, противоречит здравому смыслу: одним из наиболее плодотворных способов понять метаморфозы любви в эпоху модернизма является категория выбора. Это происходит не только потому, что любить — значит выделять одного человека среди других и таким образом формировать свою индивидуальность самым актом выбора объекта любви, но и потому, что любить кого-то — значит сталкиваться с вопросами выбора: «тот ли это человек?», «как мне узнать, подходит ли он мне?», «не встречу ли я со временем кого-нибудь более подходящего?». Эти вопросы относятся и к чувствам, и к выбору как к различающему типу действий. В той мере, в какой современная личность определяется собственными притязаниями на осуществление выбора — особенно в сфере потребления и в политике — любовь может помочь нам проникнуть в самую суть понимания социальной основы выбора в эпоху модернизма.

Выбор является определяющим культурным признаком современности, поскольку, по крайней мере, в экономической и политической сферах он воплощает в себе не только проявление свободы, но и два других компонента, оправдывающих ее проявление, а именно рациональность и независимость. В этом смысле выбор представляет собой одно из наиболее мощных культурных и институциональных направлений, формирующих индивидуальную сферу современной личности, он одновременно является и правом, и формой компетенции. Раз выбор присущ современной индивидуальности, то как и почему люди решают вступить или не вступить в отношения имеет решающее значение для понимания любви как опыта в эпоху модернизма.

Экономисты, психологи и даже социологи склонны думать о выборе как о естественном признаке проявления рациональности, своего рода фиксированном, инвариантном свойстве ума, определяемом как способность оценивать предпочте-

ния, последовательно действовать на основе этих иерархически упорядоченных предпочтений и делать выбор, используя наиболее эффективные средства. Тем не менее выбор далеко не простая категория и формируется культурой не менее, чем другими областями воздействия. Поскольку выбор подразумевает иерархию между рациональным мышлением и эмоциями и упорядоченность среди разного рода рациональных мыслей и эмоций, побуждающих его сделать, и так как он предполагает саму способность сделать выбор и наличие когнитивных механизмов, чтобы организовать этот процесс, можно сказать, что он сформирован и культурой и обществом, одновременно являясь достоянием окружающей среды и интеллекта человека¹.

Одна из главных трансформаций, которым подвергается любовь в эпоху модернизма, связана с самими условиями романтического выбора. Эти условия бывают двух видов. Один из них касается *экологии выбора* или социальной среды, которая заставляет сделать определенный выбор. Например, эндогамные правила являются очень хорошим примером того, как выбор может быть ограничен рамками социальной среды, где в качестве потенциальных партнеров выступают члены одной семьи или члены одной расовой или этнической группы. В качестве альтернативы этому сексуальная революция преобразовала экологию сексуального выбора, сняв значительное количество запретов на выбор сексуального партнера. Экология выбора, таким образом, может быть результатом либо целенаправленной и сознательно разработанной политики², либо

---

¹ Маркус Х. М., Китаяма С. Модели субъектности: Социокультурное разнообразие в формировании поведения. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. С. 1–58 [Markus H. M., Kitayama S. Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Construction of Action, in V. Murphy-Berman and J. Berman (eds), Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. P. 1–58].

² См.: Санстейн К. Р., Талер Р. Х. Подталкивание: улучшение решений по поводу здоровья, богатства и счастья. New Haven: Yale University Press, 2008 [Sunstein C. R., Thaler R. H. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale University Press, 2008].

незапланированной социальной динамикой и процессами, происходящими в обществе.

Но у выбора есть и другой аспект, который я предлагаю назвать *архитектурой выбора*³. Архитектура выбора связана с механизмами, которые являются внутренними для субъекта и формируются культурой: они касаются как критериев оценки какого-либо объекта (будь то произведение искусства, зубная паста или будущий супруг), так и способов самоконсультации, с помощью которых человек сверяется со своими эмоциями, знаниями и общепринятыми суждениями для принятия решения. Архитектура выбора состоит из ряда когнитивных и эмоциональных процессов и, что более важно, связана с тем, как эмоциональные и рациональные формы мышления оцениваются, воспринимаются и отслеживаются при принятии решения. Выбор может быть результатом сложного процесса самоконсультации и толкования альтернативных направлений или результатом «мгновенного» сиюминутного решения, но каждый из этих маршрутов имеет определенные культурные пути, которые еще предстоит осветить.

Наиболее ярко выражены шесть культурных компонентов архитектуры выбора. Во-первых, заставляет ли выбор задуматься об отдаленных последствиях принятых решений⁴, и если да, то что чаще всего приходит на ум или рисуется в воображении? Например, увеличение числа разводов, очевидно, привнесло новое понимание последствий брака при принятии решения жениться или выйти замуж. Предотвращение риска и предвосхищение сожаления, в свою очередь,

---

³ Эта концепция была сформулирована независимо от концепции Санстейна и Талера (см. предыдущее примечание) и означает нечто другое.

⁴ О примерах появления новых способов рассмотрения отдаленных последствий принятых решений см.: Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Oxford: Blackwell, 1969 [1939] [*Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Oxford: Blackwell, 1969 [1939]*]; Хаскелл Т. Л. Капитализм и истоки гуманитарной эмоциональности, ч. 1 и 2 // *The American Historical Review*. 90(2), (1985), 339–61 [*Haskell T. L. Capitalism and the Origins of the Humanitarian Sensibility, P. 1, 2 // The American Historical Review*. 90(2), (1985), 339–61].

могут стать отличительными чертами принятия некоторых решений (например, о браке), тем самым преобразуя сам процесс выбора. И наоборот, некоторые решения могут приниматься с учетом или без учета отдаленных последствий (например, финансовые волшебники с Уолл-Стрит до кризиса 2008 г., вероятно, прекрасно осознавали, как будут восприняты последствия их собственного выбора после финансового краха). Следовательно, являются ли последствия приоритетными в процессе принятия решений и что это за последствия, зависит от культуры.

Во-вторых, насколько формален сам процесс консультирования для принятия решений? Например, следует ли человек четким правилам или интуиции? Консультируется ли он с экспертом (оракулом, астрологом, раввином, священником, психологом, юристом, финансовым консультантом) или следует коллективному давлению и общественным нормам? Если человек обращается к специалисту, то что конкретно обсуждается в формальном процессе принятия решения: его будущее (как у астролога), закон, истинные неосознанные желания человека или его личные рациональные интересы?

В-третьих, какие способы самоконсультации используются для принятия решений? Можно полагаться на собственное интуитивное, привычное знание о мире, или, наоборот, проводить систематический поиск и оценку различных планов действий при наличии либо отсутствии ментальной карты доступных вариантов. Или можно принять решение после внезапного озарения. Например, современные мужчины и женщины все чаще занимаются самоанализом собственных эмоций, используя психологические модели для понимания их причин. Такие процессы самоконсультаций исторически и культурно различаются.

В-четвертых, существуют ли культурные нормы и методы, позволяющие не доверять нашим желаниям и потребностям и сомневаться в них? В христианской культуре, например, уже заложено недоверие к человеческим (сексуальным и иным) желаниям, тогда как потребительская культура, напротив, их

поощряет и рассматривает как законное основание выбора. Недоверие и сомнение, основанные на нормах культуры, (или же их отсутствие), вероятно, будут определять процесс и результат принятия решений.

В-пятых, каковы общепринятые основания для принятия решения? Являются ли рациональные или эмоциональные способы оценки законными обоснованиями выбора и в какой области выбора они, скорее всего, будут действовать? Например, покупка дома и выбор партнера по-разному регулируются рациональным познанием и эмоциями. Даже если на практике мы гораздо более «эмоциональны» на рынке недвижимости или более «рациональны» на рынке брака, чем нам хотелось бы признать, культурные модели эмоциональности и рациональности влияют на то, как мы принимаем и воспринимаем наши решения.

И, наконец, ценится ли выбор сам по себе? В этом плане современная культура потребления, основанная на правах человека, существенно отличается от предшествующих культур. Более того, на Тайване, например, в отличие от Соединенных Штатов ориентированность на какого-либо человека в процессе выбора партнера гораздо чаще основывается на факторах, не имеющих отношение к паре (социальные нормы, круг общения или обстоятельства)⁵. Сами категории выбора в этих двух культурах в корне различны.

То, что человек понимает под своими предпочтениями, не важно, воспринимает ли он их эмоционально, психологически или рационально, и способы анализа этих предпочтений

---

⁵ Чанг С. С., Чан Ч. Н. Изменение восприятия обязательства в процессе выбора партнера: Пример тайваньских молодоженов // *Journal of Social and Personal Relationships*. 24(1) (2007). 55–68 [Chang S. C., Chan C. N. Perceptions of Commitment Change during Mate Selection: The Case of Taiwanese Newlyweds // *Journal of Social and Personal Relationships*. 24(1) (2007). 55–68]. Аналогичный пример см.: Леманн Д., Зибзнер Б. Власть, границы и институты: брак в ультраортодоксальном иудаизме // *European Journal of Sociology*. 50(2). 2009. С. 273–308 [Lehmann D., Siebzehner B. Power, Boundaries and Institutions: Marriage in Ultra-Orthodox Judaism // *European Journal of Sociology*. 50(2). 2009. P. 273–308].

формируются на языке самой личности, что является основой архитектуры выбора⁶. Если когнитивные и эмоциональные механизмы, формирующие архитектуру выбора, исторически и культурно различаются, то современную личность можно успешно охарактеризовать условиями и способами, в которых делается выбор. В этой и следующей главе я попытаюсь охарактеризовать преобразования в экологии и архитектуре романтического выбора.

Характер и нравственная экология романтического выбора

Чтобы понять *differentia specifica*, т. е. характерную особенность сегодняшнего современного любовного выбора, я хочу продолжить *исходя из противоположного* и сосредоточиться на культурном прототипе, который достаточно современен, чтобы соответствовать образцам эмоционального индивидуализма, но весьма отличается от теперешнего, чтобы сделать более заметными соответствующие признаки, характеризующие наши собственные современные романтические подходы. Для проведения такого анализа я сосредоточусь на литературных текстах, поскольку они лучше всяких фактов формулируют культурные модели и типы идеалов. В частности, я выбрала литературный мир Джейн Остин, известной своим интересом к вопросам супружества, любви и социального статуса.

Я рассматриваю эти тексты не как исторические документы, повествующие о романтических практиках, а как культурные свидетельства формирования личности, морали и межличностных отношений в Англии в начале и середине

---

⁶ См.: Савани К., Маркус Х., Коннер А. Позволить предпочтениям стать вашим советчиком? Предпочтения и выбор более тесно связаны у североамериканцев, чем у индийцев // *Journal of Personality and Social Psychology*. 95(4). 2008. С. 861–876 [Savani K., Markus H., Conner A. Let Your Preference Be Your Guide? Preferences and Choices are More Tightly Linked for North Americans Than for Indians // *Journal of Personality and Social Psychology*. 95(4). 2008. P. 861–876].

XIX в. Таким образом, эти романы не используются в качестве доказательства исторической сложности брачных традиций в эпоху Регентства. Я также не намерена выделять многогранные аспекты сюжетов и персонажей Остин, что, несомненно, было бы предпочтительней при обычном литературном чтении ее романов. Мой собственный ограниченный подход оставляет без внимания многослойность и глубину ее текстов и предпочитает сосредоточиться на *системе* культурных допущений, формирующих матримониально-романтические традиции среднего класса, обсуждаемые в мире Остин. Джейн Остин, как известно, критиковала весьма распространенное корыстолюбие, которое управляло сватовством, и продвигала взгляд на брак, основанный на привязанности, взаимном уважении и чувствах (хотя и придерживающийся социально принятым норм). Но ее тексты интересны именно потому, что они предлагают осознанные размышления о браке с точки зрения классового подхода и об эмоциональном индивидуальном выборе, поскольку они предлагают «компромисс» между двумя этими формами действий и являются отправным пунктом для понимания культурной системы, в рамках которой формировались романтические чувства в Англии в начале и середине XIX в., т. е. дают представления о ритуалах, социальных нормах и институтах, ограничивавших выражение и проживание чувств.

В той мере, в какой литературные тексты содержат систематически закодированные культурные предположения — о самоидентичности, морали или ритуалах поведения, они могут помочь нам построить культурные модели, альтернативные нашим, — то, что социологи называют идеальными типами, которые в качестве контраста могут быть полезны для проведения анализа наших собственных романтических практик. Проводя параллели между культурной моделью Остин и фактической практикой ухаживания в средних и высших классах XIX в., я надеюсь понять некоторые элементы современной социальной структуры супружеских отношений. Подобно тому, как художники используют яркие фоновые цвета, чтобы подчеркнуть объекты, расположенные на переднем

плане картины, мир Остин используется здесь в качестве живописного полотна, чтобы лучше раскрыть социальную организацию и глубинную структуру создания романтических пар в современном обществе.

Таким образом, нижеследующий анализ освещает структурные тенденции и изменение культурных моделей, а не детальное исследование конкретных случаев.

Любовь персонажей, характер любви

В своем замечательном романе «Эмма» (1816 г.) Джейн Остин объясняет природу любви мистера Найтли к Эмме:

Она [Эмма] из-за беспечности или упрямства слишком часто пренебрегала его [Найтли] советами, или даже нарочно препиралась с ним, не замечая и половины его достоинств, и ссорилась с ним из-за того, что он не хотел признавать ее ошибочные и высокомерные суждения — но все же, по семейной привязанности, по привычке и по благородству души, он любил ее, как ни одно другое существо, наблюдая за ней с детских лет, исправляя и заботливо пытался наставить ее на путь истинный⁷.

Изложенное здесь видение любви исходит непосредственно из того, что мужчины и женщины XIX в. называли «характером». В отличие от давней западной традиции, которая представляет любовь как эмоцию, превосходящую способность здраво рассуждать и позволяющую слепо идеализировать объект любви, любовь Найтли в романе крепко связана с его пронизательностью и способностью разбираться в людях. Вот почему недостатки Эммы подчеркнуты не менее ее достоинств. Единственный человек, который любит Эмму, является единственным, кто видит ее недостатки. Любить человека — значит смотреть на него широко открытыми и все понимающими глазами. И, в отличие от того, что мы могли бы ожидать в настоящее время, такая способность разбираться в

---

⁷ Остин Дж. Эмма. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. С. 325 [Austen J. Emma. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. P. 325].

людях (и осознавать их недостатки) не влечет за собой никаких противоречивых чувств по отношению к Эмме. Напротив, благородство души позволяет мистеру Найтли прощать ее ошибки, распознать то, что позже окажется ее собственным душевным благородством⁸, и даже с пылом и страстью стремиться усовершенствовать ее характер. Понимание недостатков Эммы совсем не противоречит его полной преданности ей, поскольку оба эти чувства проистекают из одного и того же нравственного источника. Любовь Найтли сама по себе в высшей степени нравственна не только потому, что он делает объект своей любви подотчетным моральному кодексу, но и потому, что любовь к Эмме переплетается с его нравственным замыслом формирования ее ума. Когда он с волнением смотрит на нее, не вожделение обуравает им, а страстное желание видеть, что она поступает правильно. Это конкретное представление о любви говорит не об уникальной самобытности человека, которого мы любим, а о его способности соответствовать тем достоинствам, перед которыми мы (и другие) поклоняемся. Весьма интересно, что Эмма совсем не чувствует себя униженной или оскорбленной упреками Найтли, она принимает их. Более того, мы можем предположить, что она уважает и любит Найтли именно потому, что он единственный, кто требует от нее соблюдения нравственного кодекса, которому они оба привержены. Эмма настолько привержена этому нравственному кодексу, что она принимает то, что мы назвали бы сегодня нарциссическими ранами, нанесенными Найтли, и его вызов ее самолюбию во имя определения добродетели, которую она разделяет с ним. Быть любимой Найтли — значит получить от него вызов и принять этот вызов, отстаивая и его и ее собственные нравственные устои. Любить другого — значит любить все, что есть хорошего в нем и благодаря ему. Воистину, «в христианских и еврейских традициях... характер (или “совершенство” характера) определялся как согласованность добродетели и нравственной цели

---

⁸ *Остин Дж.* Эмма. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. С. 325 [Austen J. Emma. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. P. 325].

в сопровождении человека к благополучной жизни»⁹, и эта согласованность ожидалась во всех вопросах, включая сердечные. В отличие от концепции, воцарившейся с XVII в. (главным образом, во Франции), сердечная сфера здесь больше не подвластна сама себе. Прежде непонятная и необъяснимая для разума и нравственности, теперь она тесно связана с ними и ими же регулируется. Наконец, это любовь, которая вырастает из привязанности и привычки, далекая от сиюминутного влечения, характеризующего любовь с первого взгляда. Любовь воспринимается не как крушение или вторжение в чье-то существование. Скорее, она развивается со временем, в дружеских отношениях, благодаря тесному знакомству семей и взаимодействию в повседневной жизни. Знакомству такому близкому, что с современной точки зрения есть что-то смутно кровосмесительное в том, что Найтли наблюдал за Эммой с детских лет. Это любовь, в которой человек уже включен в чью-то повседневную жизнь и имеет достаточно возможностей наблюдать за жизнью этой семьи, узнавать и испытывать характер другого человека с течением времени. Как выразился Джеймс Хантер, «характер... противостоит беспринципности»¹⁰. Метафора, которую использует Кьеркегор: «характер отчеканен в человеке»¹¹. Поскольку все зависит от характера, любовь здесь не внезапное происшествие, а событие, подготовленное временем, вписанное в *Longue durée* (долговечность).

Случись подобная любовь в настоящее время, чувства Найтли к Эмме, вероятно, назвали бы покровительственными и контролирующими и рассматривали бы «характер» или «добродетель» как кодовые слова для патриархального контроля над женщинами. Но подобная интерпретация должна была бы пренебречь удивительной *souveraineté* (самостоятельностью) героинь Джейн Остин в вопросах любви. Такая

---

⁹ Хантер Дж. Смерть персонажа: Нравственное воспитание в эпоху отсутствия добра и зла. NY: Basic Books, 2000. С. 21 [*Hunter J. D. Death of Character: Moral Education in an Age without Good or Evil. New York: Basic Books, 2000. P. 21*].

¹⁰ Там же. P. 19.

¹¹ Там же.

самостоятельность является характерной особенностью ее женских персонажей, ключ к разгадке которой можно найти в глубоких культурных предположениях, формирующих личность этих женщин. Почему Элизабет Беннет, героиня книги «Гордость и предубеждение» (1813 г.), принимает высокомерные и пренебрежительные суждения Дарси о ее внешности («она вполне сносна; но недостаточно привлекательна, чтобы соблазнить меня...»¹² (курсив мой. — Автор)) без уныния и чувства унижения, а достойно и с юмором? Потому что его презрение не влияет на ее чувство собственного достоинства и самооценку. Несмотря на то, что Дарси является самой привлекательной перспективой брака, доступной в ее непосредственном окружении, Элизабет полностью контролирует свои чувства, позволяя им проявляться только тогда, когда он начинает соответствовать ее видению и пониманию любви.

Энн Эллиот, главная героиня книги «Доводы рассудка» (1818 г.), узнает, что капитан Уэнтуорт, не видевший ее девять лет, считает, что красота ее утрачена. Энн все еще влюблена в Уэнтуорта, но вместо того, чтобы отчаяться, как мы бы ожидали, она «обрадовалась, услышав [эти слова]. Они действовали отрезвляюще; они унимали волнение; они успокаивали и, следовательно, должны были сделать ее счастливее»¹³. Трудно себе представить, что в подобной ситуации женщина не только не потеряла самообладание, а почувствовала радость от того, что некогда влюбленный в нее человек находит ее менее привлекательной.

И последний пример — Элинор Дэшвуд, героиня романа «Разум и чувства» (1811 г.), влюблена в Эдварда Фэррарса. Только после того, как Элинор влюбилась в него, она узнает, что он тайно обручен с другой женщиной, Люси. Когда позже ей сообщают, что Эдвард не разорвал помолвку с Люси (а значит,

---

¹² Остин Дж. Гордость и предубеждение. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010 [1813]. С. 40 [Austen J. Pride and Prejudice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010 [1813]. P. 40].

¹³ Остин Дж. Доводы рассудка. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. С. 54 [Austen J. Persuasion. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. P. 54].

собирается жениться на ней), она радуется *его* нравственной красоте, поскольку нарушение обещания, данного другой, сделало бы его морально недостойным. Очевидно, что верность Элинор своим нравственным принципам превалирует над ее любовью к Эдварду, точно так же, как его помолвка с Люси должна превалировать над его чувствами к Элинор. Найтли, Уэнтуорт и Энн Эллиот не ведут себя так, будто существует противоречие между их чувством морального долга и страстью. И, действительно, в их поведении нет никакого противоречия, поскольку каждый из них представляет собой «целостную личность»¹⁴. Иными словами, невозможно отделить нравственное от эмоционального, поскольку именно нравственные устои формируют эмоциональную жизнь, которая в результате также имеет здесь и общественную значимость.

С точки зрения современной чувствительности и уязвимости героини Джейн Остин не только необыкновенно самоуверенны, но и странным образом далеки от необходимости, как бы мы сейчас сказали, самоутвердиться перед своими поклонниками. Возьмем, например, реакцию Энн на замечание Уэнтуорта о ее утраченной красоте. Создается впечатление, что их самооценка гораздо меньше зависит от мужского взгляда, чем самооценка современных женщин (см. главу 4). Учитывая состояние правовой зависимости и лишения женщин избирательных прав в то время, подобное поведение может показаться удивительным. Это загадочное явление можно легко объяснить: ответ заключается именно в характере героинь Остин, т. е. в их способности формировать свое внутреннее и внешнее «я» для нравственной цели, превосходящей их желания и интересы. Ощущение внутреннего «я» и самооценка не даруется им кем-либо, а проистекают из их способности распознавать и выполнять моральный долг, почти осязаемый. С этой точки зрения, внутренняя ценность

---

¹⁴ Кокшат А. О. Дж. Мужчина и женщина: Любовь и литературный роман. Исследование. Oxford: Oxford University Press, 1978. С. 67 [Cockshut A. O. J. Man and Woman: A Study of Love and the Novel, 1740–1940. Oxford: Oxford University Press, 1978. P. 67].

обусловлена именно их способностью обуздывать личные желания и сознавать безукоризненность претворения в жизнь их моральных принципов, как ими самими, так и другими, как в любви, так и в других делах. По сути, характер заключается именно в совпадении желания и нравственной цели. Таким образом, характер — это своего рода воплощение ценностей, исповедуемых этими женщинами. Он базируется не на основном, онтологическом, определении личности, а на перформативном: по сути своей он должен быть на виду, чтобы остальные засвидетельствовали его существование и одобрили его; он заключается не в уникальном психологическом состоянии или ощущении (или, по крайней мере, не так явно), а в деяниях; речь идет не об уникальности и неповторимости личности, а скорее, о способности проявлять всеми узнаваемые и проверенные добродетели. Таким образом, характер — это не столько сфера внутреннего «я», сколько способность соединять свои глубинные ценности с общественной сферой ценностей и норм. Он требует, чтобы личность зависела от репутации и чести, регулируемых публичными правилами поведения, а не столько от личной эмоциональной «оценки», даруемой одним конкретным человеком. В контексте любви и ухаживания характер определяет тот факт, что оба влюбленных черпают ощущение ценности своей личности непосредственно из их способности принимать нравственные кодексы и идеалы, а не из одобрения, дарованного объектом их любви. И ценность женщины, судя по всему, устанавливается совершенно независимо от одобрения или неодобрения поклонника. В этой нравственной экономике и поклонник, и женщина знают, кто они, какова их социальная и моральная ценность, и именно это знание создает их взаимную любовь (см. главу 4 для сравнения). Очевидно, что выбрать партнера им помогут влечение, симпатия или любовь. Но выбор совершается в соответствии с ранее существовавшими моральными кодексами и социальными правилами, и именно от способности успешно применять эти кодексы влюбленные и получают ощущение ценности. В этом смысле значимость, которую они

придают друг другу, если и не полностью объективна, то, по крайней мере, имеет объективные корни.

Но предположение о том, что сущность этих женщин объясняется их характером, вызывает еще один вопрос: что создает условия такому разделению внутренней ценности и процесса ухаживания?¹⁵ Будет тавтологией утверждать, как это делают некоторые философы и социологи — сторонники коммунитаризма, что характер отражает предрасположенность людей и что он заключается в способности иметь собственное чувство значимости, но возникает еще один вопрос — как это происходит. Вопреки несколько наивному мнению о том, что характер состоит из внутренней предрасположенности, которая, в свою очередь, объясняет способность придерживаться общественных моральных кодексов, я полагаю, что способность извлекать чувство собственной ценности из моральных кодексов и проявление нравственного облика становятся возможными благодаря ряду *социальных*, а не психологических или моральных механизмов. Характер — это не просто набор внутренних установок и свойств ума, обусловленных результатом прямого усвоения нравственных норм. Скорее всего, разнообразные характеры формируются благодаря определенным социальным механизмам, и, в частности, благодаря интеграции эмоций во всеобщую экологию выбора. В то время как философ или историк довольствуются тем фактом, что любовь переплетается

---

¹⁵ Понятие характера следует отличать от утверждения Вармана о том, что в XVIII в. существовал «старый режим» идентичности, который позднее преобразовался в современную личность с уникальным внутренним миром. В его концепции, насколько я понимаю, «старым режимом» является широкое культурное понимание идентичностей как «пустотелых» или как недостаток внутренней сущности, «игру поверхностей без реальной субстанции, эталона или истинной ценности». См.: Варман Д. Создание современной личности: Идентичность и культура в Англии восемнадцатого века. New Haven: Yale University Press, 2004. С. 207 [Wahrman D. The Making of the Modern Self: Identity and Culture in Eighteenth-Century England. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 207]. В противоположность этому, понятие характера, которое я обсуждаю, имеет более устойчивую сущность, даже если оно должно быть перформативно проявлено и подтверждено.

с моральными принципами, для социолога именно этот факт нуждается в объяснении. Как любовь и нравственность переплетаются друг с другом, т. е. какие социальные механизмы позволяют использовать любовь для формирования нравственного замысла личности? По моему мнению, то, что мы называем нравственной личностью и нравственными чувствами, заключается в особой *экологии и архитектуре выбора*, где существует высокая степень соответствия между частным и общественным выбором и где личные эмоции выражаются личностью как единицей общества. Нет никакого сомнения, что персонажи Остин имеют глубокий внутренний мир, но он сильно отличается от нашего, поскольку он стремится соответствовать миру общественному с его ритуалами и ролями. Какие социальные механизмы обеспечивают такое соответствие, нам еще предстоит уточнить.

Ухаживание и сватовство как социальная сеть

Как и другие романы Остин, «Эмма» показывает, что ухаживание являлось процессом, которым руководили родственники и соседи. Смысл здесь не в том, что подобный надзор осуществлялся под их контролем и ограничивал выбор, хотя, очевидно, так и было. Скорее, смысл в том, что ухаживание превратилось в деятельность, где личность женщины самым естественным образом была опутана защитной сетью ее социальных и родственных связей. В процессе ухаживания и сватовства, описанном Остин (и многими другими романистами), тщательно изучается не столько женщина, сколько мужчина. Мужчина совершает свои ухаживания под бдительными взглядами окружающих и, следовательно, оказывается рядом с женщиной «посредством» разнообразных социальных отношений. Как отмечает литературный критик Джеймс Вуд, в «Разуме и чувстве» нам говорят, что Элинор «решила не только выяснить все подробности его [Уиллоби] характера, какие только могут дать ей собственная ее наблюдательность и сведения, полученные от других, а также проследить за его

поведением по отношению к ее сестре...»¹⁶ Знать человека — часто означало видеть его глазами других. Молли Дорси Сэнфорд, проживавшая на границе в Колорадо, писала в своем дневнике в 1860 г.: «Бабуля вбила себе в голову, что он мой возлюбленный, и... я и сама в это поверила. Я узнала сегодня, когда он пришел, а я так долго его не видела, что он многое значит для меня»¹⁷. Любовь стала для Молли откровением благодаря ее бабушке; и такое откровение обусловлено тем, что возлюбленный стал частью ее повседневной жизни и ее отношений с семьей. Подобное глубокое знание потенциального супруга было необходимо для того, чтобы обрести уверенность в социальной и психологической совместимости двух людей. Например, в «Доводах рассудка» Энн Эллиот находится под сильным влиянием Леди Рассел, которая считает ее первую настоящую (и единственную) любовь, капитана Уэнтуорта, неподходящим. Наша современная сентиментальность может только посочувствовать тому, что эта отрицательная оценка заставила Энн отказаться от объекта своей любви. Но если взглянуть с другой токи зрения, Леди Рассел хотела лишь защитить Энн, поскольку надежная защита личности молодой девушки была заложена в самой сути родственных отношений. И, действительно, Остин демонстрирует нам ограниченность этой системы, предполагая, что социальная среда Энн не способна отличить социальный статус от внутренней ценности. Тем не менее Энн и читатель обретают уверенность в своих суждениях о Уэнтуорте только благодаря тому, что у них было много возможностей удостовериться в них. Безусловно, ухаживание и сватовство как в Англии, так и в Соединенных Штатах часто влекли за собой процесс проверки притязаний и рекомендаций поклонников. «[Ухаживание]

---

¹⁶ Вуд Дж. Внутренний мир Мистера Шепарда // London Review of Books. 26(21). 2004, С. 41–43 [Wood J. Inside Mr Shepherd // London Review of Books. 26(21). 2004. P. 41–43].

¹⁷ Сэнфорд М. Д. Молли: Дневник Молли Дорси Сэнфорд в Небраске и на Территории Колорадо. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. С. 57 [Sanford M. D. Mollie: The Journal of Mollie Dorsey Sanford in Nebraska and Colorado Territories, 1857–1866. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. P. 57].

было игрой, полной обмана, коварства и оболъщения. И, разумеется, необходимо было раскрыть этот обман и убедиться, что “другой” действительно является тем человеком, который на многие годы останется самым близким другом»¹⁸.

Такой тщательный мониторинг проиллюстрирован методами, с помощью которых потенциальные родственники очередного поклонника проводили проверку его репутации. Например, прежде чем снискать благосклонность Оливии Лэнгдон и сделать ей предложение, Сэмюэл Клеменс (известный нам как Марк Твен) должен был по требованию ее семьи предоставить рекомендательные письма, подтверждающие его надежность. После того, как все завершилось, Клеменс мог смело сказать:

Думаю, все мои рекомендации говорят о том, что я никогда не делал ничего плохого, подлого или преступного. Что двери, открытые для меня семь лет назад, остаются открытыми и по сей день; что все друзья, которых я обрел за семь лет, все еще являются моими друзьями; что я всегда могу вернуться туда, где я бывал раньше, не скрываясь, с высоко поднятой головой¹⁹.

Этот пример показывает нам, что в процессе ухаживания и сватовства личность женщины была скована узами тесных родственных связей, игравших активную роль в процессе оценки потенциального жениха и создании с ним супружеских отношений. Поскольку в решении этой социальной задачи участвовали многие из окружения женщины, ее мнение полностью отражало их умозаключения и ее чувства по отношению к мужчине формировались исходя из мнения окружающих о нем. Переплетение эмоций и здравого смысла, сокровенных чувств и коллективных суждений подразумевало, что, любя

---

¹⁸ Макфарлейн А. Брак и любовь в Англии: Продолжение рода, 1300–1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. С. 294 [MacFarlane A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300–1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 294].

¹⁹ Харрис С. Сватовство Оливии Лэнгдон и Марка Твена. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. С. 72 [Harris S. The Courtship of Olivia Langdon and Mark Twain. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 72].

кого-то и, в конечном счете, принимая решение о возможном супружестве, каждый неизменно погружался во вселенную нравственных норм и табу, существовавших в обществе, и романтическая связь оказывалась затянутой в пучину обязательств перед другими. Мужчины и женщины не принадлежали самим себе, их сознание находилось под властью хранителей моральных и социальных норм²⁰. Такое положение дел существовало вплоть до XIX в.

Общепризнанные и негласные правила

Ухаживание в мире Остин регулируется мириадами скрытых правил. Люди, далекие от социологии, склонны рассматривать правила как ограничения. Но для социологов правила также являются благоприятной средой, в которой субъекты взаимодействуют друг с другом, строят планы относительно друг друга и, преодолевая трудности, ищут пути соприкосновения²¹. Ритуалы — это набор определенных правил для того, чтобы вступить в отношения или выйти из них, они подобны четко налаженному пути, проторенному в дебрях возможностей. Они предвосхищают то, что может и должно произойти дальше²². Иными словами, ритуалы являются мощным

---

²⁰ Это относится и к беднейшим слоям населения, которые не владели землей или владели ее малым количеством для брачного обмена. Действительно, в своем исследовании лечения различных форм стрессовых переживаний врач / астролог начала XVII в. Майкл Макдональд предполагает, что послушание родителям и стандартам сообщества, даже если не всегда соблюдалось на практике, всегда подразумевалось или выдвигалось на передний план при решении молодых людей вступить в брак. См.: *Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 96–97 [*MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 96–97].

²¹ *Гидденс А. Построение общества: Основные принципы структурирования.* Cambridge: Polity Press, 1986 [*Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration.* Cambridge: Polity Press, 1986].

²² В своем романе «На берегу» Иэн Макьюэн изображает супружескую пару в первую брачную ночь перед долгожданным и устрашающим половым актом. Эта брачная ночь, закончившаяся полным фиаско (брак оказался

символическим инструментом устранения беспокойств, порождаемых неопределенностью. Таким образом, в XIX в. среди имущих классов существовали если не строго соблюдаемые правила, то, по крайней мере, кодексы и ритуалы поведения, устанавливающие определенную последовательность романтических отношений, которые необходимо было соблюдать для того, чтобы мужчины и женщины оказались достойными друг друга.

Приглашение в гости было одним из таких ритуалов. Пригласить можно было только в дом к девушке (когда она была все еще достаточно молода, чтобы называться девушкой), поэтому мужчине считалось неуместным проявлять инициативу в этой ситуации. Мужчина мог показать девушке, что она ему нравится, но это была «привилегия» девушки — пригласить мужчину ее навестить²³. Практика подобных приглашений среди представителей среднего класса позволяла женщине и ее родителям самим контролировать процесс ухаживания и сватовства²⁴, и этот контроль не оспаривался. Кроме того, если на званом вечере джентльмен был представлен даме с целью приглашения на танец, он не мог по привычке возобновить с ней знакомство на улице. Их должен был вновь представить друг другу какой-нибудь общий знакомый, и только дама могла позволить их общению возобновиться. Что крайне важно, после проведения ритуала знакомства ухаживание продвигалось в плавной последовательности, пары сначала

незавершенным), и является предлогом для рассказчика размышлять о переходе к «новой» сексуальной морали от пропитанной ритуалами «старой» морали: «Даже когда Эдвард и Флоренс остались одни, они вынуждены были подчиняться тысячам негласных правил. Именно потому, что они были взрослыми, они не могли поступить как дети, не могли отказаться от ужина, к приготовлению которого было приложено столько сил. Ведь столы были уже накрыты». См.: *McEwan I. On Chesil Beach*. New York: Vintage, 2008. P. 8.

²³ Кунц С. История брака: Победа любви. NY: Viking, 2005. С. 199 [Coontz S. *Marriage, a History: From Obedience to Intimacy or How Love Conquered Marriage*. New York: Viking, 2005. P. 199].

²⁴ Одна из причин может заключаться в том, что, по крайней мере, до Гражданской войны в Америке мужчины превосходили женщин по численности в большинстве областей.

беседовали, затем вместе прогуливались и, наконец, устанавливали близкие отношения, как только их взаимная симпатия подтверждалась. Иными словами, эмоциональная вовлеченность тщательно контролировалась, поскольку она должна была следовать выверенному ритуальному порядку.

В этом романтическом ритуальном порядке эмоции следовали за действиями и заявлениями (или тесно с ними сочетались), но не были, строго говоря, предпосылкой для них. Я называю эту организацию эмоций *режимом перформативности эмоций*, т. е. режимом, в котором эмоции индуцируются ритуальными действиями и выражениями чувств. Отчасти наши эмоции всегда вызваны эмоциями других²⁵. Но в романтическом общении возникает проблема взаимности, которая имеет здесь решающее значение, ведь, открывая свои чувства, человек рискует увидеть их безответными. В перформативном режиме эмоций после выполнения определенных ритуалов поведения и разгадывания их смысла человек не только раскрывает свои чувства, но и обретает их. Таким образом, это процесс постепенный, возникающий благодаря оказанию соответствующих знаков внимания и применению законов любви. Это результат едва заметного обмена знаками и сигналами между двумя людьми. При подобном режиме один из партнеров вызывает эмоции у другого, и эта социальная роль выпала мужчине. В перформативном режиме эмоций женщина не была и, возможно, не могла быть ошеломлена и поражена объектом любви; процесс ухаживания следовал определенным правилам обручения, благодаря которым женщина постепенно вовлекалась в более близкие и прочные отношения. Она откликалась на чувства и эмоции, модели выражения которых были хорошо отрепетированы.

---

²⁵ Reddy У. М. Эмоциональная свобода: Политика и история в антропологии эмоций // *Cultural Anthropology*. 14(2). 1999. С. 256–288 [Reddy W. M. Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // *Cultural Anthropology*. 14(2). 1999. P. 256–288]; Reddy У. М. Против конструктивизма: историческая этнография эмоций // *Current Anthropology*. 38(3). 1997. С. 327–351 [Reddy W. M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 38(3). 1997. P. 327–51].

Изучая методы ухаживания в XIX в., историк Эллен Ротман цитирует Элизу Саутгейт, которая пишет: «Женщина не могла себе позволить даже подумать о том, что она может полюбить кого-то, прежде чем сама обнаружит привязанность к ней». Ротман продолжает: «Женщине следовало подождать, чтобы удостовериться, что ее чувства взаимны, прежде чем признаваться в них даже самой себе»²⁶. Тот факт, что любовь была превращена в церемониал, защищал женщин от царства эмоций, которые могли их погубить. На самом деле все в романе «Разум и чувства» как раз и сводится к вопросу о *плавной последовательности*, с которой следует действовать в сердечных делах. Элинор отнюдь не проповедует разум против страсти; скорее, она воплощает и защищает ритуальную версию любви, в которой сильные чувства раскрываются и выражаются только после того, как они осуществляются в надлежащей последовательности: сначала влечение, затем ухаживания и взятие обязательств. В ритуальной версии любви эмоция подтверждает обязательство так же, как обязательство подтверждает эмоцию. То есть, несмотря на то, что вопросы об искренности и истинных чувствах, безусловно, присутствуют в перформативном/ритуализованном романтическом порядке, они часто вытесняются заботой о правильной последовательности эмоций: «Как только мужчина получал достаточно одобрения от девушки, за которой ухаживал, считалось подходящим, чтобы он попросил согласия отца, прежде чем сделать предложение... Женщине следовало ждать, пока мужчина признается ей в любви, прежде чем раскрыть ему свои истинные чувства»²⁷.

Этот режим контрастирует с *режимом эмоциональной искренности*, которой пронизаны современные отношения. Искренность требует, чтобы партнеры осознавали свои эмоции; чтобы они руководствовались чувствами, которые затем

---

²⁶ Ротман Э. К. Руки и сердца: История сватовства и ухаживания в Америке. NY: Basic Books, 1984. С. 34 [Rothman E. K. Hands and Hearts: A History of Courtship in America. New York: Basic Books, 1984. P. 34].

²⁷ Ялом М. История жены. NY: HarperCollins, 2001. С. 206 [Yalom M. A History of the Wife. New York: HarperCollins, 2001. P. 206].

станут основными составляющими их отношений; чтобы они признавались в своих чувствах самим себе (и желательно другим) и чтобы они принимали решения о совместной жизни и связывали себя дальнейшими обязательствами на основе этих чувств. Режим эмоциональной искренности заставляет людей тщательно анализировать свои и чужие эмоции для того, чтобы определиться с важностью, глубиной и будущей значимостью отношений. «Действительно ли я люблю его, или это просто вожделение?», «Если я люблю его, насколько глубока, сильна и подлинна моя любовь?», «Здоровая эта любовь или эгоистичная?» — подобные вопросы возникают в процессе искренней любви. В традиционных обществах, напротив, «искренности нет места в лексиконе человеческих идеалов. Здесь люди довольствуются теми жизненными возможностями, которые предоставляет им их социальная система: высшим благом для них... является выполнение определенной социальной функции»²⁸. Искренность предполагает существование реальной (эмоциональной) онтологии, которая определяет бытие и существует вне правил, организующих и направляющих выражение и переживание чувств вообще и любви в частности. В режиме искренности обязательство не предшествует, а следует за эмоциями, которые испытывает человек и которые становятся дополнительным стимулом для взятия на себя обязательств. Таким образом, для обретения уверенности в своих чувствах режим искренности требует от человека: либо провести тщательный самоанализ, когда вопрос о природе и «истинных» причинах эмоций становится решающим для человека; либо, наоборот, подвергнуться ошеломляющему откровению, которое проявляется очень интенсивно (например, любовь с первого взгляда). Самоанализ предполагает, что рефлексивное самопознание поможет понять истинную природу наших эмоций; снизошедшее откровение предполагает, что

---

²⁸ Берман М. Политика подлинности: радикальный индивидуализм и становление современного общества. NY: Atheneum, 1970. С. XIX [Berman M. The Politics of Authenticity: Radical Individualism and the Emergence of Modern Society. New York: Atheneum, 1970. P. XIX].

глубина и безрассудность являются подлинным показателем истинных чувств. Эти два способа установить подлинность романтических чувств существуют бок о бок в современной культуре и, если следовать им, приводят к романтической связи, которая зависит не столько от ритуальных правил, сколько от эмоциональности внутреннего мира.

Семиотическая последовательность

Центральное место в перформативном режиме эмоций занимает важнейшее социальное правило, согласно которому действия человека соответствуют его намерениям. Например, руководство по этикету 1879 г. предлагало такие инструкции:

Поведение джентльмена по отношению к дамам. Господа имеют право приглашать своих приятельниц в оперу, на концерты, на балы и т. д., приходить с визитом к ним в дом, сопровождать их верхом или в экипаже и быть любезными со всеми барышнями, которым приятно их общество. В сущности, они вольны приглашать и принимать приглашения *Ad libitum* («по желанию», «по собственному усмотрению» — *лат.*) Однако, как только молодой джентльмен начинает пренебрегать всеми остальными, чтобы посвятить себя лишь одной даме, он дает ей понять, что она особенно привлекает его, и дает ей все основания полагать, что она должна обручиться с ним, не говоря ей об этом прямо. Джентльмен, который не задумывается о браке, не должен уделять слишком много внимания какой-либо одной даме²⁹.

Этот моральный порядок был, по существу, подкреплен семиотическим порядком, в котором действия партнеров должны были отражать не только их эмоции, но и намерения. Как наглядно показано в романе «Разум и чувства», несоответствие между словами и действиями с одной стороны и намерениями с другой считалось источником морального и социального крушения (проблема Уиллоби не в отсутствии эмоций,

---

²⁹ Янг Дж. Х. Наши манеры. Charleston, SC: BiblioBazaar, 2008 [1879]. С. 155 [Young J. H. Our Department. Charleston, SC: BiblioBazaar, 2008 [1879]. P. 155].

поскольку он любил Марианну, а, скорее, в том, что в его поведении *ничего не говорило* о его настоящих намерениях). Адекватный в нравственном отношении поклонник стремился к максимальной согласованности между внешними действиями и внутренними намерениями. Возьмем еще один пример того, как достойные в нравственном отношении персонажи стремились к такому соответствию: в «Доводах рассудка» Уэнтуорт, считая себя нелюбимым Энн, оказывает знаки внимания Луизе. Однако по мере развития сюжета, читатель и сам Уэнтуорт приходят к пониманию того, что он все еще любит Энн и хочет остаться верным ей. Но, так как его поведение создает впечатление, что он ухаживает за Луизой, Уэнтуорт считает необходимым покинуть город, в котором временно поселился. «Словом, он слишком поздно обнаружил, что запутался; и точно так же, как он полностью убедился в том, что совсем не любит Луизу, он был убежден и в том, что должен считать себя связанным с ней, если ее чувства к нему были такими, как предполагали Харвиллы»³⁰. Поскольку процесс ухаживания в то время был очень хорошо систематизирован, а знаки, которые он оказывал, не соответствовали его чувствам, Уэнтуорт, начав ухаживать и не сделав того, что было предусмотрено системой, осознал, что совершил бесчестный поступок. К таким знакам относились очень серьезно, особенно в кругу английских дворян. Неудивительно, ведь эти коды пересекали Атлантику.

В своем анализе методов ухаживания среди Бостонской элиты Тимоти Кенсли обсуждает «Союзиц», группу молодых женщин, много думавших и говоривших о практике ухаживания. В этой группе «преждевременный жест или выражение, или даже неуместный тон голоса могли быть истолкованы как обещание взять на себя обязательства, хотя ничего подобного и не предполагалось»³¹.

---

³⁰ *Остин Дж.* Доводы рассудка. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. С. 195 [*Austen J.* Persuasion. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. P. 195].

³¹ *Кенсли Т.* Влюбленные Седжвики: Ухаживание, помолвка и брак в Ранней республике. Boston: Northeastern University Press, 2006. С. 7 [*Kenslea T.* The Sedgwicks in Love: Courtship, Engagement, and Marriage in the Early Republic. Boston: Northeastern University Press, 2006. P. 7].

Детальная кодификация любовных ритуалов имела одну основную цель: избежать неопределенности или уменьшить ее, тесно связав область эмоций с четкой системой знаков. Эмоции обуславливали знаки и были сами обусловлены ими в том смысле, что появление достаточного количества знаков порождало эмоции как в исполнителе ритуала, так и в получателе, и наоборот. Такая детальная систематизация и ритуализация знаков и чувств, вероятно, и создали строго регулируемую эмоциональную динамику постепенно возрастающей взаимности, т. е. плавную последовательность выражения чувств, которые, в свою очередь, порождали новые чувства как в другом, так и в себе и провоцировали их дальнейшее ритуальное выражение.

Практическая заинтересованность как страсть

В прошлом сватовство воспринималось очень серьезно, поскольку оно было самой значительной экономической операцией в жизни многих людей, особенно в жизни женщины, так как ее имущество переходило к мужу после вступления в брак. Это имело три важных последствия.

Во-первых, независимо от того, какие эмоции испытывал человек, они были организованы в рамках социальных и экономических интересов. Общепринятая точка зрения как в социологии, так и за ее пределами, гласит, что действие в своих интересах несовместимо со страстью. С другой стороны, по моему убеждению, интересы не только не противоречат страсти, но и дают толчок к ее активизации и поддержанию. Как предполагает экономист Роберт Франк, эмоции играют решающую роль в подтверждении нашей приверженности собственным интересам и в осуществлении надлежащих действий по их защите. «Страсть часто очень даже неплохо служит нашим интересам!» — пишет он³². Что делало эмоции в романах Остин особенно интенсивными, так это то, что они были четко ориентированы и на здравый смысл, и на интерес, которые,

---

³² Франк Р. Страсти в нашем разуме: Стратегическая роль эмоций. NY: Norton, 1988. С. 4 [Frank R. H. Passions within Reason: The Strategic Role of the Emotions. New York: Norton, 1988. P. 4].

в свою очередь, действовали как мощные катализаторы эмоций. Это замечание можно обобщить и распространить на другие классы: поскольку брак имел решающее значение для экономического выживания, он породил эмоциональные структуры обязательств. Это порядок, в котором страсть и интерес, будучи теоретически разделенными, могут взаимно усиливать друг друга: презрение (в случае с Дарси) или любовь (в случае Эммы и Найтли), например, служили инструментом для поддержания классовой эндогамии (заключение браков между лицами одной и той же общественной группы).

Вторым последствием вовлечения брака в экономические интересы является то, что предложение о браке часто отклонялось или принималось в зависимости от социального положения или наличия состояния. В семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках «родители, как правило, отвергали будущих мужей из-за того, что они были недостаточно богаты»³³. Если в системе ухаживания, которую описывает Остин, личность как носитель самоидентичности и ценности менее уязвима, чем у современных людей, это потому что она *априори* обладает статусом, используя терминологию французского антрополога Луи Дюмона³⁴. На самом деле, персонажи, которых Остин представляет как лишенных чувства социального места, — это персонажи, постоянно страдающие от унижений и находящиеся на грани смешного или безнравственного (например, Харриет Смит в «Эмме» или Уильям Эллиот в «Доводах рассудка»). В романтическом порядке, описанном Остин, счастьем в любви обладают только те, кто знает свое социальное место, не претендует на большее, но и не стремится к меньшему. Иначе говоря, поскольку критерии классификации людей были известны и понятны всем и так как решение о вступлении в брак

---

³³ Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 94 [MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 94].

³⁴ Дюмон Л. Homo Hierarchicus: опыт описания системы каст. Chicago: University of Chicago Press, 1970 [1966] [Dumont L. Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications. Chicago: University of Chicago Press, 1970 [1966]].

явно основывалось (по крайней мере, частично) на социальном статусе, то отказ претенденту в заключении брака не зависел от внутренней сущности личности, а только от ее положения. Когда саму Остин попросили больше не встречаться с Томом Лефроем, который ухаживал за ней и которого она, очевидно, любила, она приняла вердикт без каких-либо возражений, поскольку знала, что оба они испытывают недостаток в деньгах. Когда предложение философа Томаса Карлайла в первый раз было вежливо отвергнуто Джейн Уэлш, он мог — и фактически так и сделал — связать ее отказ с его сомнительными финансовыми перспективами, а не с его личностью или привлекательностью. В противоположность этому, когда личность становится сущностной³⁵, когда любовь определяется как обращение к самой сокровенной сущности человека, а не к его классу и положению, любовь становится оценкой значимости человека, а отказ — отрицанием ценности его личности (см. главу 4).

Наконец, преобладание экономических соображений в процессе ухаживания и сватовства в прошлом также означает, что способы оценки были более «объективными», т. е. они опирались на (более или менее) объективный статус и ранг потенциального партнера, известный и принятый его или ее социальным окружением. Таким образом, приданое женщины определяло ее ценность на брачном рынке. «Приданое было самым важным фактором в привлекательности молодой женщины как потенциальной невесты, и, следовательно, влияло на ее будущее»³⁶. Приданое играло ключевую роль в даровании статуса и формировании союзов. «Размер приданого указывал на социальное и экономическое положение невесты»³⁷. В большинстве случаев даже женщины, не имевшие прямого контроля над

---

³⁵ Варман Д. Создание современной личности: Идентичность и культура в Англии восемнадцатого века. New Haven: Yale University Press, 2004 [*Wahrman D. The Making of the Modern Self: Identity and Culture in Eighteenth-Century England. New Haven: Yale University Press, 2004*].

³⁶ Каплан М. Брачная сделка: Женщины и приданое в европейской истории». NY: Harrington Park Press, 1985. С. 2 [*Kaplan M. The Marriage Bargain: Women and Dowries in European History. New York: Harrington Park Press, 1985. P. 2*].

³⁷ Там же. С. 4.

своим приданым, могли требовать его в случае разрыва супружеских отношений или развода, что, по мнению Марион Каплан, могло препятствовать «мужскому непостоянству и защитить женщин»³⁸. Тот факт, что приданое играло важную роль в выборе партнера, означает, что привлекательность женщины в качестве невесты была основана на «объективных» критериях, т. е. критериях, не зависящих от уникальности личности. Эмма, героиня Джейн Остин, которая пытается сосватать свою подругу Харриет Смит викарию Элтону, социальному карьеристу, виновата не в том, что недооценила внешность или характер Харриет, а в том, что недооценила ее *объективную* совместимость со стремлениями Элтона двигаться вверх. Ошибка Эммы в том, что она не воспользовалась объективными критериями для оценки совместимости. Это позволяет предположить, что романтические ухаживания в романах Остин прочно организованы в рамках классовой эндогамии. Таким образом, использование объективных критериев закрепило частный выбор в общественном порядке рангов и достоинств. В этом плане оценка социального соответствия партнера являлась публичным, а не частным актом оценки. Неуверенность, которая всегда скрывается за оценкой, смягчалась тем фактом, что такая оценка была результатом работы многих людей и основывалась на хорошо известных критериях (для дальнейшего исследования этих критериев см. главу 5)³⁹.

---

³⁸ Каплан М. Брачная сделка: Женщины и приданое в европейской истории». NY: Harrington Park Press, 1985. С. 9 [Kaplan M. *The Marriage Bargain: Women and Dowries in European History*. New York: Harrington Park Press, 1985. P. 9].

³⁹ Следующее концептуальное представление и анализ основаны на новаторской работе Мишель Ламон, которая показала центральную роль системы оценок в формировании идентичности, социальных структур и культурных границ. См.: Ламон М. Национальная идентичность и национальные границы во Франции и Соединенных Штатах // *French Historical Studies*. 19(2). 1995. С. 349–365 [Lamont M. *National Identity and National Boundary Patterns in France and the United States* // *French Historical Studies*. 19(2). 1995. P. 349–365]; Ламон М., Тевено Л. Переосмысление сравнительной культурной социологии: Системы оценок во Франции и США. Cambridge: Cambridge University Press, 2000 [Lamont M., Thévenot L. *Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000].

Репутация и выполнение обещаний

В центре этой нравственной, знаковой и экономической системы находилось соблюдение обещаний. Поскольку у большинства людей, как правило, было мало вариантов вступить в брак на протяжении жизни и отмена заключения брака могла иметь серьезные последствия, репутация была основным инструментом для выбора партнера. Способность выполнять обещания была основным компонентом такой репутации. В той мере, в какой обещания связывали интересы одного человека с интересами другого, вспомним утверждение Юма⁴⁰, что выполнение обещаний функционировало как механизм, который заставлял людей соглашаться с первым «приемлемым» выбором. На самом деле, разнообразные неприятные персонажи в романах Джейн Остин имеют одну общую черту: все они нарушают свои обещания в угоду улучшения и максимального повышения своих брачных перспектив. Изабелла Торп в «Нортенгерском аббатстве» (1818 г.), Люси и Уиллоби в «Разуме и чувстве» характеризуются неспособностью выполнять свои обещания, что само по себе является результатом их желания максимально удовлетворить свои личные интересы в браке. Это соответствует сделанному Стивеном Шейпином описанию моральных устоев английского джентльмена в XVII и XVIII вв., который характеризовался способностью держать свое слово и быть честным⁴¹.

В мире Джейн Остин нарушение обещания является серьезным посягательством на репутацию и честь, как мужчин, так и женщин. Наиболее ярким является пример Энн Эллиот в «Доводах рассудка», которая еще до начала действия романа была помолвлена с капитаном Уэнтуртом, но, как мы

---

⁴⁰ Крейг Р. Язык обещаний: Обручение в викторианском праве и художественной литературе. Albany: State University of New York Press, 2000. С. 58 [Craig R. Promising Language: Betrothal in Victorian Law and Fiction. Albany: State University of New York Press, 2000. P. 58].

⁴¹ Шейпин С. Социальная история справедливости. Chicago: University of Chicago Press, 1994 [Shapin S. A Social History of Truth. Chicago: University of Chicago Press, 1994].

помним, ее друг и защитница Леди Рассел внушила ей мысль о его непригодности, тем самым вынудив Энн разорвать с ним помолвку. Затем Энн привлекает внимание своего богатого и благородного кузена Уильяма. И вот как она реагирует: «Что бы она чувствовала, не будь капитана Уэнтуорта, не стоило и спрашивать; ибо капитан Уэнтуорт был; и чем бы ни закончилось нынешнее ожидание, хорошим или плохим, сердце ее всегда будет принадлежать только ему. Их союз, по ее мнению, не смог бы отделить ее больше от других мужчин, чем их окончательная разлука»⁴². Этот манифест против стремления к выгоде и максимальному удовлетворению своих потребностей в сфере чувств призывал мужчин и женщин выполнять данные ими обещания независимо от появления на их пути более выгодных финансовых перспектив. Уэнтуорт — мужской аналог верности и постоянства Энн. Действительно, в подтверждение поведения и чувств Энн мы узнаем, что:

Он никогда никого, кроме нее [Энн], не любил. Он никогда и не надеялся найти равную ей. Поэтому он вынужден был признать, что остался неосознанно верен ей, нет, не преднамеренно; поскольку он хотел забыть ее, и он верил, что забыл. Он казался себе равнодушным, но только злился; и был несправедлив к ее добродетелям, поскольку жестоко пострадал от них. Ее совершенный образ навеки поселился в его душе, как чистейший образец силы духа и нежности⁴³.

Или возьмем последний пример того, насколько был распространен этот закон соблюдения обещаний вплоть до первых десятилетий XX в.: когда Черити Роялл, героиня романа Эдит Уортон «Лето» (1917 г.), обнаружив, что Харни, человек, в которого она была влюблена и за которого надеялась выйти замуж, на самом деле помолвлен с Аннабель Бэлч, она пишет ему: «Я хочу, чтобы ты женился на Аннабель Бэлч, раз ты обещал. Думаю, ты, возможно, боялся, что я буду чувствовать себя слишком плохо из-за этого. Я бы предпочла, чтобы ты

---

⁴² *Остин Дж.* Доводы рассудка. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. С. 155 [*Austen J.* Persuasion. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. P. 155].

⁴³ Там же. С. 194.

поступил правильно. Любящая тебя ЧЕРИТИ»⁴⁴. Здесь женщина снова предпочитает отказаться от своей любви и будущего счастья ради того, чтобы обещание мужчины осталось нерушимым, поскольку выполнение обязательств является признаком высокой репутации и основой нравственного и социального порядка.

В основе выполнения обещаний лежит важное предположение о способности личности проявлять постоянство и последовательность, неподвластные времени. Так, например, Сэмюэл Клеменс, написав Джервису Лэнгдону, отцу Оливии, заявил: «Я так же искренне, как и вы, желаю, чтобы прошло достаточно времени для того, чтобы показать вам, вне всяких сомнений, кем я был, кем я являюсь и кем я, по всей вероятности, буду. Иначе вы не могли бы быть довольны мной, а я собой»⁴⁵ (курсив мой. — Автор). Клеменс, очевидно, пытается здесь проявить свой характер и зарекомендовать себя, демонстрируя именно это временное постоянство своей личности и свою способность стать в будущем тем, кем он уже является (или более совершенной версией себя). Характер человека проявляется в его постоянстве и способности объединить в единое целое себя прошлого, себя настоящего и будущего.

В мире Джейн Остин такое постоянство проявляется почти показным образом, когда персонажи пренебрегают «лучшими» возможностями, предпочитая им более скромные объекты своих взятых ранее обязательств. Выполнение обещаний лежит в основе верности обязательствам и является механизмом, останавливающим дальнейший поиск партнера в стремлении максимально удовлетворить свои личные интересы. Разумеется, на практике находились и те, кто не выполнял своих обещаний. Это подтверждает тот факт, что XIX в.

---

⁴⁴ Уортон Э. Леро. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1917]. С. 105 [Wharton E. Summer. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1917]. P. 105].

⁴⁵ Твен М. Письма Марка Твена: 1867–1868. Berkeley: University of California Press, 1988. С. 357 [Twain M. Mark Twain's Letters: 1867–1868, Vol. 2, ed. E. M. Branch, M. B. Frank and K. M. Sanderson. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 357].

в Англии стал свидетелем нарушения брачных обязательств⁴⁶, ставших предметом разбирательств в суде. И преследование этих нарушений в судебном порядке само по себе является доказательством того, насколько серьезно они рассматривались. Тем не менее подобные случаи встречались относительно редко, поскольку репутация мужчин или женщин в решающей степени зависела от их поведения в вопросах брака. Пример того, насколько серьезным считалось нарушение брачного обязательства, можно увидеть в романе Энтони Тrolлопа «Доктор Торн» (1858 г.). После того, как Генри Торн, соблазнив Мэри Скэтчерд и пообещав жениться, бросил ее, он был убит братом Мэри. Когда брата девушки привлекли к суду, иронично размышляет Тrolлоп-рассказчик: «Его признали виновным в непредумышленном убийстве и приговорили к тюремному заключению на шесть месяцев. Наши читатели, вероятно, подумают, что наказание было слишком суровым»⁴⁷. Такой социальный порядок связывал в единое целое эмоции, нравственную сущность и время.

Роли и обязательства

В знаменитой книге Эдит Уортон «Век невинности» (1920 г.) герой, Ньюленд Арчер, решает отказаться от сильной страсти к Эллен Оленска ради выполнения своего предыдущего обязательства жениться на Мэй Уэлланд. Вот как он рассматривает свой будущий брак с женщиной, которая соответствует нравственным принципам его класса:

Он давно уже понял, что единственное, для чего Мэй нужна свобода, которой, по ее мнению, она обладает, это для того, чтобы положить ее на алтарь обожания мужа... Учитывая ее традиционное

---

⁴⁶ Frost G. S. Расторжение помолвки: Ухаживание, класс и гендерная идентичность в викторианской Англии. Charlottesville: University of Virginia Press, 1995 [Frost G. S. Promises Broken: Courtship, Class, and Gender in Victorian England. Charlottesville: University of Virginia Press, 1995].

⁴⁷ Trollope A. Доктор Торн. London: J. M. Dent and Sons, 1953 [1858]. С. 19 [Trollope A. Doctor Thorne. London: J. M. Dent and Sons, 1953 [1858]. P. 19].

представление о браке, какой-либо кризис мог бы быть вызван только чем-то явно возмутительным в его собственном поведении; но глубина ее чувств к нему делала это немислимым. *Что бы ни случилось, он знал, что Мэй всегда будет верной, внимательной и деликатной, и это обязывало его следовать тем же добродетелям*⁴⁸ (курсив мой. — Автор).

Драма, которая разворачивается на протяжении всего романа, противопоставляет обязательство Арчера жениться на Мэй его страстному антиинституционному желанию быть с Эллен. В этой модели супружества чувства, которые испытывал человек, не являлись единственным законным основанием для вступления в брак. Скорее, законными считались чувства, которые партнеры испытывали благодаря выполнению хорошо известных ролей. Более того, ценность и качество этого брака определялась далеко не тем, проявил ли каждый супруг свою личность и реализовал ли свой собственный внутренний мир. Хороший брак заключался в способности успешно играть свою роль, а именно чувствовать и проявлять эмоции, соответствующие этой роли последовательно на протяжении всей жизни. Общая система культурных и нравственных ценностей, руководящая исполнением этих ролей, заключалась в настоятельной необходимости брать на себя обязательства, в способности выполнять обещания, данные другому человеку, и играть свою социальную роль, испытывая соответствующие (реальные) эмоции.

Таким образом, обязательства являлись нравственной структурой, которая руководила эмоциями как до, так и во время брака и заставляла супругов погружаться в свой внутренний мир, задаваясь вопросом о том, что им следует делать. Это не означает, что люди не обладали развитым внутренним миром или эмоциями, а скорее, что такой внутренний мир был деонтологически структурирован, т. е. определялся тем, что они должны были делать и кем им следовало быть. Например, та самая Молли Дорси Сэнфорд, проживавшая на

---

⁴⁸ Уортон Э. Век невинности. Ware, UK: Wordsworth, 1994 [1920]. С. 198 [Wharton E., The Age of Innocence (Ware, UK: Wordsworth, 1994 [1920]), p. 198].

границе, куда она отправилась ради мужа, написала в 1860 г. в своем дневнике (из Колорадо): «Мне стыдно, что я тоскую по дому. Конечно, я не произношу вслух всего, о чем здесь пишу... Я стараюсь быть веселой ради Бая [ее мужа], поскольку боюсь, что он может подумать, будто я несчастлива с ним. Он не связан семейными узами так крепко, как я, и не может понять»⁴⁹. Что делает эти короткие строки чуждыми нашему современному восприятию, так это тот факт, что они обусловлены не тем, что мы назвали бы подлинной сущностью этой женщины, а ее приверженностью роли жены. В самом деле, очень маловероятно, что современная молодая женщина будет стыдиться того, что тоскует по дому. Стыд Молли здесь объясняется в основном ее чувством несоответствия роли жены. Несомненно, это пример того, что «традиционное викторианское разделение функций и полномочий между мужьями и женами оставалось основополагающим элементом брака от Атлантики до Тихого океана»⁵⁰. Чувства современной женщины, напротив, получили бы широкое признание и превалировали бы над ее ролью. Более того, в современных определениях брака предполагается, что муж должен активно замечать такие чувства и поддерживать их, т. е. обращать на них внимание, признавать и принимать их обоснованность. Современная интимная близость предусматривает откровенность при вербальной передаче эмоций, но также, что, возможно, даже более важно, желание поделиться такими эмоциями с партнером в ожидании откровенного проявления его эмоциональной сущности и получения поддержки и признания. Таким образом, еще одно заметное различие от современного чувственного восприятия заключается в том, что Молли Сэнфорд не считает правильным передавать свои сокровенные подлинные чувства. Напротив, соответствовать роли жены — значит уметь скрыть эти чувства и замаскировать их под маской жизнерадостности. Будучи способной убедительно играть свою собственную роль, женщина помогает мужу играть его роль, и именно из этого

---

⁴⁹ Сэнфорд М. Молли. С. 145. *Sanford M. Mollie*. P. 145.

⁵⁰ Ялом М. История жены. С. 260 [*Yalom M. A History of the Wife*. P. 260].

она черпает удовлетворенность и чувство соответствия. Кроме того, вполне вероятно, что эта женщина даже не пытается осознать и проявить свои истинные чувства. Ее больше беспокоит тот факт, что, выразив негативные эмоции, она может заставить своего мужа почувствовать себя неспособным сделать ее счастливой. Другими словами, она считает своей обязанностью поддерживать его собственное чувство соответствия, определяемое как способность сделать ее счастливой. И последнее, но, возможно, самое интересное, что мы можем заметить, насколько естественно она воспринимает тот факт, что муж не может ее понять. Фактически, она прибегает к этому, чтобы оправдать его и объяснить тот факт, что он не может быть причиной ее внутренних переживаний. Это резко отличается от того, как современные люди, особенно женщины, раскрывают свои сокровенные чувства партнеру в надежде обрести в нем родственную душу. В прошлом отношения в браке предполагали тесную связь между супругами, но в этой взаимосвязи не было места откровенности и проявлению истинных чувств. Души супругов, по современным стандартам, были эмоционально далеки (они не позволяли друг другу заглянуть в содержание своих мыслей и эмоций), тем не менее они были неразрывно связаны и взаимозависимы. Современные личности, напротив, ожидают друг от друга эмоциональной обнаженности и близости, но хотят оставаться независимыми. В современном браке объединены две очень индивидуализированные и дифференцированные личности⁵¹, и именно удачная совместимость двух независимых личностей составляет успешный брак, а не простое проигрывание ролей. Тонкая настройка эмоциональных проявлений двух людей становится основой близких отношений.

Чтобы лучше понять природу обязательств, мы можем воспользоваться интересным объяснением различий между

---

⁵¹ Белла Р., Салливан У., Свидлер А., Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A., Tipton S. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley: University of California Press, 1985].

сочувствием и обязательством, которое дал Амартья Сен. «Если меня глубоко беспокоит мысль о том, что кого-то пытаются, — пишет Сен, — то здесь речь идет о сочувствии. С другой стороны, если эта мысль не причиняет боли и не расстраивает лично меня, но все же заставляет думать, что происходит нечто глубоко неправильное и надо с этим что-то делать, то речь идет об обязательстве. Таким образом, действие, основанное на обязательстве, совершенно неэгоистично в буквальном, не имеющем отношения к нравственности смысле, оно не затрагивает сокровенных чувств личности, которая его совершает»⁵². Следуя такому определению, обязательство не обусловлено в первую очередь индивидуальными эмоциями. Подобное отличие мы видим между браком, основанном на обязательствах, и браком, основанном на подлинном чувстве. Последний базируется на попытке примирить и гармонично сочетать две независимых эмоциональных личности и в первую очередь должен постоянно создавать и воссоздавать эмоциональные условия и причины быть вместе. Обязательство, напротив, не исходит из сокровенных желаний личности и не направлено на удовлетворение ее душевных порывов. Эмоции в данном случае — это последствия исполнения социальных ролей, а не результат их *изначальных* предпосылок.

Таким образом, «характер» и обязательство, которые регулировали процесс ухаживания и матримониальные практики, следует рассматривать не как психологические свойства партнеров или знак более нравственной культуры, а как результат специфических социальных механизмов⁵³: тесный круг общения, охраняющий и оберегающий личность; объективные (т. е. относительно не субъективные) критерии выбора партнера; однозначно эндогамные критерии выбора спутника

---

⁵² Сен А. Разумны глупцы: Критика поведенческих принципов экономической теории // *Philosophy and Public Affairs*. 6(4). 1977. С. 326 [Sen A. Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // *Philosophy and Public Affairs*. 6(4). 1977. P. 326].

⁵³ Эти механизмы, скорее всего, присутствовали в протестантских, а не в католических странах, где идеал доверительной любви как основы брака был менее заметен.

жизни, т. е. социально-религиозно-экономический статус как открытое и законное право выбора партнера; режим перформативности эмоций, регулируемый ритуалами; роль обещания в построении репутации; тот факт, что выполнению обязательств способствовало исполнение социальных ролей. Суть этих утверждений состоит в том, что мы совершенно *не* должны восхвалять прошлое и тем более утверждать, что люди XIX в. были лучше или нравственнее современных людей; скорее, суть в том, что то, что моральные философы или сторонники коммунитаризма могут рассматривать как нравственную предрасположенность, объясняется социальными механизмами, которые организуют, даже если и частично, эмоциональное взаимодействие мужчин и женщин во время исполнения общественных ритуалов и ролей. В результате личность стала менее уязвимой по отношению к взглядам других людей и их одобрению или неодобрению именно потому, что чувства партнеров не были отражением их внутреннего мира. Таким образом, способы и критерии оценки, способность испытывать и поддерживать любовь, полное доверие себе в познании любви формировались социальными механизмами, которые превращали предрасположенность в «добродетель». Именно эти механизмы одновременно являлись социальными и нравственными, частными и публичными, регулировавшими выбор партнера среднего и высшего класса еще в XIX в., по крайней мере, в англоязычном мире. Что изменилось в настоящее время — это именно те условия, в рамках которых делается любовный выбор.

Великая трансформация романтической экологии: появление брачных рынков

Совершенно очевидно, что общества, в которых брачный выбор основан на любви, как правило, индивидуалистичны, т. е. люди — а не их клан или семья — принимают решение о вступлении в брак, тем самым узаконивая эмоциональную независимость. Но учитывая, что эмоциональный «индивидуализм» существует в Западной Европе, по меньшей мере,

триста лет⁵⁴, это понятие слишком широко и неточно, чтобы описать и охарактеризовать современные эмоциональные взаимодействия. Английская и американская культура романтического выбора XIX в. была индивидуалистической, но форма и смысл этого индивидуализма значительно отличаются от того, что мы имеем сейчас. Я утверждаю, что это различие лучше уловить, если сосредоточиться на культурной организации выбора. До сих пор я описывала социальные механизмы, которые заставляли мужчин и женщин договариваться друг с другом без затяжных переговоров, без формального и строго регламентированного процесса самоанализа, без умозрительного выбора потенциальных партнеров из огромного количества претендентов на открытом рынке, с критериями оценки, отражающими стандарты сообщества. Как я отмечаю ниже и в следующих главах, глубоко изменились именно те условия, в которых делается выбор, т. е. *экология* и *архитектура романтического выбора*.

Позвольте мне сделать смелое предположение: преобразования, которые претерпевает романтический выбор, сродни процессу, происходящему в экономических отношениях, которому Карл Полањи дал название «великая трансформация»⁵⁵. «Великая трансформация» в экономических отношениях — это процесс, посредством которого капиталистический рынок отделил экономические действия от общества и от нравственных/нормативных рамок, организовал экономику на саморегулируемых рынках и пришел к тому, что подчинил общество экономике. То, что мы называем «триумфом» романтической любви в отношениях между полами, заключалось, прежде всего, в оторванности индивидуального романтического выбора от моральной и социальной структуры общества и в возникновении саморегулирующегося

---

⁵⁴ Стоун Л. Семья, секс и брак в Англии, 1500-1800. NY: Harper and Row, 1977 [Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500-1800. New York: Harper and Row, 1977].

⁵⁵ Полањи К. Великая Трансформация. Boston: Beacon Press, 1944 [Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1944].

рынка знакомств. Современные критерии оценки объекта любви вышли за рамки общепринятых нравственных устоев. Это произошло из-за изменения сути критериев выбора партнера, которые стали как физическими/сексуальными, так и эмоциональными/психологическими, и из-за преобразования самого процесса выбора, ставшего более субъективным и более индивидуализированным.

«Великая трансформация» любви характеризуется рядом факторов: (1) прекращением нормативного регулирования способа оценки потенциальных партнеров, т. е. его отделением от групповой и общественной структуры, и ролью СМИ в определении критериев привлекательности и ценности; (2) возрастающей тенденцией рассматривать сексуального и романтического партнера одновременно в психологическом и сексуальном плане (при этом первое, в конечном счете, подпадает под второе); (3) и, наконец, появлением сексуальной сферы, того факта, что сексуальность как таковая играет все более важную роль в конкуренции среди участников брачного рынка.

Сексуализация и психологизация романтического выбора

Характер отражал внутренний мир, который воплощал мир общественных ценностей. В этой связи, хотя оценка чье-либо характера представляла собой индивидуальный акт, она также являлась и публичным актом, разделяемым и одобряемым конкретными людьми.

Индивидуализация критериев выбора партнера и его отрыв от нравственных устоев общества иллюстрируется появлением и преобладанием двух критериев оценки потенциального партнера: эмоциональной близости и психологической совместимости, с одной стороны, и сексуальности — с другой. Понятие «эмоциональная близость» отличается от любви, основанной на оценке нравственных качеств, поскольку ее цель состоит в том, чтобы сделать совместимыми два уникальных, существенно отличающихся и сложных психологических склада личности. «Сексуальная привлекательность», «сексу-

альная желанность» или «чувственность» отражают культурный акцент на сексуальность и физическую привлекательность как таковые, оторванные от мира нравственных ценностей.

История полна примеров могущества эротической привлекательности и важности красоты для того, чтобы вызвать любовь. Однако, хотя сексуальность, по всей вероятности, подразумевалась на протяжении всей истории как составляющая привлекательности и любви, ее использование в качестве четко выраженной, всепроникающей и законной культурной категории и в качестве критерия оценки по существу является современным, поскольку оно подкрепляется обширной экономической и культурной организацией, систематизирующей сексуальное обаяние и чувственность. Как культурная категория сексуальность отличается от красоты. Женщины среднего класса XIX в. считались привлекательными благодаря своей *красоте*, а не тому, что мы назвали бы сегодня сексуальной привлекательностью. Красота рассматривалась как физический и духовный атрибут⁵⁶. (Вот почему Роберт Браунинг мог влюбиться в Элизабет Барретт, которая была инвалидом, именно потому, что он мог соотнести ее внешность с внутренней красотой. Ее инвалидность, казалось, не представляла особой проблемы в его рассказе о своей любви к ней⁵⁷.) Сексуальная привлекательность *как таковая* не являлась обоснованным критерием для выбора партнера и в этом отношении представляет собой новый критерий оценки⁵⁸, не имеющий отношения ни к красоте, ни к нравственному облику, или, скорее, критерий, в котором характер и психологические

---

⁵⁶ Как пишет Кьеркегор: «Несмотря на то, что любовь по существу основана на чувственном, она, тем не менее, благородна в силу осознания вечности, которую она воплощает». См.: *Kierkegaard S. Either / Or*. Princeton: Princeton University Press, 1944 [1843]. P. 21.

⁵⁷ См.: *Маркус Дж. Отважиться и совершить: Брак Элизабет Барретт и Роберта Браунинга*. NY: Knopf, 1995 [*Markus J. Dared and Done: The Marriage of Elizabeth Barrett and Robert Browning*. New York: Knopf, 1995].

⁵⁸ Раннее обсуждение роли красоты в любви см. в диалоге Платона «Пир» (*Symposium*). Однако речь там шла в основном о красоте мальчиков, а не о красоте как об определяющем факторе брака.

особенности, в конечном счете, подпадают под сексуальность. Сексуальность отражает тот факт, что в современном мире гендерная идентичность, особенно женская, преобразовалась в сексуальную идентичность, т. е. в набор сознательно манипулируемых телесных и языковых кодексов и принципов (искусство одеваться, например), направленных на то, чтобы вызвать сексуальное желание у другого. Сексуальность в свою очередь стала независимым и решающим критерием при выборе партнера. Это преобразование возникло в результате сочетания культа потребления и растущей нормативной легитимации сексуальности благодаря психологическим и феминистским культурным мировоззрениям.

Несомненно, наряду с феминистскими и богемными призывами на сексуальную свободу, потребительская культура является наиболее значимой культурной силой, способствовавшей сексуализации женщин, а затем и мужчин. Джон д'Эмилио и Эстель Фридман, писавшие о 1920-х гг., утверждают, что «американский капитализм больше не был так настойчив в требовании соблюдения профессиональной этики и аскетизма, чтобы накопить капитал для строительства промышленной инфраструктуры. Вместо этого руководители корпораций нуждались в потребителях... Этика, поощрявшая покупку потребительских товаров, также способствовала благосклонному отношению к наслаждению, самовознаграждению и личному удовлетворению, и эта точка зрения легко переместилась в область секса»⁵⁹. Культура потребления поставила желание в центр субъективности, и сексуальность стала своего рода обобщенной метафорой желания.

История косметики является ярким свидетельством этого процесса. В XIX в. понятия о красоте проводили четкое разделение между управляемой внешними источниками непо-

---

⁵⁹ Д'Эмилио Дж., Фридман Э. Интимные вопросы: История сексуальности в Америке. NY: Harper and Row, 1988. С. 291 [D'Emilio J., Freedman E. *Intimate Matters: A History of Sexuality in America*. New York: Harper and Row, 1988. P. 291].

стоянной и меняющейся в угоду моде и косметике красотой и тем, что тогда называлось «нравственной красотой», которая считается непреходящим и внутренним качеством⁶⁰. Таким образом, понятия о красоте XIX в. не содержали прямого указания на секс или сексуальность. Как раз наоборот, красота имела значение лишь в том случае, когда она отражала характер. Викторианская мораль с подозрением относилась к косметике, поскольку считала ее неправомерной заменой настоящей внутренней, нравственной красоты. В начале XX в., однако, парфюмерия, декоративная косметика, разнообразные присыпки и пудры, косметические товары и кремы заполнили развивающиеся рынки потребления, и в попытке продвижения этих товаров рекламодатели отделили красоту от морального облика. «Освобожденные из викторианского подземелья, накрашенные красотки теперь гордо шествовали по вымышленным мирам рекламодателей. Они плавали, загорали, танцевали и катались на автомобилях, создавая образ здоровой, спортивной и жизнерадостной женщины»⁶¹.

Следуя системе управления, которая разрабатывала новые методы упаковки и распределения товаров, косметическая промышленность популяризировала тело как эстетический объект, оторванный от нравственных определений личности. Этот процесс был ускорен и обобщен во всех социальных классах, поскольку косметическая индустрия сотрудничала с индустрией моды и кино⁶². Индустрия косметики и индустрия моды стали еще более мощными, получив одобрение индустрии кино, модельного и рекламного бизнеса,

---

⁶⁰ Peiss K. О красоте... и об истории бизнеса. London: Routledge, 2001. С. 10 [Peiss K. On Beauty... and the History of Business. London: Routledge, 2001. P. 10].

⁶¹ Peiss K. Надежда в стеклянной баночке: Создание американской косметологии. NY: Henry Holt, 1998. С. 142 [Peiss K. Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture. New York: Henry Holt, 1998. P. 142].

⁶² Например, в косметической промышленности Max Factor рекламирует свою продукцию с помощью кинозвезд. «Во всех рекламных объявлениях [для Max Factor] принимают активное участие кинозвезды, создается впечатление, что их отзывы согласовывались с крупными студиями, требовавшими от них поддержки Max Factor.» См.: Там же. С. 126.

благодаря которым усилилось их влияние⁶³. Киностудии, женские журналы, рекламные проспекты и рекламные щиты выполняли функции популяризаторов, кодификаторов и усилителей новых способов привлечения внимания к лицу и телу, а также способов эротизации природы человека. Женщины были включены в потребительскую культуру как яркие сексуальные агенты благодаря идеалу сексуализированной красоты, который активно пропагандировался объединенными секторами экономики, призывавшими к формированию личности на основе эротизма. Новый культ красоты в женских журналах и фильмах «явно связывал макияж и сексуальную привлекательность»⁶⁴ в единое целое, переплетая косметику, женственность, потребление и эротизм⁶⁵. Иными словами, целый ряд новых отраслей промышленности способствовал продвижению и признанию законной сексуализации женщин, а затем и мужчин. Тело воспринималось чувственным, активно ищущим чувственного удовлетворения, наслаждения и сексуальных отношений. Такой поиск чувственного удовлетворения способствовал сексуализации тела: тело могло и должно пробуждать сексуальность и эротизм, разжигать эти чувства в другом и выражать их. Таким образом, создание эротизированных женских тел во всех социальных классах стало одним из самых значительных достижений потребительской культуры начала XX в.

Молодость и красота стали символами эротики и сексуальности. Превращение тела в товар благодаря стремлению

---

⁶³ «Киностудии заключали соглашения с производителями одежды, чтобы привлечь внимание к новым стилям. Если платье пользовалось особым вниманием у поклонников — как то, которое носила Бетт Дэвис в Картине “Летти Линтон”, — его быстро изготавливали и продавали в универмагах по общедоступным ценам». См.: *Пеисс К. О красоте... и об истории бизнеса*. London: Routledge, 2001. С. 13 [*Peiss K. On Beauty... and the History of Business*. London: Routledge, 2001. P. 13].

⁶⁴ *Пеисс К. Надежда в стеклянной баночке: Создание американской косметологии*. NY: Henry Holt, 1998. С. 249 [*Peiss K. Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture*. New York: Henry Holt, 1998. P. 249].

⁶⁵ Там же. С. 114.

сделать его моложе и красивей повлекло за собой его интенсивную эротизацию, а также сблизило его с романтической любовью. Краска не только не лишила респектабельных женщин возможности полюбить и выйти замуж⁶⁶, но и, казалось, привела прямо к этому. «Косметика заняла видное место в повседневных картинах любви и отказа, триумфа и унижения»⁶⁷. На самом деле, довольно очевидным объяснением культивирования красоты была надежда найти истинную любовь. Настоящей целью (женской) красоты было «обеспечить себе мужа»⁶⁸. Это обещало женщинам невысокого происхождения возможность возвыситься над своим положением благодаря удачному браку. Красота и женственность, подчеркивавшие сексуальность, были тесно связаны с образом романтики, поскольку и романтика, и красота считались ходовым товаром среди рекламодателей, владельцев студий и производителей косметики. Романтика ввела гендерное разделение, потребовала, чтобы мужчины и женщины неукоснительно поддерживали эти различия; однако она также обещала уничтожить их в утопии бесполовых отношений.

Мужские тела также подверглись процессу сексуализации. Несмотря на то, что мужчины медленнее включались в потребительскую культуру, уже в XIX в. можно найти предпосылки мужской идентичности, основанной на потребительской культуре, гедонизме и сексуальности⁶⁹.

---

⁶⁶ *Пеисс К.* Надежда в стеклянной баночке: Создание американской косметологии. NY: Henry Holt, 1998. С. 142 [*Peiss K.* Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture. New York: Henry Holt, 1998. P. 142].

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Баннер Л.* Красота по-американски. NY: Knopf, 1983. С. 264 [*Banner L.* American Beauty. New York: Knopf, 1983. P. 264].

⁶⁹ *Пендергаст Т.* Сотворение современного человека: Американский глянec и потребительская культура. Columbia: University of Missouri Press, 2000 [*Pendergast T.* Creating the Modern Man: American magazines and consumer culture, 1900–1950. Columbia: University of Missouri Press, 2000]; *Осгерби Б.* Происхождение самца-потребителя: мужественность, потребление и американский праздный класс. Oxford: Blackwell, 2003. С. 61–62 [*Osgerby B.* A Pedigree of the Consuming Male: Masculinity, Consumption, and the American 'Leisure Class'. Oxford: Blackwell, 2003. P. 61–62].

Неприглядной, но не менее важной стороной были бордели, кровавые виды спорта и другие незаконные удовольствия, но также существовал целый ряд значимых предприятий, удовлетворявших потребности мужчин. Действительно... обширная «холостяцкая субкультура» сформировалась вокруг сети закусовых, парикмахерских, табачных лавок, портных, городских баров, театров и множества других коммерческих предприятий, которые процветали благодаря приверженности богатых, молодых «прожигателей жизни»⁷⁰.

Но именно в 1950-х гг. появилась полномасштабная потребительская культура, ориентированная на мужские тела. Лучшим символом этой культуры стал журнал «*Playboy*», впервые вышедший в 1953 г. Появление журнала ознаменовало собой рост «этики Плейбоя», которая ставила во главу угла «личное удовлетворение в сверкающем мире бесконечного потребления, праздную жизнь и потворство сластолюбию»⁷¹. Изначально, превращение мужского тела в товар опиралось не на красоту и косметику, а скорее на спорт, и непосредственно включалось в сексуальные фантазии мужчин. Своим продвижением сексуальной модели мужественности оно возбуждало то же чувство эротического очарования, что и в случае с женской моделью, но лишь с одним интересным отличием: темы любви и романтики были гораздо менее заметны.

С середины XIX в. фотография, а впоследствии и фильмы, стандартизировали новые мужские и женские каноны эротического очарования⁷² и одновременно повысили осведомленность людей о собственной и чужой внешности. Эти однородные стандарты красоты сделали широкодоступными новые нормы и кодексы сексуальной привлекательности и тем самым способствовали преобразованию критериев выбора партнера.

---

⁷⁰ *Осгерби Б.* Происхождение самца-потребителя: мужественность, потребление и американский праздничный класс. Oxford: Blackwell, 2003. С. 62 [*Osgerby B.* A Pedigree of the Consuming Male: Masculinity, Consumption, and the American 'Leisure Class'. Oxford: Blackwell, 2003. P. 62].

⁷¹ Там же. С. 77.

⁷² *Пеисс К.* Надежда в стеклянной баночке: Создание американской косметологии. NY: Henry Holt, 1998. С. 126 [*Peiss K.* Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture. New York: Henry Holt, 1998. P. 126].

Приоритет тела в культуре США и интенсивная коммерциализация секса и сексуальности сделали «сексуальную привлекательность» культурной категорией, оторванной от нравственных ценностей *как таковых*. Культ красоты, а затем и фитнеса, а также определение мужественности и женственности через призму эротических и сексуальных достоинств неустанно пропагандировались культурными индустриями и привели к постепенному преобразованию сексуального влечения и сексуальности в полноправные позитивные культурные категории, что сделало сексуальную желанность одним из центральных критериев выбора партнера и формирования собственной индивидуальности. Коммерциализация секса и сексуальности — их проникновение в самое сердце движущей силы капитализма — превратила сексуальность в достоинство и в жизненный опыт, все более оторванный от деторождения, брака, длительных связей и даже от эмоциональности.

Потребительская культура чрезвычайно преуспела и в решении сложнейшей задачи избавиться от традиционных сексуальных норм и запретов, и в сексуализации тела и отношений, поскольку она опиралась на авторитет и законность экспертов-психоаналитиков и психологов. В самом деле, эти науки приписывали сексуальности две основные роли в своем новом подходе к определению личности. Во-первых, они рассматривали психическую историю индивида как организованную вокруг (детской) сексуальности, и в этом смысле сексуальность стала существенным элементом того, что определяло человека и его, так сказать, психическую сущность. Но, во-вторых, сексуальность также быстро стала признаком здоровой личности. Обширная индустрия клинических психологов и консультантов утверждала, что полноценная сексуальная жизнь имеет решающее значение для здоровья и благополучия. Таким образом, сексуальность оказалась в самом центре идеи о достойном образе жизни и здоровой личности, проложив путь к позитивному определению сексуального опыта. Рассматривая сексуальность как отправную точку, т. е., сделав личность носителем своей собственной, уникальной правды,

касаемой вопросов пола, и заставив достойную личность полагаться на здоровую сексуальность, психология тем самым сделала так, что прошлое и будущее человека оказались по обе стороны временной линии, повествующей об истории личности, и стали теперь вращаться вокруг секса и сексуальности. Человек не только рассказал себе свою историю как сексуальную, но превратил саму сексуальность и в практику, и в идеал, и в *цель* этого повествования.

Этот посыл психологии особенно усилился благодаря культурной и сексуальной революции, вызванной феминизмом второй волны начиная с 1960-х гг. Несомненно, таким мощным феминизм второй волны сделало переосмысление сексуальности как политического акта.оргазмическая сексуальность и взаимное удовольствие стали теперь нравственными актами утверждения независимости и равенства. Сексуальное удовольствие стало своего рода подтверждением доступа женщин к полному равенству с мужчинами в качестве свободных и равноправных субъектов⁷³, превратив сексуальность в хранилище позитивного и даже нравственного самоутверждения. Хотя гей-движение не было напрямую связано с феминистским движением, оно также способствовало натурализации соотношения между сексуальностью и политическими правами, тесно связав половую принадлежность с основными ценностями демократической политики, а именно выбором, самоопределением и независимостью. Попавшая под категорию политических прав, сексуальность стала и естественным, и нормативным аспектом личности, однако в настоящее время она оторвана от свода правил, включивших ее в нравственные определения женственности и мужественности. Сочетание этих культурных факторов сделало пол, сексуальность и сексуальную желанность не только законными, но и основными в выборе партнера, в ко-

---

⁷³ Герхард Дж. А. Желанная революция: Вторая волна феминизма и пересмотр принципов американкой сексуальности. NY: Columbia University Press, 2001 [Gerhard J. F. Desiring Revolution: Second-Wave Feminism and the Rewriting of American Sexual Thought, 1920 to 1982. New York: Columbia University Press, 2001].

нечном счете предоставив этому критерию самостоятельную власть. Сексуальное влечение к кому-либо стало *непременным условием* романтических отношений.

Эти различные процессы и преобразования смыслового значения сексуальности стали ощутимы при появлении категорий «*секси*» и «*сексапильность*» как новых способов оценки себя и других, особенно в сфере романтических отношений. Появление этих культурных категорий стало результатом отделения красоты от характера и нравственности, поскольку сексуальность в потребительской культуре стала независимым признаком индивидуальности, а оргазмическая сексуальность превратилась в форму компетентности, к которой стремятся влюбленные и супружеские пары. Как указано в Оксфордском словаре английского языка, до 1920-х гг. слово *sexu* имело негативную стилистическую окраску. Только около 1950-х гг. в английском языке было зарегистрировано современное значение этого слова как позитивного и не связанного с понятиями красоты и нравственности человека. Например, в 1957 г. Уильям Кэмп пишет в своей книге «Перспективы любви»: «Есть в ней что-то такое, что буквально кричит о ее чувственности. Девушке не обязательно быть красивой, чтобы быть сексуальной»⁷⁴. Все глубже проникая в культуру, понятие «сексапильность» стало обозначать гораздо больше, чем просто внешний вид; оно обозначало сущность человека, включающую в себя нечто, выходящее за пределы чисто физического. Как выразилась Софи Лорен: «Сексуальная привлекательность идет изнутри. Она либо есть, либо ее нет, и она, правда, имеет мало отношения к размеру груди, изгибу бедер или пухлым губам»⁷⁵. Теперь сексапильность становится уникальной чертой, присущей человеку и говорящей о его привлекательности. Более того, она становится основной чертой при выборе партнера. Например, 52-летний Алан, руководитель отдела продаж

---

⁷⁴ Кэмп У. Перспективы любви. London: Longmans, Green, 1957 [Camp W. Prospects of Love. London: Longmans, Green, 1957].

⁷⁵ http://www.brainyquote.com/quotes/authors/s/sophia_loren.html (дата последнего обращения: 29.09.2011).

фармацевтической компании, представляя большинство людей, делает следующее заявление:

Алан: Основным требованием для меня является внешность; не только ее лицо, но и ее талия, у нее должна быть тонкая талия, красивая, полная грудь, плоский животик, э... э... э и длинные ноги. Но знаете, наверное, гораздо важнее, чтобы она была сексуальна.

Корр.: Что вы имеете в виду?

Алан: Ну, ты должен почувствовать, что она страстная, что ей нравится секс, что ей нравится дарить удовольствие и получать его.

Корр.: А много ли женщин этому соответствуют?

Алан: Мммм... ну, не очень много, конечно, но да, некоторые, я бы сказал, без сомнения соответствуют, но ты должен найти ту единственную, которая по-настоящему тебя возбуждает. Объяснить это гораздо сложнее, но ты сразу поймешь это, когда увидишь. Сексуальность очень важна, но она с трудом поддается определению. Ты просто знаешь это, когда видишь.

Очевидно, что зрение этого человека нацелено на выявление общепринятых черт сексуальной привлекательности и сразу же сигнализирует о том, что тело сексуально. Он иллюстрирует первостепенную важность сексуальной привлекательности в выборе партнера и способы, с помощью которых человек тщательно разрабатывает критерии оценки, позволяющие определить сексуальность других.

Суть здесь, очевидно, не в том, чтобы утверждать, что сексуальность как таковая является чем-то новым или что людей прошлого не привлекало нечто подобное сексуальности. Скорее, это дает основания предположить, что физическое влечение стало сознательным, явным, законным и управляемым критерием выбора партнера и что современные общества предлагают мужчинам и женщинам гораздо больше способов реализовать свою сексуальную привлекательность в сфере романтики и супружества. «Физическая привлекательность партнера была признана наиболее значимым предвестником симпатии, при этом такие факторы, как академические достижения, интеллект и различные показатели личностных качеств не имели

к ней никакого отношения»⁷⁶. Свидетельством того, что физическая привлекательность играет все более важную роль в выборе партнера, являются недавние исследования, показавшие, что и мужчины, и женщины придают большое значение этой характеристике⁷⁷, подтверждая, таким образом, что женщины в настоящее время проявляют солидарность с мужчинами, традиционно выдвигавшими ее на передний план. В крупномасштабном исследовании тенденций, касающихся критериев выбора партнера, охватывающем полвека, Дэвид Бусс и его соратники находят очень убедительные доказательства того, что сексуальная привлекательность как критерий выбора партнера как для мужчин, так и для женщин уверенно возросла в Соединенных Штатах на протяжении 50 лет⁷⁸. Вернее, важность

⁷⁶ Невид Дж. Гендерные различия в факторах романтического влечения // *Sex Roles*. 11(5/6). 1984. С. 401 [Nevid J. Sex Differences in Factors of Romantic Attraction // *Sex Roles*. 11(5/6). 1984. P. 401]. См. также: Фейнголд А. Гендерные различия при воздействии физической привлекательности на романтическое влечение: Сравнение пяти исследовательских парадигм // *Journal of Personality and Social Psychology*. 59(5). 1990. С. 981–993 [Feingold A. Gender Differences in Effects of Physical Attractiveness on Romantic Attraction: A Comparison across Five Research Paradigms // *Journal of Personality and Social Psychology*. 59(5). 1990. P. 981–993]; Пайнс А. М. Перспективное исследование личностных и гендерных различий в романтическом влечении // *Personality and Individual Differences*. 25(1). 1998. С. 147–157 [Pines A. M. A Prospective Study of Personality and Gender Differences in Romantic Attraction // *Personality and Individual Differences*. 25(1). 1998. P. 147–157].

⁷⁷ Иствик П., Финкель Э. Пересмотр половых различий в предпочтениях партнеров: Знают ли люди, чего они изначально желают увидеть в романтическом партнере? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 94(2). 2008. С. 245–264 [Eastwick P., Finkel E. Sex Differences in Mate Preferences Revisited: Do People Know What They Initially Desire in a Romantic Partner? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 94(2). 2008. P. 245–264]; Ли Н. П., Кенрик Д. Т. Сходства и различия в половых предпочтениях для краткосрочных партнеров: Какие, так ли это и почему // *Journal of Personality and Social Psychology*. 90(3). 2006. С. 468–489 [Li N. P., Kenrick D. T. Sex Similarities and Differences in Preferences for Short-Term Mates: What, Whether, and Why // *Journal of Personality and Social Psychology*. 90(3). 2006. P. 468–489.]

⁷⁸ Бусс Д. М., Шекекфорд Т. К., Киркпатрик Л. А., Ларсен Р. Дж. Полувековые предпочтения качеств партнера: Культурная эволюция ценностей // *Journal of Marriage and the Family*. 63(2). 2001. С. 491–503 [Buss D. M., Shackelford T. K.,

физической привлекательности, несомненно, возросла благодаря развитию средств массовой информации, распространению косметики и индустрии моды⁷⁹.

Изменения в сексуальной сфере, произошедшие после Первой мировой, но еще нагляднее после Второй мировой войны, по мнению многих ученых, привели к появлению «рекреационной сексуальности»⁸⁰, пришедшей на замену отчужденной, превращенной в товар и самовлюбленной сексуальности. Я считаю, что сексуальность подобно красоте целесообразнее рассматривать как «диффузную статусную характеристику»⁸¹,

---

Kirkpatrick L. A., Larsen R. J. A Half Century of Mate Preferences: The Cultural Evolution of Values // Journal of Marriage and the Family. 63(2). 2001. P. 491–503].

⁷⁹ Следовательно, если значительное количество современных психологических исследований неоднократно показывало, что сексуальное влечение является важным фактором в выборе партнера, то это потому, что, как часто бывает, оно путает историю с природой и натурализует первое под видом второго.

⁸⁰ «Три культурные силы — потребительская культура, психология и политизация сексуальности — объединились и дали начало тому, что социологи называют рекреационной сексуальностью. В широком смысле понятие рекреационной сексуальности относится к основанному на удовольствиях репертуару практик и установок, которые изменяют сексуальную жизнь в эпоху позднего модернизма... Вместо жестких сексуальных идентичностей, сообществ или политики, которые характеризуют “репродуктивный секс”, в основе этой “пластической сексуальности”... лежат более тонкие сексуальные предпочтения, или “потoki желания” — “желания иметь новые отношения с разными типами людей и экспериментировать с альтернативными способами отношения к себе и другим”... Другими словами, происходит нелинейная замена репродуктивных сексуальных моделей рекреационными». См.: *Каплан Д. Теории сексуальной и эротической власти* (unpublished manuscript, forthcoming). С. 3–4 [*Kaplan D. Theories of Sexual and Erotic Power* (unpublished manuscript, forthcoming). P. 3–4]. См. также: *Каплан Д. Сексуальное освобождение и креативный класс в Израиле*. London: Routledge, 2011. С. 357–363 [*Kaplan D. Sexual Liberation and the Creative Class in Israel // Introducing the New Sexuality Studies / in S. Seidman, N. Fischer and C. Meeks (eds). London: Routledge, 2011, second edition. P. 357–363].*

⁸¹ М. Вебстер и Дж. Дрискелл относят красоту к статусу, а я предлагаю расширить это понятие и назвать его сексуальность как статус, объединив с наблюдениями Зеттерберга. См.: *Вебстер М., Дрискелл Дж. Красота как статус // American Journal of Sociology. 89. 1983. С. 140–65* [*Webster M., Driskell J. E. Beauty as Status // American Journal of Sociology. 89. 1983. P. 140–165;*

т. е. как характеристику, подтверждающую статус. Можно рассуждать о многих последствиях того, что сексуальная привлекательность стала важным и даже решающим критерием в выборе партнера. Во-первых, взаимозависимость красоты и нравственных качеств, скорее всего, означала тесную связь с социальным классом (нравственность заключалась в проявлении манер и чувства приличия, присущих определенному классу)⁸². Поскольку сексапильность была сформирована с помощью средств массовой информации, индустрии моды и косметики для привлечения широкого круга женщин, она стала относительно независимой от нравственных кодексов и, следовательно, от социального класса. Подобные бесклассовые кодексы сексуальности, доступные для подражания любой женщине, воплощает в себе Анджелина Джоли. Таким образом, очевидно, что сексуальность является потенциально опасной для традиционных моделей гомогамии. То есть, принимая во внимание, что красота и сексуальность не обязательно совпадают с социальной стратификацией и могут фактически предоставить менее богатым образованным женщинам альтернативный способ доступа к влиятельным мужчинам, легализация сексуальности представляет собой увеличение числа способов вступления в брак, подрывая, таким образом, традиционную иерархию, основанную на деньгах. «В низших классах общества эта [эротическая] иерархия может быть более заметна, чем где-либо еще, просто потому, что бедные, не обладающие властью и необразованные занимают нижние

Зеттерберг Х. Секретный рейтинг // Journal of Marriage and the Family. 28(2). 1966. С. 134–142 [Zetterberg H. The Secret Ranking // Journal of Marriage and the Family. 28(2). 1966. P. 134–142].

⁸² Для обширного анализа нравственности и класса см.: *Ламон М. Деньги, нравы и манеры: Культура французских и американских высших слоев среднего класса. Chicago: University of Chicago Press, 1992 [Lamont M. Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and American Upper — Middle Class. Chicago: University of Chicago Press, 1992].* Иную точку зрения см.: *Бейзел Н. К. Невинность под угрозой: Энтони Комсток и продолжение рода в викторианской Америке. Princeton: Princeton University Press, 1998 [Beisel N. K. Imperiled Innocents: Anthony Comstock and Family Reproduction in Victorian America. Princeton: Princeton University Press, 1998].*

позиции во всех других отношениях и, таким образом, могут стать значимее благодаря своим эротическим качествам»⁸³. В конечном счете, это означает, что брачный рынок становится некой сексуальной социальной ареной, где секс происходит из любви к самому процессу, ареной, где соревнуются все больше и больше соперников: скажем, богатые, образованные и сексуально привлекательные, которые могут либо принадлежать, либо не принадлежать к богатым.

Во-вторых, увеличение количества критериев выбора подразумевает возможность возникновения многих других противоречий в выборе партнера. То есть, если гомогамия основывается на самой сильной социологической поддержке брака — брака с партнерами, имеющими сопоставимое образование и социально-экономический статус, то сексуальность привносит элемент, который потенциально может противоречить, и часто так и делает, «нормальной» логике социального воспроизводства⁸⁴. Не секрет, что влечение к не гомогамным партнерам было достаточно известным явлением в прошлом, но это считалось гораздо менее законным. Это также означает, что попытка объединить одинаково законные критерии, которые не обязательно совпадают, усложнит процесс поиска и, скорее всего, заставит выбирающих лавировать между взаимоисключающими характеристиками (а иногда и выбирать из них). С точки зрения социологии мы можем сказать, что современный выбор партнера, основанный на *габитусе*, или наборе прочных телесных, лингвистических и культурных предрасположенностей, приобретенных в ходе социализации, становится более сложным, поскольку теперь он должен усваивать различные наборы оценок, либо подталкивающих к воспроизводству социального класса, либо к медиакультуре, которая производит огромное количество бесклассовых образов. Романтический габитус сложен по своей природе.

---

⁸³ Zetterberg Х. Секретный рейтинг // Journal of Marriage and the Family. 28(2). 1966. С. 136 [Zetterberg H. The Secret Ranking // Journal of Marriage and the Family. 28(2). 1966. P. 136].

⁸⁴ Это лейтмотив «Любовника леди Чаттерлей» Д. Х. Лоуренса и «Трамвая желание» Теннесси Уильямса.

Третий и, возможно, наиболее очевидный эффект многочисленных критериев выбора связан с тем, что они узаконили сексуальность как самоцель, оторванную от супружеских целей. Эта оторванность со всей очевидностью свидетельствует о появлении категории «сексуального опыта», в которой сексуальная жизнь, отделенная и независимая от эмоциональной жизни, все больше проживается ради нее самой. Такая оторванность подразумевает гораздо большую дистанцию между эмоциональными намерениями и сексуальными действиями, между переживаемыми эмоциями и моральным долгом превратить их в будущие обязательства. Более того, чувственность указывает на отделение секса от эмоций, поскольку большинство эмоций организованы и порождены системой нравственных ценностей, а чувственность представляет собой культурную категорию и поведение, которое не является нравственно закодированным. Это общая тенденция, но более характерная для мужчин, а не для женщин, о чем свидетельствует тот факт, что мужчины составляют 72 % от общего числа посетителей порнографических сайтов и более 95 % от общего числа платных порнографических сайтов, в то время как женщины по-прежнему больше подвержены смешивать эмоции и сексуальность. Более того, преобладание секса, оторванного от эмоций, подразумевает большие трудности в передаче настоящих чувств и намерений каждого сексуального партнера.

Четвертое последствие связано с тем, что чувственность делает процесс влюбленности полностью субъективным, сексуальное влечение или химия, как известно, не поддается объективным критериям (и это несмотря на то, что критерии красоты стали стандартизированными). В то время как в мире Джейн Остин критерии выбора партнера известны, всем понятны и объективны, теперь они стали субъективными, поскольку основаны на необъяснимом (в принципе) влечении. Каждый человек, по большому счету, должен полагаться только на себя, чтобы разгадать, привлекает ли его кто-нибудь и следует ли ему этого человека любить, делая выбор партнера результатом индивидуального принятия решений,

достигнутого благодаря сложному процессу эмоциональной и когнитивной оценки.

Пятое последствие заключается в том, что чувственность делает влечение все более зависимым от изображенного и воспринимаемого зрением⁸⁵ и, следовательно, вступает в противоречие с рациональными и лингвистически сформулированными критериями, которые также стали доминировать в процессе выбора партнера. Влечение к кому-либо зависит от причин, которые не являются когнитивно, сознательно или рационально оправданными. Понимание, что человек привлекателен, приходит моментально в процессе знакомства или краткого общения и, таким образом, приводит к быстрому образованию пар (знаменитое «свидание на одну ночь» или «случайная связь»). Таким образом, сексуальность как способ оценки указывает на увеличение количества сексуальных связей, возникающих исключительно ради секса, не связанного никакими рамками или долгосрочными обязательствами.

И, наконец, последствием, смежным с предыдущим, является то, что сексапильность влечет за собой все большую унификацию физической внешности и внешнего вида вследствие широкого распространения стандартных образов красоты и сексуальности. Сексуализация романтического свидания была стандартизирована благодаря выбору определенных желательных черт лица и тела. Модели, предложенные индустрией моды, начали играть в этом процессе привилегированную роль. Стандартизация красоты и сексуальности, в свою очередь, привела к формированию определенных черт в *иерархии* сексуальной привлекательности: некоторые люди явно сексуально более привлекательны, чем другие, благодаря хорошо изученным культурными кодексам и нормам. Поскольку критерии сексуальности кодифицированы, их можно использовать для оценки и классификации потенци-

---

⁸⁵ См.: Александер Дж. Иконическое сознание: Материальное ощущение смысла // Environment and Planning D: Society and Space. 26. 2008. С. 782–794 [Alexander J. Iconic Consciousness: The Material Feeling of Meaning // Environment and Planning D: Society and Space. 26. 2008. P. 782–794].

альных партнеров, тем самым ставя одних людей выше по шкале сексуальной привлекательности, чем других. Следовательно, субъективизация выбора — превращение личности в единственно верный источник оценки — идет рука об руку со стандартизацией сексуальной внешности и способностью классифицировать ее.

Эти изменения создают условия и определяют основные этапы того, что экономисты называют *брачными рынками*: а именно, свидания, которые, по всей видимости, контролируются индивидуальным выбором и вкусом, во время которых люди свободно выбирают и обмениваются качествами, желанными в другом, — как правило, женская привлекательность в обмен на мужской статус. Для экономиста Гэри Беккера, пионера концепции брачного рынка, теория предпочтений применима, как и в любой другой сфере экономической деятельности, поскольку брак всегда является добровольным. К тому же в силу того, что мужчины и женщины соревнуются в поисках партнера, можно сказать, что брак — это рынок⁸⁶, на котором человек, обладающий наибольшим количеством необходимых качеств, будет обладать и большей властью над другими. Понятие Беккера точно отражает общепринятое мнение о том, что брак является результатом свободного выбора и что критерии этого выбора различны. Беккер, однако, делает несколько важных ошибок: он рассматривает решения как результат предпочтений, а предпочтения рассматривает как равнозначные и, таким образом, не проводит различия между родительским выбором спутника жизни и выбором потенциальных партнеров. С точки зрения социологии, однако, эти два вида выбора значительно отличаются в том, что *индивидуальный выбор* для себя, скорее всего, будет более сложным, поскольку человек, вероятно, захочет удовлетворить многочисленные нужды, т. е. иметь несколько предпочтений, которые, в свою очередь, могут противоречить друг другу.

---

⁸⁶ Беккер Г. С. Теория брака: Часть I // The Journal of Political Economy. 81(4). 1973. С. 814 [Becker G. S. A Theory of Marriage: Part I // The Journal of Political Economy. 81(4). 1973. P. 814].

Более того, Беккер не обращает внимания на то, что брачный рынок и условия поиска и выбора партнера существенно различаются в зависимости от того, как регулируется или не регулируется брак, т. е. в соответствии с тем, что я ранее называла экологией выбора. Экономисты предполагают, что предпочтение побуждает к выбору, и не задаются вопросом, каковы условия для формирования этого предпочтения. И последнее, может быть, самое важное: экономисты не обращают внимания на тот факт, что брачные рынки не являются естественными или универсальными, скорее, они представляют собой результат исторического процесса прекращения урегулирования романтических свиданий — имеется в виду выведение романтических свиданий из традиционных нравственных рамок, регулировавших процесс выбора. «Великая трансформация» романтических свиданий — это процесс, в котором нет формальных социальных границ, регулирующих доступ к партнерам, процесс, в котором преобладает интенсивная конкуренция. То, что экономисты считают естественной категорией «брачного рынка», на самом деле имеет историческое происхождение, связанное с исчезновением формальных правил эндогамии, с индивидуализацией романтического выбора и с распространением конкуренции. Условия для брачного рынка возникают только в современном обществе и присущи только ему. В этой связи было бы более уместно говорить о «сексуальных полях», а не о брачных рынках, поскольку эти поля предполагают наличие у субъектов неравных ресурсов для конкуренции в конкретной социальной обстановке.

Брачные рынки и сексуальные поля

Эротизация романтических отношений сопровождалась исчезновением формальных механизмов эндогамии и прекращения урегулирования романтических любовных отношений под знаменем индивидуализации. Под индивидуализацией я подразумеваю, что индивидуумы, а не семьи, становятся носителями личных, физических, эмоциональных и сексуальных

качеств, которые должны составлять и определять их особенности и уникальность, и что индивидуумы берут на себя ответственность за процесс оценки и выбора. Таким образом, личность, будучи уникальной и индивидуальной, образует пару с другой уникальной личностью, обладающей присущими только ей качествами. Процесс выбора партнера определяется динамикой вкуса, т. е. становится результатом совместимости двух совершенно разных индивидуальностей, каждая из которых свободно и беспрепятственно ищет необходимые ей качества. Становясь более субъективным, выбор партнера ставит индивидов в ситуацию открытой конкуренции с другими. Это происходит в результате структурирования свидания с потенциальными партнерами на открытом рынке, где люди встречаются и образуют пары в соответствии со своими вкусами и конкурируют с другими в своей способности получить доступ к наиболее желанным партнерам. Это пересматривает условия обмена между мужчинами и женщинами. В мире Джейн Остин мужчины и женщины обмениваются подобными качествами в виде богатства, статуса, образования или общей притягательности своей личности. Романтический выбор, по большей части и почти всегда, отражает и воспроизводит социальное расслоение и нравственные принципы, присущие классу. В современном обществе обмен может в принципе стать несоразмерным, т. е. мужчины и женщины могут «обменивать» различные качества — красоту или сексуальность на, скажем, социально-экономическую власть.

С точки зрения социологии брачный рынок имеет ряд характеристик. Во-первых, в прошлом поиск партнера был (более или менее) однородным, т. е. он происходил внутри определенной группы. С другой стороны, в наше время, учитывая, что раса, социально-экономический статус и религия больше не являются формальными препятствиями для выбора партнера, конкуренция становится и однородной, и охватывающей все уровни, внутри социальной группы, но часто и, как правило, вне ее, таким образом становясь в принципе открытой для всех. Конкуренция в борьбе за партнера становится

обобщенной. Это происходит потому, что социальные классы и социальные группы не предоставляют официальных и документально оформленных механизмов выбора партнера. В результате количество потенциальных партнеров значительно увеличивается, и каждый, как правило, конкурирует со всеми остальными в борьбе за наиболее желанных партнеров в данной социальной сфере, где желанность одновременно определяется с индивидуальной и иррациональной точек зрения («Я не знаю, почему он меня так привлекает» или «Она такая женщина, которую хотел бы иметь каждый мужчина»).

Во-вторых, встреча с другими становится вопросом личного вкуса (вкус включает в себя социально-экономические факторы, а также факторы, менее подверженные формулировке, такие как «очарование» или «сексуальность»). Критерии выбора партнера, начиная от физической привлекательности и сексуальных предпочтений до личности и социального статуса, становятся субъективными и теперь могут быть «проданы» в соответствии с динамикой индивидуального вкуса. То есть такие качества, как сексуальность или привлекательность можно «обменять» на экономический статус именно потому, что рынок брака, по всей видимости, становится открытым для частного выбора и предпочтений. Таким образом, торговля активами является результатом исторического преобразования структуры брачных рынков.

В-третьих, поскольку больше не существует официальных механизмов для объединения людей в пары, люди принимают экономические установки, также помогающие им сделать выбор, который должен стать одновременно экономическим и эмоциональным, разумным и безрассудным. Таким образом, романтический *габитус* обладает свойством действовать экономически и вместе с тем эмоционально. Иногда этот *габитус* делает выбор, в котором экономический расчет гармонично сочетается с эмоциями, но порой его преодолевают внутренние противоречия, например, когда приходится выбирать между «социально подходящим» и «сексуальным» человеком. Вот почему сексуально-романтический *габитус* стал очень слож-

ным, именно потому, что он содержит различные установки и предрасположенности.

В-четвертых, тот факт, что выбор партнера в современном обществе более субъективен, также означает, что он основан на качествах, которые (предположительно) присутствуют в личности и отражают ее «сущность»: физическая привлекательность и индивидуальность становятся показателями его внутренней значимости. Если в прежние времена брак был основан на материальном положении человека, а следовательно, на его ценности, сейчас практически наоборот: поскольку брачные рынки являются конкурентными и на них можно торговать различными качествами, именно успешность человека на этом рынке указывает на его ценность. Таким образом, положение человека на брачном рынке — это способ установления его общей социальной ценности, определяемой его успешностью на сексуальном рынке, т. е. количеством партнеров и/или их желанием взять на себя обязательства по отношению к нему. Успешная игра в свидания дает не только популярность, но также, если смотреть глубже, социальную ценность (анализ этого процесса см. в главе 4). Эротическая привлекательность и сексуальные способности указывают на появление новых способов придания социальной ценности на брачных рынках. Таким образом, сексуальность тесно переплетается с социальной ценностью.

Словом, когда социальный статус является наиболее важным критерием выбора партнера, конкуренция между мужчинами и женщинами гораздо более ограничена и происходит только среди членов одного класса. В современном мире, напротив, конкуренция значительно возрастает, поскольку больше не существует официальных механизмов, с помощью которых можно подбирать пары согласно их социальному статусу, поскольку критерии выбора партнера становятся одновременно разнообразными и изощренными, главным образом, потому, что они вовлекаются в частную динамику вкуса. Современность знаменует собой важные преобразования в критериях выбора партнера, поскольку характеристики физической

и нравственной привлекательности становятся гораздо более значительными, детальными и, прежде всего, субъективными. Таким образом, существует связь между процессом индивидуализации выбора партнера, «прекращением управления» брачными рынками и тем фактом, что процесс поиска структурирован как на рынке, где каждый свободно обменивается своими личными качествами, задуманными как совокупность социальных, психологических и сексуальных черт.

Ученые-феминисты резко (и справедливо) критиковали разрушительные аспекты сексуализации женщин⁸⁷, указывая на то, каким образом она подчиняет женщин мужчинам и огромной экономической машине, питаемой индустрией красоты. Чрезмерная коммерциализация сексуального тела заставляет многих утверждать, что мы живем в порно-культуре, где размыты границы между публичными и частными сексуальными отношениями, между превращенным в товар и эмоциональным сексом⁸⁸. Однако эта критика не затрагивает самого сложного вопроса о том, как красота, сексуальная привлекательность и сексуальность могут взаимодействовать с классовой структурой и, в свою очередь, представлять собой новый способ расслоения общества. В частности, феминистская критика может упустить тот факт, что красота и сексу-

---

⁸⁷ Вольф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин. NY: Random House, 1990 [Wolf N. The Beauty Myth: How Images of Beauty Are Used Against Women. New York: Random House, 1990].

⁸⁸ Эттвуд Ф. Пропаганда секса: Сексуализация западной культуры. London: I.B. Tauris, 2009 [Attwood F. Mainstreaming Sex: The Sexualization of Western Culture. London: I.B. Tauris, 2009]; Холл А., Бишоп М. Дж. Поп-порно: Порнография в американской культуре. Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2007 [Hall A. C., Bishop M. J. Pop-Porn: Pornography in American Culture. Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2007]; Макнейр Б. Стриптиз-культура: Секс, медиа и демократизация желания. London: Routledge, 2002 [McNair B. Striptease Culture: Sex, Media and the Democratization of Desire. London: Routledge, 2002]; Пол П. Порнификация: как порнография меняет нашу жизнь, наши отношения и наши семьи. NY: Times Books, 2005 [Paul P. Pornified: How Pornography is Transforming Our Lives, Our Relationships, and Our Families. New York: Times Books, 2005]; Роуч К. М. Стриптиз, секс и массовая культура. Oxford: Berg Publishers, 2007 [Roach C. M. Stripping, Sex, and Popular Culture. Oxford: Berg Publishers, 2007].

альность подрывают традиционные иерархии статуса и представляют собой возможность для создания новых социальных групп (молодых и красивых, бедных и красивых), чтобы конкурировать с группами, обладающими большим социальным и экономическим капиталом, и даже представлять собой новую форму социальной иерархии. Таким образом, сексуализация мужской и женской природы существенно меняет условия выхода на брачные рынки, поскольку красота и сексуальная привлекательность, слабо связанные с социальным классом, позволяют выйти на брачные рынки представителям среднего и высших слоев среднего класса, которым до сих пор вход туда был запрещен. Конечно, я не отрицаю, что за телом ухаживают в соответствии с классовыми кодами, но красота и сексуальность, культивируемые вездесущими средствами массовой информации, являются более независимыми критериями оценки класса, чем, скажем, языковые и культурные кодексы, таким образом, делая процесс образования пар, по крайней мере, потенциально, намного менее тесно связанным с классовой структурой.

Прекращение управления процессом подбора пар и повышение ценности сексуальности порождают то, что мы можем назвать, перефразируя Бурдьё, сексуальными полями, т. е. социальными аренами, на которых сексуальное желание становится свободным, сексуальная конкуренция — обобщенной, сексуальное влечение превращается в саморегулируемый критерий выбора партнера, а сексуальная привлекательность — в независимый критерий, по которому можно классифицировать и иерархически упорядочить людей. Таким образом, сексуальная привлекательность в сочетании с другими качествами или сама по себе становится независимым критерием оценки образования пар. Она активизируется традиционным классовым габитусом, который заставляет нас находить привлекательными тех людей, с которыми мы можем образовать пару, но поскольку секс все больше организуется как независимая социальная сфера, он также может нарушить классовый габитус и потребовать других форм оценки (как, например, в случае

с королем Эдуардом VIII, который отрекся от своей короны ради разведенной простолюдинки Уоллис Симпсон, и т. д.).

Этот исторический процесс лежит в основе того, что социолог Ганс Цеттерберг назвал «эротическим рейтингом», или вероятностью того, что один человек сможет убедить других в своем «эмоциональном превосходстве»⁸⁹. Согласно Цеттербергу, люди не только различаются в своей способности создавать это превосходство, но и тайно классифицируются в соответствии с ним. Учитывая 1966 год, когда это было написано, не удивительно, что он считал, что этот рейтинг должен быть секретным. Сорок лет спустя этот секретный рейтинг стал достоянием общественности, так что теперь мы можем назвать сексуальную привлекательность, как отмечалось выше, диффузной характеристикой статуса⁹⁰. Именно этот основополагающий исторический процесс побудил некоторых социологов говорить о появлении «эротических» или «сексуальных» полей.

Став независимым, сексуальное желание создает социальное пространство, предназначенное для организации сексуальных и романтических встреч на официально существующих площадках, таких как бары, ночные клубы, бани, секс-сайты, сайты знакомств и личных объявлений, компании по подбору партнеров. Эти площадки предназначены для организации романтических/сексуальных встреч и классифицируются в соответствии с логикой потребительских вкусов и ниш (например, *New York Review of Books personals*, клуб S & M, расположенный в центре Манхэттена и т. д.)⁹¹.

---

⁸⁹ *Zetterberg H.* Секретный рейтинг // *Journal of Marriage and the Family.* 28(2). 1966. С. 135 [*Zetterberg H.* The Secret Ranking // *Journal of Marriage and the Family.* 28(2). 1966. P. 135].

⁹⁰ *Webster M., Driskell J.* Красота как статус // *American Journal of Sociology.* 89. 1983. С. 140–65 [*Webster M., Driskell J.* E. Beauty as Status // *American Journal of Sociology.* 89. 1983. P. 140–165].

⁹¹ См.: *Грин А.* Социальная организация желания: Концепция сексуальных полей // *Sociological Theory.* 26(1). 2008. С. 25–50 [*Green A.* The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach // *Sociological Theory.* 26(1). 2008. P. 25–50].

Если сексуальные свидания теперь организованы как поля, тогда это значит, по итогам анализа этих полей, что некоторые их участники успешнее других в процессе определения привлекательности/желательности партнера и что относительно немногие находятся на вершине сексуальной пирамиды и являются объектом конкурентной борьбы со стороны большего, чем другие, числа людей. Можно, в частности, задаться вопросом, не породил ли рост сексуальных полей новые формы господства мужчин над женщинами. В экономике прошлого мужчины и женщины обменивались экономическими активами, которые часто были схожими. Поскольку патриархат означал контроль над детьми, женщиной и слугами, мужчины испытывали необходимость вступить в брак. И мужчины, и женщины обычно принуждались к вступлению в брак (за исключением случаев религиозного предназначения и обетов целомудрия). В этом смысле они были эмоционально равны. В капиталистической экономике, напротив, большая часть собственности и потоков капитала контролировалась мужчинами, что делало брак и любовь крайне важными для социального и экономического выживания женщин. Как я отмечаю в следующих двух главах, дерегулирование брачных рынков повлекло за собой новые формы контроля со стороны мужчин над сексуальными полями.

Вследствие упадка формальных механизмов эндогамии, преобразования и индивидуализации сексуальных практик, а также чрезмерного повышения ценности секса и красоты при посредничестве средств массовой информации XX в. стал свидетелем формирования нового капитала, распространяемого в сексуальных сферах, который мы можем назвать «эротическим». «Эротический капитал может рассматриваться как качество и количество характерных черт, присущих одной личности, которые вызывают эротический отклик у другой»⁹².

---

⁹² См.: *Грин А.* Социальная организация желания: Концепция сексуальных полей // *Sociological Theory*. 26(1). 2008. С. 29; *Леви-Мартин Дж., Джордж М.* Теории сексуального расслоения: к аналитике сексуального поля и теории сексуального капитала // *Sociological Theory*. 24(2). 2006. С. 107–132 [*Levi-Martin J., George M.* Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital // *Sociological Theory*. 24(2). 2006. P. 107–132].

Но я утверждаю, что эротический капитал принимает две формы или выбирает два пути, соответствующие различным гендерным стратегиям накопления эротического капитала на сексуальном поле.

В своей самой простой мужской форме эротический капитал становится очевидным и проявляется в количестве накопленного сексуального опыта. Вот, например, что говорит Шарль, 67-летний французский журналист, живущий в Париже: «Когда мне было лет 30–40, иметь много любовников было очень важно для меня. Вы понимаете, это почти тот самый случай, когда количество перерастает в качество. Если у меня было много любовников, я чувствовал себя качественно иным, более успешным человеком». Или в своем автобиографическом отчете о том, как складывалась его активная гомосексуальная жизнь, Джош Килмер-Перселл пишет:

Я знал, что мне следовало иметь намного больше секса. Поскольку я гей, мир должен был стать моей сексуальной игровой площадкой. Что я делал не так? Как я собирался стать хорошим геем? <...> Именно поэтому, ровно в полночь 28 августа 1994 года, в мой двадцать пятый день рождения, я решил отметить свое совершеннолетие, трахнувшись с незнакомцами⁹³.

Этот гей чувствует себя неполноценным, демонстрируя свой бедный сексуальный опыт, и решает увеличить число любовников, которое затем становится источником его гордости, представляя собой способ накопления социальной ценности для личности. Писательница Грета Кристина рассказывает о своем сексуальном опыте так: «Когда я впервые начала заниматься сексом, мне нравилось считать людей. Я хотела запомнить, сколько их было. Это стало источником своеобразной гордости или, по крайней мере, источником самоопределения, знать, со сколькими людьми я занималась сексом в своей

---

⁹³ Килмер-Перселл Дж. Двадцать пять к одному. NY: Plume, 2009. С. 108 [Kilmer-Purcell J. Twenty-Five to One Odds // Love Is a Four Letter Word: True Stories of Breakups, Bad Relationships, and Broken Hearts / in M. Taekens (ed.). New York: Plume, 2009. P. 108].

жизни»⁹⁴. Чарльз, Килмер-Перселл и Кристина рассматривают большой сексуальный опыт, представляющий огромное количество партнеров, как источник самооценки. Они ведут себя как сексуальные капиталисты. Их эротический капитал представлен значительным количеством сексуальных завоеваний и является их гордостью. Иными словами, сексуальное желание заключено в динамике показного проявления собственной ценности через сексуальное изобилие, сигнализирующее о том, что человек обладает сексуальным/эротическим капиталом и способностью убедить других в своем «эмоциональном превосходстве». Эта накопительная или последовательная сексуальная стратегия была принята и женщинами, но в культурном и историческом отношении, лишь как имитация поведения мужчин.

Эротический капитал имеет дополнительное значение. Некоторые социологи даже предполагают формирование такого эротического капитала, который может быть преобразован, как и другие формы капитала, в иные поля, такие как лучшая занятость и более высокий статус. Как утверждает Дана Каплан, цитируя исследователя в этой области: «Сексуально ориентированный человек может сигнализировать о целом ряде различных накопленных навыков, востребованных непосредственно на рынке труда... таких как высокая осведомленность, гибкость, креативность, умение себя подать и способность продвигаться вверх по служебной лестнице»⁹⁵. Можно сказать, что эта форма капитала соответствует женской сексуальной стратегии образования пар, стратегии исключительности.

Несомненно, областью, в которой эротический капитал имеет наиболее ощутимые результаты и преимущества, является область выбора партнера. По мнению Кэтрин Хаким,

---

⁹⁴ Кристина Дж. Мы занимаемся сексом или как? Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 2008. С. 24] [*Christina G. Are We Having Sex Now or What? // The Philosophy of Sex: Contemporary Readings / in A. Soble and N. Power (eds). Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 2008. P. 24].*

⁹⁵ Каплан Д. Секс, стыд и возбуждение: Личность в эпоху эмоционального капитализма (unpublished manuscript, n.d.). С. 2 [*Kaplan D. Sex, Shame and Excitation: The Self in Emotional Capitalism (unpublished manuscript, n.d.). P. 2].*

девочки, считавшиеся более привлекательными в средней школе, чаще других выходили замуж, причем выходили замуж молодыми и, что еще более удивительно, имели более высокий семейный доход (через 15 лет после его первоначального измерения). Хаким заходит даже дальше, предполагая, что женщины могут воспользоваться эротическим капиталом для повышения социальной мобильности, а не только для обращения на рынок труда. Хочется надеяться, она не считает, что «эксплуатация» собственного эротического капитала в целях обретения социальной мобильности заслуживает такой же высокой оценки, как развитие навыков математики или ткацкого мастерства, но результаты ее исследований полезны тем, что они подразумевают аналогию между брачными рынком и рынком труда, позволяющим женщинам получить социальный статус и богатство в современном обществе благодаря своей сексуальности⁹⁶. Таким образом, эротический капитал является частью экономического капитала женщин в XXI в. Безусловно, женщины прошлого также использовали свой эротический капитал для получения социального статуса и активов, которых в ином случае они были лишены. Новым является лишь то, что нынешняя социальная структура и культура средств массовой информации поддерживают и облегчают преобразование эротического капитала в социальный.

Такие преобразования объясняют появление новой культурной идеи, захватившей наши телевизионные экраны в 1990-х гг., а именно поиск партнера на невидимом, но мощном рынке конкурирующих персонажей. Эта основополагающая идея является лейтмотивом успешного во всем мире сериала

---

⁹⁶ Хаким К. Выбор работы и образа жизни в 21 веке: теория предпочтений. Oxford: Oxford University Press, 2000. С. 160–163 [*Hakim C. Work–Lifestyle Choices in the 21st Century: Preference Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 160–163*]; Эриксон Р., Голдторп Дж. Х. Постоянный поток: Исследование классовой мобильности в индустриальных обществах. Oxford: Clarendon Press, 1993 [*Erikson R., Goldthorpe J. H. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press, 1993*]; Тело К. Каков отец, таков и сын. Paris: Dunod, 1982 [*Thélot C. Tel Père, Tel Fils? Position Sociale et Origine Familiale. Paris: Dunod, 1982*].

«Секс в большом городе» и реалити-шоу, подобных «Холостяку». Действительно, «Секс в большом городе» и «Холостяк» инсценируют и представляют темы, освещенные в этой главе: чрезмерную сексуализацию романтических отношений, индивидуализацию и усложнение процесса поиска, всеобщий дух соперничества в процессе образования пар, преобразование сексуальности в капитал посредством сексуального опыта и успеха, в результате которых *поиск* и *выбор* партнера становятся неотъемлемой частью жизненного цикла с его социологически сложными формами, правилами и стратегиями. Таким образом, большая часть литературы и телевизионных сериалов по самоусовершенствованию появляется в связи с тем, что романтические *поиски* стали объективно очень сложным социологическим предприятием со своим собственным независимым экономическим полем, социальными субъектами и социальными правилами. Еще более важное значение имеет то, что теперь сексуальность, желание и любовь социологически разделены и находятся в тесной зависимости от социальной стратификации — они проистекают из социального класса, предоставляют статус и, в конечном итоге, часто соответствуют образовательной гомогамии; однако, выбор партнера происходит в контексте рекреационной сексуальности, основанной на бесклассовом переживании совместного удовольствия и чистой сексуальности. Таким образом, рекреационная сексуальность и выбор партнера часто представляют собой противоположные социологические факторы.

Заключение

Документируя переход к современному выбору партнера, историки часто подчеркивали отклонение в сторону эмоционального индивидуализма. Хотя такая характеристика является неточной, она скрывает гораздо более важный процесс, а именно изменение тактики выбора, т. е. саму взаимосвязь между эмоциями и здравомыслием и способы организации конкуренции между претендентами на местах. В настоящее время выбор партнера происходит в условиях высокой

конкуренции на рынке, где романтический и сексуальный успех является следствием предшествующих способов стратификации общества и также, в свою очередь, оказывает стратифицирующее воздействие. Такая романтическая стратификация имеет несколько составляющих. Одна из них касается способов, с помощью которых социальная стратификация возвращается и формирует эротическое желание, т.е. способов, благодаря которым социальный статус питает и формирует эротическое желание, причем либидо является каналом социального воспроизводства (находя «сексуальным» самого влиятельного мужчину). Желанность тесно связана с социально-экономическим статусом человека. Другой аспект касается того факта, что сексуальная привлекательность *по сути своей* представляет независимый показатель эротической ценности и становится самостоятельным критерием расслоения, который либо препятствует социальному расслоению, либо нет. Физическая привлекательность становится независимым критерием выбора партнера, который может отрицательно сказываться на других критериях или работать в тандеме с ними.

Торжество любви и сексуальной свободы ознаменовало проникновение экономики в механизм желания. Одно из главных преобразований сексуальных отношений в современном обществе заключается в тесном переплетении желания, экономики, вопросов ценности и собственного достоинства. Именно экономика теперь довлеет над желанием. Под этим я подразумеваю, что обобщенная сексуальная конкуренция преобразует саму структуру воли и желания, которое приобретает свойства экономического обмена, а значит, регулируется законами спроса и предложения, дефицита и перенасыщения. Как экономическая машина преобразует и структурирует желание, станет яснее в следующей главе.

Глава 3

Страх перед обязательствами и Архитектура романтического выбора⁹⁷

Вывести животное, которое может обещать, — разве это не та самая парадоксальная задача, которую природа поставила себе в отношении человека? Не это ли проблема человека?

Фридрих Ницше «Генеалогия Морали»⁹⁸

«Женщины становятся несчастнее», — сказала я своему другу Карлу. «С чего ты взяла? — спросил он невозмутимо, — всегда сплошное нытье». «Почему мы печальнее?» — настаивала я. «Потому что вам не все равно», — ответил он, насмешливо улыбнувшись, — У вас есть чувства». «О, да».

Морин Дауд «Синий — это новый черный»⁹⁹

Свобода стала подлинным символом современности, боевым кличем угнетенных, триумфом демократий, гордостью капиталистических экономических рынков и упреком авторитарным режимам. Она была и остается великим достижением современных политических институтов¹⁰⁰.

Тем не менее при упоминании о свободе как о критерии оценки политических систем не следует игнорировать две важные трудности: конкуренция и несопоставимые блага (как солидарность) бросают вызов идее о том, что свобода должна быть

---

⁹⁷ С Маттаном Шахаком.

⁹⁸ *Ницше Ф.* Генеалогия Морали. NY: Courier Dover Publications, 2003 [1887]. С. 34 [*Nietzsche F. W.* The Genealogy of Morals. New York: Courier Dover Publications, 2003 [1887]. P. 34].

⁹⁹ *Дауд М.* Синий — это новый черный // New York Times. September 19, 2009 [*Dowd M.* Blue Is the New Black // New York Times. September 19, 2009].

¹⁰⁰ См.: *Хоннет А.* Право свободы. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2011 [*Honneth A.* Das Recht der Freiheit. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2011].

конечной целью наших практик¹, и осуществление свободы может вызвать и, действительно, вызывает такие формы расстройств, как онтологическая незащищенность и обесмысливание существования². Хотя эта книга является модернистской в своем утверждении свободы, она ставит под сомнение ее последствия, поскольку, как станет очевидным в последующем анализе, сексуальная и эмоциональная свобода порождают свои собственные формы страданий.

Однако понятие «свобода» может быть слишком емким, поскольку оно несет в себе различные значения и имеет разнообразные последствия в разных институциональных контекстах. Свобода капиталистического рынка включает в себя такие значения, как «личный интерес» и «честная конкуренция»; свобода в сфере межличностных отношений опирается на выразительный индивидуализм; в потребительской сфере — на право выбора; а свобода, предполагаемая гражданскими правами, опирается на понятие достоинства, которое оставляет без внимания другие сферы. Практика свободы юридически закрепляется в различных сферах с различными практическими и нравственными последствиями.

Таким образом, несмотря на то, что сексуальная свобода исторически трактуется как политическое право³, она отличается от

---

¹ Сэндел М. Процессуальная Республика и необремененная личность // *Political Theory*. 12(1). 1984. С. 81–96 [Sandel M. J. The Procedural Republic and the Unencumbered Self // *Political Theory*. 12(1). 1984. P. 81–96]; Тэйлор Ч. Источники идентичности. Cambridge: Cambridge University Press, 1992 [Taylor C. Sources of the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1992]; Уолцер М. Сферы справедливости: Защита плюрализма и равенства. NY: Basic Books, 1983 [Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. NY: Basic Books, 1983].

² Гидденс А. Модернизм и самосознание. Stanford: Stanford University Press, 1991. С. 70–108 [Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 70–108]; Тернер Б. С., Роджек К. Общество и культура. London: Sage, 2001 [Turner B. S., Rojek C. Society and Culture. London: Sage, 2001]; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. London: Routledge, 2002 [1930] [Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Routledge, 2002 [1930]].

³ См., напр.: Корнелл Д. В самом сердце свободы: Феминизм, секс и равенство. Princeton: Princeton University Press, 1998 [Cornell D. At the Heart of Freedom: Feminism, Sex, and Equality. Princeton: Princeton University Press, 1998].

свободы в политической сфере. Политическая свобода активируется большим и сложным правовым механизмом, обеспечивающим относительную упорядоченность и предсказуемость ее осуществления. В межличностных и сексуальных отношениях свобода не ограничивается институциональным механизмом. За исключением юридических ограничений «согласия» (возраст согласия, половой акт без согласия, флирт без согласия и т. д.), сексуальная свобода развивается в направлении все большего освобождения от правовых и нравственных запретов. Все чаще в сфере сексуальных отношений выражаются такие формы индивидуальности, которые выходят за рамки закона и общепринятых норм, что делает ее — возможно, больше, чем сферу политики — площадкой для проявления чистой индивидуальности, выбора и самовыражения. «Порнофикация» культуры происходит в контексте коммерциализованного раскрепощения сексуальных желаний и фантазий, свободных от оков нравственного регулирования⁴. Мораль современной сексуальности заключается теперь в утверждении взаимной свободы, равенства и независимости, а не в уважении, скажем, чести или норм моногамии.

В сфере сексуальных отношений наиболее очевидные выражения свободы характеризуются изменениями в значимости брака и сексуальности. В начале XX в. брак был пожизненным обязательством для большинства людей. Статистика показывает, что уровень разводов в США оставался низким до 1960 г., но за последующие 20 лет этот показатель вырос

---

⁴ Паскаль Брюкнер напоминает нам о том, что свобода в сексуальной и эмоциональной сферах включает в себя целый ряд различных и сложным образом взаимосвязанных значений: свобода от внешнего авторитета (родителей, общества или мужчин), открытость и доступность множества жизненных перспектив и сексуальных возможностей или жизнь ради исполнения собственных фантазий и удовольствий. См.: Брюкнер П. Парадокс любви. Paris: Grasset & Fasquelle, 2009 [Bruckner P. Le Paradoxe Amoureux. Paris: Grasset & Fasquelle, 2009]. Пеппер Шварц иллюстрирует практику таких сексуальных отношений в так называемых равноправных браках. См.: Шварц П. Любовь между равными: как на самом деле устроен брак между равными. NY: Free Press, 1994 [Schwartz P. Love between Equals: How Peer Marriage Really Works. New York: Free Press, 1994].

более чем вдвое⁵ и по-прежнему остается высоким. По результатам исследования в 1960-е гг. отношение к разводам резко изменилось⁶. В 1981 г. Даниил Янкелович сообщил о важных изменениях в нормативно-правовой структуре брака и гетеросексуальных отношений⁷. В своем многолетнем исследовании он сравнил ответы, данные в 1950-х гг., с ответами, данными в конце 1970-х. В 1950-е гг. он опрашивал молодых одиноких и замужних женщин, почему они ценят брак и семью. Их ответы отражают глубоко укоренившееся убеждение в том, что брак является необходимым и неизбежным, он предоставляет возможность полноправного участия в жизни общества, а также дает ощущение стабильности. Двадцать пять лет спустя, в конце 1970-х гг., отношение изменилось: брак теперь стал одним из нескольких вариантов выбора для молодых женщин. Так называемое девиантное поведение, такое, как безбрачие, гомосексуализм или внебрачная беременность, практически перестало считаться позорным⁸. Свободное сожителство возросло⁹ и приводило

---

⁵ Элвуд Д. Т., Дженкс К. Распространение неполных семей в Соединенных Штатах с 1960 года. NY: Russell Sage Foundation, 2006. С. 25–64 [Elwood D. T., Jencks C. The Spread of Single-Parent Families in the United States since 1960 // The Future of the Family / in D. P. Moynihan, T. M. Smeeding and L. Rainwater (eds). New York: Russell Sage Foundation, 2006. P. 25–64].

⁶ Торнтон А. Изменение отношения к семейным проблемам в Соединенных Штатах // Journal of Marriage and the Family. 51(4). 1989. С. 873–893 [Thornton A. Changing Attitudes toward Family Issues in the United States // Journal of Marriage and the Family. 51(4). 1989. P. 873–893].

⁷ Янкелович Д. Новые правила: Поиск самореализации в перевернутом с ног на голову мире. NY: Random House, 1981 [Yankelovich D. New Rules: Searching for Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down. New York: Random House, 1981] цит. по: Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985. С. 90–93 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. Habits of the Heart: Indivia Press, 1985. P. 90–93].

⁸ Там же.

⁹ Число совместно проживающих пар увеличилось с 1,1 миллиона в 1977 г. до 4,9 миллиона в 1997 г. В 1977 г. доля совместно проживающих составляла 1,5 % от общего числа подобных домохозяйств, увеличившись к 1997 г. до 4,8 %. См.: Каспер Л. М., Коэн П. Н. Как измерить количество лиц противоположного пола, живущих в одном помещении? Исторические оценки совместного проживания // Demography. 37(2). 2000. С. 237–245

к браку лишь в 50 % случаев или меньше¹⁰. С конца 1970-х гг. брак и стабильные отношения стали необязательными и зачастую достигаются только после тщательного поиска, консультаций и затрат¹¹. В новаторском исследовании, посвященном обязательствам в браке и романтических отношениях, проведенном в 1980-х гг., Энн Свидлер обнаружила, что в этом десятилетии произошли значительные изменения в структуре эмоциональных и культурных обязательств перед заключением брака и в процессе супружеских отношений¹². Противозачаточные средства и изменение нравственных норм усилили и упорядочили разделение между сексом и браком, примером чего является радикальное изменение отношения к добрачному сексу после 1960-х гг.¹³ Эти изменения стали ощутимыми результатами расширения свободы в сфере интимных отношений. Утверждение свободы в сексуальной сфере стало одним из самых значительных социологических преобразований, произошедших в XX в. В этой главе я пытаюсь показать, как эта свобода привела к преобразованию эмоциональных отношений между гетеросексуальными парами и, в особенности, к феномену, известному как «страх перед обязательствами»¹⁴.

[Casper L. M., Cohen P. N. How Does POSSLQ Measure Up? Historical Estimates of Cohabitation // *Demography*. 37(2). 2000. P. 237–245].

¹⁰ Шоен Р., Вайник Р. М. Выбор партнера для брака и совместного проживания // *Journal of Marriage and the Family*. 55(2). 1993. С. 408–414 [Schoen R., Weinick R. M. Partner Choice in Marriages and Cohabitations // *Journal of Marriage and the Family*. 55(2). 1993. P. 408–414].

¹¹ Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985. С. 89–90 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 89–90].

¹² См.: Там же. С. 85–112. Глава 4 опирается, главным образом, на исследование Энн Свидлер о любви и браке.

¹³ Хардинг Д., Дженкс К. Изменение отношения к добрачному сексу // *Public Opinion Quarterly*. 67(2). 2003. С. 211–226 [Harding D., Jencks C. Changing Attitudes toward Premarital Sex: Cohort, Period, and Aging Effects // *Public Opinion Quarterly*. 67(2). 2003. P. 211–226].

¹⁴ Дебаты о значении и последствиях этих изменений продолжаются с 1980-х гг. Например, Белла и др. («Привычки сердца») утверждают, что эти изменения подрывают приверженность посредством использования

Как утверждается в главе 2, осуществление свободы всегда происходит в социальном контексте, и именно этот контекст необходимо исследовать, чтобы понять, какие противоречия породила свобода в сфере интимных отношений. Сексуальная и романтическая свобода не является абстрактной практикой, скорее, она узаконена и заложена в оспариваемом, но все еще мощном патриархате. Это породило новые формы страданий в виде неравенства, возникающего в зависимости от того, как мужчины и женщины чувствуют, испытывают и контролируют свою сексуальную свободу на конкурентных сексуальных полях. Подобно сфере рыночных отношений сексуальная свобода влечет за собой культурное перекодирование гендерного неравенства, которое стало невидимым, поскольку романтическая жизнь следует логике предпринимательской жизни, где каждый партнер ставит во главу угла собственную свободу и приписывает свои страдания несовершенствам *собственной личности*. Тем не менее, как я пытаюсь показать, сексуальная свобода напоминает свободу экономическую тем, что она становится косвенной причиной неравенства и даже узаконивает его.

От женской сдержанности до мужской отстраненности

По современным меркам процесс ухаживания в XVIII и XIX вв. ограничивал сексуальное поведение женщин и в меньшей степени мужчин. Женщины среднего и высших слоев среднего класса были более склонны к сдержанности в выражении своих романтических эмоций и сексуальных желаний,

---

терапевтического языка и идеала самореализации. Франческа Канциан, между тем, критикует их за то, что они слишком подчеркивают модель индивидуальной независимости, пренебрегая моделью взаимозависимости, и утверждает, что взятие обязательств остается центральной чертой брака. См.: *Канциан Ф. Любовь в Америке*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 [*Canclian F. Love in America* Cambridge: Cambridge University Press, 1987]. Однако в этой главе я исследую проблему взятия обязательств в современных романтических отношениях и браке с другой точки зрения — я спрашиваю, как и по каким причинам изменилась структура взятия обязательств в этих отношениях.

чем мужчины. Существовали две основные причины этого: женщине следовало умалчивать о своих чувствах, и на ранних стадиях знакомства ее поведение сводилось в основном к тому, чтобы принимать или отвергать ухаживание мужчины. Эта сдержанность стала результатом изменений, произошедших в XVIII в. в отношении взглядов на сексуальность женщин. Несмотря на то, что в христианском обществе на протяжении веков сексуальное воздержание было навязано мужчинам и женщинам, бытовало мнение, что женщины имеют бóльшие сексуальные аппетиты. «Во всяком случае, дочери Евы считались более склонными к избытку страсти [чем мужчины], поскольку предполагалось, что они не способны полностью контролировать свои чувства»¹⁵. Однако в XVIII в. возникло убеждение, что сопротивление сексуальным искушениям естественно для женщин. Наглядным примером является роман Самюэля Ричардсона «Памела» (1740 г.)¹⁶. Это история молодой горничной, за которой настойчиво ухаживает хозяин, да так, что чуть не доходит до изнасилования. Она постоянно сопротивляется его домогательствам, но начинает испытывать к нему нежные чувства. В конечном итоге он уважает ее добродетельное сопротивление и предлагает выйти за него замуж¹⁷, предложение она с радостью принимает. Этот роман ознаменовал собой возникновение нового восприятия женской природы и разделения мужской и женской гендерной идентичности на основе практики воздержания: для женщин воздержание стало испытанием и признаком их добродетели, помогавшим завоевывать репутацию на брачном рынке; мужчинам оно позволяло демонстрировать свою мужественность

---

¹⁵ *Cott N. Ф.* Бесстрастность: Толкование Викторианской сексуальной идеологии, 1790-1850 // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 4. 1978. С. 222 [*Cott N. F.* Passionlessness: An Interpretation of Victorian Sexual Ideology, 1790-1850 // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 4. 1978. P. 222].

¹⁶ *Ричардсон С.* Памелла или вознагражденная добродетель. Harmondsworth: Penguin Books, 1985 [1740] [*Richardson S.* Pamela: or Virtue Rewarded. Harmondsworth: Penguin Books, 1985 [1740]].

¹⁷ Персидские письма Монтескье предваряли эту тему добродетельного сопротивления, повествуя о том, что Роксана стала любимой женой Узбека, прожив свою добродетель в сопротивлении его ухаживаниям.

благодаря способности желать и завоевывать то, от чего женщина должна была отказаться.

Это отождествление женского воздержания с добродетелью стало заметным в американской культуре. Образ и идеал воздержания как часть общей системы целесообразности и самоконтроля служил для присвоения женщинам более высокого морального и социального статуса: «Возведя сексуальный контроль на самую вершину человеческих добродетелей, моралисты среднего класса сделали женское целомудрие архетипом человеческой нравственности»¹⁸. По словам Нэнси Котт, возвысив нравственный статус женщины, духовенство лишило их сексуальности. Эта новая идеология была полезна для женщин, поскольку ценой сексуального воздержания и непорочности они обрели «моральное равенство», «власть и самоуважение»¹⁹. Котт показывает, что в XIX в. мужчины злоупотребляли женской сексуальной свободой, но введение воздержания наделило женщин большей властью и равноправием: «Вера в то, что женщинам не доставало плотской заинтересованности, стала основополагающим доказательством в пользу морального превосходства женщин, используемым для повышения их статуса и расширения их возможностей»²⁰.

Сексуальная сдержанность давала женщинам повод отказать поклоннику, но не позволяла им проявлять интерес к нему²¹, это означало, что мужчины вынуждены были действовать более активно и были более уязвимы в процессе ухажива-

---

¹⁸ Уотт Я. Новая женщина: Памелла Семюэл Ричардсон. NY: St Martin's Press, 1964. С. 223 [Watt I. The New Woman: Samuel Richardson's Pamela // The Family: Its Structure and Functions / in R. L. Coser (ed.). New York: St Martin's Press, 1964. P. 223].

¹⁹ Котт Н. Ф. Бесстрастность: Толкование Викторианской сексуальной идеологии, 1790-1850 // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 4. 1978. С. 228 [Cott N. F. Passionlessness: An Interpretation of Victorian Sexual Ideology, 1790-1850 // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 4. 1978. P. 228].

²⁰ Там же. С. 233.

²¹ Ротман Э. К. Руки и сердца: История сватовства и ухаживания в Америке. NY: Basic Books, 1984. С. 32 [Rothman E. K. Hands and Hearts: A History of Courtship in America. New York: Basic Books, 1984. P. 32].

ния. Как мы видели во главе 2, историк Эллиен Ротман указывает на то, что: «Женщине следовало ждать, чтобы убедиться, что ее чувства взаимны, прежде чем признаться в них даже самой себе»²². Было слишком рискованно выражать свои чувства до предложения руки и сердца. Ротман подчеркивает, что считалось крайне важным не показывать свои чувства первой: «Редкая женщина была готова подвергнуть себя отказу возлюбленного»²³. Таким образом, женщины ждали от мужчин доказательства их намерений и чувств. Привязанность мужчины, его способность проявлять и доказывать любовь имели первостепенное значение для принятия его предложения руки и сердца: «Когда мужчина делал предложение, любовь была его самой важной характеристикой; когда женщина отвечала согласием, любовь была ее первым обдуманном решением»²⁴. Ротман также утверждает, что мужчина не был до конца уверен в том, будет ли принято его предложение: «Мужчины чаще, чем женщины, жаловались на то, что ответов на письма приходилось ждать слишком долго или они были слишком поверхностными»²⁵. Как инициаторы брака, мужчины были более уязвимы в процессе сватовства: с одной стороны, им следовало доказывать свою страсть и силу чувств, а с другой — проявлять некоторый самоконтроль, чтобы защитить себя от излишней открытости перед лицом возможного отказа²⁶. При этом женщины в большинстве областей общественной жизни были преимущественно бесправны, их позиция в процессе ухаживания и сватовства, по-видимому, была сильной, по крайней мере, на уровне эмоциональной силы, определяемой как способность сдерживать проявление эмоций для того, чтобы вынудить мужчину раскрыть свои чувства, а затем принимать решение об ответе.

---

²² Ротман Э. К. Руки и сердца: История сватовства и ухаживания в Америке. NY: Basic Books, 1984. С. 34.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 33.

Ротман также утверждает, что после того, как мужчина делал свой выбор, он редко проявлял нерешительность: «Он практически не колебался в преследовании своей цели. Женщины, напротив, долго раздумывали и сомневались, делая последние шаги к алтарю»²⁷. Ротман дает подробное описание моделей ухаживания в ранней Американской республике: «Молодой человек, стремившийся преодолеть любые препятствия; молодая женщина, в испуге стоявшая у ворот. Поскольку мужчины ожидали, что брак обогатит, а не ограничит их повседневную жизнь, они больше, чем женщины, хотели, чтобы свадьба состоялась. <...> Мужчина мог, однако, ожидать сопротивления и промедления со стороны своей невесты»²⁸. Мир, описанный здесь, — это мир, в котором мужчина чаще раскрывал свое сердце, заявлял о силе своих чувств и пытался «завоевать» женщину, — иными словами, мир, в котором взятие обязательств не было проблемой для мужчины, поскольку его социальное существование зависело от брака. Другим примером настойчивости, требуемой от мужчин в сердечных делах, является история Теодора Седжвика, сына и тезки известного федералиста, и его сватовство к Сьюзен Ридли. Седжвик-младший добивался ее руки в 1805 г., но отступил после того, как отчим Сьюзен выступил против этого союза. На следующий год юноша восстановил отношения со Сьюзен и был отчитан братьями за нерешительность: «Говорят, у тебя не хватило мужества оставить девчонку в покое»²⁹. Твердость и решительность считались ценнейшими мужскими качествами во многих областях, но особенно в супружеской жизни. Рассмотрим также сватовство Натаниэля Хоторна к Софии Пибоди. Менее чем через четыре месяца после знакомства с Софией и до каких-либо брачных обязательств Хоторн написал в письме:

---

²⁷ Ротман Э. К. Руки и сердца: История сватовства и ухаживания в Америке. NY: Basic Books, 1984. С. 70.

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ Кенсли Т. Влюбленные Седжвики: Ухаживание, помолвка и брак в Ранней республике. Boston: Northeastern University Press, 2006. С. 49 [Kenslea T. The Sedgwicks in Love: Courtship, Engagement, and Marriage in the Early Republic. Boston: Northeastern University Press, 2006. P. 49].

Моя душа истосковалась по другу, которого Бог дал бы мне — чью душу он обвенчал бы с моей душой. О, моя дорогая, как эта мысль волнует меня! Мы женаты! Я давно это почувствовал; и порой, когда я хочу очень нежно назвать тебя, мои уста произносят — «жена»! <...> Часто, обнимая тебя, я безмолвно покоряюсь тебе, обретая в твоём лице любовь и счастье, выпавшее на мою долю, и молюсь, чтобы Господь освятит и благословил наш союз³⁰.

Страстность, эмоциональность и желание связать себя обязательством были такой же (если, временами, не большей) прерогативой мужчин, как и женщин, по крайней мере, среди мужчин среднего класса и дворянства XIX в. Мужественность среднего класса в XIX в. определялась способностью чувствовать и проявлять сильные чувства, давать и сдерживать обещания, а также способностью проявлять твердость и решительность, принимая обязательства по отношению к женщине. Как указывалось в главе 2, настойчивость, приверженность обязательствам и надежность являлись признаками мужественного характера. Карен Листра, еще один специалист по изучению практик ухаживания и сватовства в XIX в., подтверждает, что «мужчинам среднего и высших слоев среднего класса было позволено проявлять чувства, подобные, или даже полностью совпадавшие с женскими»³¹. Конечно, такие эмоциональные определения мужественности возникли в результате объединения нравственного кодекса Викторианской культуры и экономического характера помолвки: «Брак... всегда предусматривал передачу значительного количества недвижимого или личного имущества семьи невесты семье жениха со встречным обязательством выплаты значительной доли будущего годового дохода»³². Приданое становилось своего рода гарантом

---

³⁰ *Гэддерт Л. А.* Новая английская история любви: Натаниэль Хортон и София Пибоди. NY: Dial Press, 1980. С. 81 [*Gaeddert L. A.* A New England Love Story: Nathaniel Hawthorne and Sophia Peabody. New York: Dial Press, 1980. P. 81].

³¹ *Листра К.* Поиски сердца. NY: Oxford University Press, 1989. С. 21 [*Lys-tria K.* Searching the Heart. New York: Oxford University Press, 1989. P. 21].

³² *Стоун Л.* Сломанные жизни: Расставание и развод в Англии в 1660–1857 годах. Oxford: Oxford University Press, 1993. С. 88 [*Stone L.* Broken Lives: Separation and Divorce in England 1660–1857. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 88].

обязательства мужа перед женой и закрепляло межличностные обязательства новой пары в более широкой системе семейных, экономических и социальных обязательств. Оно укрепляло семейные отношения родителей и их дочерей и формировало социальные отношения между родственниками, связанными между собой общими привязанностями и интересами³³. Короче говоря, обязательства мужчин были неотъемлемой частью нравственной и экономической экологии, строившейся вокруг приданого. Это не значит, что мужчины никогда не нарушали своих обязательств и никогда не бросали беременных женщин³⁴, но такое поведение воспринималось как девиантное и бесчестное с точки зрения имущих классов, по крайней мере, в протестантской Западной Европе и в США³⁵. Например, когда Серен Кьеркегор расторг помолвку с Региной Ольсен в 1841 г., он был вынужден испытать на себе гнев и презрение семьи девушки и своей собственной семьи, посчитавших его поступок позорным³⁶.

Это определение мужественности и приверженности обязательствам по отношению к женщине существенно отличается от того, что мы видим в начале XXI в. Кристиан Картер — веб-блогер, взятое автором успешной серии электронных книг, посвященной отношениям, и еженедельного электронного бюллетеня, на который я подписана уже более года, в статье, рекламирующей свою книгу «От свободных отношений к серьезным», пишет, очевидно, обращаясь к гипотетической женской аудитории:

---

³³ Хойнацкий С. Приданое и родственники в Венеции Раннего Возрождения // *Journal of Interdisciplinary History*. 5(4). 1975. С. 571–600 [*Chojnacki S. Dowries and Kinsmen in Early Renaissance Venice // Journal of Interdisciplinary History*. 5(4). 1975. P. 571–600].

³⁴ Стоун Л. Сломанные жизни: Расставание и развод в Англии в 1660–1857 годах. Oxford: Oxford University Press, 1993 [*Stone L. Broken Lives: Separation and Divorce in England 1660–1857*. Oxford: Oxford University Press, 1993].

³⁵ В Англии XIX в. женщины чаще мужчин нарушали обещание выйти замуж. См.: там же.

³⁶ Ханней А. Кьеркегор: биография. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. С. 158–159 [*Hannay A. Kierkegaard: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 158–159].

Ты встречаешь парня, в котором, кажется, есть что-то «особенное». И речь идет не просто об «очередном» парне. <...> Я говорю о парне, который подходит для СЕРЬЕЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Он не только веселый, обаятельный, умный и успешный... он на самом деле *нормальный!*

А еще лучше, если о нем говорят только хорошее.

Чем ближе ты будешь его узнавать, тем скорее почувствуешь НАСТОЯЩУЮ связь между вами... и тебе покажется, что ваши чувства взаимны. И когда, наконец, вы действительно сблизитесь... *возникнет ощущение чуда...*

Ты интуитивно «почувствуешь», что между вами возникли уникальные отношения, которые могут привести к чему-то *действительно* особенному.

Затем все больше и больше времени вы станете проводить вместе, и ваши «свидания» сольются воедино. И у тебя возникнет ощущение, что это твой самый близкий человек, что ты знаешь его уже много-много лет...

Вы не сможете оторваться друг от друга, оказавшись в одной комнате... вас даже будут останавливать на улицах, чтобы сказать, какая вы *великолепная пара...*

Жизнь будет чудесной... и, даже если тебе придет в голову, что все как-то немного рановато, ты осознаешь, что это и есть «настоящая любовь».

Вам будет весело, будут страсть и романтика. Удивительные разговоры, смех и общие шутки...

Все будет настолько «естественным», что у тебя не возникнет и тени сомнения в том, что вы сможете вместе прожить всю свою жизнь, оставаясь влюбленными до самой смерти.

Несмотря на ощущение, что немного рано начинать думать «об этом»... ты решишь, что определенно готова к серьезным отношениям с ним... Что ты хочешь только его и никого больше. И тебе захочется, чтобы он был *только* с Тобой.

Но реальность такова, что ты *совершенно* не знаешь, как объяснить ему свои чувства, или выяснить, *действительно* ли он разделяет их.

Хотя, после всех его слов и поступков, после времени, проведенного вместе, ты почти уверена, что ваши чувства взаимны.

Ты решаешь «успокоиться» и посмотреть, к чему это приведет...

Но с течением времени ты ловишь себя на том, что постоянно надеешься на то, что он что-нибудь скажет тебе... представляя момент,

когда, наконец, он раскроется, поделится своими самыми сокровенными чувствами и попросит тебя стать «его девушкой»...

Но не успеешь оглянуться... проходят недели... и *ничего*...

Пролетают месяцы... и ты начинаешь задумываться, что же *на самом деле* происходит...

Конечно... вам по-прежнему весело... но к чему это приведет?

Твоя голова забита вопросами, на которые ты еще не нашла ответа...

Что же нас ждет???

Он тоже чувствует, что что-то не так?

Почему он не попросил меня стать его девушкой?

Он встречается с другими?

Для него это все лишь игра?

Может, его чувства не так серьезны, как мои!?

ЧТО ЖЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ???

Ты все еще терпелива, но это сводит тебя с ума... *ты должна знать*.

Ты решаешь спросить его, как бы невзначай...

Но когда ты пытаешься заговорить об этом, он, похоже, просто не «понимает».

Возможно, он произнесет несколько пустых фраз вроде: «Что ты имеешь в виду? Мы же встречаемся всего несколько месяцев!» или... «Сейчас и так все здорово!»

Или еще хуже... он станет полностью избегать разговора, уйдет в себя и будет вести себя так, будто именно **ТЫ** создаешь проблему.

Затем... в течение следующих нескольких дней он будет все больше отдаляться... и все совершенно изменится.

Телефонные звонки станут все реже... общение окажется «вынужденным» и неловким...

И в конце концов... совершенно прекратится... и случится «немыслимое»... ты поймешь, что он ушел. Только недавно он был твоей Второй Половинкой, и вот его нет. Осталось лишь ощущение холода и пустоты в душе³⁷.

Эта рекламная аннотация позволяет уловить некоторые «первобытные» мотивы, структурирующие реальный и воображаемый характер отношений между мужчинами и женщинами в современном обществе. Что стабильности и близости

---

³⁷ <http://www.lipstickalley.com/f41/how-go-casual-committed-138565/> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

трудно достичь, особенно женщинам, поскольку мужчины эмоционально неуправляемы и обычно сопротивляются попыткам женщин вступить в долгосрочные отношения. То, что желание женщины посвятить себя мужчине столь же очевидно, как и сопротивление мужчины. Что проявление заботы и любви отнюдь не привлекает мужчину, часто заставляя его «убегать»; лишь в исключительных случаях «нормальные» мужчины готовы связать себя отношениями. Очевидным следствием этой краткой истории и ее маркетинговой стратегией является то, что женщины нуждаются в психологических советах для распознавания паталогически испуганных обязательствами мужчин, чтобы их избегать и заставлять колеблющихся мужчин захотеть вступить в отношения. В контексте данной главы наиболее интересным аспектом этой короткой истории является предположение о том, что взятие обязательств — это мужская проблема, причем весьма распространенная. В США, например, страх перед обязательствами, особенно среди мужчин, принял размеры нравственной паники и стал предметом кажущихся бесконечными телевизионных мыльных опер, художественных фильмов и изданий по самопомощи. Мнение о том, что обязательства — это мужская проблема, является столь распространенным, что сайт, на котором представлен словарь, посвященный отношениям, предлагает следующее определение обязательства: «В настоящее время слово Обязательство (так же, как и слово Любовь, которое, как известно, некоторые мужчины произносят, наступая на горло собственной песне, т. е. обманывая, для того чтобы переспать, например) — это слово, которое не имеет абсолютно никакого отношения к мужскому роду»³⁸.

Если мы изучим данные, мы сможем найти предостаточно свидетельств, хотя и косвенных, подтверждающих изменения в характере обязательств мужчин и женщин. В США основные тенденции в браке с начала 1980-х гг. включают увеличение среднего возраста вступления в брак (27 лет для мужчин

---

³⁸ <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Commitment> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

и 25 лет для женщин в 2003 г.)³⁹, это означает, что люди откладывают решение о вступлении в брак⁴⁰. Число мужчин и женщин, которые остаются неженатыми, также увеличилось. Фактически, с 1970-х гг. количество домохозяйств, состоящих из одного человека, значительно возросло⁴¹, в частности, в США, но также и в Европе. Это объясняется более поздним возрастом вступления в брак и значительным увеличением числа разводов. Продолжительность брака уменьшилась: из мужчин, вступивших в брак в 1955–59 гг., 76 % оставались в браке в течение, по крайней мере, 20 лет, тогда, как лишь 58 % мужчин, вступивших в брак в 1975–79 гг., оставались женатыми в течение того же периода времени. Число мужчин, проживших меньший срок в браке (пять, десять или 15 лет), также снизилось в этот период. Вместе с тем произошло сокращение числа повторных браков⁴². Возникли и новые категории, такие как ЖО (живущие отдельно друг от друга)⁴³, которая

³⁹ Доклад Бюро переписи населения США: Число, сроки и продолжительность браков и разводов: 2001 г., февраль 2005 г. [US Census Bureau Report: Number, Timing and Duration of Marriages and Divorces: 2001, February 2005].

⁴⁰ Шоэн Р., Канудас-Ромо В. Влияние времени на вступление в первый брак: опыт двадцатого века в Англии, Уэльсе и США // *Population Studies*. 59(2). 2005. С. 135–146 [Schoen R., Canudas-Romo V. Timing Effects on First Marriage: Twentieth-Century Experience in England and Wales and the USA // *Population Studies*. 59(2). 2005. P. 135–146].

⁴¹ Доля домохозяйств, состоящих из одного человека, увеличилась на 9 % с 17 % в 1970 г. до 26 % в 2007 г. В том числе в подкатегории несемейные домохозяйства эта категория составляет, по оценкам, треть от общего числа домохозяйств в США. См.: доклад Бюро переписи населения США: Американские семьи и условия жизни: 2007 г., сентябрь 2009 г.

⁴² Согласно докладу Бюро переписи населения США, число, сроки и продолжительность браков и разводов: в 2001 г., к 40 годам около 15 % мужчин и женщин, родившихся между 1935 и 1939 гг., состояли в браке два или более раз. Эта доля увеличилась до 22 % среди тех, кто родился в период между 1945 и 1949 гг. в первом поколении всплеска рождаемости. В последующие десять лет эта доля оставалась в основном неизменной для женщин, но снизилась до 17 % для мужчин, родившихся между 1955 и 1959 гг.

⁴³ Сторм Ч., Зельцер Дж., Кохран С., Мейс В. Вместе и врозь, или проживание одной семьей на два дома: отношения в Соединенных Штатах // *Demographic Research*. 21(7). 2009. С. 177–214 [Strohm C., Seltzer J., Cochran S., Mays W. Living Apart Together: Relationships in the United States // *Demographic Research*. 21(7). 2009. P. 177–214].

относится к модели социальных интимных отношений между парами, не живущими вместе, поскольку они не желают или по разным причинам не могут взять на себя обязательства совместного использования жилища. Наконец, популярность и даже относительная правомерность немоногамного поведения, такого как «секс на одну ночь» или полиамория, причем последнее является этической или сознательной, основанной на полном согласии немоногамией, позволяет предположить, что исключительность отношений — традиционная черта обязательства — оспаривается и заменяется более бессистемными или множественными формами обязательств или даже беспорядочным поведением. Данные указывают, хотя и не очень точно, на то, что традиционные модели обязательств претерпели глубокие изменения в настоящее время, поскольку брак не так охотно выбирается в качестве жизненной перспективы, как в прошлом. Такие отношения организуются под эгидой большей гибкости, краткосрочных договорных обязательств, большей возможностью выйти из них и *априори* полным отсутствием обязательств⁴⁴. Несомненно, упадок в сфере обязательств связан с обретением большей индивидуальной свободы вступать в отношения и выходить из них. Однако, хотя страх перед обязательствами, по-видимому, распространяется как на мужчин, так и на женщин, в хронологическом и культурном плане он является прерогативой мужчин⁴⁵.

Как же можно это объяснить? Принятая за чистую монету, идея *мужского* страха перед обязательствами противоречит ряду выводов, найденных в литературе. Например, исследования

---

⁴⁴ Эндрю Черлин осмысливает это изменение как переход от дружеской модели брака к индивидуальной. См.: Черлин Э. Деинституционализация американского брака // *Journal of Marriage and Family*. 66(4). 2004. С. 848–861 [Cherlin A. J. The Deinstitutionalization of American Marriage // *Journal of Marriage and Family*. 66(4). 2004. P. 848–861].

⁴⁵ Страх перед обязательствами наиболее распространен среди мужчин из высших слоев среднего класса, контролирующих социальные, культурные и экономические ресурсы, и среди образованных и экономически независимых женщин среднего класса, заинтересованных в гетеросексуальной модели семьи. Таким образом, описанное в этой главе меньше всего относится к мужчинам и женщинам, не попадающим под эти категории.

показывают, что мужчины извлекают больше пользы из брака, чем женщины⁴⁶. Учитывая, что в большинстве браков женщины, как правило, обслуживают мужчину, это неудивительно⁴⁷. Кроме того, женщины не только обслуживают своих мужей, они поощряют их «родственные отношения», т. е. они поддерживают нерушимость отношений мужчин с их детьми и другими членами семьи. Наконец, брак дает мужчинам стимул зарабатывать больше и оставаться здоровыми⁴⁸. Исходя из этих преимуществ брака, мужчины должны быть более склонны к семейной жизни, чем женщины. Действительно, в исследовании восприятия брака Гейл Кауфман и Фрэнсис Голдшайдер обнаружили, что, хотя 37 % мужчин считают, что можно жить полноценной и достойной жизнью, не состоя в браке, это мнение разделили 59 % женщин. Другими словами, по крайней мере на уровне восприятия, мужчины чаще, чем женщины, рассматривают брак как привлекательный вариант (а его отсутствие — значительно менее привлекательным)⁴⁹. Женщины, напротив, чаще воспринимают незамужнюю жизнь как более удобную и полноценную.

Еще большее недоумение вызывает то, что предполагаемая большая готовность женщин к взятию обязательств противоречит экономической теории и социологическим выводам, предсказывавшим обратное. Одно из основных объяснений снижения числа браков было предложено экономистом Гэри Беккером, который утверждает, что брак основан на взаимной

---

⁴⁶ *Бернард Дж.* Будущее брака. New Haven: Yale University Press, 1982 [*Bernard J.* The Future of Marriage. New Haven: Yale University Press, 1982].

⁴⁷ *Берк С.Ф.* Подтверждение половой принадлежности: распределение работы в американских семьях. NY: Plenum Press, 1985 [*Berk S. F.* The Gender Factory: The Apportionment of Work in American Households. New York: Plenum Press, 1985].

⁴⁸ *Нок С. Л.* Брак в жизни мужчин. Oxford: Oxford University Press, 1998 [*Nock S. L.* Marriage in Men's Lives. Oxford: Oxford University Press, 1998].

⁴⁹ *Кауфман Дж., Голдшейдер Ф.* Мужчины «нуждаются» в браке больше, чем женщины? Восприятие важности брака мужчинами и женщинами // *Sociological Quarterly.* 48(1). 2007. С. 29–46 [*Kaufman G., Goldscheider F.* Do Men 'Need' a Spouse More Than Women? Perceptions of the Importance of Marriage for Men and Women // *Sociological Quarterly.* 48(1). 2007. P. 29–46].

выгоде и что более высокий уровень занятости среди женщин должен сделать его менее предпочтительным для них, что также объясняет сокращение числа браков⁵⁰. Согласно этому мнению женщины станут более «разборчивыми» и им будет легче отказываться от предложений мужчин, которых они считают неподходящими, в надежде найти кого-нибудь получше. Иначе говоря, нестабильность брачного рынка связана с тем, что женщины в меньшей степени зависят от брака в плане своего экономического выживания. С этой точки зрения, именно женщины, а не мужчины, ответственны за сокращение числа браков, и именно они проявляют страх перед обязательствами⁵¹. Хотя это, безусловно, происходит (т. е. улучшенные экономические возможности женщин приводят к снижению количества брачных союзов), женщины более охотно связывают себя обязательствами, а мужчины, даже если они положительно смотрят на брак, более нерешительны и противоречивы в отношении обязательств и долгосрочных стабильных отношений.

Есть несколько распространенных объяснений такого положения вещей. Наиболее примечательным является то, что мужчины имеют несовершенную психику и не имеют элементарных способностей к моногамии по психологическим или эволюционным причинам. Психологическая, биологическая и эволюционная структура мужчин делает их склонными к сексуальному разнообразию, поскольку мужественность неразборчива и поскольку эволюция скорее требует того, чтобы они распространяли свою сперму, а не заботились

---

⁵⁰ Беккер Г. С. Трактат о семье. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981 [Becker G. S. A Treatise on the Family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981]. Критику этой теории см.: Оппенгеймер В. К. Занятость женщин и выгода для брака: специализация и торговая модель // *Annual Review of Sociology*. 23. 1997. С. 431–453 [Oppenheimer V. K. Women's Employment and the Gain to Marriage: The Specialization and Trading Model // *Annual Review of Sociology*. 23. 1997. P. 431–453].

⁵¹ С другой стороны, согласно прогнозам увеличение заработной платы мужчин должно оказывать сильное влияние на брак и развод, ускоряя вступление в брак и увеличивая его общую распространенность.

о потомстве⁵². Такие объяснения не могут использоваться социологами из-за их тавтологического характера, который объясняет данное состояние просто теоретически допуская, что необходимость вписала его в гены или в эволюцию. Иным объяснением такого положения вещей является то, что мужчины озадачены тем, что их традиционная роль оспаривается новыми полномочиями женщин. Мужчины воздерживаются от обязательств, поскольку они боятся женщин и их возрастающей силы, которая угрожает их личности.

Психоаналитические объяснения предполагают, что страх перед обязательствами является результатом того, что: «Мужская идентичность рождается в отречении от женского, а не в прямом утверждении мужского, из-за чего мужская гендерная идентичность становится непрочной и хрупкой»⁵³. С этой точки зрения, вдохновленная психодинамическими моделями мужской психики, такими как необходимость отделиться от матери, мужская гендерная идентичность формируется в противоположность женской и вопреки потребности в зависимости и объединении с кем-либо, делая мужчину менее способным создавать или желать долгосрочную связь. С XVIII до середины XIX в. проявление чувств было такой же прерогативой мужчин, как и женщин; после середины XIX в. это стало преимущественно женской прерогативой⁵⁴. Женщины взяли

---

⁵² См.: Бусс Д. М., Шмитт Д. П. Теория сексуальных стратегий: эволюционный взгляд на образование пар среди людей // *Psychological Review*. 100. 1993. С. 204–232 [Buss D. M., Schmitt D. P. Sexual Strategies Theory: An Evolutionary Perspective on Human Mating // *Psychological Review*. 100. 1993. P. 204–232]; Симмонс Д. Эволюция человеческой сексуальности. Oxford: Oxford University Press, 1979 [Symons D. The Evolution of Human Sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1979]; Триверс Р. Социальная эволюция. Menlo Park, CA: Benjamin / Cummings, 1985 [Trivers R. Social Evolution. Menlo Park, CA: Benjamin / Cummings, 1985].

⁵³ Киммел М. С. Гендер желания: Рассуждения о мужской сексуальности. Albany: SUNY Press, 2005. С. 32 [Kimmel M. S. The Gender of Desire: Essays on Male Sexuality. Albany: SUNY Press, 2005. P. 32].

⁵⁴ Винсент-Буффало А. История слез: Чувствительность и сентиментальность во Франции. NY: St Martin's Press, 1991 [Vincent-Buffault A. History of Tears: Sensibility and Sentimentality in France. New York: St Martin's Press, 1991]; Канциан Ф. Любовь в Америке. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 [Canician F. Love in America Cambridge: Cambridge University Press, 1987];

на себя ответственность за заботу, чувства и выражение эмоций, направленных на создание и поддержание близких отношений. Как блестяще доказала Нэнси Чодороу, различия в эмоциональном облике мужчин и женщин стали результатом структуры современной нуклеарной американской семьи, в которой женщины несут ответственность за заботу о детях, в результате чего девочки растут, постоянно отождествляя себя с матерями, и в течение всей своей взрослой жизни стремятся воспроизводить фузионные отношения с окружающими (практически растворяясь в них), в то время как мальчики развиваются с острым чувством обособленности и стремлением к независимости. Мальчики учатся расставаться, девочки — сближаться с людьми⁵⁵. С тактической точки зрения это объясняется тем, что мужчины и женщины в своих близких отношениях воспроизводят неравенство, характеризующее их союз в обществе в целом. Например, Суламифь Файерстоун утверждает, что мужчины пользуются различными стратегиями для поддержания контроля над отношениями, не желая связывать себя обязательствами, они могут демонстрировать непредсказуемое поведение (например, пропускать свидания, уклончиво высказываться в отношении следующей встречи, ставить работу на первое место и т. д.). Она полагает, что «мужская культура была (и является) паразитической, питающейся эмоциональной силой женщин, не отвечая им взаимностью»⁵⁶. С этой точки зрения

Иллюз Е. Одержимость романтической утопией: любовь и культурные противоречия капитализма. Berkeley: University of California Press, 1997 [Illouz E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. Berkeley: University of California Press, 1997].

⁵⁵ Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. Berkeley: University of California Press, 1979 [Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley: University of California Press, 1979]; Чодороу Н. Эдиповы асимметрии и гетеросексуальные узлы // Social Problems. 23(4). 1976. С. 454–468 [Chodorow N. Oedipal Asymmetries and Heterosexual Knots // Social Problems. 23(4). 1976. P. 454–468].

⁵⁶ Файерстоун С. Диалектика пола: Обоснование феминистской революции. NY: Bantam, 1970. С. 127 [Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: Bantam, 1970. P. 127].

мальчики/мужчины являются «эмоциональными паразитами», т. е. они могут принимать, но не порождать любовь или отвечать на нее для обеспечения своего рода эмоциональной поддержки, в которой нуждаются женщины. Исходя из этих соображений, страх перед обязательствами можно рассматривать как аспект «принудительной гетеросексуальности», одно из основных узаконенных описаний того, как мужчины систематически унижают, не принимают всерьез и игнорируют женщин⁵⁷.

Эти объяснения имеют решающее значение для определения места любви в контексте асимметричного распределения власти. Но их общим недостатком является патологизация мужского поведения и сопутствующее ей утверждение и восхваление женской психики и (предположительно, женской) модели близких отношений. Социологам следовало бы с подозрением относиться к объяснениям, которые *априори* патологизируют формы поведения. Психологические объяснения, в частности, вызывают подозрения, поскольку они потенциально опираются на модель здоровой психики, которая предполагает, что близость является «нормальным» и «здоровым» состоянием, к которому все мы должны стремиться, и тем самым отрицает эмпирическую и нормативную возможность того, что отдельные лица или группы людей могут отвергать близость и не быть психически уцербными при этом. Иначе говоря, невзирая на то, что я как феминистка нахожу нынешнее состояние гетеросексуальности угнетающим, я хочу проанализировать его, не претендуя на то, что женский способ управления межличностными отношениями является нормой, критерием, которым должно измеряться поведение мужчин. Такое предположение может отодвинуть на второй план то, что для социолога культуры является более интересным, а именно: на какие социальные условия реагируют мужчины, сопротивляясь обязательствам? Принятие «близости» в качестве нормативного критерия не позволяет нам задаться вопросом, является

---

⁵⁷ Рич А. Принудительная гетеросексуальность и лесбийская сущность // Signs. 5(4). 1980. С. 631–660 [Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. 5(4). 1980. P. 631–660].

ли (мужское) поведение стратегическим и рациональным ответом на новые социальные условия, в частности на новую экологию сексуальных связей и архитектуру романтического выбора. Если мы серьезно относимся к предположению, разделяемому феминистками и социологами, что психика пластична и что близость является скорее институтом, чем мериллом зрелой психики, то мы не должны использовать эту модель для психодинамического измерения нежелания мужчин связывать себя обязательствами.

Эти наблюдения вдохновлены Бруно Латуром, который утверждает, что в процессе изучения научных противоречий социолог/антрополог должен рассматривать все стороны в споре как равнозначные⁵⁸. Рассматривая научную теорию, касающуюся теории микробов во Франции конца XIX в., Латур не берется утверждать, что Пастер «победил»⁵⁹. Принцип симметрии помогает нам избежать ловушек воспевания или обвинения одной позиции по сравнению с другой. Вместо того чтобы патологизировать поведение мужчин, следовало бы спросить, какие социальные отношения создают условия и вызывают у мужчин «страх» перед обязательствами или безответственность и какие культурные рамки делают такое поведение значимым, допустимым и доставляющим удовольствие. Чтобы прояснить эмоциональные механизмы выбора и взятия обязательств, нам нужно подойти к мужскому нежеланию связывать себя ими и готовности женщин их принять как к двум симметричным явлениям, озадачивающим и так нуждающимся в объяснении. Социология в первую очередь интересуется социальными условиями, которые создают определенные модели личности более доступными, чем другие, и теми дилеммами, на которые эти культурные модели могут реагировать стратегически. Каковы же эти условия?

---

⁵⁸ Латур Б. Мы никогда не были современными. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993 [Latour B. We Have Never Been Modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993].

⁵⁹ Латур Б. Надежда Пандоры: Очерки о реальности научных исследований. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. С. 145–173 [Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 145–73].

Если проблема взятия обязательств не проистекает из негативного восприятия брака и того факта, что мужчины более избирательны, чем женщины, то можно с полным основанием утверждать, что она обусловлена тем, как мужчины и женщины контролируют и формируют свой выбор для вступления в отношения, т. е. тем, каким образом свобода закрепляется юридически. Взятие обязательств — это реакция на комплекс возможностей, которые, в свою очередь, влияют на процесс привязанности, т. е. на скорость, с которой развиваются отношения, на их интенсивность и на способность проецировать их в будущее. Следовательно, вопрос можно сформулировать следующим образом: какой комплекс возможностей вызывает страх перед обязательствами? Если, как я утверждаю, взятие обязательств является стратегической реакцией на возможности, то есть все основания утверждать, что эмоциональная организация страха перед обязательствами формируется изменениями в экологии и архитектуре выбора, т. е. социальными условиями и когнитивными способами, с помощью которых люди делают выбор и вступают в серьезные отношения.

Мужественность и упадок ответственности

Историк Джон Тош утверждает, что в западных обществах мужественность «проявляется в трех сферах: дом, работа и мужские сообщества»⁶⁰. Непререкаемый авторитет в семье, способность зарабатывать на жизнь самостоятельным, не подневольным трудом и способность заводить нужные связи в добровольных сообществах, закусовых и клубах, которые практически исключают женщин, традиционно являются тремя столпами мужественности. Капитализм и демократическое устройство общества знаменуют собой очень важное изменение в этой трехсторонней структуре: начиная с XX в. феминистское движение и его влияние на политическую, эко-

---

⁶⁰ *Тош Дж.* Мужественность и маскулинность в Великобритании девятнадцатого века: размышления о гендерной роли, семье и империи. London: Pearson Longman, 2005. С. 35 [*Tosh J.* Manliness and Masculinities in Nineteenth-Century Britain: Essays on Gender, Family and Empire. London: Pearson Longman, 2005. P. 35].

номическую и сексуальную сферы последовательно и эффективно оспаривали и подрывали власть мужчины в семье. Кроме того, рост бюрократических организаций и оплачиваемой работы женщин умерил независимость мужчин, это привело к тому, что большинство из них в настоящее время работает под руководством других мужчин и/или женщин, а большинство чисто мужских площадок для общения и взаимодействия (за заметным исключением спортивных) существенно сократилось, и гетеросоциальный отдых стал нормой для большинства заведений. Таким образом, по предположению Тоша, если мужественность является «социальным статусом, проявляющимся в определенных социальных контекстах»⁶¹, то, очевидно, что некоторым элементам, составляющим этот статус, и самим контекстам был нанесен значительный урон с наступлением эпохи модернизма. Независимость, авторитет в семье и мужская солидарность — все это было сведено на нет, а традиционная мужественность даже превратилась в признак противоположного статуса — в культурно закодированную мужественность рабочего класса. Именно в этом контексте сексуальность стала одним из наиболее значимых признаков мужественности. Как утверждается в главе 2, сексуальность предоставляет статус. Сексуальная привлекательность и сексуальность стали признаками гендерной идентичности и того, что в рамках этой идентичности принимает форму статуса⁶².

В определенной степени сексуальность всегда ассоциировалась с мужественностью, но во многих обществах мужская социальная власть является условием, обеспечивающим

---

⁶¹ Тош Дж. Мужественность и маскулинность в Великобритании девятнадцатого века: размышления о гендерной роли, семье и империи. London: Pearson Longman, 2005. С. 35 [Tosh J. Manliness and Masculinities in Nineteenth-Century Britain: Essays on Gender, Family and Empire. London: Pearson Longman, 2005. P. 35].

⁶² Здесь я должна пояснить, что я не подразумеваю сексуальность как мужской статус, как процесс социального разграничения, используемый в качестве замены традиционных мужских механизмов различения. Скорее, я утверждаю, что есть два параллельных процесса, которые создают матрицу: ослабление традиционных мужских символов статуса, с одной стороны, и централизация сексуальности как статуса — с другой.

доступ к женщинам. Мужчины утверждают свою социальную власть над женщинами и над другими мужчинами, устанавливая сексуальное господство над большим количеством женщин. Таким образом, если сексуальность — это сфера борьбы, то, безусловно, в традиционных обществах именно влиятельные мужчины господствуют в ней, поскольку мужская власть обычно перерастает в более свободный сексуальный доступ к более широкому кругу женщин. По словам Фрэнсиса Фукуямы: «Случайным доступом к нескольким женщинам [то есть случайным сексом на стороне в рамках брака] влиятельные, богатые, высокопоставленные мужчины наслаждаются на протяжении всей истории»⁶³. Другими словами, сексуальность по-прежнему является отражением социально-экономического статуса и указывает непосредственно на него. Эти многочисленные отношения часто влекут за собой обязательства тем или иным способом поддержать женщину, либо в конечном итоге жениться на ней, либо предоставить ей ряд экономических преимуществ.

Глава 2 повествует о том, как в XX в. импульс развития потребительской культуры и клинической психологии привел к тому, что сексуальная сфера перестала зависеть от нравственного регулирования и формальной классовой эндогамии, а также к возникновению сексуальных полей. Результаты оказались знаменательными: мужчинам больше необязательно быть влиятельными и доминирующими, чтобы иметь сексуальный доступ к женщинам. Теперь он относительно независим от мужской социально-экономической власти, и мужчины разного социально-экономического происхождения имеют возможность вступать в сексуальные отношения со множеством женщин без необходимости платить за это, без риска подвергнуться моральному порицанию окружающих и без принуждения к вступлению в брак⁶⁴. По словам Фукуямы:

---

⁶³ Фукуяма Ф. Великий разрыв: Человеческая природа и восстановление социального порядка. Glencoe, IL: Free Press. С. 121 [Фукуяма Ф. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. Glencoe, IL: Free Press. P. 121].

⁶⁴ Фактически это и делает историческую фигуру Казановы столь современной, а именно тот факт, что, не имея личного состояния, он смог добиться

«Вот что изменилось после 1950-х годов — многим довольно обычным мужчинам было позволено воплотить в жизнь фантазии гедонизма и серийной полигамии, ранее доступной лишь крошечной группе на самом верху общества»⁶⁵.

Существуют три возможные причины тесной связи сексуальности с мужским статусом. Поскольку сексуальность ассоциировалась с социально-экономическим статусом влиятельных мужчин, эта ассоциация сохранилась даже тогда, когда связь стала менее прочна. Последовательная сексуальность привлекательна для мужчин всех классов потому, что, если доступ к женщинам ограничен, она действует как признак статуса мужчины, как признак его победы над другими мужчинами. Дух мужского соперничества, признание и статус проявились в сфере сексуальности. Для мужчин она стала показателем статуса с точки зрения их способности конкурировать друг с другом: «Женщины подтверждают сексуальность гетеросексуальных мужчин, а мужчины конкурируют в борьбе за ее признание»⁶⁶. Кроме того, контроль, который мужчины ранее осуществляли в домашнем хозяйстве, перешел в сферу секса и сексуальности, где они могли выражать и проявлять свою власть и свою независимость. Эмоциональная отстраненность в сексуальности стала сигналом и создала более широкое понятие автономии и контроля, а следовательно, и мужественности, и может рассматриваться как метафора мужской независимости, которой способствовало разделение между сексом и браком. В заключение необходимо отметить, что с помощью секса мужчины соревновались друг с другом и укрепляли дружеские связи, воспринимая женские тела

сексуальных отношений с огромным количеством женщин различных социально-экономических статусов.

⁶⁵ Фукуяма Ф. Великий разрыв: Человеческая природа и восстановление социального порядка. Glencoe, IL: Free Press. С. 121 [Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. Glencoe, IL: Free Press. P. 121].

⁶⁶ Дональдсон М. Что такое доминирующая мужественность? // Theory and Society. 22(5). 1993. С. 645 [Donaldson M. What is Hegemonic Masculinity? // Theory and Society. 22(5). 1993. P. 645].

объектом мужской солидарности⁶⁷. Иначе говоря, сексуальная свобода превратила сексуальность в площадку для проявления и выражения мужественности для тех мужчин, чей статус на работе, в доме или в мужском обществе был подорван: она преобразовала сексуальность в статус. Если секс для мужчин был способом продемонстрировать свой статус и сблизиться с другими мужчинами, то потеря контроля над домашним хозяйством и собственной независимостью на работе привела к *гипертрофированной* сексуальности, в которой слились воедино и проявились сразу три аспекта мужественности: власть, независимость и солидарность.

Центральная роль сексуальности в этом переосмыслении мужественности была в значительной степени обусловлена интенсивной сексуализацией женщин и мужчин на протяжении всего XX в., т. е. тем фактом, что сексуальные отношения больше не регулировались системой нравственных ценностей, и тем, что сексуальная привлекательность — чувственность — стала явным признаком гендерной идентичности, оторванной от нравственного поведения личности⁶⁸. В главе 2 я утверждала, что сексуальность стала полем борьбы. Теперь у меня есть все основания полагать, что это вызвано тем, что она позволяет мужчинам обрести и поддерживать свой социальный статус, являясь пространством, где они соревнуются друг с другом в утверждении статуса сексуального.

Можно предположить, что, если после 1960-х гг. секс и сексуальность стали основной площадкой для осуществления

---

⁶⁷ Хайм Ш. Хайт-доклад о мужской сексуальности. NY: Ballantine Books, 1981. С. 479 [Hite S. The Hite Report on Male Sexuality. New York: Ballantine Books, 1981. P. 479].

⁶⁸ Эттвуд Ф. Пропаганда секса: Сексуализация западной культуры. London: I.B. Tauris, 2009 [Attwood F. Mainstreaming Sex: The Sexualization of Western Culture. London: I.B. Tauris, 2009]; Холл А., Бишоп М. Дж. Поп-порно: Порнография в американской культуре. Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2007 [Hall A. C., Bishop M. J. Pop-Porn: Pornography in American Culture. Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2007]; Макнейр Б. Стриптиз-культура: Секс, медиа и демократизация желания. London: Routledge, 2002 [McNair B. Striptease Culture: Sex, Media and the Democratization of Desire. London: Routledge, 2002].

свободы женщин, это, по всей вероятности, связано с тем, что последовательная сексуальность полностью ассоциировалась с мужской властью. Однако даже несмотря на то, что условия сексуальных контактов стали сильно сексуализированными как для мужчин, так и для женщин, и на то, что сексуальность стала статусным признаком для обоих полов, их сексуализация происходила иначе. Эвелин Блэквуд, антрополог, отмечает, что мужчины и женщины по-разному позиционируются в сексуальности, где «по-разному» относятся к «различиям в способности контролировать или называть действия и поступки, заявлять о своих правах в отношении одних практик и рассматривать допустимость или недопустимость других»⁶⁹. Между тем социолог Рэндалл Коллинз характеризует это как «систему сексуального расслоения»⁷⁰. Такое различие между полами отчетливо проявляется в отношении сексуальных стратегий, и сейчас мы обратимся именно к изучению женских стратегий образования пар.

Динамика женской стратегии исключительности

Несомненно, более высокая готовность женщин связать себя обязательствами является прямым результатом того, что мы можем назвать стратегией исключительности в процессе создания пар. Одна из причин такой стратегии, предложенная Сюзан Браунмиллер, состоит в том, что женщины исключительны (т. е. принадлежат только одному мужчине) в рамках брачного договора, в котором он защищает женщину от насилия в обмен на ее верность и зависимость⁷¹. Стратегия

---

⁶⁹ Блэквуд Е. Призрак патриархального человека // *American Ethnologist*. 32(1). 2005. С. 44 [*Blackwood E. The Specter of the Patriarchal Man // American Ethnologist*. 32(1). 2005. P. 44].

⁷⁰ Коллинз Р. Конфликтная теория сексуального расслоения // *Social Problems*. 19(1). 1971. С. 3 [*Collins R. A Conflict Theory of Sexual Stratification // Social Problems*. 19(1). 1971. P. 3].

⁷¹ Браунмиллер С. Против воли: Мужчины, женщины и изнасилование. NY: Bantam Books, 1976 [*Brownmiller S. Against Our Will: Men, Women, and Rape*. New York: Bantam Books, 1976]; Чодоров Н. Эдиповы асимметрии и гетеросексуальные узлы // *Social Problems*. 23(4). 1976 [*Chodorow N. Oedipal Asymmetries and Heterosexual Knots // Social Problems*. 23(4). 1976]; Рич А.

исключительности женщин рассматривается здесь как результат женской зависимости, гендерного неравенства и неравноправного соотношения сил. Алиса Росси, с другой стороны, предполагает, что женщинам присуща двойственная сексуальная ориентация на мужчин и на свое потомство⁷², что объясняет их стратегию исключительности.

Я бы сказала, что гетеросексуальные женщины, придерживающиеся сексуальной стратегии исключительности, на самом деле руководствуются скорее рождением детей, а не естественным влечением к мужчинам. Иначе говоря, исключительная сексуальность чаще всего встречается среди женщин, желающих материнства в рамках законной моногамной семейной жизни. Эти женщины фактически относят поиск партнера к формированию и восприятию своей репродуктивной роли⁷³. В прошлом, при традиционном патриархате мужчины так же, как и женщины, согласно законодательным нормам и факторам культуры обязаны были иметь детей для создания домашних хозяйств в целях управления ими и для продолжения фамилии. Традиционной патриархальной мужественности необходима семья для самоутверждения, поскольку мужчины должны управлять детьми, женщинами,

---

Принудительная гетеросексуальность и лесбийская сущность // *Signs*. 5(4). 1980. С. 631–660 [*Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence* // *Signs*. 5(4). 1980. P. 631–660].

⁷² Росси А. Дети и работа в жизни женщин (доклад, представленный в Аризонском университете, Тусон, февраль 1976 г.) [*Rossi A. Children and Work in the Lives of Women*] цит. по: Пич А. Принудительная гетеросексуальность и лесбийская сущность // *Signs*. 5(4). 1980. С. 631 [*Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence* // *Signs*. 5(4). 1980. P. 631].

⁷³ Розанна Герц освещает другую стратегию решения этой проблемы, в которой образованные и экономически независимые женщины среднего класса разделяют материнство и брак (или любую другую форму отношений) и делают выбор стать матерями «сами по себе». Это еще одна возможная реакция на ту же экологию выбора, ограничивающую женщин. См.: Герц Р. Одинокие по стечению обстоятельств, матери по выбору: как женщины выбирают родительство без брака и создают новую американскую семью. Oxford: Oxford University Press, 2008 [*Hertz R. Single by Choice, Mothers by Choice: How Women Are Choosing Parenthood Without Marriage and Creating the New American Family*. Oxford: Oxford University Press, 2008].

слугами и землей. В обществах, оспаривающих патриархат (таких, как наше), мужчинам необязательно иметь биологическое потомство, поскольку семья больше не является объектом контроля и господства. Основным культурным требованием, формирующим мужественность, является психологическая независимость, социальное продвижение личности и экономический успех. Таким образом, именно женщины в настоящее время берут на себя социологическую роль родителя, желающего иметь детей. В этом процессе экология и архитектура выбора, в рамках которого они действуют, значительно изменились. При этом важную роль в формировании культурного *восприятия* женщинами своего тела и стратегий образования пар играет сегодня биологическое время. Женщины, предпочитающие иметь детей и выходить замуж (или иметь гетеросексуальную семейную жизнь) в качестве основы для воспитания этих детей, ограничены восприятием своего тела как биологической единицы, организованной во времени. За это восприятие ответственны два основных фактора. Существует значительное количество свидетельств, указывающих на то, что выход на рынок труда и получение высшего образования заставляют женщин откладывать вступление в брак и рождение детей (в то время как менее образованные женщины откладывают вступление в брак, но не рождение детей)⁷⁴. Поскольку современные женщины принимают решение выйти на рынок брака позднее, чем их сверстницы в середине XX в., и поскольку гетеросексуальные женщины по-прежнему в подавляющем большинстве отдают предпочтение материнству, они действуют в гораздо более сжатые сроки, чем их ровесницы, жившие до 1960-х гг.⁷⁵ Пародируя Хайдеггера, можно

---

⁷⁴ Элвуд Д. Т., Дженкс К. Распространение неполных семей в Соединенных Штатах с 1960 года. NY: Russell Sage Foundation, 2006. С. 25–64 [Elwood D. T., Jencks C. The Spread of Single-Parent Families in the United States since 1960 // The Future of the Family / in D. P. Moynihan, T. M. Smeeding and L. Rainwater (eds). New York: Russell Sage Foundation, 2006. P. 25–64].

⁷⁵ Очевидно, что это утверждение должно быть очень конкретизированным, поскольку женщины в Испании и Италии отказываются от материнства, в то время как американские женщины все еще ориентированы на него.

сказать, что на брачном рынке современные женщины среднего класса думают о времени не с точки зрения смерти, а с точки зрения своей фертильности. В сфере любви конечность бытия для женщин отмечена временным горизонтом деторождения. Например, Кэтрин Таунсенд, секс-обозреватель британской газеты «Индепендент», написала:

Теперь, когда мне стукнуло тридцать, я готова ограничить свои бурные постельные похождения одним (счастливым) мужчиной и убеждена, что благодаря моим сексуальным исследованиям я стала более привлекательным партнером, как в спальне, так и вне ее. Я стабильнее, увереннее и счастливее, чем когда-либо. Но с любовными отношениями сложнее, поскольку теперь еще больше на кону. Я все еще не определилась с детьми, но существование биологических часов напоминает о том, что времени осталось меньше, и я не могу потратить его на неподходящего человека, в случае если, я действительно решусь завести детей⁷⁶.

Вторая причина более острого восприятия времени связана с тем, что индустрия красоты и существующие данные об «ограниченных» репродуктивных временных окнах у женщин играют важную роль в рассмотрении женского тела (гораздо чаще, чем мужского) как единицы, определяемой хронологией (и, следовательно, подверженной увяданию). Господство сексуальности и все более жестких критериев красоты привели к повышению феноменальной значимости молодости и, следовательно, к улучшению понимания проблем старения, особенно среди женщин. При этом до XIX в. «пожилая» женщина (около 30 лет) могла быть желанной благодаря накопленному имуществу или ее деньгам, современные критерии сексуальности, поскольку они ассоциируются с молодостью и внешним видом, заставляют женщин четко осознавать процесс старения и, таким образом, подчеркивать женственность в рамках культурной категории времени (в прошлом в Европе

---

⁷⁶ <http://sleeping-around.blogspot.com/search?updated-min=2008-01-01T00%3A00%3A00Z&updated-max=2009-01-01T00%3A00%3A00Z&max-results=50> (дата последнего обращения: 11.10.2011 (блог закрыт)).

в 25 % браков мужчина был моложе женщины). Современная ситуация ставит женщин в структурно невыгодное положение: когда женщины испытывают на себе нормативные ограничения, связанные с деторождением, (главным образом в рамках гетеросексуального партнерства) и чувствуют, что природа заставляет их поторопиться, они понимают, что выбор партнера должен быть сделан в сжатые сроки. Такое восприятие времени, особенно в возрасте 30–40 лет, как правило, приводит к осознанию уменьшенных возможностей, что, в свою очередь, может породить стремление связать себя с мужчиной как можно быстрее. По словам Бриджит Джонс, 30-летней героини одноименного романа Хелен Филдинг: «Когда женщины соскальзывают со своих двадцати к тридцати годам... соотношение сил слегка меняется. Даже самые неистовые распутницы теряют самообладание, борясь с первыми приступами экзистенциальной тоски: страхом умереть в одиночестве и быть найденной три недели спустя наполовину обглоданной своей собственной овчаркой»⁷⁷. Недавние исследования показывают, что по мере снижения уровня фертильности женщины больше думают о сексе, имеют более часто возникающие интенсивные сексуальные фантазии и более охотно вступают в половые сношения, более частые, чем у женщин в других возрастных группах⁷⁸, что позволяет предположить связь между поиском сексуального партнера и осознанием того, что временное окно скоро закроется⁷⁹.

Интернет-форум является примером того, как мужчины воспринимают себя на рынке, где дисбаланс в эмоциональной доступности вызывается различным восприятием времени:

⁷⁷ Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. London: Thorndike Press, 1998. С. 34 [Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Thorndike Press, 1998. P. 34].

⁷⁸ Истон Дж., Конфер Дж., Гетц К., Бусс Д. Контроль сроков рождаемости: Сексуальные мотивации, фантазии и тикающие биологические часы // Personality and Individual Differences. 49(5). 2010. С. 516–520 [Easton J., Confer J., Goetz C., Buss D. Reproduction Expediting: Sexual Motivations, Fantasies, and the Ticking Biological Clock // Personality and Individual Differences. 49(5). 2010. P. 516–520].

⁷⁹ Несомненно, достижения в области репродуктивных технологий в настоящее время способствуют уменьшению этих возрастных ограничений. Но, по большому счету, они остаются исключением.

Если она намного старше и имеет детей, убедись, что они уже достаточно взрослые, чтобы беспокоиться по твоему поводу. Если женщина всего на пять лет старше тебя, прислушайся к звуку, пульсирующему у нее в голове, словно «Сердце-обличитель» в одноименном рассказе Эдгара По. К 30 годам, если она посвятила тебе хоть какое-то время, ультиматумы полетят как торпеды. Приготовься принять контрмеры. Вслед за свадьбой она в ультимативной форме потребует завести детей. И это будет больше похоже на папский указ для католиков. Если сможешь сохранить ваши отношения на уровне интрижки, убедись, что ее дети в колледже и наслаждайся процессом. В противном случае, расстанься с ней, пока можешь⁸⁰.

Этот призыв избегать ловушек супружества, привязанности и ответственности за детей подкреплен очевидным предположением, что женщины более заинтересованы в браке/серьезных отношениях, чем мужчины, поскольку их временные рамки более ограничены⁸¹. Биологическое время как культурно значимая категория восприятия, составляющая выбор индивида, является основополагающим аспектом архитектуры выбора женщин, когнитивным и эмоциональным механизмом, с помощью которого они принимают решения и, таким образом, имеют в своем распоряжении меньше возможностей, чтобы отстаивать свои интересы, в отличие от мужчин, которые обращают гораздо меньше внимания на временной аспект и, таким образом, располагают более широким когнитивным временным интервалом, в рамках которого они могут сделать выбор.

Вторым аспектом влияния новой экологии выбора на формирование у женщин среднего и высшего классов ослабленного чувства выбора является демография. Исторически сложилось так, что в течение первых 200 лет капитализма женщины дважды подвергались дискриминации: на низкооплачиваемых работах и в качестве сексуальных и гендерных

---

⁸⁰ <http://seductiontutor.blogspot.com/2006/09/4-women-to-avoid.html> (дата последнего обращения: 11.10.2011).

⁸¹ Это относится, конечно, к обязательствам в отношениях с детьми, а не просто к обязательствам в романтических отношениях.

субъектов⁸². Это делало брак крайне важной территорией для их экономического и социального выживания и статуса. Путь к браку лежал через привязанность к одному мужчине — любовь — что делало сексуальность критически важной для экономического и социального существования женщин и приводило к их гипертрофированным инвестициям в брак как в эмоциональную сферу. Кроме того, в целом, женской стратегией образования пар является гомогамия или гипергамия, т. е. выбор человека с образовательным (и, следовательно, социально-экономическим) статусом, аналогичным или более высоким, чем их собственный⁸³. С 1980 г. уровень образования мужчин повышался медленнее, чем у женщин⁸⁴. Необходимо принять во внимание, что доходность мужчин в среднем снизилась по сравнению с доходностью женщин, образованных мужчин, зарабатывающих столько же или больше, чем женщины, стало меньше⁸⁵. Это также подразумевает, что большая

⁸² Маккиннон С. А. Сексуальные домогательства в отношении работающих женщин: Вопрос о половой дискриминации. New Haven: Yale University Press, 1979 [MacKinnon C. A. Sexual Harassment of Working Women: A Case of Sex Discrimination. New Haven: Yale University Press, 1979].

⁸³ Однако Роберт Шоен и Робин Вайник в работе «Выбор партнера для брака и совместного проживания» (Partner Choice in Marriages and Cohabitations) демонстрируют, что при совместном проживании наблюдается небольшая тенденция к мужской гипергамии, укрепляя убеждение, что образование женщины так же важно, как и образование мужчины в совместно живущей паре.

⁸⁴ Петер К., Хорн Л. Гендерные различия в процессе обучения и при его завершении в вузе, и что в них изменилось с течением времени. US Department of Education, National Center for Education Statistics, Washington, DC: US Government Printing Office, 2005 [Peter K., Horn L. Gender Differences in Participation and Completion of Undergraduate Education and How They Have Changed Over Time (NCES 2005–169). US Department of Education, National Center for Education Statistics, Washington, DC: US Government Printing Office, 2005]; Сам А., Фогг Н., Харрингтон П. и др. Рост гендерного неравенства при зачислении в колледж и получении степени в США и его потенциальные экономические и социальные последствия. Washington DC: Center for Labor Market Studies, 2003 [Sum A., Fogg N., Harrington P. and etc. The Growing Gender Gaps in College Enrollment and Degree Attainment in the US and Their Potential Economic and Social Consequences / prepared for the Business Roundtable, Washington DC: Center for Labor Market Studies, 2003].

⁸⁵ С. К. Льюис и В. К. Оппенгеймер показывают, что женщины на менее благоприятных с точки зрения образования брачных рынках с большей

часть образованных женщин среднего и высших слоев среднего класса претендует на один и тот же контингент образованных и состоятельных мужчин, создавая, таким образом, недостаток в них⁸⁶. Однако несмотря на то, что все большее число женщин борется за одних и тех же образованных мужчин⁸⁷, в результате распространившейся дискриминации по возрасту диапазон выбора партнеров мужчин становится больше, чем диапазон выбора женщин, исходя из принципа, согласно которому женщины в отношениях могут (и даже должны)

вероятностью выходят замуж за мужчин с более низким по сравнению с ними уровнем образования, и шансов сделать это с возрастом у них больше, чем у женщин, находящихся на более благоприятных рынках. См.: Льюис С. К., Оппенгеймер В. К. Формирование пар в образовательных учреждениях на разных брачных рынках: белые не латиноамериканского происхождения в Соединенных Штатах // *Demography*. 37(1). 2000. С. 29–40 [Lewis S. K., Oppenheimer V. K. Educational Assortative Mating across Marriage Markets: Non-Hispanic Whites in the United States // *Demography*. 37(1). 2000. P. 29–40]; Оппенгеймер В. К. Повышение занятости женщин и будущее семьи в индустриальных обществах // *Population and Development Review*. 20(2). 1994. С. 293–342 [Oppenheimer V. K. Women's Rising Employment and the Future of the Family in Industrial Societies // *Population and Development Review*. 20(2). 1994. P. 293–342].

⁸⁶ Э. Д. Гулд и М. Д. Пасерман показывают, что более высокое неравенство в оплате труда мужчин в крупных городах снижает процент браков у женщин и заставляет их дольше искать первого и второго мужей. См.: Гулд Э. Д., Пасерман М. Д. В ожидании идеального мужа: рост неравенства и снижение процента браков // *Journal of Urban Economics*. 53. 2003. С. 257–281 [Gould E. D., Paserman M. D. Waiting for Mr Right: Rising Inequality and Declining Marriage Rates // *Journal of Urban Economics*. 53. 2003. P. 257–281].

⁸⁷ Это, вероятно, объясняет также, почему с 1980 г. наблюдается увеличение числа браков, в которых женщины более образованы, чем их мужья, что является тенденцией отхода от традиционной практики в прошлом. См.: Циень З. Изменения в образовании пар внутри однородных групп: влияние возраста и образования // *Demography*. 35(3). 1998. С. 279–292 [Qian Z. Changes in Assortative Mating: The Impact of Age and Education, 1970–1990 // *Demography*. 35(3). 1998. P. 279–292]. Как отмечает Циень, существует возрастная дифференциация в стратегии образования пар у женщин: женщины, которые формируют союзы в более молодом возрасте, как правило, следуют традиционной модели образовательной гипергамии, тогда как женщины, которые формируют союзы в более старшем возрасте (старше 30 лет), чаще всего имеют много общего со своими партнерами-мужчинами в процессе формирования пар в образовательных учреждениях.

быть моложе мужчин. Как ни странно, в период между 1970-ми и 1990-ми гг. шансы мужчин на вступление в брак с более молодыми женщинами *увеличились*, а шансы женщин на вступление в брак с более молодыми мужчинами *уменьшились*⁸⁸. Это объясняется тем, что мужчины в настоящее время в большей степени зависят от рынка в плане экономического выживания и могут рассчитывать только на себя, что делает их менее зависимыми от собственности и материальных ценностей, накопленных женщинами. Если мужчины могут выбирать более молодых, менее обеспеченных и менее образованных партнерш, то это лишь означает, что диапазон выбора у мужчин стал гораздо больше. Эти факты в совокупности приводят к расхождению в диапазоне выбора, имеющимся в распоряжении обоих полов, в результате чего образованным женщинам остается меньшее количество мужчин⁸⁹.

Это, в свою очередь, дает основания полагать, что страх перед обязательствами связан с фундаментальными преобразованиями в экологии выбора, которые позволяют мужчинам контролировать условия сексуального договора. Более широкий сексуальный доступ к большему количеству женщин, переход к последовательной сексуальности для подтверждения статуса, несовпадение диапазонов выбора, из которых мужчины и женщины выбирают потенциальных партнеров, руководствуясь различными гомогамными стратегиями, и различные когнитивные ограничения, связанные с категорией времени, указывают на то, что мужчинам в настоящее время предоставляется гораздо более широкий выбор, чем женщинам. Иначе говоря, мужчины, по всей вероятности, рассматривают

---

⁸⁸ Циень отмечает также, что в 1990 г. для союзов с мужчинами, которые были старше своих партнерш, вероятность сожительства была меньше, чем вероятность вступления в брак, тогда как для союзов, где женщина была старше, вероятность сожительства была в два раза выше, чем вероятность вступления в брак. См.: там же. С. 283.

⁸⁹ Льюис С. К., Оппенгеймер В. К. Формирование пар в образовательных учреждениях на разных брачных рынках: белые не латиноамериканского происхождения в Соединенных Штатах // *Demography*. 37(1). 2000. С. 36 [Lewis S. K., Oppenheimer V. K. Educational Assortative Mating across Marriage Markets: Non-Hispanic Whites in the United States // *Demography*. 37(1). 2000. P. 36].

брачный рынок скорее как сексуальный и имеют тенденцию дольше оставаться на нем, тогда как женщины склонны рассматривать его именно как рынок брака и, как правило, предпочитают на нем не задерживаться.

Теперь с помощью анализа того, что я ранее называла архитектурой выбора, я хочу показать более подробно, как объективные и субъективные параметры диапазонов выбора доступных партнеров связаны со страхом перед обязательствами, т. е. что понимается под самим выбором.

Гедонический страх перед обязательствами

С культурной точки зрения существует два пути проявления страха перед обязательствами: *гедонический*, где взятие обязательств откладывается из-за вовлечения в приятный процесс накопления любовных отношений; и *абулический*, путь патологического безволия, где под угрозой находится сама способность захотеть связать себя обязательствами. Иначе говоря, одна категория характеризуется вереницей любовных романов и неспособностью сосредоточиться на одном партнере⁹⁰; а другая — неспособностью желать подобных отношений. Первую категорию переполняет желание, а второй его недостает. Первой из-за обилия выбора трудно остановиться на одном объекте, а вторая характеризуется нежеланием иметь отношения ни с кем.

Один из примеров явного эффекта изобилия сексуального выбора можно найти в эссе Маргериты Филдс, выбранной в качестве победительницы конкурса «Современная любовь», организованного «Нью-Йорк Таймс» среди колледжей. Вот что рассказывает Филдс об одном из своих друзей-студентов:

Стивен объяснил, что речь идет не о верности [своей девушке], а об ожидании. Нельзя ожидать того, что он не захочет спать с дру-

---

⁹⁰ Эта категория включает в себя два аспекта: отсутствие отношений и нахождение в отношениях. Хотя и тот, и другой указывают на фрагментарность обязательств, последний может быть ситуативным, краткосрочным и подразумеваемым обязательством в неопределенных отношениях или конкретным и явным обязательством по шкале «серьезности», в зависимости от степени ответственности.

гими, поэтому он и не ждет, что она будет думать иначе. Они оба молоды и живут в Нью-Йорке, а здесь, как известно, всегда и везде есть возможность встретить кого-нибудь⁹¹.

Это цитата ясно дает понять, что трудность остановиться на одном партнере связана с обилием выбора и постоянным ощущением новых возможностей.

36-летний мужчина, работающий в сфере высоких технологий, имел многочисленные связи от свиданий на одну ночь до чередовавшихся долгосрочных отношений и совместного проживания продолжительностью от нескольких месяцев до нескольких лет. По его словам, для поиска партнерш он активно пользовался интернетом. Я поинтересовалась, что в анкете женщины могло бы его «оттолкнуть».

Корр.: Есть ли в анкете что-то, что вас отталкивает, что может дискредитировать даже красивую женщину?

Саймон: Честно говоря, если кто-то пишет, что хочет серьезных отношений, это моментально вызывает отторжение. Я думаю, что эти женщины глупы. Поскольку вы сразу понимаете, что сможете легко ими манипулировать. Женщина, которая хочет чего-то «серьезного», уже у вас в кармане. И это менее интересно.

Корр.: И много таких женщин вы встречаете?

Саймон: Да. Полно.

Этот ответ показался бы немыслимым в контексте истории взаимоотношений мужчин и женщин в XVIII и XIX вв. В то время, а также в первой половине XX в. «серьезность» была непременным условием брака. «Серьезность» по отношению к сексу (т. е. способность оказать сопротивление мужчине) была одним из способов упрочить репутацию женщины на брачном рынке и, соответственно, сигнализировала о ее *намерении* выйти замуж и о ее привлекательности в качестве невесты. Обратите внимание на контраст с современной ситуацией, представляющей ее полную противоположность: женщина, которая

---

⁹¹ <http://www.nytimes.com/2008/05/04/fashion/04love.html> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

«серьезна» и которая тем самым *априори* выражает интерес к стабильным и преданным отношениям, становится «неинтересной». Ответ Саймона отражает его представление о том, что женщины, желающие связать себя узами брака, проявляют своего рода зависимость, поскольку такое *умозрительное* желание сделает их легкой добычей для психологических манипуляций мужчин. Иначе говоря, при условии, что мы согласимся с его словами, если женщина заинтересована в браке, мужчина неминуемо будет господствовать над ней именно из-за ее желания выйти замуж. Это можно было бы расценить как проявление мужской власти, что, однако, проигнорировало бы неприязнь мужчины к *чрезмерной власти* над женщиной. Именно эта чрезмерность, в свою очередь, не позволяет ему влюбиться. Подобное утверждение странно согласуется с утверждениями Суламифь Файерстоун (и других) о том, что чувству любви «препятствует *неравномерное распределение власти*»⁹². По мнению Файерстоун, мужчина может влюбиться, когда ему удастся не думать и даже забыть о том, что женщина принадлежит низшему классу. Здесь же «серьезность» женщины служит отличительным признаком ее принадлежности подобному классу. Она не позволяет этому мужчине увлечься ей или влюбиться и препятствует возможности оценить ее по достоинству, поскольку «серьезная женщина» как раз и не представляет ценности; ведь она не требует, чтобы мужчина проявлял и доказывал свой сексуальный статус. Она не представляет ценности, поскольку господство над ней не означало бы победу, одержанную над другими мужчинами на сексуальном поле. Иначе говоря, если сексуальность — это поле борьбы, то мужчина может проявить свой статус и престиж только в том случае, если он в состоянии продемонстрировать себе и всем остальным победу над другими мужчинами. «Серьезная женщина» не представляет собой такую победу и не требует осуществления клятвенных ритуалов и прояв-

---

⁹² Файерстоун С. Диалектика пола: Обоснование феминистской революции. NY: Bantam, 1970. С. 130 [Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: Bantam, 1970. P. 130].

ления мужественности. Пример, взятый на одном из интернет-форумов, прекрасно иллюстрирует это:

Я думаю, что представителей обоих полов часто привлекают люди, которые к ним равнодушны. Обычно тот, кто не хочет тебя, неотразим. Часто, когда я знаю, что девушка влюблена в меня, это больше всего и отталкивает (Том, 26 лет, NY)⁹³.

Мужчины, подобные Тому и Саймону, ведут себя как на рынке, где предложение любви часто превышает спрос на нее, что *априори* создает дисбаланс, который заставляет их искать способы дистанцироваться. Дистанция и отстраненность, как мы увидим, являются ключевыми чертами проявления мужской эмоциональности при общении с женщинами.

Даниелю 50 лет, он работает в израильском университете, но до этого много лет жил в США. Он придерживается радикальных левых взглядов по многим политическим вопросам и считает себя феминистом. Даниель богат, профессионально весьма успешен, разведен и имеет двух детей. По его собственному признанию, он был достаточно счастлив в браке с женщиной, с которой все еще имеет сильную связь. Однако вскоре после того, как ему исполнилось 40 лет, он почувствовал необходимость оставить свою жену и детей, когда влюбился в другую женщину, которую впоследствии оставил ради еще одной женщины, от которой он тоже ушел.

Мой первый вопрос к нему был такой:

Корр.: Какую роль в вашей жизни играет романтическая любовь?

Даниель: Вся моя жизнь сосредоточена на любви. Абсолютно вся моя жизнь сосредоточена на любви. И этим все сказано. Любовь — основа моего существования. И вся моя оставшаяся жизнь посвящена ей. В последние годы я все яснее понимаю, что меня всегда вдохновляла Муза, женщина. Едва ли найдется секунда, когда я не думаю о любви. Я безнадежно романтичен... Любовь всегда занимает меня.

---

⁹³ <http://www.ivillage.com/men-confess-what-makes-them-fall-love-0/4-a-283713> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

Однако то, что он считает «романтикой», сильно отличается от того, что под этим подразумевают многие женщины.

Корр.: Вас всегда занимает любовь. Что вы имеете в виду?

Даниэль: Я имею в виду, что постоянно думаю о женщине, разумеется, не всегда об одной и той же. Когда я думаю о какой-нибудь женщине, я всегда воспринимаю ее как единственную в моей жизни, будь то реальные отношения или просто придуманные. Фантазия у меня очень сильно развита.

Корр.: Вы говорите о нескольких женщинах.

Даниэль: Да, потому что я люблю женщин. Но мои мысли всегда будут обращены лишь к одной единственной в конкретный момент времени.

Несколько месяцев назад я встречался с одной дамой, мы ходили в кино. Когда мы возвращались обратно в ее машине, мы разговаривали, и она ласково назвала меня Дэнни, переиначив мое имя [Даниэль]. В тот же миг у меня возникло ощущение, будто она меня насилует. Физически. Я воспринял это как надругательство над моим естеством. Ощутил негодование и отвращение. Она преступила черту. Я чувствовал себя захваченным врасплох. Я сразу понял, что не может быть и речи о дальнейших отношениях. Я не хочу — не хотел ее любви.

Корр.: Вы расстались с этой женщиной?

Даниэль: На следующий день. Я сразу же сказал ей, что не выношу, когда меня так называют. Я объяснил, что не могу быть с ней.

Даниэль принимается описывать ряд украсивших его жизнь приключений, в которых любовь играет центральную роль. Он не считает себя неспособным вступить в серьезные отношения или полюбить. Напротив, он чрезвычайно серьезно относится ко всему, что касается любви, и клянется, что «увядает», как цветок, если ее не испытывает. Но здесь любовь и самозабвенный восторг проистекают не из непоколебимой приверженности одной женщине, а из того, что исследователи потребительского спроса называют «стремлением к разнообразию»⁹⁴, возникшем в результате огромного выбора и эмо-

---

⁹⁴ Фэйсон Э. Забытый стимул разнообразия: полезная концепция для поведения потребителей // *Journal of Consumer Research*. 4(3). 1977. С. 172–175

ционального возбуждения от многочисленных возможностей начать новые отношения. Даниэль, как и Саймон, ощущает себя словно на ярмарке, где глаза разбегаются от огромного сексуального выбора, интересного и с экономической точки зрения. Здесь, по моему предположению, оба мужчины выражают потребность в отстраненности: один не выносит готовности женщины вступить в серьезные отношения; другой терпеть не может проявлений близости, выходящей за пределы его понимания. Это не боязнь интимных отношений, как представляет популярная или даже научная психология⁹⁵. Оба мужчины, следуя определенной стратегии, пытаются установить некоторую дистанцию со своими женщинами, создавая эмоциональную границу, поскольку женщины гораздо чаще хотят вступить в отношения, стремятся сделать это как можно раньше и желают исключительности этих отношений. Женщины более сексуально и эмоционально доступны, чем мужчины, что, в свою очередь, дает мужчинам — равного или превосходящего их социально-экономического статуса — больше возможностей контролировать эмоциональные условия любовного свидания. С экономической точки зрения можно сказать, что, если женщина легко вступает в сексуальные отношения и проявляет *явное* желание вступить в брак, это воспринимается чрезмерным на рынке, который в основном контролируется мужчинами, распоряжающимися экономическими ресурсами. Женская эмоциональность находится целиком во власти мужчин благодаря эмоциональной связи спроса и предложения, изобилия и недостатка: огромное количество товара создает изобилие выбора, сопровождающееся

[Faison E. The Neglected Variety Drive: A Useful Concept for Consumers' Behavior // Journal of Consumer Research. 4(3). 1977. P. 172–175].

⁹⁵ См., напр.: *Файерстоун Р. У., Кэтлетт Дж.* Боязнь интимных отношений. Washington, DC: American Psychological Association, 1999 [Firestone R. W., Catlett J. Fear of Intimacy. Washington, DC: American Psychological Association, 1999]; *Шерман М. Д., Телен М. Х.* Масштабы боязни интимных отношений // Journal of Social and Personal Relationships. 13. 1996. С. 507–521 [Sherman M. D., Thelen M. H. Fear of Intimacy Scale: Validation and Extension with Adolescents // Journal of Social and Personal Relationships. 13. 1996. P. 507–521].

проблемой создания иерархии, построения предпочтений и определения ценности. При изобилии трудно определить ценность. При недостатке, напротив, это можно сделать быстро и легко. Изобилие — вот что позволяет Даниэлю вкушать разнообразие, расторгнув при этом прекрасный брак и перенаправив свои фантазии на большее количество женщин. Проблема в том, что различные объекты его желания в силу своей доступности и количества теряют ценность, поскольку ценность обусловлена способностью подвергаться принципу иерархического упорядочивания, что становится еще сложнее при слишком большом количестве доступных вариантов, существенно не отличающихся друг от друга. Именно недостаточность является тем социальным процессом, в котором объект или человек приобретает ценность: «Недостаточность означает, что люди хотят больше, чем это им доступно»⁹⁶. Иначе говоря, когда предложение товара превышает спрос, желание обладать им уменьшается.

Приведенные выше цитаты говорят о том, что эти мужчины неявно отождествляют желание и дистанцию. Я полагаю, что культурная смесь эротического возбуждения, создания границ и дистанцирования, которую они проявляют, представляет собой механизм поиска компромисса между изобилием и недостатком. Хотя контраст, возможно, преувеличен, мы можем сказать, что, поскольку проблема мужчины и женщины в прошлом состояла в том, чтобы соответствовать ценностям друг друга, так как рамки поиска партнера были более или менее объективно установлены (соответствующее происхождение, состояние, статус и т. д.), в современной ситуации субъективное желание перед лицом изобилия выбора находится под сильным влиянием экономической и эмоциональной проблемы фиксации на объекте, имеющем ценность, и на проблеме определения и создания этой ценности, тем самым позволяя недостаточности играть важную роль в формировании желания. Таким образом, желание становится

---

⁹⁶ <http://ingrimayne.com/econ/Introduction/ScarcityNChoice.html> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

экономическим, т. е. несет в себе признаки экономического вопроса о ценности и псевдо-экономических механизмах ее установления. Сама природа романтического желания стала экономической в том смысле, что желание теперь более тесно связано с динамикой недостаточности в качестве способа присуждения ценности. Возьмем другой пример. Мужчина 55 лет, с высшим образованием, разведенный, отец одного ребенка. Во время интервью он поведал о своих разнообразных отношениях.

Корр.: В ваших предыдущих отношениях вы достигали момента, когда вам хотелось расстаться?

Стивен: Да. Всегда... И так происходит постоянно. Чаще всего мне хотелось остаться одному.

Корр.: Так почему же вы встречались с женщинами?

Стивен: Отчасти потому, что так принято.

Корр.: Если я правильно поняла, у вас были подруги, но всегда «на неопределенный срок».

Стивен: Да, правильно, прекрасно сказано. Я всегда чувствовал, что мог бы иметь пару, но она должна быть временной, а свидания с ней ограниченными, дважды в неделю, и немного разговоров по телефону, вот и все. Мне этого достаточно, большего мне не надо, я не нуждаюсь в партнерстве. Партнерство — это бремя. У меня есть масса знакомых, с которыми я могу встречаться, но у меня совсем нет времени. И эта интересная, и эта, и та, но я не могу встречаться со всеми. Зачем сейчас обременять себя отношениями?

Корр.: Как вы думаете, женщины тоже так считают?

Стивен: Нет. По крайней мере, судя по их словам, нет. Скажем так, я говорю о женщинах, с которыми встречался я, наши желания никогда не совпадали. Они всегда хотели большего. Почему — я не знаю.

Корр.: Чего «большого»?

Стивен: Более частых свиданий со мной; больше общения; больше разговоров; я слышу, как они все время говорят, что не спят с тобой, именно для того, чтобы спать с тобой, что они делают это из любви и все такое. Ну, не знаю, есть у них такая поговорка, проскальзывает часто в разговоре. Фактически, так и было, все мои женщины хотели больше того, что я мог им предложить, и все заканчивалось именно потому, что предложить мне им было нечего.

Корр.: Всегда так заканчивалось?

Стивен: Да, всегда.

Корр.: Без исключения?

Стивен: Нет, одно все-таки было, когда мне позвонила очень известная журналистка; мы встретились, и она трахнула меня, практически по-мужски; то есть получила удовольствие, когда ей подвернулась такая возможность, а затем ушла, не позвонила и не ответила на мой звонок. Я был в шоке. Подобного со мной никогда не случилось. Так мужчины обычно ведут себя с женщинами, а не наоборот.

Корр.: Давайте вернемся к вопросу, который вы поднимали ранее, о женщинах, которые ждали большего от ваших отношений. Вы говорили, что они хотели жить с вами, а вы этого не хотели?

Стивен: Скажем так, я действительно не мог. Все мои отношения, возможно, кроме одного, но практически все мои отношения заканчивались этим. Думаю, я всегда позволял женщине порвать со мной. По крайней мере, я убеждаю себя в этом. Наверное, так и есть, не знаю, я ли давал им такую возможность, но этим всегда заканчивалось, поскольку я не мог предложить им ничего больше... Они хотели жить со мной, делить банковские счета, постель, книги, но это было выше моих сил.

Корр.: То есть вы можете сказать, что эти женщины хотели вас больше, чем вы хотели их?

Стивен: Именно так, они всегда хотели больше того, что я мог им дать.

Корр.: Вам нравится тот факт, что вы были более желанны для них, чем они для вас?

Стивен: Скорее, это вызывает смешанные чувства. Поскольку нужно как-то справляться со всеми этими требованиями. Но это, действительно, дает ощущение власти. Тот, кто наиболее желанен, обладает большей властью.

Корр.: Именно поэтому вы хотели их меньше? Чтобы иметь власть над ними?

Стивен: Возможно. Но я не знаю, было ли это осознанно или просчитано.

В этой беседе озвучены некоторые из аспектов, обсуждавшиеся ранее. История, рассказанная этим человеком, — это история последовательных серийных отношений и изобилия в двух его проявлениях: в изобилии предложений от жен-

щин, и в любви и привязанности, которой они щедро, даже в избытке, одаривали его, таким образом, превышая его потребности. По сути, как он сам предполагает, женщины всегда «хотели» от него больше, чем он готов был им дать, и он понимал, что должен постоянно справляться с избытком любви и потребностей женщин. Желание рассматривается здесь с экономической точки зрения на эмоции, где избыточность предложения уменьшает ценность, а недостаток ее создает.

Суть здесь в том, что сексуальная свобода создает изобилие, которое, в свою очередь, порождает проблему установления ценности объекта желания, и только объект, представляющий ценность, знаменует собой победу в соревновании с другими мужчинами. То есть современная ситуация, в которой мужчины и женщины встречаются друг с другом, такова, что сексуальный выбор в ней весьма обилен для обеих сторон; однако репродуктивная роль женщин заставляет их рано прекращать поиски, тогда как у мужчин нет четкого культурного или экономического стимула это делать. Стратегия уклонения, которой пользуются все эти мужчины, не является признаком патологической психики, а представляет собой стратегическую попытку *создать недостаточность* и, следовательно, ценность на рынке, где сами мужчины не могут определить ценность, поскольку сексуальная и эмоциональная доступность женщин находится в избытке и поскольку они контролируют сексуальное поле. Дневник Бриджит Джонс является иллюстрацией неисчерпаемого запаса клише, применяемых в современном мире любовных отношений:

Мужчины [утверждает Том] неизменно представляют себя на своего рода сексуальной лестнице, где женщины находятся либо над ними, либо внизу. Если женщина находится «внизу» (т. е. готова спать с ним и страстно им увлечена), тогда он не испытывает желания стать членом ее «клуба»... В наши дни путь к сердцу мужчины лежит не через желудок, красоту, секс или привлекательность характера, а всего лишь через способность казаться не очень заинтересованной им⁹⁷.

---

⁹⁷ Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. London: Thorndike Press, 1998. С. 102 [Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Thorndike Press, 1998. P. 102].

Размышляя о потребительской культуре, Рассел Белк и его коллеги предполагают, что наши желания формируются «нехваткой или недоступностью разного рода возможных объектов желания»⁹⁸. Ссылаясь на классического социолога Георга Зиммеля, они утверждают, что «мы страстно жееаем те объекты, которые ошеломляют нас, и те, которые довольно затруднительно получить. Расстояние до объектов или сопротивление нашему преследованию только усиливают наше желание»⁹⁹. В то время как некоторая часть человеческого желания может быть универсально структурирована этим принципом недостаточности, недостаточность становится характерной чертой желания именно тогда, когда изобилие затрагивает проблему присвоения ценности и когда конкуренция структурирует желание. Взять хотя бы Джеральда, 46-летнего писателя, журналиста и поэта. Он рассказал мне о серьезных отношениях с женщиной, имевшей несколько параллельных сексуальных связей, о которых ему было известно:

Джеральд: Все ее сексуальные отношения причиняли мне невыносимую боль, но вместе с тем она становилась от этого еще более желанной, поскольку я должен был постоянно доказывать ей свою состоятельность, поскольку ничто не воспринималось как должное, и так как я хотел верить, нет, действительно, верил, что я был тем, кого она больше всего любила и к кому серьезно относилась.

Корр.: Итак, вы чувствовали конкуренцию с другими ее мужчинами?

Джеральд: Безусловно; все время; это было сложно, но при этом еще больше возбуждало, становилось труднее ее заполучить, но придавало ей в некотором роде большую ценность, поскольку я чувствовал, что она никогда не принадлежала мне полностью.

---

⁹⁸ Белк Р., Гулиз Г., Аскегард С. Огонь желания: многоаспектное исследование потребительской страсти // *Journal of Consumer Research*. 30(3). 2003. С. 330 [Belk R., Guliz G., Askegaard S. The Fire of Desire: A Multisited Inquiry into Consumer Passion // *Journal of Consumer Research*. 30(3). 2003. P. 330].

⁹⁹ Белк Р., Гулиз Г., Аскегард С. Огонь желания: многоаспектное исследование потребительской страсти // *Journal of Consumer Research*. 30(3). 2003. С. 330.

Или, например, Рональд, 37-летний арт-куратор и художник, признался мне, что практикует полиаморию, т. е. одновременно состоит в любовных отношениях со многими женщинами.

Корр.: Как вы думаете, существует ли такая женщина, которая могла бы заставить вас предпочесть моногамию?

Рональд: Трудно сказать. Думаю, если бы я встретил такую женщину, которая, как и я, не хотела бы иметь только одни отношения, которая коллекционирует мужчин, как я коллекционирую женщин, тогда, думаю, она бы заинтриговала меня настолько, чтобы я захотел бы быть только с ней.

Эти рассказы проливают свет на причину, по которой вышедшие в 1995 г. «Правила», вызвавшие глубокое осуждение и ставшие предметом насмешек, имели такой оглушительный успех и стали чем-то вроде культурного феномена с объемом продаж более двух миллионов экземпляров.

Целью этого руководства было обучение искусству создания и поддержания границ перед лицом структурной ситуации, в которой мужчины контролируют гетеросексуальные любовные отношения. Руководство проповедует то, что именно женщины должны теперь стать специалистами в создании дистанции, чтобы спровоцировать недостаток и таким образом приобрести ценность. Оно содержит такие правила, как:

- 02: Не начинай разговор с женщиной первой (и не приглашай его танцевать);
- 03: Никогда не смотри пристально на мужчин и не говори слишком много;
- 05: Не звони ему и редко отвечай на его звонки;
- 06: Всегда заканчивай телефонные разговоры и свидания первой;
- 07: Не принимай приглашение на субботнее свидание после среды;
- 12: Прекрати с ним встречаться, если он не купит тебе романтический подарок на твой День Рождения или День святого Валентина;
- 15: Не торопись с сексом, и другие правила интимных отношений¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰ Фейн Э., Шнайдер С. Правила: Проверенные временем секреты как завладеть сердцем идеального мужчины. New York: Warner Books, 1995. С. XVII–XVIII

В контексте феминистской политики равноправия и достоинства эти правила выглядят глупо и унижительно. Но успех этой книги заслуживает некоторого внимания. Его можно объяснить тем фактом, что эти правила представляют собой культурные стратегии, направленные на создание недостатка и, таким образом, на повышение эмоциональной ценности женщин на рынке, где мужчины контролируют эмоциональность женщин посредством их готовности к серьезным отношениям. Хотя «Правила» представляют собой весьма ошибочную попытку исправить структурный эмоциональный дисбаланс между мужчинами и женщинами, они затрагивают суть эмоционального дисбаланса в гетеросексуальных отношениях.

Изобилие, таким образом, является экономическим и эмоциональным эффектом сексуальных полей, структурированных иерархией и конкуренцией и преобразующих природу желания, активизируя его посредством недостаточности, которая, в свою очередь, должна отражать ценность и положение на сексуальном поле. Таким образом, сексуальное изобилие влияет на желание и на само стремление его испытать. Это еще более очевидно во второй категории страха перед обязательствами, которая включает в себя мужчин (и в меньшей, но реальной степени женщин), неспособных заставить себя *захотеть* сконцентрировать свое внимание на романтическом объекте¹⁰¹.

Абулический страх перед обязательствами

Абулию можно охарактеризовать как более запущенную стадию культуры изобилия, в которой разрушается сама способность хотеть и желать. Вот несколько примеров из интернета:

[Fein E., Schneider S. The Rules: Time-Tested Secrets for Capturing the Heart of Mr Right. New York: Warner Books, 1995. P. XVII–XVIII].

¹⁰¹ Описание трансгрессивного стремления к сексуальному удовольствию и обновленному желанию в «равных браках» см.: Шварц П. Любовь между равными: как на самом деле устроен брак между равными. NY: Free Press, 1994 [Schwartz P. Love between Equals: How Peer Marriage Really Works. New York: Free Press, 1994].

Дорогой Джефф,

Я встречаюсь с этой девушкой уже полтора года. Но с недавних пор *меня стали одолевать сомнения*, и я не могу выкинуть их из головы. Сам я из неполной семьи, и мне кажется, что, возможно, из-за этого меня в итоге настигло слишком много вопросов и противоречий.

Моя проблема в том, что я сомневаюсь, боюсь и иногда думаю, что не могу дальше продолжать наши отношения, но, когда мы вместе, я становлюсь счастливее и стараюсь не думать об этом. Обуреваемый подобными мыслями, я чувствую, что она по-прежнему дорога мне, и независимо от того, в каком я настроении, в хорошем или плохом, я знаю, что она все еще по-настоящему волнует меня и я люблю ее.

Я вижу ее в моем будущем, но в данный момент меня преследуют мысли, из-за которых трудно сохранить позитивный настрой. Сталкивался ли ты с подобными случаями и не мог бы ты дать мне какой-нибудь совет, поскольку я действительно не хочу расставаться с ней.

Ответ Джеффа:

Я очень редко советую людям, что делать в подобных ситуациях, но в этом случае я просто не смог удержаться. **ОСТАВАЙСЯ С ЭТОЙ ЖЕНЩИНОЙ!** Почему я так говорю? Потому что причины твоего желания уйти — это страхи и проблемы из прошлого...

Любой, кто принимает решение вступить в моногамные долгосрочные отношения, совершить помолвку или вступить в брак, не может не задаться вопросом, действительно ли это самый лучший человек из тех, кого ему суждено когда-либо встретить? *Вполне естественно задаться вопросом, будет ли тот, кого вы встретите на своем пути, лучше, чем ваш нынешний партнер*¹⁰² (курсив мой. — Автор).

Ниже приведена переписка с одного из консультативных форумов.

До недавнего времени я постоянно имел относительно низкую самооценку, и, пытаясь посмотреть на себя со стороны, я убеждался в том, что люди действительно не замечают меня. Это уменьшает самооценку до такой степени, что ты чувствуешь себя невзрачным и малопривлекательным. Излишне говорить, что я оставался один

---

¹⁰² http://dating.about.com/od/datingresources/a/SecondThought_2.htm (дата последнего обращения: 15.02.2006 (больше не доступен онлайн)).

в течение довольно долгого времени и, чувствуя себя совершенно одиноким, мечтал о встрече с кем-нибудь, думая, что это решит все мои проблемы. В общем, не хочу сейчас углубляться в многочисленные теории, главное, на мой взгляд, вы либо с кем-то (в смысле отношений), либо ни с кем, потому что у меня в голове не укладывается, как можно находиться в «промежуточном состоянии». Я не считаю, что нужно бросаться в омут с головой или связывать с браком большие ожидания и тому подобное (моя семейная история брака довольно сомнительная!). Я больше, чем уверен, что независимо от неопределенности пути, который вы начинаете вместе, существует еще некая связь, которую придется разорвать, чтобы вернуться назад к своему одиночеству, так сказать. *Я до смерти боюсь стать инициатором этого «разрыва», и это, вероятно, является источником моего страха. Я ужасно боюсь ранить чувства людей, ведь в тот момент, когда вы вступаете в какие-либо отношения, вы имеете дело с чьими-то чувствами, о которых нельзя не думать, и эта ответственность подавляет меня* (курсив мой. — Автор).

Некоторые ответы на этот пост:

...Возможно, вам следует понять, что не обязательно сулить золотые горы людям, чтобы заставить их думать о вас легко. И если не всегда все происходит так, как планируешь (что редко бывает), это не значит, что вы неудачник или плохой человек. Что вы чувствуете, когда люди просят вас о чем-нибудь? Вам трудно сказать «нет»?

<...>

Что касается обязательств, я думаю, причина в том, что порой мы обещаем слишком много, исходя из неверных побуждений, и беспокоимся, что новый человек заметит это. Возможно, вам просто следует научиться ослаблять напряжение с самого начала. Удачи, Гео.

<...>

Я только сейчас поняла, что тоже боюсь обязательств. Я поняла, что подобное со мной происходило почти во всех моих отношениях. Во многом это связано с браком и разводом моих родителей, и долгосрочные отношения сразу же ассоциируются у меня с неизбежной болью и страданием.

Я люблю все, что связано с моим молодым человеком, но, как и другие, написавшие выше, я чувствую себя опустошенной, неадекватной и лишенной эмоций, когда я думаю о нем и о своих чувствах к нему.

Все говорят, что признание проблемы и ее обсуждение — это первый шаг, но что делать дальше?!? Тревога вторгается в мою жизнь. У меня был такой сильный приступ паники, что я даже потеряла сознание. И я в ужасе от того, что это может снова произойти. Я никогда не слышала о том, чтобы кто-нибудь на самом деле терял сознание от паники (кроме Тони из «Клана Сопрано», хе). Мне очень, очень нужна помощь, буду признательна за любые советы и указания¹⁰³ (курсив мой. — Автор).

Эти сообщения вращаются вокруг трех ключевых тем. Во-первых, это трудность развития эмоций и, следовательно, предпочтений по отношению к объекту, а также трудность остановить свой выбор на одном человеке — проблема, которую я рассматриваю как проблему присвоения ценности объекту. Во-вторых, далекие от гедонизма, эти рассказы выражают заниженную самооценку личности, которая сомневается в себе и не имеет очевидных внутренних ресурсов, чтобы действительно желать того, чего она хочет. И последняя тема связана со сложностью прогнозирования будущего личности: а именно угнетающий характер обещания. Мы видим здесь глубокую противоречивую форму эгоизма, в которой субъекты сожалеют о том, чего они не могут заставить себя желать, или в которой они предвосхищают сожаления о том, чего они уже пожелали. Таким образом, страх перед обязательствами проявляется как изъян в структуре воли и неспособность примирить эмоции с желанием связать себя обязательством. В то время как в предыдущих сообщениях эмоции присутствуют и состоят из круговорота возбуждения и новизны, здесь сама эмоция кажется неполноценной. Страх и беспокойство, испытываемые этими мужчинами (и этой женщиной), истекают из зияющей пропасти между культурным идеалом долгосрочных серьезных отношений и слишком скудными ресурсами для достижения этих идеалов. Так что вопрос заключается в том, чтобы понять механизм, истощающий культурные ресурсы, необходимые для взятия обязательств. Хотя

---

¹⁰³ <http://www.uncommonforum.com/viewtopic.php?t=15806> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

философы пытались понять, почему мы желаем то, что, как мы знаем, может причинить нам вред, здесь проблема состоит в неспособности этих людей заставить себя пожелать того, что принесет им пользу (это проблема *акразии* — т. е. действия, или бездействия в противовес своим интересам или намерениям). В некотором смысле речь идет о структуре любви и желания, поскольку они связаны с сущностью личности. Гарри Франкфурт предполагает, что любовь и забота по природе своей способствуют взятию обязательств. Обязательство является основным элементом или признаком воли; это когнитивная, моральная и эмоциональная структура, которая позволяет людям связать себя с будущим и отказаться от возможности максимизировать свой выбор. Любовь носит обязательный характер, поскольку

потребность, характерная для любви, не ограничивает движения воли властным всплеском страсти или принуждения, которые побеждают и покоряют волю. Напротив, *ограничение проистекает изнутри нашей воли*. Мы ограничены собственной волей, а не какой-либо внешней или чуждой нам силой¹⁰⁴ (курсив мой. — Автор).

Именно этот тип воли, травмированный и неорганизованный, который мы видели в сообщениях выше, подводит меня к последней части моего утверждения: что страх перед обязательством — именно культурное представление, разыгранное вокруг проблемы выбора. Понятие воли, на которое ссылался Франкфурт, жизнеспособно лишь тогда, когда оно сочетается с социальными институтами и механизмами выбора. Когда они меняются, «внутренняя» сила воли как сдерживающая сила также изменяется. В главе 2 я упоминала об экологии и архитектуре выбора, которые являются механизмами, формирующими и ограничивающими структуру воли. В следующем разделе я представляю совокупность культурных навыков и приемов, используемых в процессе принятия решений

---

¹⁰⁴ Франкфурт Х. Причины любви. Princeton: Princeton University Press, 2004. С. 46 [*Frankfurt H. The Reasons of Love. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 46*].

в сфере любви, которые, в свою очередь, формируют новую архитектуру романтического выбора.

Новая архитектура романтического выбора или дезорганизация воли

В прошлом выбор на брачном рынке формировался благодаря тесному взаимодействию личности с семьей и рабочей средой, и, возможно, из-за этого он был юридически обязывающим. Создается впечатление, что современные брачные рынки, напротив, функционируют благодаря, казалось бы, непринужденным, свободным и ничем не ограниченным контактам между людьми, чья способность выбора не только осуществляется, но и *постоянно востребована*. Однако способность выбора, основанная отнюдь не на чистой эмоциональности, на самом деле подразумевает сложный аффективно-когнитивный аппарат оценки партнеров, осознания собственных эмоций по отношению к ним и прогнозирования своей способности поддерживать эти эмоции. Современные интимные отношения и парообразование являются не только актами чистой воли, но и результатом выбора, основанного на сложном комплексе оценок¹⁰⁵. Конечно, можно утверждать, что выбор, описанный выше, не является сугубо современным. Историк Алан Макфарлейн предполагает, что в течение десяти лет между половым созреванием и браком английские крестьяне и служащие XVI в., «прекрасно осведомленные о домогательствах и заманивании, постоянно проверяли свои чувства. Начиная с легкого флирта, многие проходили сквозь череду любовных отношений, прежде чем окончательно определялись с выбором партнера»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Выбор партнера может включать различные и иногда противоречащие друг другу наборы критериев для одного и того же объекта оценки. Например, партнера можно оценить по критериям привлекательности, потребительским привычкам, характеру, эмоциональной или психологической совместимости или по его статусу.

¹⁰⁶ Макфарлейн А. Брак и любовь в Англии: Продолжение рода, 1300–1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. С. 296 [MacFarlane A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300–1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 296].

Однако современный выбор значительно отличается и характеризуется тремя элементами, сочетание которых делает его по-настоящему современным: обычно он осуществляется с помощью большого количества вариантов, реальных или воображаемых или реальных и воображаемых; это результат процесса самоанализа, в котором взвешиваются потребности, эмоции и предпочтения в образе жизни и источником которого является индивидуальная воля и эмоциональность, заинтересованная и реагирующая на другую чистую волю и эмоциональность, которые в принципе должны постоянно обновляться. Поскольку выбор любви никогда не бывает полностью обязательным, он должен обновляться благодаря постоянному и нескончаемому производству чувств. Современный романтический выбор сталкивается с проблемой выбора между когнитивным мониторингом добровольного выбора и непроизвольной динамикой спонтанных чувств. Именно из-за освобождения от регулирования механизмов выбора брачные рынки создают формы выбора, все больше и больше похожие на те, которые действуют на потребительских рынках. Потребительский выбор — это специфическая в культурном отношении категория выбора, осуществляемая благодаря сочетанию здравого размышления, утонченного вкуса, желания улучшить жилищные условия и повысить благополучие. Именно эта новая архитектура выбора в сочетании с его экологией, описанная в этой главе и главе 2, препятствует принятию решений и взятию обязательств. Ниже я рассматриваю компоненты этой новой архитектуры романтического выбора, которая затрагивает мужчин и в гораздо меньшей, но вполне определенной степени женщин.

Как уже упоминалось, явный рост и изобилие реальных и воображаемых сексуальных партнеров являются основной причиной преобразования экологии выбора. Это преобразование возникло в результате существенного ослабления религиозных, этнических, расовых и классовых правил эндогамии, что, по существу, позволяет любому человеку получить доступ к брачному рынку¹⁰⁷. Это усугубляется необычайным ростом

---

¹⁰⁷ Или любой другой вид супружеских отношений, если уж об этом зашла речь.

числа потенциальных партнеров, доступных благодаря интернету. Такое изобилие выбора, реального и воображаемого, вызывает важные когнитивные изменения в формировании романтических эмоций и процессе выбора одного объекта любви. На самом деле, научные исследования о влиянии изобилия выбора на процесс принятия решений явно свидетельствуют о том, что большая доступность вариантов скорее препятствует, а не способствует приверженности одному объекту или отношениям. Существует ряд объяснений того, почему способность делать выбор и вступать в серьезные отношения претерпела существенные изменения в современном обществе. Одно из преобразований, обусловленных изобилием сексуального выбора и свободой принятия решений, заключается в том, что люди вынуждены постоянно заниматься самоанализом, чтобы установить свои предпочтения, оценить имеющиеся варианты и удостовериться в своих чувствах. Это требует разумного самоанализа, который сопровождается традиционным (аутентичным) порядком принятия эмоциональных решений, в котором решение о создании пары должно приниматься на основе эмоционального самопознания и способности проецировать свои эмоции в будущее. Согласно этой точке зрения, поиск наиболее подходящего партнера состоит в выборе человека, соответствующего сущности личности и системе предпочтений и потребностей, характеризующих ее. Крайне важной для этой концепции выбора является идея о том, что с помощью самоанализа, который влечет за собой гиперосознанный процесс принятия решений, может и должна быть установлена целесообразная оценка нашей совместимости с партнером и сочетаемости наших качеств. Согласно этой модели самоанализ должен привести к эмоциональной ясности. В этом смысле самоанализ является основной характеристикой выбора партнера, поскольку подразумевает, что и мужчины, и женщины должны определить силу и глубину своих эмоций, должны предвидеть будущее своих отношений и вероятность их успеха или неудачи. Это дает мне основания полагать, что уделение особого внимания самоанализу с помощью каналов популярной психологической

культуры представляет собой важную культурную попытку разработать методы принятия решений. Существует ряд причин, по которым мы можем и нам следует сомневаться в способности сделать такой выбор.

1. Когнитивная психология имеет много свидетельств о том, что людям присущи когнитивные предубеждения, которые мешают им адекватно оценивать, анализировать и осознавать свои желания, а также предсказывать свои будущие чувства. В отдельных работах когнитивные психологи Тимоти Уилсон и Даниэль Гилберт (среди прочих) свидетельствуют о том, что из-за когнитивных предубеждений, т. е. систематических ошибок мышления (из-за отклонения в эмпатии или предвзятой оценки последствий), люди оказываются неподготовленными к тому, что Гилберт называет «эмоциональным прогнозированием»¹⁰⁸, или способностью осознавать то, что они будут чувствовать.

Вот, например, Юджин, 54-летний разведенный мужчина, который вот уже два года имеет близкие отношения с 38-летней Сюзанной.

Юджин: Все это сложно, хотя я ее очень люблю.

Корр.: Вы можете объяснить, в чем сложность?

Юджин: Ну, она хочет детей, семью. А я чувствую, что не могу ей этого дать. Я уже был женат и понимаю, что это такое. Я долго колебался, постоянно думал об этом, занимался самокопанием сколько мог, и самое удивительное, я так и не смог понять, чего я на самом деле хочу. Я очень люблю ее, но я против новой семьи, и в результате, поскольку я не смог решить, просто не смог решить, чего я хочу, мы расстались. Я расстался с ней. Может, она и смогла бы продолжать в том же духе какое-то время, но я чувствовал, что не имею права удерживать ее, ей нужно создать семью с кем-то другим. И до сих пор я так и не знаю, правильно ли я поступил, до сих пор я не знаю, чего я действительно хочу.

---

¹⁰⁸ Уилсон Т. Д., Гилберт Д. Т. Аффективное прогнозирование // *Advances in Experimental Social Psychology*. 35. 2003. С. 345–411 [Wilson T. D., Gilbert D. T. Affective Forecasting // *Advances in Experimental Social Psychology*. 35. 2003. P. 345–411].

Этот человек не может прийти к решению, несмотря на длительный процесс самоанализа, который парализовал его волю, одновременно активировав его рациональную способность оценивать ситуацию. Это напоминает слова поэта Теодора Ротке, процитированные психологом Тимоти Уилсоном: «Самосозерцанье — это проклятие, которое только усугубляет прежнее замешательство»¹⁰⁹. Юджин ждет эмоционального саморазоблачения, которого он не может достичь с помощью рационального самоанализа, поскольку сущность человеческая не является чем-то «осязаемым», фиксированным, легко узнаваемым, с четко очерченными контурами и плотным содержимым. Социальная сущность фактически является прагматической единицей, постоянно формируемой обстоятельствами и поступками окружающих. Занимаясь самоанализом, мы пытаемся обнаружить четкие потребности или желания, но эти потребности или желания формируются в ответ на ситуации. По этой причине самоанализ мешает способности ощущать сильные и неослабевающие эмоции, активированные через нерациональные когнитивные каналы.

2. В сфере романтики и потребительского выбора большее количество доступных вариантов зачастую сопряжено с весьма обширным процессом сбора информации для оценки различных вариантов, что может быть одной из форм мышления, известной как «рациональность», и может ассоциироваться с мужественностью.

Такие высокоосознанные и рациональные методы сбора информации, отнюдь не облегчающие процесс принятия решений, на самом деле усложняют его из-за проблемы, которую когнитивные психологи называют «информационной перегрузкой». Когнитивный психолог Гэри Кляйн показал, как наличие слишком большого количества вариантов побуждает людей проводить сравнения, что снижает способность принимать быстрые решения, основанные на интуиции.

---

¹⁰⁹ Уилсон Т. Д. Не раздумывай, все будет хорошо // International Herald Tribune. December 30, 2005. С. 6 [Wilson T. D. Don't Think Twice, It's All Right // International Herald Tribune. December 30, 2005. P. 6].

Решения, основанные на интуиции, принимаются быстрее, требуют мобилизации эмоций и использования подразумеваемых знаний, неосознанно накопленных с течением времени, и предполагают готовность к риску¹¹⁰. В противоположность этому взвешивание и сравнение вариантов включают в себя разложение объекта, человека или ситуации на компоненты и попытку оценить и взвесить эти качества посредством обоснованного сравнения между вариантами, реальными или воображаемыми. Эта форма оценки опирается не на целостные суждения, а на детально разобранный информацию. Это приводит к тому, что объект, подлежащий оценке, разбивается на независимые и разрозненные компоненты в процессе, который, таким образом, размывает интуитивную оценку, рассматриваемую здесь как несформулированную или предположительную форму принятия решений, и ограничивает способность к сильной эмоциональной приверженности. Интуиция необходима для того, чтобы давать оценки и принимать решения, которые не могут быть приняты рационально, поскольку формальное взвешивание вариантов не способствует силе или глубине эмоций человека. «Объяснение причин» и разложение объекта на компоненты уменьшает эмоциональную силу решений, что позволяет нам рассуждать о самой способности взятия обязательств. Выявление причин в процессе принятия решений может привести к потере связи со способностью воздействовать на чувство и интуицию, поскольку в процессе самоанализа люди разлагают стимул на различные атрибуты: «Имеются доказательства того, что оценка стимула по нескольким различным аспектам *заставляет людей умерять свои суждения*»¹¹¹ (курсив мой. — Автор).

¹¹⁰ Кляйн Г. Источники силы: Как люди принимают решения. Cambridge, MA: MIT Press, 1999 [Klein G. Sources of Power: How People Make Decisions. Cambridge, MA: MIT Press, 1999].

¹¹¹ Уилсон Т. Д., Скулер Дж. У. Слишком много думать — вредно: самоанализ может снизить качество предпочтений и решений // Journal of Personality and Social Psychology. 60(2). 1991. С. 182 [Wilson T. D., Schooler J. W. Thinking Too Much: Introspection Can Reduce the Quality of Preferences and Decisions // Journal of Personality and Social Psychology. 60(2). 1991. P. 182]. Аналогичным

3. По итогам этих выводов выясняется один очень интересный факт, что рациональная оценка определенного объекта (или человека), как правило, ведет к снижению и ослаблению его ценности. Иначе говоря, акт познания качеств людей или объектов уменьшает их эмоциональную привлекательность. Тимоти Уилсон и Джонатан Скулер проводят эксперименты, которые показывают, что вкус и оценка, основанные на некогнитивной психической деятельности, находятся под влиянием вербальных оценок, полученных в результате самоанализа (четкое определение критериев оценки), и предполагают, что эти вербальные оценки, в свою очередь, уменьшают общую положительную оценку стимула, данную индивидуумом¹¹². Это происходит потому, что здесь могут быть задействованы два процесса. Первый связан с пересечением вербального и невербального способов оценки. Когда первый заменяет второй, это, как правило, ослабляет невербальную способность «любить» или «не любить»: например, дегустация пищи или визуальная оценка осуществляются лучше, когда они *не*

образом Чези Офир и Итамар Симонсон демонстрируют, что ожидание оценки услуги или продукта приводит к менее благоприятным оценкам качества и удовлетворенности и снижает готовность клиентов покупать и рекомендовать оцененные услуги. Негативное предубеждение к ожидаемым оценкам наблюдается, когда фактическое качество либо низкое, либо высокое, и оно сохраняется даже тогда, когда покупателям прямо говорят как о положительных, так и об отрицательных аспектах. Полученные результаты соответствуют тому, что называется «счетом повышения негативности», указывая на то, что, если покупатели не начинают оценку с низкими ожиданиями, в процессе потребления они, как правило, в первую очередь обращают внимание на негативные аспекты качества продукта / услуги. См.: Офир Ч., Симонсон И. В поисках отрицательной обратной связи с клиентами: Влияние ожидания оценки на оценки удовлетворенности // *Journal of Marketing Research*. 38(2). 2001. С. 170–182 [Ofir C., Simonson I. In Search of Negative Customer Feedback: The Effect of Expecting to Evaluate on Satisfaction Evaluations // *Journal of Marketing Research*. 38(2). 2001. P. 170–182].

¹¹² Уилсон Т. Д., Скулер Дж. У. Слишком много думать — вредно: самоанализ может снизить качество предпочтений и решений // *Journal of Personality and Social Psychology*. 60(2). 1991 [Wilson T. D., Schooler J. W. Thinking Too Much: Introspection Can Reduce the Quality of Preferences and Decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 60(2). 1991].

вербализованы. Второй процесс здесь заключается в том, что возможность сравнения многочисленных вариантов имеет тенденцию сдерживать чувства индивидуума по отношению к предоставленному варианту¹¹³. Уилсон и Скулер предполагают, что процесс повторения причин — т. е. процесс вербализации причин конкретного выбора — может ослабить способность принимать интуитивное решение. В этом смысле высоковербализованная культура выбора может значительно снизить возможность быть втянутым в эмоциональные отношения *без видимой причины* и вступить в серьезные отношения, руководствуясь интуицией. В этом случае подрывается культурная практика интуиции.

Полученные результаты могут быть связаны с другими результатами исследования социологии брака. Несмотря на то что показатели добрачного сожительства резко возросли, 40 % таких отношений длятся менее пяти лет, а большинство — всего два года. Хотя в 55 % случаев совместное проживание приводит к браку, такие браки чаще других заканчиваются разводом¹¹⁴. И мужчины, и женщины часто начинают совмест-

¹¹³ Рави Дхар также предполагает, что существует тенденция выбора «меж двух огней», т. е. вариант не выбора ни одной из предложенных привлекательных альтернатив из-за невозможности выбрать лучшую. См.: Дхар Р. Потребители предпочитают не выбирать // *Journal of Consumer Research*. 24(2). 1997. С. 215–231 [Dhar R. Consumer Preference for a No-Choice Option // *Journal of Consumer Research*. 24(2). 1997. P. 215–231]. Есть исследования, которые показывают, что потребители избегают делать какой-либо выбор, сталкиваясь со слишком большим или слишком малым количеством вариантов. См.: Куксов Д., Виллаш-Боаш М. Когда увеличение альтернативных вариантов приводит к меньшему выбору // *Marketing Science*. 29(3). 2010. С. 507–524 [Kuksov D., Villas-Boas M. When More Alternatives Lead to Less Choice // *Marketing Science*. 29(3). 2010. P. 507–524].

¹¹⁴ По данным Ларри Бампасса и Сянь-Хен Лу, процент браков, которым предшествовало сожительство, вырос примерно с 10 % у вступивших в брак между 1965 и 1974 гг. до более чем 50 % у тех, кто узаконил свои отношения между 1990 и 1994 гг.; 55 % сожительства заканчиваются браком, и 40 % этих отношений распадаются в течение пяти лет (большинство в первые два года). См.: Бампасс Л., Лу С.-Х. Тенденции совместного проживания и последствия для детского вопроса в контексте семьи в Соединенных Штатах // *Population Studies: A Journal of Demography*. 54(1). 2000. С. 29–41 [Bumpass L.,

ную жизнь, руководствуясь желанием принять решение о браке или о долгосрочных отношениях. Тем не менее создание рефлексивных условий, на которых должно основываться это решение, может быть несовместимо или, по крайней мере, не связано с обязательством, которое проистекает из иной когнитивной и эмоциональной структуры, нежели чем то, которое поощряется интроспективным самопознанием. Некоторые исследования показывают, что добрачное сожитительство приводит к ослаблению приверженности мужчин своим партнерам¹¹⁵, что связано с более низким уровнем удовлетворенности в браке, и повышает риск развода¹¹⁶.

4. Главным образом влияние изобилия на выбор приводит к тому, что экономист Герберт Саймон называет переходом от разумной достаточности к максимизации. Приверженцы первого типа — это люди, которые довольствуются первым доступным «неплохим» вариантом¹¹⁷; приверженцы второго

Li H.-H. Trends in Cohabitation and Implications for Children's Family Contexts in the United States // *Population Studies: A Journal of Demography*. 54(1). 2000. P. 29–41].

¹¹⁵ Клайн Г., Стэнли С. М., Маркман Х. Дж. Совместное проживание до обручения и гендерная асимметрия в супружеских обязательствах // *Journal of Family Psychology*. 20(4). 2006. С. 553–560 [Kline G., Stanley S. M., Markman H. J. Pre-engagement Cohabitation and Gender Asymmetry in Marital Commitment // *Journal of Family Psychology*. 20(4). 2006. P. 553–560]; Клайн Г. и др. Время — это все: совместное проживание до помолвки и повышенный риск негативных последствий для брака // *Journal of Family Psychology*. 18(2). 2004. С. 311–318 [Kline G. et al. Timing Is Everything: Pre-engagement Cohabitation and Increased Risk for Poor Marital Outcomes // *Journal of Family Psychology*. 18(2). 2004. P. 311–318].

¹¹⁶ Аксин У., Торнтон А. Отношения между сожительством и разводами: избирательность или причинно-следственное влияние? // *Demography*. 29(3). 1992. С. 357–374 [Axinn W., Thornton A. The Relationship between Cohabitation and Divorce: Selectivity or Causal Influence? // *Demography*. 29(3). 1992. P. 357–374]; Шоен Р. Первые союзы и стабильность первых браков // *Journal of Marriage and Family*. 54(2). 1992. С. 281–284 [Schoen R. First Unions and the Stability of First Marriages // *Journal of Marriage and Family*. 54(2). 1992. P. 281–284].

¹¹⁷ Саймон Х. Ограниченная рациональность в социологии: сегодня и завтра // *Mind & Society*. 1(1). 2000. С. 25–39 [Simon H. Bounded Rationality in Social Science: Today and Tomorrow. *Mind & Society*. 1(1). 2000. P. 25–39].

ищут самый лучший вариант из всех возможных. Несколько экспериментов показывают, что изобилие, а не упрощение, делает выбор более трудным именно по этой последней причине. Барри Шварц предполагает, что одним из центральных механизмов «максимизации» мышления является предвосхищение сожаления и ощущение упущенных возможностей, что экономисты называют «альтернативными издержками». Большой выбор создает апатию, поскольку желание максимизировать выбор и ожидание сожаления о потерянных возможностях¹¹⁸ отрицательно сказываются на силе желания и на способности сделать выбор.

Например, рассмотрим Филиппа, 48-летнего математика, который живет в Нью-Йорке в течение последних 25 лет:

Корр.: Какие значимые истории любви были в вашей жизни?

Филипп: Ну, зависит от того, что вы подразумеваете под этим. Я мог бы назвать пять женщин, с которыми я жил, но мог бы не назвать ни одной, поскольку с каждой из них всегда была одна и та же проблема, я не мог заставить себя почувствовать, что она единственная, единственная и неповторимая, понимаете, о чем я?

Корр.: Нет, что вы имеете в виду?

Филипп: Ну, например, два года я жил с одной женщиной, у нас были прекрасные отношения, мы вели интересные разговоры, смеялись, путешествовали, вместе готовили, все было очень комфортно. Но когда она заговорила о том, что хочет иметь детей, мне пришлось спросить себя, что же я на самом деле чувствую к ней, и я совсем не ощутил никакого восторга, чувства, которое, как я полагаю, нужно иметь, чтобы принять такое решение.

Корр.: Что вы имеете в виду?

Филипп: Ну, что это женщина моей жизни. Что я должен быть с ней, иначе я буду несчастен, что она самая потрясающая женщина, которую я мог бы иметь, но я просто не смог это почувствовать. Мне всегда казалось, что если бы не эта, то была бы другая [смеется], может быть, я обманываю себя, но я считаю, что на свете есть много красивых и умных женщин, которые всегда будут хотеть меня. Од-

---

¹¹⁸ Шварц Б. Парадокс выбора: почему больше значит меньше. NY: HarperCollins, 2005. С. 163 [*Schwartz B. The Paradox of Choice: Why More is Less. New York: HarperCollins, 2005. P. 163.*]

нако вся беда, возможно, в том, что мне, кажется, не суждено встретить такую потрясающую, замечательную женщину, которая заставит меня потерять голову.

Рассуждения этого мужчины показывают, как многочисленные варианты притупили его способность испытывать сильные эмоции к женщине. На рынке с хорошим выбором трудно найти одно решение, которое превзошло бы любые другие, поскольку способность поддаваться влиянию сильных чувств при выборе обусловлена ощущением ограниченности вариантов или определением самой выгодной сделки.

Еще один пример роли восприятия выбора, его реального увеличения и вытекающего из этого желания приумножить свою выгоду в процессе поиска спутника жизни появился в «Нью-Йорк Таймс», в социологической высокоинформативной статье о «Современной любви», написанной Дианой Спеклер. Она рассказывает о приключениях одного из ее студентов (а также ее любовника) в процессе поиска партнера с помощью телевизионной программы знакомств: «Ассистенты режиссера по подбору актеров стали анализировать ответы моего ученика, данные при анкетировании, просеивая сотни заявлений от женщин и отправляя ему по электронной почте фотографии потенциальных партнерш»¹¹⁹. Несмотря на то что мужчина имеет прекрасные, устраивающие его отношения с рассказчицей, он записывается на эту программу и сортирует сотни профилей женщин, выбирая их с точки зрения внешнего облика (некоторые из них «недостаточно привлекательны») и психологической совместимости. Телешоу отражает современную ситуацию выбора на основе информации, полученной до начала встречи. Впоследствии этот человек был исключен из программы на основании того, что он был слишком «придирчив», качество, подкрепленное самими условиями выбора. Придирчивость, которая, кажется, свирепствует на просторах романтического выбора, не является

---

¹¹⁹ Шпеклер Д. Участвуя в собственном реалити-шоу // New York Times. June 11, 2010 [Spechler D. Competing in My Own Reality Show // New York Times. June 11, 2010].

психологической чертой, а скорее, влиянием экологии и архитектуры выбора, т. е. она в основном мотивирована желанием максимизировать выбор в условиях, когда его диапазон становится почти неуправляемым.

Обязательство имеет инструментальные и эмоциональные компоненты¹²⁰. В процессе поиска партнера на брачном рынке явно прослеживается попытка объединить рациональные и эмоциональные аспекты выбора. Однако исследования показывают, что эмоциональный аспект при вступлении в серьезные отношения, в конечном итоге, является самым сильным, поскольку приверженность не может быть рациональной. Процесс, в котором архитектура романтического выбора сталкивается с постоянно растущим числом потенциальных партнеров, снижает способность к сильной эмоциональной приверженности, поскольку он мобилизует когнитивные процессы, которые крайне негативно сказываются на эмоциональности и ослабляют интуицию.

Описанные выше особенности выбора являются когнитивными и социологическими условиями, создающими психологическое состояние, известное как *амбивалентность* (двойственность чувств). В то время как двусмысленность относится к свойству познания (неуверенность в том, является ли объект тем или иным), амбивалентность относится к эмоциям. Фрейд считал амбивалентность универсальным свойством психики, сочетающем в себе и любовь, и ненависть. Философ Дэвид Пагмир определяет амбивалентность в более широком смысле как одновременное существование двух противоречивых чувств по отношению к одному и тому же объекту¹²¹. Однако я бы сказала, что и современная романтическая амбивалентность тоже отличается: она относится к приглушенным чувствам. Выра-

---

¹²⁰ Лолер Э., Шейн Т., Джионку Ю. Социальные обязательства в деперсонализированном мире. New York: Russell Sage Foundation, 2009. С. 26 [Lawler E., Shane T., Jeongkoo Y. Social Commitments in a Depersonalized World. New York: Russell Sage Foundation, 2009. P. 26].

¹²¹ Пугмайр Д. Здоровые чувства: целостность в эмоциях. Oxford: Oxford University Press, 2005. С. 175 [Pugmire D. Sound Sentiments: Integrity in the Emotions. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 175].

жение «холодная амбивалентность» может лучше описать это состояние, поскольку оно подразумевает одну из основных эмоциональных тональностей, упомянутых ранее, а именно абулию. Современная амбивалентность принимает различные формы: незнание того, что человек чувствует по отношению к другому (Истинная ли это любовь? Действительно ли я хочу провести свою жизнь с этим человеком?); ощущение противоречивых эмоций (желание попробовать новые отношения, оставаясь в существующих на данный момент); произнесение каких-нибудь фраз без ощущения при этом соответствующих эмоций (Я люблю быть с тобой, но не могу полностью посвятить себя тебе). Амбивалентность не характерна для психики, однако она является свойством институтов, организующих нашу жизнь. Институциональные механизмы часто ответственны за противоречивые желания людей: получить любовь и автономию, ощутить заботу и проявить самостоятельность, что находит выражение в институтах семьи и рынка. Кроме того, культура не дает четкого представления об иерархии конкурирующих товаров. Как предполагает Эндру Уэйгерт: «Если концептуальные характеристики, используемые для толкования первичных эмоциональных переживаний, противоречат друг другу, результатом являются притупленные эмоции. Ни одна из них не доминирует»¹²². Амбивалентность оказывает непосредственное влияние на эмоции и чувства: «Без четкого ощущения того, кто мы есть, реакция сдерживается, замедляется и притупляется»¹²³. Роберт Мертон, один из первых социологов, проанализировавших амбивалентность, предположил, что она может быть результатом противоречивых нормативных ожиданий внутри роли, но такие противоречия не обязательно подрывают эту роль. Мертон пришел к выводу, что амбивалентность, напротив, может быть функциональной для социального устройства. Я бы сказала, что она

---

¹²² Уайгерт А. Дж. Смешанные эмоции: определенные шаги к пониманию неоднозначности. Albany: SUNY Press, 1991. С. 34 [Weigert A. J. Mixed Emotions: Certain Steps toward Understanding Ambivalence. Albany: SUNY Press, 1991. P. 34].

¹²³ Там же. С. 34.

функционирует в ситуации избытка выбора, не ограниченного четкими временными рамками. Но, хотя амбивалентность может и не быть проблемой, Мертон утверждал, что «она является следствием нерешительности, которая может блокировать принятие решений. Абулия — это проблема, но причина ее — в амбивалентности»¹²⁴. Поскольку желание не может сосредоточиться на одном объекте и не в состоянии желать того, к чему оно действительно страстно стремится, оно делится надвое.

Соблюдение обещаний и архитектура современного выбора

Описанные выше особенности объясняют, по крайней мере, частично, почему взятие обязательств, приверженность и выполнение обещаний стали проблематичными аспектами личности. Это не означает, что в прошлом они не вызывали проблем или что они затрагивают все сферы общественной жизни. Выполнение обещаний, например, можно рассматривать как одно из величайших институциональных и психологических достижений современности, особенно в области экономических операций. Однако я хотела бы заметить, что природа романтического желания изменилась и что ее характерной особенностью является отсутствие связи между эмоциональным/сексуальным опытом и обязательством. Обязательство, пишет экономист Амартия Сен, определяется «тем фактом, что оно вбивает клин между личным выбором и личным благополучием»¹²⁵. Другими словами, взять на себя обязательство означает сделать выбор, при котором человек отказывается от возможности увеличить свое благосостояние. Обязательство предполагает наличие конкретной способности

---

¹²⁴ Уайгерт А. Дж. Смешанные эмоции: определенные шаги к пониманию неоднозначности. Albany: SUNY Press, 1991. С. 22.

¹²⁵ Сен А. Разумны глупцы: Критика поведенческих принципов экономической теории // *Philosophy and Public Affairs*. 6(4). 1977. С. 329 [Sen A. Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // *Philosophy and Public Affairs*. 6(4). 1977. P. 329].

проецировать себя в будущее, способности остановить процесс поиска и принятия решений, отказавшись от возможности улучшения перспектив. Готовность связать себя обязательством возникает, когда текущий выбор кажется наилучшим из возможных и/или когда человек довольствуется «неплохим» выбором. В каком-то смысле взятие обязательств и любовь тесно переплетены, по крайней мере, субъективно. Как говорит философ Жан-Люк Марион: «Сказать: “Я люблю тебя на мгновение, временно” означает “Я тебя совсем не люблю” и достигает лишь перформативного противоречия»¹²⁶. Любить, говорит Марион, значит всегда хотеть любить. Возникает вопрос: с каких пор и почему выбор больше не включает в себя эмоциональную силу, связывающую человека с будущим?

Обязательства ориентированы на будущее, но это будущее, в котором человек предполагает увидеть себя желающим того, что он из себя представляет и чего хочет в настоящее время. Такова временная структура обещаний:

Устные обещания не менее зыбки, чем другие заявления в этом отношении; на самом деле, они даже более зыбкие, поскольку обещания характеризуются еще большей временной разобщенностью. Момент произнесения обещания находится в настоящем, но его иллюкативная сила (степень его убедительности, успешности) «ориентирована на будущее и перспективна»... Каждое обещание предполагает дату, в которую оно было сделано и без которой оно не будет иметь юридической силы.

В результате «настоящим для обещания всегда является прошлое с точки зрения его выполнения»¹²⁷. Именно эта вообразаемая временная разобщенность рассматривается в культурной структуре личности в современном обществе. Это

---

¹²⁶ Марион Ж.-Л. Эротический феномен. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. С. 174 [Marion J.-L. The Erotic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. P. 174].

¹²⁷ Крейг Р. Язык обещаний: Обручение в викторианском праве и художественной литературе. Albany: State University of New York Press, 2000. С. 6 [Craig R. Promising Language: Betrothal in Victorian Law and Fiction. Albany: State University of New York Press, 2000. P. 6].

происходит потому, что представление об индивидуальности, сформированное психологической культурой, уничтожило или, по крайней мере, обесценило перформативные и ритуальные способы организации эмоций.

Ритуал можно определить следующим образом:

Сослагательный контекст вселенной ритуала не требует ни предварительного понимания, ни устранения концептуальной неоднозначности. Его исполнение просто и элегантно отвлекает внимание от этого, позволяя установленному порядку существовать таким, как он есть, не требуя понимания. Таким образом, это напоминает решение совершить любое конкретное действие, которое должно быть принято, даже если мы заблуждаемся в том, что обладаем достаточным пониманием происходящего. Это относится и к медицинскому вмешательству, и к финансовым инвестициям, и к брачным обязательствам, и к объявлению войны, и к строительству дорог — практически ко всем формам человеческой деятельности¹²⁸.

Другими словами, выбор, регулируемый ритуалом, противопоставляется выбору, основанному на искренности, самоанализе и эмоциональной онтологии. Первый рассматривает обязательство как перформативное достижение, порожденное актом волеизъявления и серией традиционных ритуалов, принятых в обществе, второй — как результат самоанализа, основанного на «реальных» эмоциях. Выполнение обещаний становится бременем для личности, поскольку подлинные решения должны отражать «глубинную» эмоциональную сущность личности и следовать динамике «самореализации». А поскольку самореализация должна происходить в процессе саморазвития и самоизменения, труднее представить, какой будущая личность может стать. Самореализация в этом смысле предполагает потенциальную внутреннюю несогласованность личности: завтра я могу стать тем, кем совсем не являюсь сегодня. Культурный идеал самореализации требует, чтобы вы-

---

¹²⁸ Селигман А. Ритуал и его последствия: Очерк о границах искренности. Oxford: Oxford University Press, 2008. С. 115 [Seligman A. Ritual and Its Consequences: An Essay on the Limits of Sincerity. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 115].

бор всегда был открыт. Идеал самореализации влечет за собой изменчивый во всех отношениях мониторинг личности, в котором ее развитие и рост подразумевают, что ее завтрашнее «я» должно отличаться от «я» сегодняшнего. В идеале самореализации человек не знает, о чем он может пожелать завтра, поскольку по определению не осознает будущего многообразия и масштаба своей личности. По словам социолога Роберта Беллы и его коллег, «любовь, которая должна нас объединять, коренится в непредсказуемых переменах нашей субъективности»¹²⁹. Идеал самореализации — очень мощная структура и культурная сила: это то, что заставляет людей бросать работу, не приносящую удовлетворения, и браки, в которых уже нет любви, посещать семинары по медитации, брать долгосрочные отпуска и уезжать в дорогостоящие поездки, консультироваться с психологом и т. д. Он принципиально позиционирует личность как постоянно движущуюся цель, как нечто, нуждающееся в открытиях и достижениях¹³⁰. Вот что написал одинокий мужчина в колонке «Нью-Йорк Таймс» о своем выборе не вступать в брак и не обзаводиться домашним хозяйством: «Самое сложное в этом мире — смотреть на жизни, которые нам не удалось прожить, на путь, который нами не пройден, на потенциал, оставшийся нереализованным»¹³¹. Идеал самореализации возражает против мнения о личности и о воле как о чем-то постоянном и установленном, а также заслуживающем похвалы именно *благодаря* их стойкости и постоянству. Реализоваться в жизни не означает связать себя обязательством с каким-нибудь определенным человеком или посвятить себя лишь одному жизненному замыслу. Иначе

¹²⁹ Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985. С. 90 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 90].

¹³⁰ Бауман З. Потребляя Жизнь. Cambridge: Polity Press, 2007 [Bauman Z. *Consuming Life*. Cambridge: Polity Press, 2007].

¹³¹ Крайдер Т. Референдум // New York Times. September 17, 2009 [Kreider T. *The Referendum* // New York Times. September 17, 2009].

говоря, идеал самореализации отрицательно сказывается на самой способности и желании планировать свое будущее в одном единственном направлении¹³². Возможно, поддерживая этот взгляд, Деррида предполагает, что

Обещание всегда чрезмерно. Без этой чрезмерной избыточности оно превратилось бы в описание набора знаний о будущем. Его действие имело бы не перформативную, а констативную структуру... В самой структуре акта обещания заложено, что успех приходит, чтобы запечатлеть своего рода непоправимое нарушение или извращение... Отсюда невероятная и комичная сторона каждого обещания и эта страстная попытка договориться с законом, договором, клятвой, провозглашенным утверждением преданности¹³³.

Я считаю, что замечание Дерриды о выполнении обещаний характерно для глубокого изменения структуры взятия обязательств в современном обществе, изменения, тесно связанного с современной экологией и архитектурой выбора партнера. Тогда как в мире Джейн Остин обещания служили подтверждением нравственного облика человека, в утверждениях, приведенных выше, обещания выглядят чрезвычайно кабальными. Обещания стали обузой для личности. И хотя выполнение обещаний скрепляет будущее с настоящим, а настоящее с будущим, теперь будущее открыто и совершенно неотъемлемо. Оно не может быть отдано кому-то другому. Трудность, связанная с формулированием обещаний, в свою очередь, связана с глубокими изменениями в том, как будущее включается в эмоциональную структуру современной любви. Главной характеристикой современных интимных отношений, которую Энтони Гидденс отмечает как способствующую демократии¹³⁴, является то, что они могут быть прерваны в любой момент,

---

¹³² Временная и онтологическая сегментация личности структурирует обязательство как ситуативное, дифференцированное и временное действие.

¹³³ *Деррида Ж.* Мемуары: Посвящение Полю де Ману. NY: Columbia University Press, 1986. С. 94 [*Derrida J.* Mémoires: For Paul de Man. New York: Columbia University Press, 1986. P. 94].

¹³⁴ *Гидденс А.* Трансформация интимности. Cambridge: Polity Press, 1992 [*Giddens A.* The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992].

если перестанут соответствовать эмоциям, вкусам и волеизъявлению¹³⁵. Именно в этом культурном контексте обещания могут стать «комичными». Взятие обязательств осуществляется в рамках выбора как важнейшей организующей метафоры самости. Обещания — по крайней мере, в романтическом контексте — могут стать комичными, если отношения основаны на постоянном осуществлении выбора и если выбор опирается на исключительно эмоциональный подход, т. е. на мнение, что отношениям следует формироваться и основываться на искренних эмоциях, которые должны предшествовать отношениям и неизменно их сопровождать.

Структурные изменения, произошедшие в волеизъявлении и взятии обязательств, породили новые формы отношений, такие как «секс на одну ночь», отношения с *ВТР* (*Boyfriendly Type Person*) или те, которые узаконивают двойственность отношения и трудности, связанные с выбором:

ВТР — это аббревиатура, обозначающая мужчину, который еще не совсем ваш постоянный партнер, но важнее для вас, чем случайный любовник. Этот термин используется в промежуточной стадии, прежде чем вы достигнете «официального» статуса постоянных возлюбленных. *ВТР* — это тот, кого вы еще не можете назвать своим парнем, но с кем вы уже довольно часто виделись, разговаривали по телефону и т. д., тот, с которым вы испытываете взаимные сильные чувства, но еще не совершили окончательный прыжок в совместную жизнь. Вам не обязательно спать вместе, и вы вправе встречаться с другими людьми (не считая это «изменой»), хотя вы можете почувствовать себя немного виноватыми после этого или злиться, если

---

¹³⁵ В краткосрочных отношениях — этой утилитарной модели любви — как считает Р. Белла и др., любовь становится не более чем обменом, без каких-либо обязательных правил, кроме обязательства полного и открытого общения. Пока отношения длятся, они должны давать партнерам то, что им необходимо. Если отношения закончатся, инвестиции обоих партнеров, как минимум, разумно окупятся. См.: Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985. С. 108 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 108].

узнаете, что он это делает, поскольку ваши отношения становятся более серьезными. Этот термин часто используется теми, кто имеет страх перед обязательствами. *GTP (Girlfriendly Type Person)* — это женский эквивалент¹³⁶.

Как бы ни были забавны эти выражения, они указывают на преобразование в моделях взаимоотношений мужчин и женщин, в которых основные составляющие воли и обязательства были преобразованы самой ситуацией выбора, когда личность сталкивается с большим количеством возможностей и не может планировать свою жизнь в одном единственном направлении, связывающем настоящее с будущим.

Чтобы выявить современную культурную специфику такого страха перед обязательствами, можно сравнить ее с решением Кьеркегора разорвать помолвку с Региной Ольсен. Споры о том, что побудило его это сделать, все еще продолжаются: одни думают, что это его глубокая склонность к религии, другие — что это его хроническая меланхолия и депрессия или его беспокойство о том, что он не сможет сделать ее счастливой. Кьеркегор, как представляется, был привержен бескомпромиссной этике религиозной искренности: он боялся, что его брак будет основан на лжи, поскольку он не сможет поделиться многими аспектами своей внутренней жизни¹³⁷. Мотив выбора возникает в его решении разорвать помолвку не в результате сомнений о том, лучший ли это выбор в его жизни, та ли она женщина, которая ему нужна и не слишком ли «рано заводить семью». В случае Кьеркегора расторжение помолвки было способом подтверждения силы, а не слабости его воли. Этот пример иллюстрирует, как культурная составляющая страха перед обязательствами может отличаться в том смысле, что она допускает отсутствие мотива «выбора».

---

¹³⁶ <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=commitmentphobe> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

¹³⁷ Ханней А. Кьеркегор: биография. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. С. 155 [Hannay A. Kierkegaard: A Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 155].

Сексуальное изобилие и эмоциональное неравенство

Несмотря на то что и мужчины, и женщины воспринимают свободу в современных интимных отношениях как основополагающую ценность и институциональную практику своей субъективности, они используют различные подходы, предоставляющие разнообразные формы этого статуса. Кроме того, новая экология и архитектура сексуального выбора затрагивает проблему установления равновесия между двумя полами. Многочисленные исследования сходятся в том, что мужчины чаще, чем женщины, вступают в случайные сексуальные связи и поэтому их отношение к случайному сексу является более позитивным¹³⁸. В некоторых исследованиях сообщается, что мужчины уделяют больше внимания физической привлекательности¹³⁹, в то время как в других

¹³⁸ *Реган С., Дрейер С.* Вожделение? Любовь? Статус? Мотивы молодежи для вовлечения в секс без обязательств // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. 11(1). 1999. С. 1–23 [*Regan P., Dreyer C.* Lust? Love? Status? Young Adults' Motives for Engaging in Casual Sex // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. 11(1). 1999. P. 1–23]; *Оливер М. Б., Хайд И. С.* Гендерные различия в сексуальности: Мета-анализ // *Psychological Bulletin*. 114. 1993. С. 29–51 [*Oli-ver M. B., Hyde J. S.* Gender Differences in Sexuality: A Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 114. 1993. P. 29–51].

¹³⁹ *Фишман Р., Айенгар Ш., Каменика Э. и др.* Гендерные различия в выборе партнера: на примере эксперимента быстрых свиданий // *Quarterly Journal of Economics*. 121 (2006). С. 673–697 [*Fisman R., Iyengar S. S., Kameni-ca E. etc.* Gender Differences in Mate Selection: Evidence from a Speed-Dating Experiment // *Quarterly Journal of Economics*. 121. 2006. P. 673–697]; *Реган П. К., Левин Л. С., Шпрехер С. и др.* Какие качества мужчины и женщины желают видеть в своих партнерах в краткосрочных сексуальных и долгосрочных романтических отношениях // *Journal of Psychology & Human Sexuality*. 12(3). 2000. С. 1–21 [*Regan P. C., Levin L. S., Sprecher S. etc.* What Characteristics Do Men and Women Desire in Their Short-Term Sexual and Long-Term Romantic Partners? // *Journal of Psychology & Human Sexuality*. 12(3). 2000. P. 1–21]; *Стьюарт С., Стиннетт Х., Розенфельд Л. Б.* Гендерные различия в желаемых характеристиках партнеров по краткосрочным и долгосрочным отношениям // *Journal of Social and Personal Relationships*. 17(6). 2000. С. 843–853 [*Stewart S., Stinnett H., Rosenfeld L. B.* Sex Differences in Desired Characteristics of Short-Term and Long-Term Relationship Partners // *Journal of Social and Personal Relationships*. 17(6). 2000. P. 843–853]. Однако, как показывает история, мужчины и

говорится о том, что женщины больше мужчин нуждаются в эмоциональной вовлеченности при вступлении в сексуальные отношения¹⁴⁰. Мужчины гораздо больше заинтересованы в сексе, чем женщины, для которых, как правило, наиболее значительную ценность имеют близость, любовь и привязанность, — мнение, которое перекликается с цитатой Морин Дауд в эпиграфе к этой главе¹⁴¹.

Эти результаты обычно толкуются как указание на различные биологические факторы, разделяющие мужчин и женщин. Тем не менее я подозреваю, что эволюционные биологи указывают на «природу» для некоторого оправдания нынешней социальной организации. Если мое исследование, приведенное в этой главе, верно, сексуальность по-разному проявляется мужчинами и женщинами в соответствии с различными стратегиями получения статуса: для мужчин сексуальность стала главной ареной, на которой они могут осуществить свой статус мужественности (авторитет, независимость и мужскую солидарность); для женщин сексуальность по-прежнему подчинена деторождению и браку. Мужская и женская сексуальность имеют большое значение для социальной власти, но принятые ими стратегии отличаются. Нерегулируемая сексуальность в контексте подорванной и оспариваемой, но все еще существующей патриархальной организации семьи и экономики, приводит к разделению сексуальных контактов на последовательную сексуальную активность и эмоциональную исключительность. Эти две сексуальные стратегии не просто разные; они дают значительное преимущество для тех муж-

---

женщины стали больше ценить физическую привлекательность во второй половине XX в.

¹⁴⁰ *Каббинс Л., Танфер К.* Влияние пола на секс: Исследование сексуального поведения высокого риска согласно субъективным оценкам мужчин и женщин // *Archives of Sexual Behavior*. 29(3). 2000. С. 229–255 [*Cubbins L., Tanfer K.* The Influence of Gender on Sex: A Study of Men's and Women's Self-Reported High-Risk Sex Behavior // *Archives of Sexual Behavior*. 29(3). 2000. P. 229–255].

¹⁴¹ *Коллинз Р.* Конфликтная теория сексуального расслоения // *Social Problems*. 19(1). 1971. С. 7 [*Collins R.* A Conflict Theory of Sexual Stratification // *Social Problems*. 19(1). 1971. P. 7]; *Берджесс У., Уолин П.* Помолвка и брак. NY: Lippincott, 1953 [*Burgess W., Wallin P.* Engagement and Marriage. New York: Lippincott, 1953].

чин, которые доминируют в сексуальной сфере (в силу своей профессии, экономической власти, сексуальной компетентности и т. д.), поскольку в контексте нерегулируемой сексуальности последовательная смена партнеров обеспечивает большее эмоциональное стратегическое преимущество и силу, чем стратегия исключительности.

Сексуальная исключительность женщин предусматривает эмоциональную привязанность. Стремление к исключительности заставляет женщин в большей степени, чем мужчин, проявлять и выражать свои эмоции раньше и более интенсивно. Поскольку сексуальный выбор женщин связан с тем фактом, что социально-экономический статус женщины в большей степени зависит от мужчины, когда речь идет о материнстве, женщины чаще всего становятся приверженными стратегии сексуальной и эмоциональной исключительности¹⁴².

Последовательная сексуальность, наоборот, по целому ряду причин сопровождается эмоциональной отстраненностью: если сексуальность последовательна, отстраненность является более адаптивной (последовательная эмоциональная привязанность обошлась бы слишком дорого); поочередное или одновременное накопление партнеров ведет к ослаблению чувства по отношению к одному из них в силу изобилия выбора; и отстраненность становится формой нарочитой демонстрации сексуального капитала перед другим мужчинам. Иначе говоря, последовательная сексуальность — как показатель статуса мужественности — сопровождается мужской эмоциональной отстраненностью, играющей, в свою очередь, важную роль в страхе перед обязательствами, который представляет собой мужскую экологию и архитектуру выбора и обеспечивает контроль над гетеросексуальным контактом.

---

¹⁴² О другой стратегии, принятой женщинами среднего класса, разделяющих брак (или любую другую форму диадических отношений) и материнство, см.: Герц Р. Одинокие по стечению обстоятельств, матери по выбору: как женщины выбирают родительство без брака и создают новую американскую семью. Oxford: Oxford University Press, 2008 [Hertz R. Single by Choice, Mothers by Choice: How Women Are Choosing Parenthood Without Marriage and Creating the New American Family. Oxford: Oxford University Press, 2008].

Яркий пример можно найти в процитированном ранее Маргеритой Филдс очерке «Современная Любовь», напечатанном в «Нью-Йорк Таймс», где она заявляет: «Иногда я их [мужчин] не люблю или даже боюсь, а чаще всего они мне просто надоедают. Но мой страх, неприязнь или скука, похоже, никогда не ослабят таящегося во мне желания, чтобы парень остался или, по крайней мере, пообещал остаться со мной надолго»¹⁴³. Это эссе является наглядной иллюстрацией несоответствия между мужчинами и женщинами именно с точки зрения желания женщин вступить в серьезные отношения и видеть, как мужчины берут на себя обязательства перед ними.

Эти характеристики сексуальных стратегий женщин и мужчин создают условия для того, что я называю *эмоциональным неравенством*: последовательная сексуальность дает мужчинам конструктивное преимущество сдерживать свои эмоции и менее охотно, чем женщины, вступать в отношения, поскольку они обладают наибольшим выбором (и с точки зрения временного интервала, и с точки зрения демографических характеристик). Следующая история является примером эмоционального неравенства. Одна из участниц интернет-колонки советует другой:

Я думаю, вы правы, что не решается требовать обязательств от человека, который боится их как огня. Мой муж тоже боялся обязательств, он уходил от меня каждый раз, когда появлялся новый этап ответственности (когда я хотела, чтобы наши отношения стали более прочными, когда я хотела жить вместе, когда хотела выйти замуж и даже после того, как мы поженились, когда я захотела ребенка). В конце концов, после рождения сына он все-таки привык к обязательствам, но через некоторое время у меня появились сомнения — я была настолько активна в наших отношениях, что, в конечном итоге, задумалась, а любит ли он меня. Это проблема, которую ему просто необходимо решить с помощью психолога — если он, действительно, этого хочет, в чем я не уверена. Сейчас я сама прохожу терапию, пытаюсь разобраться со своими проблемами. Попытки

---

¹⁴³ <http://www.nytimes.com/2008/05/04/fashion/04love.html?pagewanted=2> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

построить серьезные отношения с подобным человеком могут причинить боль (и, как в моем случае, вызвать обострение неуверенности в себе). Как бы там ни было, я испытала это на собственном опыте, к несчастью, неудачном¹⁴⁴.

Рассказ этой женщины и ее псевдоним описывают состояние эмоционального дисбаланса и неравенства между мужчинами и женщинами, а также ее попытки справиться с этим с помощью психотерапии. Это эмоциональное несходство формируется в контексте дерегулирования гетеросексуальных отношений, изменения условий выбора, а также того факта, что мужчины и женщины, имеющие больший выбор, занимают более сильное положение на сексуальном поле, будь то из-за их сексуальной привлекательности, молодости, образования, дохода или из-за комбинации этих качеств.

Условия сделки между мужчинами и женщинами определяются их эмоциональными позициями в романтическом взаимодействии. Если в XIX в. мужественность выражалась эмоциональной стойкостью и почти показным проявлением способности мужчин давать и выполнять обещания, то современная мужественность скорее выражается сдержанностью, а не демонстрацией чувств. И наоборот, женщины в XIX в. были чаще всего эмоционально сдержаны, тогда как в настоящее время они более склонны к эмоциональному самовыражению. Как говорит Вера, главный психолог, основная проблема, с которой она сталкивалась на своих консультациях в течение последних двадцати лет и на консультациях психологов, которых она тренирует, заключается в том, что женщины хотят больше любви, больше эмоций, больше секса, больше обязательств, а мужчины уклоняются от этого. Мужчины даже хотят меньше секса, я имею в виду, его менее требовательную форму.

Бурдье ввел термин «символическое господство», чтобы установить, каким образом некоторые группы стали определять подлинную сущность и достоинство. Откликаясь на это,

---

¹⁴⁴ <http://parents.berkeley.edu/advice/family/commitment.html> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

я бы предложила термин «эмоциональное господство», которое применяется, когда одна сторона обладает большей способностью контролировать эмоциональное взаимодействие благодаря большей отстраненности и большей способности влиять на выбор и сдерживать выбор другого. Появление условий свободного рынка для образования пар скрывает тот факт, что они сопровождаются новой формой эмоционального господства мужчин над женщинами, выражающейся в эмоциональной доступности женщин и нежелании мужчин связывать себя обязательствами, поскольку условия выбора изменились.

Как и в сфере экономических отношений, асимметричные отношения, вызванные отсутствием социального регулирования, затмеваются появлением спонтанности и индивидуальности. Таким образом, я предлагаю описать страх перед обязательствами как специфическую эмоциональную модель отношений, связывающую двух людей, которые в иных отношениях свободно выбирали бы в той среде, где экология и архитектура выбора различны.

Однако многие оспаривают мой анализ на том основании, что с 1970-х гг. последовательность в смене партнеров все больше характеризует сексуальное поведение женщин, что делает их сексуальность и эмоциональность гораздо менее монолитными, чем описано выше. Последовательная сексуальность была воспринята некоторыми женщинами как свободный образ жизни, как результат новых предписаний испытывать удовольствие и равенство. Очевидно, это так, но, на мой взгляд, последовательная сексуальность стала реакцией женщин на мужскую власть и средством ее имитации. В свете теории символического и эмоционального господства это неудивительно: если последовательная сексуальность является признаком мужского статуса, она, по всей вероятности, порождает и имитацию (признаков власти), и стратегические реакции (единственной адекватной реакцией на отстраненность является еще большая отстраненность). Для женщин последовательная сексуальность всегда сопутствует исключительной и, таким образом, чревата противоречиями. Женщины склонны смешивать эти сексуальные стратегии. Вернее, последовательность для женщин является

способом достижения исключительности, а не самой целью. Женщины прибегают к обеим стратегиям, при этом последовательная, в конечном счете, подчиняется исключительной. В общенациональном бестселлере «Свободные от обязательств» Лаура Сеттлс Степп пишет о девушках из колледжа, проявляющих новые сексуальные предпочтения, примером которых является практика секса на одну ночь: «Эти молодые женщины обсуждали количество своих партнеров [молодых людей, с которыми они занимаются сексом], как будто собирали данные в брокерской фирме. Они вели подсчет в своих дневниках, спрятанных в прикроватных тумбочках, и печатали имена в электронных таблицах *Excel*, сопровождая их деталями и оценками сексуальных качеств»¹⁴⁵. Это согласуется с моим анализом во главе 2 о накопительной сексуальности как форме капитала. Как объясняет Степп:

Молодые люди фактически отказались от любовных отношений и заменили их групповыми тусовками и сексуальным поведением, не имеющим ничего общего с любовью и серьезными отношениями, а иногда даже с симпатией. Отношения заменены случайными сексуальными контактами, интрижками на одну ночь. Любовь... откладывается или считается невозможной; секс становится основной валютой социального взаимодействия¹⁴⁶.

Но, согласно исследованиям Степп и многочисленным свидетельствам, девушки чаще испытывают любовь в отношениях, если они связаны с сексом. Степп предполагает, что это вызывает смятение, характеризующееся тем, что девочки хотят почувствовать привязанность и все же пытаются отрицать свою потребность в ней. Наиболее четкой закономерностью, которую она наблюдает, является борьба девушек с их потребностью быть любимыми, их притворное безразличие и отстраненность от молодых людей. В британском бестселлере «Нарушение

---

¹⁴⁵ *Сеттлс Л. С.* Свободные от обязательств: Как молодые женщины занимаются сексом, откладывают любовь и теряют и то, и другое. NY: Riverhead Books, 2007. С. 10 [*Steff L. S.* Unhooked: How Young Women Pursue Sex, Delay Love and Lose at Both. New York: Riverhead Books, 2007. P. 10].

¹⁴⁶ Там же. С. 4.

правил» Кэтрин Таунсенд рассказывает автобиографическую историю о многочисленных сексуальных приключениях, выдвигая на первый план раскрепощенную, полиморфную и высокоактивную сексуальность¹⁴⁷. Однако ее сексуальные приключения полностью подчинены поискам спутника жизни, поискам единственного партнера, которого она находит, но который не желает связывать себя с ней серьезными отношениями. Другой пример — телесериал «Секс в большом городе» вместе с его дополнительными сериями, в которых показана свободная последовательная женская сексуальность, но, как многие заметили (и осудили), она подчинена поиску единственного партнера. И последнее, в конце своего эссе «Современная любовь» Маргерита Филдс, цитируемая ранее, пишет следующее: «Размышляя о моем разговоре со Стивеном [о его сопротивлении моногамии, см. выше], я вспоминала, как активно я стремилась практиковать невозможное отсутствие привязанности. Я старалась не забывать о том, что никто не является моей собственностью и я никому не принадлежу»¹⁴⁸. Эти примеры являются ярким свидетельством того, что в женской последовательной сексуальности, в конечном счете, преобладает исключительная сексуальность. Женские эмоции и стремление к самоотдаче часто *априори* являются неотъемлемой частью их стратегии образования пар, и в результате женщины нередко испытывают противоречивые желания, применяют запутанные эмоциональные стратегии и находятся под влиянием превосходящей способности мужчин воздерживаться от серьезных отношений с помощью последовательной сексуальности.

Заключение

Свобода — это не абстрактная ценность, а организованная и управляемая культурная практика, формирующая такие категории, как воля, выбор, желание и эмоции. Воля определяется

---

¹⁴⁷ Таунсенд К. Нарушение правил: Откровения плохой девчонки. London: John Murray, 2009 [Townsend C. Breaking the Rules: Confessions of a Bad Girl. London: John Murray, 2009].

¹⁴⁸ <http://www.nytimes.com/2008/05/04/fashion/04love.html?pagewanted=3> (дата последнего обращения 10.10.2011).

системой объективных и субъективных ограничений, наиболее значимым из которых в современном обществе является свобода выбора. Современная архитектура выбора предполагает большое количество возможных партнеров и для мужчин, и для женщин, а также полную свободу выбора партнера, основанную на волеизъявлении и эмоциях. Но стратегии образования пар и связанная с ними архитектура выбора влекут за собой различные стратегии сдерживания отстраненности и контроля над ней. Именно потому, что сексуальная арена стала ареной соперничества, дарующей статус и эротический капитал, и потому, что траектории развития этого эротического капитала принимают разные маршруты для мужчин и женщин, страх мужчин перед обязательствами становится культурной проблемой. Этот страх, который является выражением своеобразной, культурно-специфической архитектуры выбора, можно проиллюстрировать на примере фантазмагии, в которой обязательство также остается не принятым: Айседора Уинг, героиня романа Эрики Джонг «Страх перед полетом» (1974 г.), рассказывает о «молниеносном сексе»:

Молниеносный он, как вы понимаете, не потому, что у европейских мужчин ширинки на молнии, и не потому, что участники так убийственно привлекательны, а потому что инцидент скоротечен как сон и, по-видимому, свободен от вины; потому что нет никаких разговоров. «Молниеносный секс» абсолютно чист. Он свободен от корыстных побуждений. В нем нет борьбы за власть. Мужчина здесь не «берет», а женщина «не дает»... Никто ничего не пытается доказать или что-нибудь от кого-нибудь получить. «Молниеносный секс» — самый чистый, какой только существует¹⁴⁹.

Эта фантазмагия основана на иной архитектуре выбора, отличающейся от страха перед обязательствами, описанного в этой главе. Она воплощает чистое удовольствие, суверенитет и равенство обеих сторон. Чистым удовольствием делает то, что вопрос выбора здесь не возникает; нет двойственности отношений или беспокойства о том, как отказать партнеру или

---

¹⁴⁹ Джонг Э. Страх перед полетом. New York: Signet, 1974. С. 11 [Jong E. Fear of Flying. New York: Signet, 1974. P. 11].

о том, что тебя бросят. Это форма чистого удовольствия, единодушно разделяемая обеими сторонами, где эмоциональная отстраненность не причиняет боли и, в сущности, вообще не имеет никакого значения. Такой чистый гедонизм становится возможным благодаря тому, что ни одному из вовлеченных людей не приходится выбирать. Именно эта чистая активность отсутствует во многих мужских и женских рассказах, посвященных страху перед обязательствами, основанному на трудностях, двойственности чувств и тревогах, создаваемых выбором и его изобилием, трудностью создания эмоциональных условий для взятия обязательств и эмоциональным неравенством.

Эмоциональное неравенство возникает благодаря преобразованию (романтического) желания: как люди любят и решают связать свою жизнь с жизнью других людей — само по себе является результатом преобразования экологии и архитектуры выбора. Как и в случае с рынком, последствия свободы выбора становятся еще более невидимыми, поскольку удовольствие обеспечивается схожими культурными идеалами — независимостью и изобилием — двумя первостепенными культурными векторами идеи свободы. Независимость, свобода и разум являются самыми насущными благами современности, предоставляя друг другу права и являясь обоюдным условием друг для друга. Сами условия узаконенной свободы — в преобразовании экологии и архитектуры выбора — привели к изменению и преобразованию воли как основного понятия личности, на котором основаны эти идеалы. Можно также предположить, что большая часть психотерапии, самопомощи и культуры коучинга может быть сведена к культурным приемам контроля над выбором и принятием решений на все более нестабильном рынке возможностей. Таким образом, свобода в этом процессе становится апоретической (апория — в античной философии — логическое затруднение, противоречие, обусловленное содержащимся утверждением против очевидного, общепринятого), поскольку, претворенная в жизнь, она приводит к неспособности или отсутствию желания осуществлять выбор. Если бы существовала история свободы, то можно было бы сказать, что мы перешли от борьбы за свободу к трудностям выбора и даже к праву не выбирать.

Глава 4

Потребность в признании. Любовь и уязвимость личности

Сомнительная ценность я,
Ничто сравненье с Ним —
Быть низшей вроде бы судьба
По качествам моим,

Но доказательства Он дал
Своей во мне нужды
И мозг кипящий мой избрал,
Чтобы в него войти.

Бог так высок, что выше нет,
И утверждать себя
Он вынужден, склонившись вниз,
А тут как раз и я.

Пусть небожественна душа,
Она приют Ему —
Я убрала ее как храм
И таинства приму.

Эмили Дикинсон, № 791¹⁵⁰

Перевод Алекса Грибанова

Свершилось, силою любви к тебе я покорен
И уз ее не сброшу я вовеки;
Но счастьем бранным ты мне отдана,
Ведь это ты, мой драгоценный друг, упала в пыль
К моим ногам, когда в бою мы встретились, — не я.

*Ахиллес Пентесилея, Генрих фон Клейст
«Пентесилея»¹⁵¹*

---

¹⁵⁰ Дикинсон Э. Стихотворения Эмили Дикинсон. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1999. С. 352–353 [*Dickinson E. The Poems of Emily Dickinson*, ed. R.W. Franklin, Reading edition. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1999. P. 352–353].

¹⁵¹ Г. фон Клейст. Пентесилея. NY: HarperCollins, 1998 [1808]. С. 104 [*H. von Kleist, Penthesilea*. New York: HarperCollins, 1998 [1808]. P. 104].

В своем труде «Размышления» (*Meditations*) Декарт определяет общие черты поворотного момента в модернизме: сознание, охваченное сомнениями, которое одновременно пытается установить достоверность собственного знания. В своем третьем «Размышлении» Декарт пишет:

Я — существо мыслящее (сознательное), то есть существо сомневающееся, утверждающее, отрицающее, которое что-то понимает и о многом не ведает, — [которое любит, ненавидит], желает, отвергает, которое, кроме того, наделено воображением и чувствами. Ибо, как я уже отмечал, хотя мои ощущения или мое воображение, возможно, вовсе не существуют вне меня [и сами по себе], я все-таки уверен, что те формы сознания, которые я называю восприятием и воображением, поскольку ничем иным как, формами сознания они не являются, определенно существуют во мне¹.

Интеллектуальная акробатика Декарта состоит в утверждении, что метод достижения уверенности заключается в проявлении сомнения и что мыслящее существо является единственной инстанцией, которая может одновременно и сомневаться, и подтверждать знание, причем сомнение является способом установления достоверности.

Много написано о желании контролировать, содержащемся в декартовской попытке определить достоверность знания в пределах сознания². Меньше внимания уделялось явному удовольствию, которое получает мыслящая личность от своей способности являться объектом уверенности³. В тексте Декарта переживание сомнения имеет ликующий характер в лакановском смысле удовольствия, которое ребенок получает

---

¹ Декарт Р. Размышления о первой философии. Cambridge, MA: Hackett Publishing Company, 1998 [1641] [*Descartes R. Discourse on the Method and Meditations on First Philosophy. Cambridge, MA: Hackett Publishing Company, 1998 [1641]*].

² Тэйлор Ч. Источники идентичности. Cambridge: Cambridge University Press, 1992 [*Taylor C. Sources of the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1992*].

³ Марион Ж.-Л. Эротический феномен. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. С. 22 [*Marion J.-L. The Erotic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. P. 22*].

от ожидания контроля над своим телом. Декартовское сомнение является ликующим и торжествующим, поскольку оно предвкушает достоверность.

Современный философ Жан-Люк Марион следует размышлениям Декарта и утверждает, что его метафизика объектов, т. е. метафизика, цель которой — установить достоверность объектов, не может способствовать установлению более важной достоверности, а именно достоверности *собственного «я»*, самосознания или эго. Самомнение нуждается не только и не столько в эпистемической (познавательной) или онтологической уверенности (связанной с проблемой бытия), но и в эротической, которая, возможно, является единственной, способной ответить на вопрос о том, чего эта уверенность заслуживает. Марион предполагает, что влюбленный противостоит *cogitans* (существу мыслящему), поскольку там, где последний ищет достоверности, первый ищет *подтверждения* (или «утешения») и заменяет вопрос «Существую ли я?» вопросом «Любит ли меня кто-нибудь?»⁴.

Переосмысление Марионом попытки Декарта установить достоверность не случайно. Оно говорит о том, что онтологическая безопасность и чувство ценности теперь находятся под угрозой в романтических и эротических отношениях. Сказать, что сексуальные контакты стали организованными в социальных областях, — значит сказать, что они могут предоставлять социальный статус и давать ощущение ценности. Даже беглый взгляд на современные сексуальные и романтические отношения свидетельствует о том, что сексуальность и любовь стали важными составляющими чувства собственной значимости-личности. Я бы сказала, что в условиях позднего модернизма именно эротический вопрос лучше всего формулирует проблему подтверждения и что он заменил эпистемический вопрос, но это изменение чревато апориями личности (непреодолимыми противоречиями, связанными с решением проблемы).

---

⁴ Марион Ж.-Л. Эротический феномен. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. С. 22 [*Marion J.-L. The Erotic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. P. 22.*]

Почему любовь — это прекрасное чувство

Любовь рассматривалась философами как форма безумия⁵; впрочем, это особая форма безумия, ибо ее сила проистекает из того факта, что она повышает самомнение и обеспечивает личность возросшим осознанием собственной силы. Романтическая любовь улучшает самооценку, давая возможность посмотреть на себя влюбленными глазами другого человека. Прочитируем Гете в связи с этим. Вертер, его персонаж, говорит: «Она любит меня! Каким бесценным показался я сам себе! Как я... тебе я могу в этом признаться, ведь ты понимаешь, о чем я... как я благоговею перед собой с тех пор, как узнал, что она любит меня!»⁶. Когда любишь, не обращаешь внимания на недостатки другого. Как иронично заметил Дэвид Юм: «Охваченный вождением, чувствует, по крайней мере, минутное благоволение к объекту своей страсти, воображая ее при этом более красивой, чем обычно»⁷. Саймон Блэкберн замечает, что «влюбленные совсем не слепы. Они прекрасно видят целлюлит, бородавки и косоглазие друг друга, но вот что странно, они не обращают на них внимания и даже могут найти их очаровательными»⁸. Такое снисхождение присуще любви и приводит к тому, что самооценка объекта любви значительно повышается (на время). Фрейда также заинтересовал этот факт: «Нас всегда поражал феномен завышенной сексуальной оценки — дело в том, что объект любви обладает определенной долей свободы от критики и все его особенности и характерные черты ценятся намного выше, чем у людей, которых не любят, или

---

⁵ Одним из первых примеров является «Федр» Платона.

⁶ Гете И. В. Страдания молодого Вертера. NY: New American Library, 1962 [1774]. С. 50–51 [Goethe J. W. The Sorrows of Young Werther. New York: New American Library, 1962 [1774]. P. 50–51].

⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Oxford: Oxford University Press, 1888 [1739–1740]. С. 394 [Hume D. A Treatise of Human Nature. Oxford: Oxford University Press, 1888 [1739–1740]. P. 394].

⁸ Блэкберн С. Похоть: Семь Смертных Грехов. Oxford: Oxford University Press, 2006. С. 82 [Blackburn S. Lust: The Seven Deadly Sins. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 82].

выше его собственных особенностей и черт в то время, когда он не был любим⁹.

По мнению Ницше, чувство значимости усиливает не тот факт, что человек является объектом некритического внимания другого, скорее сам акт любви усиливает его жизненную энергию: «Человек кажется преображенным, более сильным, более богатым, более совершенным... Дело не только в том, меняется ощущение ценности; любимый человек ценится гораздо выше»¹⁰. Как говорит Саймон Блэкберн:

Влюбленный создает в воображении не только объект своего желания, но и самого себя, подобно людям, которые обхватывают себя руками, глядя на летящие конترفорсы, и раскачиваются взад-вперед, воображая, что они находятся в море. Поэзия или притворство могут взять верх над личностью, и хоть на некоторое время мы станем тем, кем себя представляем¹¹.

Независимо от того, что рассматривается более пристально: отсутствие критики или жизненная сила акта любви, существует, по-видимому, согласие, что быть влюбленным означает преодолеть ощущение обычной неприметности и обрести чувство неповторимости и возросшее чувство собственного достоинства.

Таким образом, любовь повышает самомнение. Быть любимым и любящим, невзирая на недостатки, представляется основной составляющей чувства любви в самых различных социально-исторических контекстах. Тем не менее я утверждаю,

---

⁹ *Фрейд З.* Влюбленность и гипноз. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1953 [1922]. С. 112 [*Freud S.* Being in Love and Hypnosis, in J. Strachey (ed.), The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, vol. XVIII. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1953 [1922]. P. 112].

¹⁰ Цит. по: *Карсон Э.* Эрос: Горькая сладость. Princeton: Princeton University Press, 1998. С. 39 [*Carson A.* Eros: The Bittersweet. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 39].

¹¹ *Блэкберн С.* Похоть: Семь Смертных Грехов. Oxford: Oxford University Press, 2006. С. 83 [*Blackburn S.* Lust: The Seven Deadly Sins. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83].

что чувство собственной значимости, которое дарует любовь в современных отношениях, имеет особое, критически важное значение именно потому, что в эпоху царящего индивидуализма речь идет об установлении самооценки, и потому, что давление на самоопределение и развитие чувства собственной неповторимости значительно возросло в настоящее время. Иначе говоря, какую бы субъективную оценку любовь ни обеспечивала в прошлом, эта оценка не играла *социальной* роли и не заменяла социального признания (за исключением случаев социальной мобильности, когда человек более высокого класса вступал в брак с представителем более низкого класса). Романтическое признание имело менее выраженный социологический характер. Я утверждаю, что именно структура признания изменилась в современных романтических отношениях, а само признание стало глубже и шире, чем когда-либо прежде.

От классового признания к признанию личности

В 1897 г. вышли в свет два сборника советов по уходу за собой, написанные Миссис Хамфри, «Манеры поведения для мужчин» и «Манеры поведения для женщин». Советы представляли собой рекомендации относительно классовых и гендерных кодексов в процессе ухода за собой среднего класса. Мужчинам разъясняли, как правильно себя вести; как идти по улице рядом с женщиной; следует ли представлять женщину первой; предлагать ли зонтик незнакомой даме; воздерживаться ли от курения в присутствии дам; какую руку (правую или левую) следует предлагать даме, садящейся в карету, и как выпутаться из затруднительного положения, возникшего из-за нехватки денег в ресторане. Советы женщинам состояли из увещаний сохранять самообладание и разбавлять разговор смехом (хотя и не слишком громким), из рекомендаций о том, как элегантно ездить на велосипеде, какую еду и вино подавать во время приемов, какие цветы ставить на стол и когда делать реверанс.

Многие сборники советов того периода (если не большинство) были посвящены гендерным и классовым кодексам в сфере романтики, поскольку они были направлены, главным

образом, на успешное ухаживание, которое обычно зависело от способности применить кодексы хорошо воспитанного среднего класса. Эти сборники предлагали ритуалы признания, но признания, которое могло быть даровано только в том случае, если человек был в состоянии продемонстрировать в своем поведении *все основные правила приличия*, подтверждавшие его принадлежность определенному классу и свою гендерную идентичность. Уважать личность другого человека, в свою очередь, означало оказывать знаки признания и подтверждения, присущие социальному классу и полу обоих партнеров. Оскорбить другого было равносильно тому, что социолог Люк Болтански называл оскорблением *благородных чувств*, посягательством на высоту социального статуса и положение в обществе¹².

Современные самоучители по выстраиванию любовных отношений сильно отличаются по содержанию. Первая глава книги «Отношения с противоположным полом для чайников» (*Dating for Dummies*)¹³ под названием «Кто я?» имеет подзаголовки «Будь самоуверенным» и «Что тобой движет?». Книга «Марс и Венера на свидании» (*Mars and Venus on a Date*)¹⁴ включает разделы, озаглавленные «Динамика мужского и женского желаний», «Отдавайте должное мужчинам и восхищайтесь женщинами» и «Неуверенность»; в то время как книга «Очередная пассия... или родственная душа?» (*Date... or Soul Mate?*)¹⁵ включает в себя главы «Познай себя» и «Мощное воздействие эмоционального здоровья». В этих современных руководствах

¹² Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. Princeton: Princeton University Press, 2006 [1991] [Boltanski L., Thévenot L. On Justification: Economies of Worth. Princeton: Princeton University Press, 2006 [1991]].

¹³ Браун Дж. Отношения с противоположным полом для чайников. NY: Wiley Publishing, 2006 [Browne J. Dating for Dummies. New York: Wiley Publishing, 2006].

¹⁴ Грей Дж. Марс и Венера на свидании. NY: HarperCollins, 1997 [Gray J. Mars and Venus on a Date. New York: HarperCollins, 1997].

¹⁵ Уоррен Н. К. Очередная пассия... или родственная душа? Nashville: Thomas Nelson Publishers, 2002 [Warren N. C. Date... or Soul Mate? How to Know If Someone Is Worth Pursuing in Two Dates or Less. Nashville: Thomas Nelson Publishers, 2002].

по ухаживанию центр тяжести смещен: он больше не относится к правилам приличия (среднего класса) и даже к строго закодированному сексуальному и гендерному поведению, он фокусируется на личности в отрыве от статуса и определяется внутренним миром и эмоциями. Вернее, в этих современных дискуссиях об ухаживании как для мужчин, так и для женщин речь идет о взгляде на собственную ценность, дарованную другими людьми с помощью надлежащих ритуалов признания.

Вот характерный пример из книги «Марс и Венера на свидании»:

Уверенность мужчины, которая позволяет ему, рискуя возможным отказом, попросить у женщины номер ее телефона, порождает в женщине *обнадеживающее* чувство, что она желанна. Когда она обдумывает просьбу мужчины и дает ему свой номер, *его уверенность возрастает*. В то время как его активный интерес заставляет ее чувствовать себя особенной, ее восприимчивый интерес вызывает в нем растущую *уверенность в своих силах*¹⁶ (курсив мой. — Автор).

Как мы видим, классовые и гендерные границы здесь исчезают. Вместо этого необходимо должным образом позаботиться о собственной индивидуальности, которая теперь «эссенциализирована» и существует за пределами социального класса человека. Ощущение собственной значимости сейчас является неотъемлемым. Как пишет автор популярной книги «Очередная пассия... или родственная душа?»: «Дело в том, что все мы умираем от желания быть довольным собой, и когда мы почувствуем себя особенно хорошо рядом с определенным человеком, мы поразимся тому, насколько важным и привлекательным этот человек станет для нас и наоборот»¹⁷. Ритуалы признания должны здесь удостоверить «сущность»

---

¹⁶ Грей Дж. Марс и Венера на свидании. NY: HarperCollins, 1997. С. 179 [Gray J. Mars and Venus on a Date. New York: HarperCollins, 1997. P. 179].

¹⁷ Уоррен Н. К. Очередная пассия... или родственная душа? Nashville: Thomas Nelson Publishers, 2002 [Warren N. C. Date... or Soul Mate? How to Know If Someone Is Worth Pursuing in Two Dates or Less. Nashville: Thomas Nelson Publishers, 2002].

личности, а не ее принадлежность к правильному классу, и «высокая самооценка» становится одновременно и причиной, и целью влюбленности. Разнообразные психологи и психоаналитики присоединяются к мнению, что личность нуждается в признании. Психоаналитик Этель Спектор Персон кратко излагает суть: «Познание любви — это переживание, наделенное очень высокой значимостью, где ценность личности всегда вызывает сомнение и постоянно требует подтверждения»¹⁸. Терминология и анализ Персон указывают на важное преобразование смысла любви в современном мире. Она пишет:

Во взаимной любви влюбленные *подтверждают* уникальность и ценность друг друга. Они в буквальном смысле признают существование и значимость субъективности партнера. У влюбленных есть шанс быть абсолютно понятными, принятыми без осуждения и любимыми, несмотря на все недостатки... *Наша неуверенность* исцеляется, *наша значимость гарантируется* только тогда, когда мы становимся объектом любви¹⁹ (курсив мой. — Автор).

Понятия «признание значимости» и «неуверенность в себе» не фигурируют в словаре описаний романтической любви XVIII или XIX в. и представляют собой новую терминологию и решительно новый подход к пониманию любовного опыта. На самом деле понятие «неуверенность» стало настолько центральным в современных понятиях любви (и во многих современных советах, касающихся любви и любовных отношений), что побуждает нас к исследованию его смысла.

Такое психологическое описание включает в себя и рассматривает особенности нашего социального мира. То, что у психологов принято называть «неуверенностью», указывает на два социологических факта: а) что наша ценность и значимость не предшествуют взаимоотношениям и не установлены *априори*, а нуждаются в постоянном формировании и подтверждении;

¹⁸ Персон Э. С. Мечты о любви и судьбоносные встречи: сила романтической страсти. NY: Norton, 1988. С. 38 [*Person E. S. Dreams of Love and Fateful Encounters: The Power of Romantic Passion. New York: Norton, 1988. P. 38*].

¹⁹ Там же. С. 59.

б) что именно проявление нашей личности в отношениях устанавливает эту ценность. Быть неуверенным в себе значит сомневаться в собственной ценности, быть не в состоянии обеспечить ее самостоятельно и находиться в постоянной зависимости от других для ее обеспечения. Одно из фундаментальных изменений в современном обществе связано с тем, что социальная ценность перформативно устанавливается в социальных отношениях. Или выразим это по-другому — социальные взаимоотношения (т. е. то, как личность проявляется в них) становятся основным средством для приобретения ценности и значимости личности, тем самым делая ее чрезвычайно зависимой от окружающих и от взаимоотношений с ними. В то время как до середины или даже до конца XIX в. романтическая связь организовывалась на основе уже почти объективно установленного чувства социальной ценности, в эпоху позднего модернизма за создание значительной части того, что мы можем назвать чувством собственного достоинства, ответственна романтическая связь. Иначе говоря, именно потому, что в большинстве своем супружеские и романтические соглашения заключались исключительно из социальных и экономических соображений, романтическая любовь мало что добавляла к чувству места личности в социальном обществе. Именно выход любви из социальных рамок сделал романтическую любовь площадкой для согласования ценности личности.

Чтобы иметь возможность оценить то, что так характерно для современной ситуации, мы можем кратко сравнить ее с ритуалами ухаживания XIX в. Хотя оценка эмоциональной жизни наших предшественников может показаться сомнительной задачей, эти ритуалы позволяют сравнить некоторые интересные моменты и рассмотреть альтернативные способы мышления, связанные с формированием личности и заботой, которой она была окружена в процессе ухаживания и сватовства. Распространенной особенностью ухаживаний XIX в. было то, что мужчины восхваляли женщин, за которыми ухаживали, в то время как ответная реакция женщин часто сводилась к умалению их собственной ценности.

9 апреля 1801 г. Фрэнсис Седжвик написала отцу о своем будущем муже Эбенезере Уотсоне (чье предложение руки и сердца она первоначально отклонила): «Хотела бы я, чтобы мои собственные качества хоть в какой-то мере соответствовали его достоинствам... Что касается меня, какой бы ничтожной я ни была, я могу лишь надеяться, что принесу немного счастья кому-нибудь, и когда-нибудь вы будете вознаграждены за всю вашу доброту ко мне»²⁰. Женщины открыто говорили поклонникам о своем чувстве неполноценности. Чувства Фрэнсис Седжвик отнюдь не единственный случай, подобные ощущения были широко распространены на протяжении всего столетия. Например, в своем исследовании, посвященном ухаживаниям и сватовству в XIX в., Эллен Ротман предположила «что, придерживаясь более идеалистических взглядов, женщины чаще мужчин боялись, что их поклонники имеют слишком высокое мнение о них. Учительница из Лонг-Айленда умоляла своего жениха: «Поскольку ты думаешь обо мне так возвышенно, намного лучше, чем я заслуживаю, мне бы хотелось, чтобы ты узнал меня такой, какой я являюсь на самом деле: слабой, хрупкой, порывистой и своенравной»²¹. Гарриет Кокс, после помолвки с Альбертом Бледсоу испытывала те же чувства, но выразила их в «личном» письме: «Глубина его чувств и пылкая привязанность не должны вызывать во мне тщеславие, ибо я знаю, что он слишком переоценивает меня». Одна женщина из Нью-Йорка, Персис Сибли, пытаясь предостеречь поклонника от ошибки, писала ему: «Не думайте, что у меня нет недостатков, ибо, без сомнения, их предостаточно. Я не хочу, чтобы вы разочаровались, считая меня безупречной». Сибли считала, что ей не удалось убедить жениха в своей небезупречности. И она представила себе «суровое испытание», с которым столкнется

---

²⁰ Кенсли Т. Влюбленные Седжвики: Ухаживание, помолвка и брак в Ранней республике. Boston: Northeastern University Press, 2006. С. 46 [Kenslea T. The Sedgwicks in Love: Courtship, Engagement, and Marriage in the Early Republic. Boston: Northeastern University Press, 2006. P. 46].

²¹ Ротман Э. К. Руки и сердца: История сватовства и ухаживания в Америке. NY: Basic Books, 1984. С. 98 [Rothman E. K. Hands and Hearts: A History of Courtship in America. New York: Basic Books, 1984. P. 98].

после замужества, когда «увидит, как пелена спадает с *его* глаз», слепо поклоняющихся ей как совершенству. «Переоценка губительна для всех»²². И Мария Пирсон «считала себя недостойной любви Эфраима (ее поклонника) и не заслуживающей его похвалы»²³. Там, где Эфраим видел «все, что в его воображении когда-либо рисовалось ему как образ женщины, способной сделать [его] счастливым», она видела лишь обычную женщину, полную сомнений и неуверенности в себе²⁴.

И последний пример, Сэмюэль Клеменс (Марк Твен), ухаживая за Оливией Лэнгдон, писал:

Пожалуйста, *не обижайтесь*, когда я хвалю вас, Ливи, ибо я знаю, что говорю чистую правду. И все же один недостаток я признаю — это *самоуничужение*... Однако, как бы то ни было, ваше самоуничужение — это добродетель, заслуга, ибо оно происходит от отсутствия эгоизма, который является одним из самых серьезных недостатков²⁵.

В Англии, имевшей так много культурных связей с США, мы наблюдаем сходные представления о себе, например, в переписке между Элизабет Барретт и Робертом Браунингом. Для современного наблюдателя поразительно, что немалая часть переписки Барретт и Браунинга посвящена утверждениям Роберта об уникальности и исключительном характере Элизабет и ее возражениям против этих заявлений. В письме, написанном в сентябре 1845 г., Элизабет утверждает: «То, что *вы* вообще заботитесь *обо мне*, с самого первого часа и до сих пор вызывает у меня неподдельное удивление — и я не могу избавиться от боли, которую иногда испытываю, думая, что для вас было бы лучше, если бы вы никогда не знали меня»²⁶ (кур-

---

²² Ротман Э. К. Руки и сердца: История сватовства и ухаживания в Америке. NY: Basic Books, 1984. С. 98–99.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ Там же.

²⁵ Харрис С. Сватовство Оливии Лэнгдон и Марка Твена. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. С. 96 [Harris S. The Courtship of Olivia Langdon and Mark Twain. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 96].

²⁶ Роберт Браунинг и Элизабет Барретт: Любовная переписка / Под ред. Д. Карлин. Oxford: Clarendon Press, 1989. С. 124 [Robert Browning and Eliza-

сив мой. — Автор). В феврале 1846 г., когда процесс ухаживания был уже в самом разгаре, Элизабет написала: «Ничто не смущает меня больше, чем ваша любовь»²⁷. И в марте 1846 г.: «Если вы будете продолжать превозносить меня так высоко благодаря вашей способности любить, я могу не оправдать ожиданий, которые вы возлагаете на меня»²⁸. Каждое из таких заявлений, в свою очередь, вызывало сильный протест со стороны Роберта и только усиливало его признания в любви и приверженности. Вот еще один пример, Джейн Клермонт, бывшая некоторое время любовницей лорда Байрона, отошла от пассивной роли, которую ей следовало играть, и все же, уважая условности любовных писем, писала ему: «Я не жду, что ты меня полюбишь, я не достойна твоей любви. Я чувствую, что ты выше меня, но, к моему великому удивлению, скорее к моему счастью, ты проявил пыл и страсть, которые, как я полагала, больше не живут в твоём сердце»²⁹.

В этих заявлениях женщины демонстрируют свое более низкое положение не по отношению к мужчинам, которые их очень любят, а по отношению к нравственным идеалам личности (за исключением, возможно, последнего примера). Это подтверждается наблюдением, что мужчины тоже сомневаются в себе, хотя намного реже и менее характерно. Гарри Седжвик, член Бостонской элиты, был помолвлен с Джейн Майнот. В течение 17 месяцев разлуки они писали друг другу многочисленные письма: «Одной из постоянных тем их переписки было то, что Гарри — интеллектуально, духовно и профессионально был (не)достойным партнером Джейн... К концу зимы он испытал кратковременный кризис уверенности в себе: “Жаль, что я не могу заглянуть в будущее, — писал он, — для того, чтобы узнать лишь одно: стану ли я когда-нибудь

---

beth Barrett: *The Courtship Correspondence 1845–1846* / D. Karlin (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 124].

²⁷ Там же. С. 218.

²⁸ Там же. С. 229.

²⁹ *Любовные письма известных поэтов и романистов* / Под ред. В. Литтлфилд. NY: The J. McBride Co., 1909. С. 29 [*Love Letters of Famous Poets and Novelists* / W. Littlefield (ed.). New York: The J. McBride Co., 1909. P. 29].

недостойн тебя и потерю ли твое уважение"»³⁰. Мы можем сделать определенные выводы из этих форм самоуничужения. Во-первых, они предполагают, что партнеры обладают «объективными» способами самооценки. Здесь речь идет о способности посмотреть на себя глазами другого человека и считать себя ответственным перед объективными критериями ценности, т. е. общими критериями, объединяющими и мужчин, и женщин. Более того, вполне возможно, что здесь осуществляется одновременно способность критиковать себя (и таким образом проявлять свой характер) и способность устанавливать близкие отношения, открывая друг другу свои изъяны и недостатки. Демонстрируя способность следовать идеалу личности и критиковать себя во имя этого идеала, эти женщины и мужчины проявляют свою индивидуальность, которая не нуждается в том, что наши современники назвали бы «эмоциональной поддержкой» или «признанием». Это индивидуальность, способная дать себе собственную оценку, черпая ощущение своей значимости не из признания и одобрения других, а из способности отвечать нравственным стандартам и совершенствоваться в их достижении. Несомненно, такие ритуалы самоуничужения вызвали ритуальные протесты у другой стороны; но они не требовали «признания и одобрения», скорее они использовались как критерии «стойкости и приверженности» мужчин. И снова здесь речь идет не об индивидуальности женщины или ее потребности в признании и одобрении, а о способности мужчины проявлять и доказывать свое упорство.

Эти ритуалы самоуничужения существенно отличаются от той опасности, которая угрожает современным романтическим отношениям, а именно их неспособности вызывать признание и одобрение. Позвольте мне объяснить это на примерах, почерпнутых из поп-культуры и моих интервью. Сюзен Шапиро написала мемуары о пяти мужчинах, разбивших ее

---

³⁰ Кенсли Т. Влюбленные Седжвики: Ухаживание, помолвка и брак в Ранней республике. Boston: Northeastern University Press, 2006. С. 156 [Kenslea T. The Sedgwicks in Love: Courtship, Engagement, and Marriage in the Early Republic. Boston: Northeastern University Press, 2006. P. 156].

сердце. Она посвящает нас в разговор со своим мужем Аароном, в котором упоминает своего бывшего парня, Брэда.

Брэд пишет: «Я все еще люблю твой ум». Почему ты никогда так не говоришь? Это был первый приятный комплимент за многие годы.

«Он все еще любит трахать тебе мозги». Аарон встал и отнес свою сумку в Логово [т. е. его рабочий кабинет].

Я последовала за ним и подвинула рукописи на его выцветшем сером диване, чтобы было куда присесть. Я знала, что он не в себе, но мы почти не разговаривали целую неделю. Он ожидал найти меня на том же самом месте, словно закладку в книге.

«Ты мне никогда не говорил, что я умная» — сказала я.

«Я все время делаю тебе комплименты». Он был раздражен. «Я только что сказал, что ты красивая».

Он не понял, мне всегда приходилось объяснять. «Я росла единственной девочкой вместе с тремя братьями, которых все называли гениальными. Я была миленькой или прелестной, или очаровательной. Но меня это не устраивало. Неужели ты меня совсем не знаешь? — взмолилась я. — Для чего мне нужны десять тысяч книг и вырезок? Для компенсации. Чтобы убедить всех, что я умная, потому что никто никогда мне этого не говорил... чтобы убедить себя. — сказала я. — Я становлюсь такой, какой не была».

«Вот это разумно, — похлопал меня по лбу Аарон. — Ты — уродливая свинья»³¹.

Недовольство и просьба этой женщины вызваны ее потребностью видеть признание собственной значимости как в личном, так и в социальном плане. Она требует от мужа подтверждения своего социального статуса. Возьмем другой пример: 56-летняя женщина, рассказывая о трудностях, возникших в ее браке, признается:

Вы знаете, у меня очень милый муж; он верный и преданный. Но он совершенно не знает простейших вещей, которые приносят радость.
Корр.: Каких?

---

³¹ Шаниро С. Пять мужчин, разбивших мне сердце. NY: Delacorte Press, 2004. С. 29 [*Shapiro S. Five Men Who Broke My Heart. New York: Delacorte Press, 2004. P. 29*].

Кристина: Ну, знаете, покупать маленькие подарки, удивлять меня, говорить мне, какая я замечательная. Я понимаю, что он любит меня, однако он совсем не знает, как сделать так, чтобы я почувствовала себя особенной и замечательной.

Корр.: Несмотря на то, что он любит вас?

Кристина: Да. [Молчит] Знаете, в любви самое главное «как», а не «что». И хотя я знаю, что он любит меня, того, что позволяет мне чувствовать себя особенной и неповторимой всегда не хватает.

В XIX в. верность и преданность представляли собой важнейшие доказательства любви. Но здесь они считаются недостаточными именно потому, что любовь должна подразумевать непрерывный, нескончаемый процесс «признания и одобрения», т. е. подтверждения индивидуальности и ценности личности.

Если, как предполагает Сартр, любящий *требует*, чтобы его любили³², то это потому, что он прежде всего нуждается в социальном признании. Compliments, которые обе вышеупомянутые женщины хотят получить от своих мужей, укаывают не на испорченную «эгоистичную» личность или на «низкую самооценку», а скорее на общее требование, чтобы романтические отношения обеспечивали социальное признание. Социальная ценность больше не является прямым результатом экономического или социального статуса человека, она должна исходить от него самого, определяемого как уникальное, частное, субъективное и неинституциональное образование. Эротическая/романтическая связь должна формировать чувство ценности³³, а современная социальная цен-

---

³² Персон Э. С. Мечты о любви и судьбоносные встречи: сила романтической страсти. NY: Norton, 1988. С. 44 [Person E. S. Dreams of Love and Fateful Encounters: The Power of Romantic Passion. New York: Norton, 1988. P. 44].

³³ Это контрастирует с другим типом романтических взаимоотношений, в которых ценность человека не нуждается в переоценке именно потому, что его социальная ценность и социальное положение известны всем сторонам и не подлежат обсуждению. Обратимся снова к миру Джейн Остин, когда Харриет, очаровательная подруга Эммы, надеется выйти замуж за мужчин, имеющих более высокий социальный статус, и когда они, как мы сказали бы сегодня, «забраковывают ее», отказ не задевает ее чувств и уж тем бо-

ность главным образом перформативна, т. е. она должна быть достигнута в процессе общения и благодаря взаимодействию с другими. Если «влюбленные, готовясь к встрече с возлюбленными, беспокоятся о своем запахе, об одежде, волосах, о планах на вечер и, в конечном счете, о собственной значимости»³⁴ (курсив мой. — Автор), то это потому, что в наше время любовь стала центральным элементом формирования ценности.

Хотя Эрвин Гоффман не создавал свою социологию как социологию современности, он уделял большое внимание перформативному измерению социальных взаимодействий, т. е. тому, как субъекты вызывают или не вызывают ощущение ценности (когда они сохраняют свою репутацию, проявляют должное уважение к другому и т. д.). Гоффман, по-видимому, считает само собой разумеющимся, что взаимодействия, если они успешны, должны порождать чувство ценности, и предполагает, что взаимодействия универсально структурированы таким образом. Но это является результатом длительного процесса трансформации социальной структуры и социализации в Западной Европе. Начиная с XVII в. на приемах, в присутственных местах, в руководствах по общению и этикету аристократия и средний класс постоянно вводили кодексы новых форм поведения, направленных на то, чтобы должным образом распознавать окружающих и оказывать им уважение благодаря соответствующему выражению лица, телодвижениям, жестам и речи. Этот процесс отличается от выражения почтения другим людям с целью подтверждения их репутации и достоинства, поскольку социальная ценность постепенно освобождается от *ранее* приписанного статуса.

лее не сокрушает ее самоуважения; скорее, она просто остается в смятении из-за того, что совершила социальную ошибку при оценке своего и чужого социального положения. Ее чувство собственного достоинства не страдает, возникает лишь ощущение неуместности. А в эпоху модернизма, наоборот, социальная ценность не предшествует взаимоотношениям как таковым, а устанавливается только в них и с их помощью.

³⁴ Персон Э. С. Мечты о любви и судьбоносные встречи: сила романтической страсти. NY: Norton, 1988. С. 38 [*Person E. S. Dreams of Love and Fateful Encounters: The Power of Romantic Passion. New York: Norton, 1988. P. 38*].

Иначе говоря, признание как неявно выраженное требование, с помощью которого мы оцениваем другого человека как личность, независимо от его статуса, в социальном взаимодействии и в рамках межличностного общения является неотъемлемой частью формирования модернизма. На уровне теории именно Аксель Хоннет определил важность признания в межличностных отношениях. (Его использование понятия «признание», однако, шире, чем мое.) По его определению, признание — это непрерывный социальный процесс, состоящий из поддержки «позитивного понимания [личностью] себя». Поскольку «представление о самом себе... зависит от возможности постоянной поддержки со стороны окружающих»³⁵, признание влечет за собой официальное подтверждение и подкрепление притязаний и положения других людей как на когнитивном, так и на эмоциональном уровнях. Признание — это непрерывный процесс, с помощью которого социальная ценность и значимость человека устанавливается в его отношениях с другими людьми.

Таким образом, в отличие от огромного количества ученых, объясняющих власть романтической любви в эпоху модернизма с помощью идеологии индивидуализма³⁶, я утверждаю, что эта сила обусловлена более первичным обстоятельством, тем, что любовь представляет собой ключевой элемент при-

---

³⁵ Хоннет А. Идентичность личности и неуважение. London: Routledge, 2001. С. 39 [Honneth A. Personal Identity and Disrespect // The New Social Theory Reader: Contemporary Debates / in S. Seidman and J. Alexander (eds). London: Routledge, 2001. P. 39].

³⁶ Бек У., Бек-Гернштейм Э. Естественный хаос любви. Cambridge: Polity Press, 1995 [Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love. Cambridge: Polity Press, 1995]; Эванс М. Любовь: Неромантические обсуждения. Cambridge: Polity Press, 2003 [Evans M. Love: An Unromantic Discussion. Cambridge: Polity Press, 2003]; Гидденс А. Трансформация интимности. Cambridge: Polity Press, 1992 [Giddens A. The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992]; Иллюз Е. Одержимость романтической утопией: любовь и культурные противоречия капитализма. Berkeley: University of California Press, 1997 [Illouz E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. Berkeley: University of California Press, 1997]; Стоун Л. Семья, секс и супружество. NY: Harper and Row, 1977 [Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800. New York: Harper and Row, 1977]. Моя нынешняя книга занимает иную позицию по отношению к этой проблеме, как будет показано на следующих страницах.

знания, восприятия и установления собственной ценности в эпоху, когда социальная ценность неопределенна и постоянно обсуждается. Но почему это так? Почему любовь может делать то, на что другие чувства не способны? Я могу предложить вашему вниманию возможное объяснение этому процессу.

Объединяя идеи Эмиля Дюркгейма и Ирвина Гоффмана, Рэндалл Коллинз³⁷ утверждает, что социальные взаимодействия выполняют функцию ритуалов, создающих эмоциональную энергию, которая связывает или разделяет людей. И на рынке, основанном на эмоциональных (а не чисто когнитивных) переговорах, происходит обмен этой эмоциональной энергией, целью которого является ее максимальное увеличение. Накопление успешных интерактивных ритуалов создает эмоциональную энергию, становящуюся своего рода ресурсом, из которого мы можем извлечь выгоду, способом доминирования над другими людьми и способом создания дальнейшего социального капитала. Эмоции — особенно эмоциональная энергия — являются, таким образом, источником ритуальных цепочек позитивного взаимодействия, которые, в свою очередь, могут быть использованы в других, не только эмоциональных областях. Эмоциональная энергия, накопленная в исключительно социальных областях (друзья или семья), может быть перенесена, скажем, в другие области, такие как экономическая. В связи с этим то, что Коллинз называет эмоциональной энергией, на самом деле является результатом проведенного должным образом признания; и признание, накопленное в одной сфере, переносится в другие сферы. Хотя он не задается вопросом, являются ли некоторые интерактивные ритуалы более важными, чем другие, и несут ли они «больше» энергии, я утверждаю, что любовь представляет собой центральное звено (возможно, центральное звено для некоторых) в длинной цепи ритуалов взаимодействия. То есть

---

³⁷ Коллинз Р. Интерактивные ритуальные цепочки. Princeton: Princeton University Press, 2004 [Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004]; Коллинз Р. О микрооснованиях макросоциологии // American Journal of Sociology. 86(5). 1981. С. 984–1014 [Collins R. On the Microfoundations of Macrosociology // American Journal of Sociology. 86(5). 1981. P. 984–1014].

романтическая любовь является центральным элементом в порядке признания, с помощью которого социальная ценность человека в современном обществе накапливается благодаря интерактивным ритуальным цепочкам. Причина заключается в том, что это самый интенсивный и совершенный способ производства эмоциональной энергии, эффект усиления самолюбия, вызванного любовью. Можно привести два примера: Талия, 42 года, научный сотрудник с двумя детьми, работает в большом американском университете на западном побережье. Рассказав мне историю разрыва своей внебрачной связи с мужчиной, она добавляет:

Знаете, мне было больно, я мучилась из-за этого, но мне кажется, благодаря этой истории я также поняла очень важные вещи.

Корр.: Какие, например?

Талия: Он был, ну... он очень известный ученый. Все благоговейт перед ним. До встречи с ним я чувствовала себя незаметной и невзрачной, на меня никто не обращал внимания. Мне постоянно казалось, что я глупее всех. Но когда он выбрал меня, во время нашего романа, я почувствовала, что стала совершенно особенной, я буквально ощутила себя умнее, и я могла спокойно подойти к людям, с которыми никогда бы не осмелилась до этого заговорить, я могла общаться с ними и чувствовать себя равной им. Даже теперь, когда все закончилось, меня не покидает ощущение, что я узнала о себе что-то очень важное. Если он считал меня особенной, значит, я была особенной, я чувствовала это. Я стала меньше бояться людей.

Корр.: Из-за того, что он вас любил?

Талия: Да, из-за того, что он меня любил.

Постойте-ка, я даже не знаю, любил ли он меня; иногда я чувствовала себя любимой, но порой я не была так уверена, однако я чувствовала себя желанной, я уверена, что он страстно желал меня. Так что да, из-за того, что была желанной им.

В автобиографической статье о любви, опубликованной в Нью-Йорк Таймс в 2010 г., писатель Лора Фрейзер рассказывает о последнем свидании с мужчиной в Италии после того, как ее оставил муж. «Мы расстались на четвертый день на вокзале в Неаполе, я пыталась запомнить его лицо, чувствуя себя опустошенной, но полной надежд. Я знала, что больше никогда

не увижу его, но была счастлива, что ему удалось дать мне почувствовать себя *желанной*»³⁸ (курсив мой. — Автор). Здесь ощущение себя желанной берет верх над чувством утраты, вызванным ее «неудавшимся браком», именно потому, что любовь является краеугольным камнем проблематики ценности и признания.

Любовь и желание в этой истории являются звеньями социальной цепочки, в которой одна форма эмоциональной энергии может быть преобразована в другую. Поскольку познание любви крепко связано с вопросом о ценности, любовь в современном мире способна создавать и укреплять *социальную* ценность. Как утверждает Хоннет, любовь — это парадигма для установления «признания», она представляет собой одновременно психологический и социологический процесс³⁹. Никогда, на самом деле, будучи частным лицом или публичной личностью, современный человек не устанавливает свою ценность с помощью процессов одновременно психологических и социологических, частных и общественных, эмоциональных и ритуальных. Таким образом, очевидно, что в современных эротических/романтических отношениях речь идет о личности, ее эмоциях, внутреннем мире и, главным образом, о том, как они признаются (или не признаются) окружающими.

Признание и онтологическая неуверенность в эпоху модернизма

Однако признание также играет роль в создании онтологической нестабильности. Потребность в том, что Марион называет «подтверждением»⁴⁰, приобретает особую пронзительность и остроту, когда условия для обеспечения признания являются одновременно неясными и легко разрушаемыми.

³⁸ Фрейзер Л. Как мы прощаемся // The New York Times. May 30, 2010 [Fraser L. Our Way of Saying Goodbye // The New York Times. May 30, 2010].

³⁹ Хоннет А. Борьба за признание: К моральной грамматике социальных конфликтов. Cambridge: Polity Press, 1995 [Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge: Polity Press, 1995].

⁴⁰ Марион Ж.-Л. Эротический феномен. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003] [Marion J.-L. The Erotic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]].

Действительно, современная культурная одержимость чувством собственной значимости есть не что иное, как проявление трудности, которую испытывает личность в поисках якорей онтологической безопасности и признания.

Переход от ухаживаний прошлого к современным — это переход от публично разделяемых смыслов и ритуалов, когда мужчина и женщина принадлежали к общему социальному миру, к частным отношениям, в которых личность другого оценивается в соответствии с многочисленными и изменчивыми критериями, такими как физическая привлекательность, эмоциональное притяжение, «совместимость» вкусов и психологический склад. Другими словами, изменения, претерпеваемые любовью в эпоху модернизма, связаны с преобразованием самих инструментов оценки, от которых зависит признание, т. е. с их утонченностью (насколько детально они разработаны) и их индивидуализацией. Социальный класс и даже репутация принадлежат миру, где критерии установления ценности известны, публично выполняются и выставлены на всеобщее обсуждение. Статус, ценность и репутация устанавливаются и разделяются публично, т. е. объективно. Из-за того, что социальная значимость стала перформативной, т. е. из-за того, что она должна обсуждаться с точки зрения индивидуальных вкусов, и из-за индивидуализации критериев ценности, личность сталкивается с новыми формами неуверенности. Индивидуализация является источником неуверенности, поскольку критерии оценки окружающих утрачивают объективность, т. е. прекращают подвергаться рассмотрению нескольких социальных субъектов, разделяющих одни и те же социальные кодексы. Напротив, они становятся результатом частной и субъективной динамики вкуса.

Например, «сексапильность» и «желанность», хотя и следуют канонам общественных представлений о красоте, всецело подчинены индивидуализированной и, следовательно, относительно непредсказуемой динамике вкуса. «Желанность» как главный критерий выбора партнера значительно усложняет динамику признания. Это создает неуверенность, связанную

с тем, что, становясь индивидуализированной, желанность подразумевает, что мужчины и женщины практически не имеют возможности предсказать, привлекут ли они потенциального партнера и исполнят ли его или ее желание. Несмотря на то что существуют культурные модели и прототипы привлекательности, «желанность» зависит от высоко индивидуализированной динамики вкуса и психологической совместимости и, таким образом, непредсказуема. Эти критерии желанности более размыты, поскольку они более изысканны (т. е. гораздо более специфичны) и более субъективны (зависят от уникального идиосинкразического психологического склада человека, совершающего выбор).

В современных романтических отношениях признание является одновременно и ключевым, и комплексным потому, что ценность здесь устанавливается перформативно, потому что этот процесс стал очень индивидуализированным и из-за последующего умножения и, соответственно, непредсказуемости критериев выбора партнера. Это, в свою очередь, делает любовь территорией поистине онтологической уязвимости и неуверенности и в то же самое время одной из главных площадок для обретения признания (и притязания на него).

Возьмем, к примеру, Дэниела, весьма успешного 50-летнего мужчину, с которым мы познакомились в главе 3. Несмотря на то, что он излучает изрядную уверенность в себе, Дэниел заявляет:

Любовь — великая вещь, но очень трудная. Однако трудность не имеет отношения к страданию, скорее это нечто магическое. Трудно также и от того, что нет уверенности. Никогда нельзя быть уверенным. Отношения не контракт. [Трудность] постоянно возникает тогда, когда я теряю уверенность в том, что любовь, которую я получаю, именно та, которую я хочу.

Корр.: Что может дать вам подобное ощущение?

Дэниел: Несоответствующие знаки. Знаки, указывающие на то, что меня не любят. Например, я получил от нее SMS, в котором она беспокоилась обо мне. Это меня очень обрадовало. Затем я отправил ей SMS с просьбой рассказать мне о своих планах. Она написала: «Ок». А вечером я получил от нее такое сообщение: «У меня гости. Поговорим

завтра. Спокойной ночи!». И это выбило меня из колеи. Я проанализировал каждое слово, пытаясь проникнуть в смысл... Такие вещи могут даже заставить меня заплакать, никогда не оставляют равнодушным.

Несмотря на привлекательность и профессиональный успех этого человека, его чувство собственного достоинства оказывается под угрозой, когда партнерша не признает его должным образом, поскольку в его представлении любовь — это непрерывный поток знаков и сигналов, которые должны поддерживать ценность личности. Признаваться в любви следует постоянно. Иначе говоря, признание не дается раз и навсегда, скорее это сложная, полная символов работа, которую следует поддерживать с помощью повторяющихся ритуалов, работа, которая может угрожать личности и подавлять ее, если она не выполняется должным образом.

В книге, посвященной робким одиноким людям, автор с психологической точки зрения описывает переживания, которые на самом деле являются социологическими:

По опыту, полученному в бытность мою психологом в Нью-Йорке, я знаю, что свидания являются общей проблемой, вызывающей застенчивость среди одиноких мужчин и женщин всех возрастов. Многие мои клиенты рассказывают мне, что в поисках спутника жизни их часто мучает *такое сильное чувство страха, неприятия и собственной ничтожности, что они хватаются за любой предлог, лишь бы остаться дома...* Около десяти лет назад я стала замечать, что клиент за клиентом жалуется на то, что чувствуют себя социально несостоятельными, незаметными для других и испытывают страх — особенно во время свидания и в социальных ситуациях⁴¹ (курсив мой. — Автор).

Именно потому, что ценность не известна заранее, и потому, что она порождается перформативно, т. е. даруется в процессе романтического взаимодействия, эти романтические взаимодействия вызывают острую тревогу, ведь на карту

---

⁴¹ *Яacobson Б., Гордон С. Дж. Застенчивый холостяк: Смелое руководство по свиданиям для менее смелых. Emmaus, PA: Rodale, 2004. С. 4–5 [Jacobson B., Gordon S. J. The Shy Single: A Bold Guide to Dating for the Less-Than-Bold Dater. Emmaus, PA: Rodale, 2004. P. 4–5].*

поставлено представление о личности и, следовательно, ее ценность. Таким образом, чувство собственной незаметности этих клиентов, или, говоря более распространенным языком, «страх быть отвергнутым», является, прежде всего, страхом перед тем, что Хоннет называет «социальной незаметностью», состоянием, в котором человек чувствует себя социально недостойным. Как предполагает Хоннет, социальная незаметность может осуществляться с помощью едва различимых, неявных форм унижений. Выражение лица, глаз, улыбка составляют элементарный механизм социальной заметности и элементарную форму социального признания⁴². Эта социальная незаметность угрожает личности в романтических отношениях именно потому, что знаки признания обещают обеспечить полноценное социальное существование. «На этом первом этапе [ухаживания] застенчивые одиночки чувствуют себя подавленными... страхом быть отвергнутым и собственной неуверенностью. Они просто не могут сделать первый шаг — поздороваться, посмотреть в глаза, пригласить кого-нибудь в кафе или предложить близость»⁴³. Этот широко обсуждаемый «страх быть отвергнутым» является, таким образом, социальным страхом, вызванным тем фактом, что социальная значимость устанавливается исключительно благодаря признанию, дарованному окружающими. Застенчивые одиночки чаще других представляют собой угрозу социальному определению собственного существования. Они как одержимые критикуют себя за ошибки — реальные или воображаемые. Такого рода наказание невольно делает личность слабой и снижает самооценку⁴⁴. Эта самокритика существенно отличается от

⁴² Хоннет А. Невидимость: к эпистемологии признания. Frankfurt: Suhrkamp, 2003. С. 10–27 [*Honneth A. Unsichtbarkeit: zur Epistemologie von Anerkennung / in Unsichtbarkeit: Stationen einer Theorie der Intersubjektivität. Frankfurt: Suhrkamp, 2003. P. 10–27.*]

⁴³ Якобсон Б., Гордон С. Дж. Застенчивый холостяк: Смелое руководство по свиданиям для менее смелых. Emmaus, PA: Rodale, 2004. С. 15 [*Jacobson B., Gordon S. J. The Shy Single: A Bold Guide to Dating for the Less-Than-Bold Dater. Emmaus, PA: Rodale, 2004. P. 15.*]

⁴⁴ Якобсон Б., Гордон С. Дж. Застенчивый холостяк: Смелое руководство по свиданиям для менее смелых. Emmaus, PA: Rodale, 2004. С. 17.

рассмотренных выше стратегий самоуничтожения XIX в.: она не заключается в проявлении характера, основанного на (приблизительном) представлении о собственной ценности и об идеале, к которому следует стремиться. Скорее, она отражает то, что мы можем назвать «концептуальной (умозрительной) неуверенностью в себе», или неопределенностью в отношении самовосприятия и критериев для его создания. Концептуальная неуверенность связана, главным образом, с тем фактом, что критерии индивидуальности и идеала характера стали неясными, а также с тем, что социальные отношения страдают от неопределенности, касающейся социальной ценности человека и критериев ее установления. Концептуальная неуверенность противоположна самоуничтожению, о котором говорилось выше: такое самоуничтожение было четко прописано и ритуально выполнялось, а не скрывалось; оно не угрожало идеалу личности и даже воплощало его, оно требовало ритуальных подтверждений от партнера и, таким образом, создавало связь, и, наконец, оно представляло собой неявную ссылку на нравственные идеалы, известные обеим сторонам.

Страх быть отвергнутым — это опасность, постоянно угрожающая отношениям, поскольку под угрозой находится вся система самооценки. Позвольте мне привести несколько примеров. В письме к своему брату Тео Ван Гог описывает, как его любовь была отвергнута Ки, его кузиной.

Жизнь стала мне очень дорога, и я очень рад, что люблю. Моя жизнь и моя любовь — единое целое. «Но тебе же сказали — “нет, никогда, никогда”, — скажешь ты. А мой ответ таков: «Старина, сейчас я смотрю на это “нет, никогда, никогда” как на глыбу льда, которую я прижимаю к сердцу, чтобы ее растопить»⁴⁵.

Здесь быть отвергнутым явно не воспринимается как угроза статусу или чувству собственного достоинства. Это еще

---

⁴⁵ Ван Гог В. Полное собрание писем. NY: New York Graphic Society, 1959. С. 254 [*Van Gogh V. Complete Letters. New York: New York Graphic Society, 1959. P. 254*].

одна возможность для человека проявить и подтвердить свою способность растопить лед отказа. Сравните это с ситуацией 40-летней лесбиянки, с которой она столкнулась в новых отношениях. Вот что она рассказала в интервью:

У нас были удивительные выходные, я познакомилась с ее друзьями и семьей, а потом у нас был потрясающий секс, а на следующий день она мне говорит: «Может, ты придешь только на два часа сегодня вечером или давай лучше увидимся завтра». Это вызвало у меня такую злость и возмущение! И знаете, даже сейчас, когда я с вами разговариваю, меня переполняет тревога. Я чувствую себя парализованной. Как она могла так поступить со мной?

Эта женщина охвачена острым чувством мучительного беспокойства, поскольку просьба ее любовницы встретиться «только» на два часа сводится к ощущению «социального уничтожения». Кэтрин Таунсенд, обозреватель «Индепендент» (Independent) в автобиографических мемуарах рассказывает о своем разрыве с парнем. Расставание принесло ей такую мучительную боль, что она стала членом клуба анонимных сексоголиков. На собраниях она представляется следующим образом:

Меня зовут Кэтрин, и я зависима от любви... До сих пор я не могу понять, почему это произошло в моих последних отношениях. Но я думаю это потому, что я стремилась быть хорошей, чтобы стать Единственной для него. Думаю, я *хотела доказать на подсознательном уровне, что я достаточно хороша для того, чтобы кто-нибудь женился на мне.* Поэтому я отчаянно пыталась удержать моего бывшего любой ценой⁴⁶ (курсив мой. — Автор).

Совершенно очевидно, что ее страдания связаны с чувством собственного достоинства, которое может быть сформировано или уничтожено любовью. Или вот еще цитата другого нашего современника, Джонатана Франзена:

---

⁴⁶ Таунсенд К. Нарушение правил: Откровения плохой девчонки. London: John Murray, 2009. С. 283 [Townsend C. Breaking the Rules: Confessions of a Bad Girl. London: John Murray, 2009. P. 283].

Большим риском здесь [в любви], конечно, является отказ. Мы вполне можем справиться с тем, что, порой, нас не любят, поскольку существует бесконечно большое количество потенциальных поклонников. Но открыть кому-нибудь свою душу, а не только показать симпатичную внешность, и потом получить отказ может быть катастрофически больно. Перспектива боли в целом, боли от потери, от разрыва, от смерти — вот, что убеждает нас избегать любви и пребывать в безопасности в мире симпатий⁴⁷.

В одном из гламурных блогов в интернете женщина рассказывает о том, что после расставания с любимым ее сердце было разбито и потребовались месяцы (если не годы), чтобы полностью его забыть. Друзья помогли ей преодолеть горе, называли «*потрясающей*, кормили ее шоколадом и смотрели с ней бесконечные дурацкие фильмы»⁴⁸. Реакция ее друзей типична, поскольку практически все осознают, что разрыв романтических отношений угрожает основному чувству значимости и принципам онтологической безопасности. Эти выводы подтверждаются исследованиями, проведенными двумя социологами, цитируемыми в колонке «Современная любовь» в Нью-Йорк Таймс: «Для женщин имеет большое значение, состоят они в отношениях или нет, и неважно, насколько эти отношения ужасны. Жаль, но это так», — признается Мисс Саймон [исследователь]. «Несмотря на значительные социальные перемены, произошедшие в этой области, самооценка женщин все еще связана с наличием мужчины. И это прискорбно»⁴⁹.

Есть лишь одно возражение к этому последнему утверждению — если самооценка женщин *все еще* связана с наличием мужчины, то это не потому, что им не удалось избавиться от нежелательного пережитка прошлого, а именно потому, что

---

⁴⁷ Франзен Дж. Любовь — удел трусов. Выбери то, что причиняет боль // New York Times. May 28, 2011 [Franzen J. Liking Is for Cowards. Go for What Hurts // New York Times. May 28, 2011].

⁴⁸ <http://www.glamour.com/sex-love-life/blogs/smitten/2009/02/the-onething-not-to-say-to-a.html> (дата последнего обращения: 10.10.2011).

⁴⁹ Пол П. Юношеские стенания: любовь причиняет боль // New York Times. July 22, 2010 [Paul P. A Young Man's Lament: Love Hurts // New York Times. July 22, 2010].

ощущение собственной ценности женщины в современном обществе зависит от любви. Консультационная литература, касающаяся отношений с противоположным полом, секса и любви, стала необычайно прибыльной именно потому, что заинтересованность в любви, отношениях и сексе стала очень высокой с точки зрения их способности устанавливать социальную значимость и укреплять самоуважение.

Но некоторые возразят, что личность всегда была вовлечена в романтические отношения, в которых любовь была неопределенной и безответной. Конечно, боль и страдание — одни из древнейших сюжетных мотивов в мировой литературе о любви. Разумеется, это так, но для социологов вопрос о том, *каким образом* личность вовлекается, восхваляется или обесценивается, имеет решающее значение. Я утверждаю, что не только личность иначе воспринималась в романтических взаимоотношениях прошлого, но и само переживание психического страдания отличалось от переживаний в современном обществе. Я бы сказала, что несмотря на то, что боль является одним из самых древних лейтмотивов любви, ее испытывали в четырех различных пересекающихся культурных сферах, ставших чуждыми нашей чувствительности. Этими культурными сферами романтического страдания являются аристократическая, христианская, романтическая и медицинская.

В истории Западной Европы, возможно, первой широко распространенной культурной моделью, поставившей страдание в центр любовных переживаний, была куртуазная любовь⁵⁰. В литературе прованских трубадуров страдания, вызванные безответной любовью, очищали душу влюбленного. Само страдание представляло собой источник поэтического вдохновения трубадуров. Благодаря влиянию Платона куртуазная любовь была в высшей степени идеалистической и, таким образом, могла превратить любовь и связанные с ней страдания в благородное переживание. Более того, любовь и страдания облагораживали и влюбленного, и возлюбленного; любовь в этой схеме «делала

---

⁵⁰ В исламской культуре этому мотиву придавалось особое значение, о чем свидетельствует знаменитая история Лейлы и Меджнуна VII в.

людей лучше, возвышенней, утонченней, острее чувствующих свою человеческую природу⁵¹. Ярким примером этого является следующее признание:

Я нахожу боль любви столь приятной, что, хоть я и знаю, что она убьет меня, я не хочу и не смею жить без *Мидонс* (Миледи) и не могу изменить ей; ибо она такова, что я почти за честь просто умереть как ее преданный поклонник, а если она не прогонит меня, во сто крат большую честь; и посему я должен ей служить без промедления⁵².

Страдание не уничтожает личность; напротив, оно восхваляет и возвышает ее. Очевидно, что страдание интегрировано в общее представление об индивидуальности, восхваляющее мужскую доблесть, верность, силу и преданность женщине. Из этого следует, что страдание является выражением аристократических ценностей.

Аристократический идеал страдания был неразрывно связан с христианскими ценностями: он не делал взаимность условием любви и рассматривал страдание как очищение души. Христианство предоставило повествовательную основу для организации познания страдания и даже рассматривало его как теологический знак спасения. Христианство как культурная сфера придало смысл страданию, превратив его в позитивный и даже необходимый опыт, возвышающий душу и позволяющий личности достигнуть богоподобного состояния. Таким образом, в этой культурной матрице страдание не разрушает личность; оно помогает сформировать и возвысить ее. С упадком христианства романтическое страдание стало еще одним источником самоуважения в художественном творчестве, и особенно в Романтизме, где, как и в христианстве, страдание считалось неизбежным, необходимым и высшим измерением

---

⁵¹ *Сингер И.* Природа любви: куртуазность и романтичность. Chicago: University of Chicago Press, 1984. С. 25 [*Singer I.* The Nature of Love: Courtly and Romantic. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 25].

⁵² Цит. по: *Кларк А.* Желание: История европейской сексуальности. London: Routledge, 2008 [*Clark A.* Desire: A History of European Sexuality. London: Routledge, 2008].

существования⁵³. Лорд Байрон, один из наиболее ярких представителей романтизма, восхвалял самоуничтожение и уничтожение других в любви. Он мог написать так: «Мои объятия были роковыми. <...> Я любил ее и уничтожил»⁵⁴. Байрон, как и другие романтики, был сенсуалистом, рассматривавшим боль как проявление более высокого существования. «Великая цель жизни — это ощущение, — писал он своей будущей жене, — ощущение того, что мы существуем, даже если испытываем боль»⁵⁵. Таким образом, отсутствие взаимности не воспринималось как уничтожение личности, поскольку признание и чувство собственного достоинства не являлись условием познания любви, и так как считалось, что жизненная энергия личности выражается в разнообразных переживаниях, от любви до мученичества. Романтические проявления любовных страданий были культурно оформлены и сформированы под организующим влиянием меланхолических переживаний. Меланхолию характеризует то, что она *эстетически* идеализирует чувство любви и, как в куртуазной любви, облагораживает человека, испытывающего ее. Романтическая меланхолия была в основном мужской и считалась неотъемлемой частью модели личности, в которой страдание даровало статус героя мужчине, доказавшему глубину своей души благодаря способности терпеть. При меланхолии страдание не затрагивает и не ставит под сомнение моральные критерии личности, но помогает выразить изящество и утонченность души. Можно пойти еще дальше и утверждать, что пострадавшие накапливали своего рода символический/эмоциональный капитал. Более того, поскольку эти представления о любви и страдании часто были, хотя и не полностью, прерогативой

---

⁵³ Братья Гонкур писали: «страсть к определенным вещам возникает не от доброты или чистой красоты этих вещей, а от их испорченности. Мы будем безумно любить женщину за ее дерзость, за порочность ее души, за лень ее разума, сердца, ее чувств... По существу, это и есть страдание». Цит. по: *Прац М.* Романтические страдания. NY: Meridian Books, 1956. С. 45 [*Praz M.* The Romantic Agony. NY: Meridian Books, 1956. P. 45].

⁵⁴ Там же. С. 74.

⁵⁵ Там же. С. 72.

мужчин, это может также указывать на то, что они служили усилению образа мужественности как жизненной энергии, как формы доблести.

Однако женщины, особенно в высших интеллектуальных слоях общества, не были чужды этой чувствительности. Маргарет Фуллер, современница Ральфа Уолдо Эмерсона, жившего в первой половине XIX в., и женщина, обладающая потрясающим характером и умом, была совершенно несчастлива в любви: нередко она любила тех, кто не отвечал или не мог ответить на ее страстные чувства. Кристина Неринг подвела итог тому, как Фуллер осмыслила пережитый ею опыт:

Фуллер верила в страдание. Она верила в его очищающую силу и в свою способность переносить его. Иногда она задавалась вопросом, не предназначен ли женский пол специально для страданий. Она обратила внимание на то, что мужчины при жизни Христа постоянно разбегались тогда, когда он нуждался в помощи, а «женщины оставались с ним и у подножия креста, и при Преображении».

Женщины, любившие Христа, не «сбегали в тяжелое время». «Они нуждались в том, чтобы оно научило их. Они нуждались в том, чтобы оно укрепило их, как Фуллер укрепили пережитые ею трагедии»⁵⁶. В предыдущих примерах аристократическая эстетизация страдания в сочетании с религиозным преображением превратила его в переживание, придававшее личности смысл и даже величие. Эти примеры представляют собой не просто разрозненные сведения. Они указывают на культурную модель поведения, в которой любовные страдания являлись частью идеала характера и не представляли угрозы для чувства собственного достоинства.

Единственной сферой, которая не идеализировала любовные страдания и не сделала их аспектом идеала личности, была медицина. В XVI и XVII вв. болезнь, известная как «любовная

---

⁵⁶ Неринг К. Оправдание любви: Возвращение романтики в двадцать первом веке. NY: HarperCollins, 2009. С. 232 [*Nehring C. A Vindication of Love: Reclaiming Romance for the Twenty-First Century. New York: HarperCollins, 2009. P. 232*].

тоска», рассматривалась как телесное расстройство, которое, хотя и воздействовало на душу, но не касалось чувства собственного достоинства. В XVI в. Роберт Бертон рассматривал жертв любви как «рабов, прислужников, безумцев, дураков, болванов, *раздраженных меланхоликов* и слепых, как жуки»⁵⁷. Любовные страдания считались результатом телесных расстройств и, следовательно, рассматривались на том же уровне, что и органические заболевания. Вот что писал Жак Ферран, французский врач, родившийся в конце XVI в.:

В мае 1604 г., когда я только начинал свою практику в Ажене (где я родился), по наличию большинства этих симптомов я диагностировал любовное безумие у молодого ученого, уроженца Ле-Мас-д'Ажене... Я увидел перед собой молодого человека, грустного без всякой на то причины, который недавно еще был вполне жизнерадостным; я увидел его бледное, лимонно-желтое, изможденное лицо и ввалившиеся глаза, обратив внимание, что в остальном его тело было в довольно хорошем состоянии⁵⁸.

Это расстройство воспринималось как телесное или даже как временное расстройство психики, но опять-таки не как расстройство, угрожающее чувству собственного достоинства. В Англии XVII в. врач-астролог по имени Ричард Нейпир брался за лечение самых разнообразных недугов. Историк Майкл Макдональд проанализировал записи, оставленные Нейпиром, и описал природу некоторых из этих недугов следующим образом:

Почти 40 % мужчин и женщин, которые рассказывали Нейпиру о своих тревогах и проблемных ситуациях, жаловались на разочарования, постигшие их в процессе ухаживания и в семейной жизни... Страстная привязанность была очень распространена среди клиентов

---

⁵⁷ Цит. по: Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 90 [MacDonald M. *Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 90].

⁵⁸ Ферран Ж. Трактат о любовной тоске. NY: Syracuse University Press, 1990 [1610]. С. 273 [Ferrand J. *A Treatise on Lovesickness*. New York: Syracuse University Press, 1990 [1610]. P. 273]. Я хочу поблагодарить М. Альтбауэра за то, что он обратил мое внимание на этот текст.

астролога. Ссоры влюбленных, безответная любовь и лицемерие стали причиной эмоционального расстройства 141 человека, около двух третей из которых были молодые женщины⁵⁹.

Большинство жалоб женщин, состоящих в браке, которые слышал Нейпир, были связаны, главным образом, с «ужасающей неспособностью нести финансовую ответственность, с недостатком преданности, трезвости и доброты»⁶⁰. Очевидно, что в современном обществе нет недостатка в мужчинах, которые не выполняют свой долг по обеспечению собственных семей, но современные жалобы на мужчин чаще всего рассматриваются с точки зрения их неспособности заботиться о *личности* женщин. Кроме того, муки любовного страдания описывались и переживались как телесные ощущения, а не как переживания, указывающие на проблемную психику. Медицинский дискурс не возвеличивал страдание ради него самого, а скорее стремился устранить его как физическое заболевание.

Современное романтическое страдание также следует искоренить, но у радикально иных моделей личности: его следует искоренить во имя утилитарной и гедонистической модели здоровой психики, в которой страдание указывает на недостатки психологического развития, либо представляет собой фундаментальную угрозу чувству социальной значимости и самоуважения. То есть в современной культуре хорошо развитый характер выражается в способности преодолеть переживание страдания или, еще лучше, вообще избежать его. Романтическое страдание перестало быть частью психической и социальной экономики формирования характера и даже угрожает ей.

Более того, современным в романтическом страдании является тот факт, что объект любви неразрывно связан с его ценностью и значимостью и что страдание стало признаком ущерба

---

⁵⁹ Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 88–89 [MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 88–89].

⁶⁰ Там же. С. 100.

ной личности. В результате предательство объекта любви отрицательно сказывается на личности. Таким образом, онтологическая незащищенность человека и потребность в межличностном признании усугубляются тем, что не существует более культурных/духовных рамок, которые могли бы переработать его и заставить играть роль в формировании характера.

Признание против независимости

Исследуя парадоксы желания, Александр Кожев, возможно, самый интересный толкователь Гегеля, предполагает, что желание может быть удовлетворено одновременно «развитием индивидуальности» и «универсализацией взаимного признания»⁶¹, которое можно достичь в равноправном социальном порядке. Кожев имел в виду универсализацию классового признания, но это можно легко и в равной степени применить к сфере гендерных отношений, в которой можно было бы ожидать, что большее гендерное равенство приведет и к более значительной индивидуальности, и к взаимному признанию. В действительности, одно из особых пояснительных направлений гегелевской борьбы за признание рассматривает возрастающую независимость как условие возрастающего признания. Чем свободнее становится раб, тем больше признания он может требовать и получать.

И все же, если эту позицию можно оправдать в сфере политики, то она гораздо сложнее в сфере эротических отношений, так как она забывает о противоречиях, раздирающих эротическое желание. Я бы даже сказала, что именно развитие индивидуальности и независимости делает современное эротическое желание чреватым апориями (непреодолимыми противоречиями).

Как утверждает Джудит Батлер: «Желание основывается на противоречии и становится страстью, поделенной на двоих.

---

⁶¹ Батлер Дж. Субъект желания: Гегелевские размышления во Франции двадцатого века. NY: Columbia University Press, 1987. С. 77 [Butler J. Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France. New York: Columbia University Press, 1987. P. 77].

Стремясь стать независимым существом, являющимся частью этого мира и находящим в нем свое отражение, самосознание обнаруживает, что необходимость быть востребованным другими скрыто в его собственной идентичности желającego существа»⁶². Такая востребованность другими изобилует противоречиями, поскольку «мы должны выбирать между экстагическим и самоопределяющимся существованием»⁶³.

Любя и желая другого, человек всегда рискует оказаться отвергнутым и увидеть свою любовь неутоленной. Боязнь увидеть свое желание неисполненным превращает переживание любви (потенциально) в высшей степени рефлексивное. И такая рефлексивность возникает в результате того, что признание вступает в конфликт и взаимодействует с другим ритуалом, определяющим чувство собственного достоинства, а именно с независимостью. Таким образом, я утверждаю, что признание ограничено культурными определениями личности, в которых независимость исполнителя и объекта ритуала признания должна быть одновременно подтверждена.

Анализируя истории любви молодых людей, Ори Шварц приводит следующие примеры того, когда люди предпочитают (или нет) фотографировать человека, с которым они имеют отношения: «Женщина около тридцати, в настоящее время не имеющая отношений, описала себя как “одержимую документалистку”: “Всякий раз, когда у меня начинают возникать чувства [к кому-то], во мне пробуждается желание документально это подтвердить”. Тем не менее она “не стала бы никого фотографировать до тех пор, пока [она] не удостоверилась бы в отношениях, чтобы не заставить его паниковать”: она “не хочет сделать так, чтобы он убежал, не хочет оказывать давление и выглядеть слишком влюбленной”»⁶⁴.

---

⁶² Батлер Дж. Субъект желания: Гегелевские размышления во Франции двадцатого века. NY: Columbia University Press, 1987. С. 49.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Шварц О. Романтические отношения перед объективом // Visual Communication. 9(2). 2010. С. 157 [Schwarz O. Negotiating Romance in Front of the Lens // Visual Communication. 9(2). 2010. P. 157].

Этот краткий отчет описывает очень распространенное любовное переживание, а именно необходимость контролировать выражение чувств (признание в своих чувствах партнеру), чтобы не ослаблять собственную позицию в отношениях. Ибо признание всегда присуще динамике, в которой человек должен проявлять свою независимость. Независимость устанавливается путем очень тщательного контроля и даже отказа от признания. Требование признания свойственно романтическим отношениям, но для того, чтобы иметь успех, нужно тщательно контролировать требование и совершение признания, чтобы они не стали угрозой для личной независимости человека, совершающего признание, и человека, получающего его. Вот еще один пример Шварца: лесбиянка, под 30, которая хотела сделать фотографии, объясняла:

Я немного беспокоилась, что это может быть неправильно истолковано как проявление слишком большого интереса с моей стороны / чрезмерного забегания вперед / излишней близости и т. д. Я не обращала внимания на [это] и фотографировала тогда, когда хотела, при этом ясно давая понять, что у меня нет скрытых намерений и что нет никаких причин для беспокойства⁶⁵.

Здесь «беспокойство» обусловлено (как это ни абсурдно) страхом, что ее партнерша может получить больше любви, заботы или внимания, чем она в состоянии дать в ответ. Вероятность проявить больше заботы, чем хотелось бы другой стороне, настолько опасна, что эта женщина прилагает большие усилия, чтобы исправить возможную семиотику своего поступка, чтобы гарантировать свой статус в отношениях, который, в свою очередь, знаменуется и устанавливается проявлением независимости. Признание не только не заключается в безграничном процессе взаимности, но и функционирует как ограниченное благо в силу того, что оно сдерживается интерактивным императивом независимости, который заключается

---

⁶⁵ Шварц О. Романтические отношения перед объективом // Visual Communication. 9(2). 2010. С. 157 [Schwarz O. Negotiating Romance in Front of the Lens // Visual Communication. 9(2). 2010. P. 157].

в неявном утверждении собственной независимости человека и признании независимости другого. Таким образом, многие трудности в начале отношений возникают в процессе обсуждения независимости и признания: объем независимости и признания, который следует проявлять и получать, составляет суть эмоциональных переговоров в начале отношений.

Напряжение между признанием и независимостью осложняется тем фактом, что в большинстве романтических отношений признание не может оставаться статичным. Благодаря институциональному и нарративному хитросплетению любви и брака обязательство является нарративной целью процесса признания, который связывает эмоциональное с институциональным⁶⁶. Многие романтические отношения, если не большинство, должны либо закончиться, либо привести к «принятию обязательства». Однако, исходя из структуры независимости, обязательство является тем, о чем нельзя просить. Вот пример с веб-сайта, посвященного неразрешимым проблемам отношений:

Я погуглила информацию на эту тему [о том, что ее парень все еще использует свой профиль на сайте знакомств Match.com] и забеспокоилась. У нас с ним не было серьезного «разговора об определении характера наших отношений» (честно говоря, я бы предпочла просто подождать, пока все уладится), поэтому я могу только гадать: он встречается с другими женщинами? Я для него просто интрижка? Я не хочу поднимать этот вопрос в разговоре с ним, потому что сейчас у нас все хорошо, без проблем и переживаний⁶⁷.

Если вопрос к мужчине о его верности и обязательствах может рассматриваться как «проблема» и «трудность», то это потому, что для этой женщины независимость, должно быть,

---

⁶⁶ Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley: University of California Press, 1985].

⁶⁷ <http://www.enotalone.com/forum/showthread.php?t=152843,finneganswake> (дата последнего обращения: 13.10.2011).

более важна, чем требование признания. В отсутствие ритуальных кодексов поведения противоречие между признанием и независимостью объясняет, почему вопрос о том, кому делать первый шаг, становится очень трудным. «Испуганный или защищающий себя влюбленный пытается убедить возлюбленного полюбить его *первым*, прежде чем он рискнет открыться сам. Им может руководить страх, обусловленный обычно чувством никчемности и неполноценности»⁶⁸. Влюбленный боится, поскольку независимость и признание противоречат друг другу. Вот еще один такой пример. Мы можем объяснить причины, из-за которых окончательное требование признания и взятие обязательств удерживается в случае с Ирэн, 38-летней управляющей по связям с общественностью из Нью-Йорка.

Ирэн: Я встретила Энди пять лет назад. Когда мы познакомились, у меня были отношения с другим человеком, но у нас с ним не все складывалось хорошо, а Энди, казалось, горел желанием быть со мной. Поэтому я начала встречаться с ним, и сначала не могу сказать, что я была без ума от него. Но он все делал как положено: писал любовные записки, удивлял меня и водил в разные интересные места, покупал маленькие подарки и готовил для меня ужин. Через год он получил повышение, став генеральным менеджером по продажам, и ему предложили переехать в Европу, в Лондон. Он попросил меня поехать с ним. Я подумала и быстро согласилась. По контракту с моей фирмой я должна была подать заявление об отставке за три месяца, поэтому я не могла сразу же присоединиться к нему. Я приехала два месяца спустя. Когда я приехала, фактически в тот же самый день, я почувствовала, что он охладел ко мне. Просто почему-то охладел. Я пыталась узнать, что случилось, почему он стал меньше любить меня. Но он был уклончив и сказал, что не знает, готов ли он к серьезным отношениям. Я уехала три месяца спустя, обратно в Нью-Йорк, чувствуя себя абсолютно опустошенной.

Корр.: Абсолютно опустошенной?

---

⁶⁸ Персон Э. С. Мечты о любви и судьбоносные встречи: сила романтической страсти. NY: Norton, 1988. С. 45 [*Person E. S. Dreams of Love and Fateful Encounters: The Power of Romantic Passion*. New York: Norton, 1988. P. 45].

Ирэн: Но знаете? Я все еще любила его. Не то, чтобы он вел себя ужасно по отношению ко мне. Он не был ужасен. Он очень сожалел. Понимаете, о чем я? Он просто перестал любить меня. Речь идет не о том, что он обещал жениться на мне. Он не обещал. Он просто перестал любить меня. Что можно сказать на это? Люби меня, потому что я замечательная? Конечно, я не могла этого сказать. Это было бы глупо. И хотя я бросила работу ради него, отказалась от съемной квартиры, сняла все деньги со счета, по сути, отказалась от своей жизни, я не злилась, мне было просто больно. Вот почему я продолжала любить его. Возможно, какая-то часть меня любила его больше.

Корр.: Итак, по вашим словам, вы отказались от собственной жизни, не получив предложения выйти замуж. Это было легко?

Ирэн: Это не значит, что я не возражала против этого. Еще как возражала. Но есть у меня одна черта, я вечно боюсь выглядеть так, будто оказываю давление.

Корр.: Что вы имеете в виду под «давлением»?

Ирэн: Боюсь выглядеть отчаявшейся. Предъявлять ультиматумы. Вести себя так, будто самое главное для меня — выйти замуж. Давление на парня не на пользу отношениям и вредно для самооценки. Поэтому я не настаивала. Возможно, это было ошибкой. Может, мне следовало быть настойчивой и больше требовать от него. Мне не следовало приезжать, не получив предложения выйти замуж. Но я была молода и боялась отпугнуть его.

Корр.: Почему это вредно для самооценки?

Ирэн: Ммм... Если вы давите, вас считают надоедливой. Не тем, кто вы есть на самом деле. Не хочется выглядеть эмоционально зависимой. А также, бытует мнение, что, если надавить, парень сбежит. Из-за того, что ты излишне требовательна.

Корр.: Значит, сказать парню, что вы хотите серьезных, преданных отношений — это излишнее требование?

Ирэн: Конечно. Я бы с радостью сказала ему: «Я люблю тебя», «Я хочу провести свою жизнь с тобой», но, если бы я сделала это, я бы почувствовала себя неполноценной. Хочется оставаться невозмутимой.

Корр.: Можете объяснить почему?

Ирэн: Я не знаю, почему. Думаю, что мужчины — не все, но многие — просто не заинтересованы в браке и серьезных отношениях. Они чувствуют, что у них уйма времени, чтобы сделать выбор. И если ты хочешь их слишком сильно, они отдаляются — в это верят

все девушки, которых я знаю. Нужно все делать медленно, аккуратно и не давить.

Благодаря многим элементам эта история выглядит типичной для определенной модели отношений между мужчинами и женщинами. Женщина здесь находится под влиянием мужчины, т. е. она *убеждена* в необходимости вступить в отношения. Не секрет, что убеждает ее в этом предположение, что отношения в изобилии обеспечат ее признанием, и что признание может предвещать и порождать любовь. Эта модель особенно актуальна для женщин, у которых меньше шансов, чем у мужчин, получить доступ к общественным каналам, чтобы подтвердить свою ценность; таким образом, их чувство значимости связано, в частности, с романтическим признанием. Кроме того, даже если эта женщина не высказала четкой просьбы, тот факт, что она «отказалась» от всего, был (вероятно, справедливо) интерпретирован ее парнем как желание полностью посвятить себя ему. Наконец, тот факт, что она не могла заставить себя в официальном порядке потребовать от него взаимных обязательств, говорит о том, что независимость взяла верх над необходимостью признания, что сама она, действуя самоотверженно, тем не менее не смогла добиться аналогичных действий от своего парня.

Сравните это с ситуацией в XIX в., когда среди английского высшего и верхних слоев среднего класса молодая девушка находила себе пару, просто «выйдя в свет», т. е. благодаря балу, организованному специально, чтобы объявить ее готовой для вступления в брак и серьезно заинтересованной в обретении возможного спутника жизни. В этом культурном и социальном порядке провозглашение намерения связать себя обязательством неразрывно связано со структурой свидания: женщине (или мужчине) не нужно скрывать или сдерживать намерение вступить в брак, поскольку это и является самым объяснением и разумным основанием для девушки, впервые «выезжающей в свет». Эта открытость в поиске потенциального супруга не создавала угрозу для самооценки или независимости женщины. Каким бы кокетством или игривостью ни отличались

реальные романтические отношения, они не ограничивали, не приостанавливали, не откладывали и не скрывали намерения связать себя обязательствами и вступить в брак. Отсутствие серьезных намерений, по сути, ставило под угрозу репутацию мужчин и женщин на брачном рынке и являлось эмоциональным недостатком. Современные романтические отношения, напротив, оказываются в ловушке любопытных парадоксов, которые обусловлены тем фактом, что и мужчины, и женщины должны действовать так, как *если бы* обязательство не было *априори* заложено в отношения. Намерение связать себя обязательством должно быть достижением, а не предварительным условием отношений. Следовательно, сам вопрос об обязательствах *априори* отделяется от романтических отношений именно тогда, когда от этих отношений требуется обеспечить признание. И последнее, Ирэн, процитированная выше, предполагает, что в отличие от XIX в., в котором соблюдение обещаний было центральным компонентом нравственной системы принципов взятия обязательств, требование обещания стало незаконным, и это несмотря на безусловно высокую цену, которую приходится заплатить женщине. В своей книге «*Girls Gone Mild*»⁶⁹ («Кроткие девочки») Венди Шалит, консервативный критик сексуальных отношений, также отмечает нежелание женщин предъявлять требования мужчинам, но в соответствии с господствующей терапевтической идеей она приписывает это недостатку самоуважения и чрезмерной сексуализации женщин. Как и многие консервативные мыслители, Шалит правильно определяет проблемную область, однако не понимает ее причин.

Смущение — психологическая черта, но ее этиология часто имеет социологическую основу. Я предполагаю, что это не редко вызывается наличием двух структурных принципов, находящихся в конфликте. В рассказе Ирэн желание сохранить определенное представление о себе берет верх над за-

---

⁶⁹ Шалит В. Кроткие девочки: Молодые женщины возвращают самоуважение и находят, что неплохо быть хорошим. NY: Random House, 2007 [Shalit W. *Girls Gone Mild: Young Women Reclaim Self-Respect and Find It's Not Bad to be Good*. New York: Random House, 2007].

щитой собственных интересов. Это происходит потому, что ее представление о себе не предшествует романтическим взаимоотношениям, а, скорее, становится тем, что необходимо обсудить и установить в их процессе. Самооценка зависит от ценности, которая должна быть установлена межличностно. Иначе говоря, она должна обсуждаться в конкретных взаимоотношениях, в которых проявление независимости человека и его способности уважать независимость другого, т. е. *не* предъявлять ему требований, постоянно находится под угрозой. Обратите внимание, что «давление» воспринимается как угроза независимости и для того, на кого оказывают давление, и для того, кто его оказывает. Культурным лейтмотивом, который определяет и составляет здесь ценность является независимость, которая, в свою очередь, объясняет, почему требование обещаний воспринимается как проявление «давления» (идея, которая могла бы показаться странной, скажем, в викторианской Англии). Эта идея имеет смысл только в том контексте взгляда на личность, где обещания рассматриваются как ограничение свободы, т. е. свободы чувствовать себя завтра иначе, чем сегодня. При условии, что ограничение свободы рассматривается как незаконное, просьба о принятии обязательств толкуется как отчуждение свободы. Эта свобода, в свою очередь, связана с определением отношений в чисто эмоциональном плане: если отношения являются результатом свободно ощущаемых и свободно отдаваемых эмоций, они не могут исходить из нравственной структуры обязательства. Поскольку эмоции формируются независимо от разума и даже от воли, поскольку они воспринимаются изменчивыми, но, что еще более важно, исходящими из уникальной субъективности и свободной воли человека, требование связать свои эмоции с будущим становится незаконным, поскольку оно воспринимается как угроза свободе, которая присуща чистой эмоциональности. Таким образом, при взятии обязательств есть риск принуждения сделать выбор, не основанный на чистых эмоциях и эмоциональности и, в свою очередь, отчуждающий личную свободу.

Я бы предположила, что в той мере, в какой мужчины в эпоху модернизма усвоили и самым решительным образом практиковали идеологию независимости, независимость проявилась как своего рода символическое насилие, которое становится все более естественным и трудным для восприятия. Следовательно, независимость находится (и должна оставаться) в основе программы по эмансипации женщин. В одном из интервью 25-летняя Аманда сказала следующее:

Я была с Роном в течение двух лет, и за эти два года я ни разу не призналась ему в любви. И он никогда не говорил, что любит меня.

Корр.: Как вы думаете, почему?

Аманда: Я не хотела первой говорить об этом.

Корр.: Почему?

Аманда: Потому что, если ты говоришь об этом, а другой человек не испытывает к тебе тех же чувств, ты становишься более слабой стороной; он может рассердиться на тебя за это; или воспользуется этим; или отдалится в результате.

Корр.: Как вы думаете, он не говорил вам этого по той же причине?

Аманда: Не знаю. Возможно. Хотя, знаете, я думаю, что мужчины, по определенным причинам, обладают большей свободой сказать это. Я считаю, что и мужчины, и женщины знают, что мужчина может сказать это первым, у женщины нет такой свободы. Женщина не оттолкнет мужчину, если он признается ей в любви, тогда как мужчина запаникует и подумает, что она хочет кольцо и белое платье.

Мы также можем взять пример из «Секса в большом городе», который многие считают руководством по современным неблагоприятным отношениям. Кэри спрашивает: «Почему же ты никогда не говоришь, что любишь меня?». «Потому что я боюсь, — ответил мистер Биг. — Боюсь, что, если я скажу “я люблю тебя”, ты подумаешь, что я собираюсь на тебе жениться»⁷⁰.

Совершенно очевидно, что мужчины определяют правила признания и взятия обязательств. Господство мужчин при-

---

⁷⁰ Бушнелл К. Секс в большом городе. NY: Warner Books, 1996. С. 222 [Bushnell C. Sex and the City. New York: Warner Books, 1996. P. 222].

нимает форму идеала независимости, на который женщины благодаря борьбе за равенство в общественной сфере обрекли себя сами. Однако перенесенная в частную сферу независимость подавляет потребность женщин в признании. Ибо, действительно, характерной чертой символического насилия является то, что человек не может противостоять определению реальности, которая наносит ему ущерб. Я не считаю, что женщины не хотят независимости. Скорее, они находятся в состоянии, полном напряжения, потому что проповедуют одновременно идеалы заботы и независимости и, что более важно, потому что часто считают себя обязанными беспокоиться о своей независимости и о независимости мужчин. Например, Ши́ра, 27-летняя выпускница университета, рассказывает об отношениях со своим парнем:

Я говорила, например, что предпочла бы пойти домой; а он говорил, что хочет пойти к Сэмми [другу]; тогда я начинала плакать, просто плакать, я никогда не осмеливалась сказать ему то, что о нем думаю; мне было страшно; возможно, я боялась потерять его; и поэтому ничего не говорила; просто плакала.

Корр.: Вы много плакали?

Ши́ра: Очень много.

Корр.: Можете сказать почему?

Ши́ра: Ну, все эти годы я просто боялась сказать ему, что думаю на самом деле.

Корр.: Можете ли вы привести пример того, о чем вы боитесь ему сказать?

Ши́ра: Да, собственно, обо всем на свете. Например, в субботу я хотела поваляться дома и просто побыть с ним, поесть что-нибудь вместе, а ему хотелось пойти к друзьям.

Корр.: Вы плакали, когда он был рядом или когда его не было?

Ши́ра: Когда он был рядом.

Корр.: Это заставило его остаться?

Ши́ра: Нет, к сожалению, нет.

Корр.: Можете еще привести подобные примеры?

Ши́ра: Честно говоря, их слишком много. В основном, когда я хочу чего-нибудь, все складывается так, что мое желание обязательно пропускается мимо ушей или отвергается. Или вот, например, мне нравилось оставаться дома и готовить что-нибудь вкусное. И потом

я уделяла много внимания тому, чтобы красиво накрыть на стол. Я ожидала, что он скажет что-нибудь об этом, заметит, но он обычно молчал. А мне было больно, и я плакала.

Страдание, испытываемое моей собеседницей, обусловлено тем, что она противоречит сама себе, т. е. ее слезы являются прямым выражением ее зависимости и потребности в признании. И все же, несмотря на сложные эмоции, она не может предъявить формальное требование, стремясь сохранить его и свою независимость (или, по крайней мере, ее образ). В связи с этим можно сказать, что императив независимости берет верх над императивом признания и даже делает его невнятным. Легко найти и другие примеры того, как независимость подавляет женские эмоции. Кэтрин Таунсенд — упомянутая ранее секс-обозреватель «Индепендент» — может стать замечательным примером сексуальной эмансипации. И все же, вот как она описывает то, что называет «самым женским положением»: «Итак, я оказалась в том самом женском положении: притворяясь беззаботной, я в то же время втайне желала прыгнуть к нему на колени и закричать: “Пожалуйста, люби меня!”»⁷¹. И Лиза Рене Рейнольдс, психолог, размышляя об интернет-знакомствах, говорит: «Вы полагаете, что никто не отреагирует на вашу страницу в соцсетях, если вы скажете, что хотите замуж и мечтаете о детях, поэтому вы не испытываете судьбу и не следуете за своей мечтой»⁷². Повторяю: я не хочу сказать, что у женщин нет стремления к независимости или что они не должны ее иметь. Напротив: я утверждаю, что мужчины могут придерживаться императива независимости более последовательно и в течение большей части своей жизни, и в результате могут оказывать эмоциональное господство над женским желанием привязанности, заставляя их приглушать

---

⁷¹ Таунсенд К. Нарушение правил: Откровения плохой девчонки. London: John Murray, 2009. С. 179 [Townsend C. Breaking the Rules: Confessions of a Bad Girl. London: John Murray, 2009. P. 179].

⁷² http://www.nydailynews.com/lifestyle/2010/02/16/2010-02-16_online_dating_grows_in_popularity_attracting_30_percent_of_web_users_poll.html#ixzz0fmImu6AT (дата последнего обращения: 14.10.2011).

свои стремления и имитировать мужскую отстраненность и жажду независимости. Из этого следует, что женщины, не заинтересованные в гетеросексуальной семейной жизни, детях и приверженности мужчин, с большей вероятностью окажутся эмоционально равными мужчинам.

В отсутствие четкой последовательности и ритуалов в процессе ухода за собой, для поддержания своих и чужих притязаний на независимость и эмоциональную свободу, человек прилагает массу усилий, чтобы получить признание от другого человека, не будучи в состоянии этого требовать. Поскольку ценность личности не устанавливается заранее, она становится объектом межличностных переговоров. Ценность человека постоянно находится под угрозой из-за недостаточного проявления независимости. Противоречие между этими двумя непереносимыми условиями — поддержанием независимости и получением признания — порождает экономический взгляд на личность и психику, т. е. взгляд, в котором признание должно быть уравновешено независимостью, не являясь при этом избыточным. В борьбе за установление собственной ценности или в попытках даровать ее другому, личность опирается на модель обмена, в которой недоступность выступает в качестве экономического сигнала ценности и, наоборот, в которой «любящий» может стать «чрезмерно влюбленным». В подавляющем большинстве случаев именно эта экономическая логика лежит в основе психологических советов женщинам. Например, в своем удачно названном бестселлере «Женщины, которые любят слишком сильно» (*Women Who Love Too Much*) Робин Норвуд, психолог, рассказывает истории некоторых своих клиентов/пациентов. Одна из них, Джилл, встретила мужчину по имени Рэнди и лично проводила с ним время. «...Он позволил мне готовить для него и действительно наслаждался моей заботой... Мы прекрасно ладили», — признается Джилл. Вот как Норвуд продолжила свой рассказ о ней:

Но... почти сразу же выяснилось, что Джилл стала совершенно одержима Рэнди. Когда он вернулся в свою квартиру в Сан-Диего,

зазвонил телефон. Джилл с нежностью призналась ему, что беспокоилась о его долгой поездке и очень обрадовалась, узнав, что он благополучно добрался до дома. Когда Джилл показалось, что он немного озадачен ее звонком, она извинилась за беспокойство и повесила трубку, но ее стало снедать возрастающее чувство неловкости, подпитываемое осознанием того, что она снова заботится о мужчине гораздо больше, чем мужчина о ней. «Рэнди однажды велел мне не давить на него, иначе он просто исчезнет. Я так испугалась. Все зависело от меня. Мне полагалось любить его и в то же время оставить в покое. Но я не могла этого сделать, и поэтому мне становилось все страшнее и страшнее. Чем больше я паниковала, тем больше преследовала его»⁷³ (курсив мой. — Автор).

Автор, очевидно, считает поведение Джилл патологическим, поскольку здоровая психика способна сочетать эти два психологически противоречивых принципа — независимость и признание. Более того, здоровая психика должна правильно вести себя с экономической точки зрения, т. е. она должна сделать спрос адекватным предложению, а предложение адекватным спросу. Эта история явно предполагает, что одна из функций консультативной литературы состоит именно в том, чтобы помочь читателю контролировать поток эмоционального спроса и предложения, содержащихся в динамике признания. Поскольку ценность личности определяется взаимоотношениями и так как признаки независимости, по сути, являются признаками ценности, личность становится объектом экономического расчета, по условиям которого она может обесценить себя, признавшись, что «чрезмерно влюблена». Как обсуждалось в главе 3, признание сдерживается и организуется с точки зрения экономического взгляда на эмоции, при котором избыточное предложение признания может поставить под угрозу и сильно ослабить спрос на него. Именно этот императив формирует многочисленные сомнения, присущие романтическим отношениям. Этот экономический взгляд на

---

⁷³ Норвуд Р. Женщины, которые любят слишком сильно. NY: Pocket Books, 1985. С. 3 [Norwood R. Women Who Love Too Much. New York: Pocket Books, 1985. P. 3].

спрос и предложение выражает разведенная 46-летняя женщина в автобиографическом рассказе, приведенном ниже:

Энн: Вы знаете, что я нахожу невозможным в отношениях — все эти игры во власть: звонить ему или не звонить? Сказать ему, что он мне очень нравится или изобразить равнодушие? Быть недоступной или милой и любящей? Меня это бесит.

Корр.: Объясните мне. Что вы имеете в виду?

Энн: Что я имею в виду? Послушайте, в большинстве случаев — правда, я не имею в виду, большую любовь, которую можно встретить один или два раза в жизни, — в большинстве случаев вы встречаете кого-то, и он вроде вам симпатичен, но вы не уверены, может ли это к чему-нибудь привести. И если вы обнаружите, что он вам не очень нравится, это здорово, поскольку вы не чувствуете себя в его руках, вы не чувствуете беспокойства. Но если он вам нравится больше, чем вы ему в самом начале, тогда и начинаются неприятности. Поскольку, если он вам нравится, вам следует быть осторожной с тем, что вы говорите и как вы говорите об этом. Если вы показываете мужчине, что чересчур влюблены в него, как правило, он убегает. А если вы слишком сдержанны, он может подумать, что вы холодны.

Корр.: Почему вы думаете, что этот мужчина убежит? С вами такое случалось?

Энн: О, да.

Корр.: Можете привести мне пример?

Энн: Ну, думаю, что могу, и даже не один. У меня был мужчина, и сначала я сомневалась, я была не уверена, хочу ли быть с ним. В основном потому, что он мне казался бесчувственным, холодным как рыба. Через две недели я сказала ему, что не хочу продолжать наши отношения. Он умолял меня дать ему еще один шанс. Я так и сделала. А потом он стал относиться ко мне теплее и начал мне очень нравиться. Но каждый раз, когда я заговаривала о будущем, он отстранялся. Чем больше он колебался, тем больше я давила на него. В конце концов, его чувства стали настолько противоречивыми, что мы расстались.

Или вот, например. Одно время у меня был страстный роман с женщиной на пятнадцать лет старше меня. Этот человек был очень сильно в меня влюблен. Он звонил мне каждый день. Он хотел заранее планировать выходные. Предложил проводить вместе все праздники и отпуска. Потом, в один прекрасный день, после того, как я ему

позвонила, ему понадобилось два дня, чтобы мне перезвонить. Я сказал ему, что он причинил мне боль. Он рассердился и очень холодно ответил, что не понимает, из-за чего такой переполох.

С другим парнем мы были вместе шесть месяцев, и он часто включал свой мобильный, потому что был музыкантом. Я сделала ему замечание и спросила, не может ли он включать его чаще, чтобы я могла связаться с ним. И он стал твердить о том, что я хочу ограничить его свободу.

Корр.: И что вы на это ответили? Помните?

Энн: Я сказала, что быть в отношениях — значит ограничивать свою свободу, что нельзя иметь и то, и другое одновременно. И после этого разговора все полетело под откос.

Корр.: Можете сказать почему?

Энн: Я думаю, что каждый раз происходит одно и то же. Сначала я очень нравлюсь мужчинам. Затем я становлюсь неуверенной по той или иной причине. Мне нужно знать, любят ли они меня и насколько сильно. Я просто не могу не спрашивать об этом. Поэтому я задаю вопросы, выдвигаю требования, возможно, вы даже скажете, что я становлюсь назойливой, я не знаю [*смеется*]. В основном так и происходит: что-то в отношениях обязательно вызывает во мне беспокойство. Я проявляю его, хочу, чтобы меня успокоили, и мужчина начинает отдаляться.

Корр.: У вас есть какие-нибудь мысли, почему это так происходит?

Энн: Я полагаю, что это все игры во власть. Я много думала об этом. Я считаю, что отношения между мужчинами и женщинами прогнили до основания, поскольку мужчины могут по-настоящему интересоваться женщиной лишь в том случае, если она холодна с ними, или отказывается от общения, или что-то в этом роде. Если женщина проявляет эмоциональную зависимость, беспокойство, высказывает желание близости, тогда пиши пропало, мужчина просто исчезнет. Создается впечатление, будто ему необходимо постоянно доказывать самому себе, что он может завоевать женщину снова и снова.

Корр.: Можете ли вы сказать, почему или когда вы испытываете тревогу?

Энн: Ммм... Я думаю, в глубине души, что это происходит от чувства собственной никчемности и от желания услышать от мужчины, что я чего-то стою. Что-то в отношениях может спровоцировать это ощущение. Я чувствую, когда человек не любит меня или

недостаточно любит. Тогда я прошу его утешить меня. Как правило, этого не происходит.

С точки зрения психологии, эту женщину, несомненно, обвинили бы в неуверенности в себе и искали бы причины ее тревоги в неблагополучном детстве. В психологической теории тревога рассматривается либо как воспоминание о некоем трагическом событии, либо как сигнал о том, что устои **ЭГО** находятся на грани краха, поскольку оно оказалось в ловушке между противоречивыми требованиями *суперэго* и *ид* (бессознательной частью психики). Согласно Фрейдю и последующим психологическим теориям, невротической тревогу делает тот факт, что она рассеяна, расплывчата и не имеет ясной цели. Но если мы передадим речь этой женщины буквально, ее тревога имеет совершенно определенную установленную цель и абсолютно социальный характер: она нуждается в признании, но борется с противоположным императивом поддержания независимости своего партнера и своей собственной, потому что неспособность сделать это фактически поставит под угрозу ее статус в отношениях. Хотя признание и независимость стали важнейшими чертами социальных взаимодействий, они тянут участников в противоположных направлениях. Таким образом, тревогу можно рассматривать здесь как результат противоречия между требованием признания и угрозой, которую такое требование, по-видимому, представляет для независимости; между экономическим взглядом на личность, в котором личность должна быть стратегическим победителем во взаимоотношениях, с одной стороны, и желанием проявить себя агапическим образом (бескорыстно беспокоясь о благополучии других людей), с другой стороны, без экономического расчета, регулирующего обмен. Женщины, которые «чрезмерно влюблены», по сути своей виновны в непонимании экономического исчисления, которое должно управлять отношениями, и в неправильном управлении императивом независимости, подчиняя его императиву заботы и признания. Я полагаю, что это противоречие — между независимостью и признанием — ответственно за создание новой структуры неуверенности в себе.

От самовлюбленности к самобичеванию

В романе Джейн Остин «Разум и чувство» (1818 г.) Элинор приходит к пониманию того, что Уиллоби, неутомимый поклонник ее сестры Марианны, не собирается жениться на ней, а позже Элинор узнает, что он уже был с кем-то обручен в то время, когда Марианна считала его своим женихом.

Она не сомневалась, что между Уиллоби и Марианной существовала своего рода помолвка, и ей было столь же очевидно, что Уиллоби это тяготит, поскольку как бы Марианна ни тешила себя иллюзиями, она не могла объяснить такое поведение ошибкой или недоразумением. Это можно было объяснить лишь глубокой переменной чувств. Ее негодование было бы еще сильнее, не стань она свидетелем того смущения, которое, казалось, говорило о его осознании собственного проступка, и помешало ей поверить, что он настолько беспринципен, что с самого начала лишь играл чувствами ее сестры, без какого-либо честного намерения, о котором следовало бы разузнать⁷⁴.

Уиллоби свершил серьезную нравственную ошибку. И природа этой ошибки совершенно ясна: он ввел Марианну в заблуждение, заставив ее поверить в его преданность; хотя он и не давал никаких явно выраженных обещаний, он вел себя таким образом, будто собирался это сделать. И его окружение, и сам Уиллоби знал, что активное ухаживание практически равносильно обязательству и что невыполнение обязательства представляет собой посягательство на честь. Невыполнение обещания может нанести и эмоциональный, и реальный ущерб, поскольку оно влияет на перспективы женщины найти другого поклонника. Самое интересное, что Уиллоби, совершая этот бесчестный поступок, был влюблен в Марианну. Совершенно очевидно, что не только чувства являются здесь источником матримониальных решений. В сущности, именно такой бесчувственной и расчетливой концепции брака противостояла Остин в своих произведениях. Более того, когда Уил-

---

⁷⁴ Остин Дж. Разум и чувство. Harmondsworth: Penguin Books, 1994 [1811]. С. 172 [Austen J. Sense and Sensibility. Harmondsworth: Penguin Books, 1994 [1811]. P. 172].

лоби отказывается публично разговаривать с Марианной и тем самым признать их романтическую связь, она страдает из-за перемены, произошедшей в его сердце в той же мере, как и из-за публично проявленного ею отсутствия сдержанности и благопристойности, кардинальных добродетелей, проповедуемых Элинор. Безответная любовь Марианны к Уиллоби и ее показное несоблюдение правил поведения приводят ее в отчаяние. Личное страдание обеспечивает нормативный ориентир, с помощью которого Марианна может оправдать свое страдание и тем самым объяснить его. Ее недостатки — не внутреннее, а внешние — связаны с ее поведением, а не с ее сущностью. Каким бы сокрушительным ни было ее разочарование, оно не ставит под сомнение ее самоощущение. Наконец, ее социальное окружение морально осуждает Уиллоби так яростно, что ее боль не принадлежит полностью только ей; она очевидна и ее разделяют другие. Принимая на себя бремя ее боли, они участвуют вместе с ней в четком нравственном устройстве общества. В этом смысле ее страдание имеет то, что философ Сьюзан Нейман называет «нравственной ясностью»⁷⁵.

В Нортенгерском аббатстве (1818 г.) Изабелла Торп разрывает помолвку с Джеймсом Морландом ради лучшей финансовой перспективы в лице капитана Фредерика Тилни. Пересказывая эту печальную историю, Морланд пишет письмо сестре Кэтрин и не выражает ни уныния, ни гнева, лишь облегчение: «Слава Богу! Как вовремя я все увидел в истинном свете!». И он даже искренне сожалеет о том, что брат Изабеллы, Джон Торп, почувствует, узнав о поведении его сестры. «Бедняга Торп в городе: боюсь даже взглянуть на него; его честное сердце так чувствительно»⁷⁶. В реакции Морланда явно нет глубокой боли и страдания. В сущности, единственными ясно выраженными чувствами, которые он испытывает,

⁷⁵ Нейман С. Нравственная ясность: Руководство для взрослых идеалистов. London: Bodley Head Adults, 2009 [Neiman S. Moral Clarity: A Guide for Grown-Up Idealists. London: Bodley Head Adults, 2009].

⁷⁶ Остин Дж. Нортенгерское аббатство. Chenango Forks, NY: Wild Jot Press, 2009 [1818]. С. 125 [Austen J. Northanger Abbey. Chenango Forks, NY: Wild Jot Press, 2009 [1818]. P. 125].

являются сочувствие и сопереживание брату Изабеллы. Такое сочувствие обусловлено осознанием того, что Изабелла нарушила кодекс чести, признаваемый и разделяемый им самим, ее братом и всей их социальной средой. Нарушение брачного обещания ради лучшей финансовой перспективы является *публичным* актом, подотчетным множеству других, нарушением нравственного кодекса чести. Сочувствие Морланда также обусловлено пониманием того, что соблюдение этих кодексов одинаково важно для статуса, как и личные предпочтения. Поскольку поступок Изабеллы позорит ее имя и имя ее брата, Морланд может сопереживать Торпу, так как его сестра причинила ему самый *настоящий*, а не воображаемый вред. Как и в случае с Уиллоби, позор здесь явно связан с нарушающими свои обещания, а не с брошенными людьми, Марианной или Морландом. Напротив, текст позволяет нам предположить, что Морланд укрепляется в своем чувстве нравственной безупречности, в то время как Торп даже становится (своеобразной) жертвой нарушения обещания своей сестры. Цитируя рассуждения Макинтайра о Гомеровском обществе, на вопросы о том, «что делать и как судить»,

не трудно ответить, кроме исключительных случаев. Ибо данные правила, определяющие место человека в обществе, а вместе с ним и его идентичность, предписывают также, что он должен и что ему должны, и как следует с ним обращаться и относиться к нему, если он потерпит неудачу, и как он должен обращаться с другими и относиться к ним, если они обманут ожидания⁷⁷.

В этом порядке, если не оправдавшие надежд романтические отношения порождают психическое страдание, оно всегда смешивается с праведным гневом и ощущением социальной неуместности, тем самым предполагая, что вина и ответственность четко установлены, и установлены они за пределами личности.

---

⁷⁷ Макинтайр А. После добродетели: Исследование теории морали. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. С. 123 [MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. P. 123].

«Покинутая женщина» (*La Femme Abandonnée*) Оноре де Бальзака (1833 г.) представляет собой еще одну интересную иллюстрацию того, как в XIX в. устанавливалась вина в случаях отказа от притязаний на брак. Виконтесса де Босеан, замужняя женщина, завела любовника, который впоследствии бросил ее. Муж виконтессы, узнав об этом романе, отказался от нее, но поскольку развод был неприемлем, она отправилась в изгнание во французскую провинцию. Этот роман предлагает, пожалуй, одно из самых богатых и подробных описаний того, что означало быть покинутой женщиной из высших слоев среднего класса во Франции XIX в. Но для нашего обсуждения интересно то, что история описывает ее позор с социальной точки зрения, не зависящей от ее самоощущения. Наоборот, смысл романа как раз в том, чтобы показать, что, несмотря на остракизм общества, эта женщина проявляет безупречный и незаурядный характер: именно нормы ее окружения ответственны за обездоленность, которая по существу является социальной, но не имеет отношения к ее чувству собственного достоинства. Герои и героини романов XVIII и XIX вв. могут переживать много страданий, будучи брошенными, но эти страдания всегда организованы в рамках системы нравственных ценностей, которой присуще четкое распределение вины. Вот как Бальзак описывает самые страстные желания виконтессы де Босеан в ее состоянии «покинутости»: «Полное отпущение грехов, искреннее сочувствие, уважение общества, столь долго ожидаемое и так жестоко отвергнутое»⁷⁸. Все ее стремления были направлены на то, чтобы реабилитироваться в глазах ее социального окружения. Совершенно очевидно, что именно деспотичные и подавляющие нормы ее социального окружения ответственны за удаление этой женщины из общества.

В романе «Дама с камелиями» (*La Dame aux Camélias*), написанном Александра Дюма в 1848 г., Маргарита, «содержанка» высших слоев французского общества, сильно страдает, вынужденная расстаться со своим любовником Арманом под

⁷⁸ Бальзак О. Покинутая женщина [Balzac H. *La Femme Abandonnée*, Project Gutenberg // http://www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=1630285&pageno=15

давлением его отца. Но опять же именно нормы, жертвами которых являются она и ее любовник, ответственны за то, что он покинул ее. Даже несмотря на то, что Маргарита — «содержанка», в романе четко изобличены жестокие социальные нормы, мешающие ей быть любимой Арманом, а не ее внутренний мир, представленный, напротив, незаурядным и благородным. На протяжении всего романа она проявляет себя женщиной, вызывающей восхищение, и именно ее способность страдать из-за ухода любовника раскрывает читателю и главным действующим лицам романа глубину и силу ее характера. Способность героев страдать, столкнувшись с безответной, неразделенной или невозможной любовью указывает на силу и глубину их характера именно потому, что источником этих страданий является тот факт, что они не в состоянии изменить свою социальную участь, свое положение и статус.

Поразительные изменения мы можем наблюдать в современных отношениях, т.е. в историях о брошенных людях. Действительно, современные истории о предательстве или брошенных любовниках полностью лишены «нравственной ясности» и вместо этого указывают на значительные преобразования нравственной структуры вины и вызванных ею чувств.

Примеры, тщательно собранные на интернет-сайтах, посвященных разрыву отношений, прямо подтверждают это. Первая история, найденная на одном медицинском/психологическом сайте, гласит:

Я недавно рассталась с парнем, с которым встречалась 3 года. Я обнаружила, что он все время лгал и воровал. Он дошел до того, что украл кольцо для помолвки, принадлежащее другу моей матери, а потом, когда я нашла его, он подарил его мне и сделал предложение. Когда я выяснила, что кольцо украдено, я очень расстроилась, мне было больно от того, что он так лгал мне и моей семье... Стоит ли *возвращаться* в эти отношения, если он получит необходимую психологическую помощь? Я не хочу оставаться одна, но я знаю, что поспешный скачок в другие отношения только ухудшит ситуацию⁷⁹.

---

⁷⁹ <http://www.medhelp.org/posts/show/670415> (дата последнего обращения: 14.10.2011).

Очевидно, что эта история определяется ясным пониманием того, что воровство, ложь и обман являются нравственно противоправными деяниями. Однако не менее очевидно то, что нравственное значение их отношений сомнительно, ибо его нравственные недостатки не влекут за собой какого-либо четкого плана действий или, если уж на то пошло, никакого внятного осуждения. Это подтверждается тем фактом, что эта женщина рассматривает нравственно-недостойное поведение своего парня как медицинскую проблему, что, в свою очередь, мешает ей адекватно реагировать на него. Она не только не высказывает никакого нравственного осуждения человеку, предавшему ее, но использует интернет, прежде всего, как способ попросить нравственного совета у других, не зная как ей самой оценить моральную значимость своей истории.

Такая неуверенность в себе и сопутствующая ей необходимость получать советы от анонимного сообщества интернет-пользователей коренится во внутренней организации личности и ее положении в современных отношениях, положении, в котором личность испытывает трудности в оценке нравственного значения поведения своего партнера и, что более важно, в котором личность призвана чувствовать себя причастной к его недостаткам.

Трудность в изложении моральной точки зрения при оценке этой ситуации становится более острой и ясной, когда не нарушается никакая правовая норма (например, воровство). По сути, это все равно, что бремя моральной ответственности переложить на человека, которого оскорбляют. Шира, красноречивая и привлекательная 27-летняя выпускница университета, с которой мы познакомились выше, рассказывает следующее:

Когда я рассталась со своим бывшим парнем, я чувствовала, что со мной что-то не так; это ощущение осталось и сегодня; но тогда оно было намного сильнее; тогда я чувствовала себя ужасным человеком; я вообще не верила в себя. Но за прошедший год я проделала огромную работу над собой, чем очень горжусь. Это был целый процесс.

Корр.: Вы можете объяснить мне, что значит не верить в себя?

Шира: Это отвратительное переживание; когда это случилось, я почувствовала, что для меня наступил самый настоящий конец света, конец моей жизни; не скажу, что я задумалась о самоубийстве, но я чувствовала, что мне незачем жить; я чувствовала, что исчезла единственная причина, ради которой стоит оставаться на этом свете.

Корр.: И как долго длилось это ощущение?

Шира: Около семи месяцев; это продолжалось, пока я не отправилась в Индию; да, этот ужасный кошмар продолжался около семи месяцев.

Корр.: Ужасный кошмар.

Шира: Жуткий кошмар. *Такое чувство, словно ты ничто, и ты ожидаешь услышать от него хоть одно слово, чтобы снова, хоть на мгновение, почувствовать себя хорошо; мне было просто необходимо услышать, что он все еще любит меня, что я не такой ужасный человек.* В то время я тысячу раз спрашивала у него, что произошло и почему это произошло; я была одержима этими вопросами; я из тех людей, которым нужно понять ситуацию, и я не могла принять тот факт, что не понимаю, почему все так закончилось (курсив мой. — Автор).

В книге «1001 ночь без секса» (в оригинале «*The Curse Of The Singles Table*») Сюзанна Шлосберг повествует об отношениях с мужчиной, длившихся около трех лет. Когда становится очевидным, что он не намерен жениться на ней, жить с ней и иметь детей, она решает порвать с ним.

Скоро я обнаружила, что впадаю в легкое самобичевание... Конечно, у него были моменты слабости, но кто сказал, что я идеальна? Возможно, все, что нам было нужно, лишь чуть больше времени. Может, я бы придумала, как это все исправить. Возможно, *если бы я не была такой требовательной, такой нетерпеливой, такой мелочной.* Видимо... это я во всем виновата!⁸⁰

Пожалуй, один из лучших примеров подобного самобичевания можно найти в колонке «Современная любовь» в Нью-Йорк Таймс, посвященной трудностям переезда и переселения в Сан-Франциско. Автор, одинокая женщина, размышляет:

---

⁸⁰ Шлосберг С. 1001 ночь без секса. NY: Warner Books, 2004. С. 55 [Schlosberg S. The Curse of the Singles Table: The True Story of 1001 Nights without Sex. New York: Warner Books, 2004. P. 55].

«Я не могла не возвращаться к одному и тому же вопросу, как бы я ни ненавидела себя за то, что задаю его: если бы я стояла любви, разве не было бы рядом со мной мужчины?»⁸¹. Классическую иллюстрацию к этой теме можно увидеть в международном бестселлере «Дневник Бриджит Джонс», в котором Бриджит утверждает:

Когда кто-то покидает вас, кроме того, что вы скучаете по нему, кроме того, что рушится весь тот маленький мир, который вы создали вместе, и все-все вокруг напоминает вам о нем, самое худшее — это осознание того, что тот, кого ты любишь, просто детально испытывал тебя, и, в конце концов, подведя итог, поставил штамп БРАК⁸².

Если мы сравним эти современные истории с романами Джейн Остин, различия будут очевидны и поразительны: именно человек, которого бросили, чувствует себя ущемленным и даже виноватым. В этих современных рассказах под серьезной угрозой находится основополагающее чувство уверенности покинутого человека в себе. Вместо нравственного осуждения эти женщины прямо связывают уход своего парня с собой и с чувством собственной неполноценности. Именно самоощущение Ширы становится главным объектом драматического разрыва отношений и ухода любимого. Состояние брошенности, которое она переживает, воспринимается ею как указание на присущую ей, хотя и непостижимую, неполноценность. Но такой опыт, переживаемый ею как психологический и личный, является, прежде всего, социальным, поскольку ее ощущение собственной никчемности связано, главным образом, с рядом причин, которыми она объясняет себе его уход⁸³,

⁸¹ Рассел Т. В одиночестве, когда кусают клопы // New York Times. November 21, 2010 [Russell T. Alone When the Bedbugs Bite // New York Times. November 21, 2010].

⁸² Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. London: Thorndike Press, 1998. С. 167–168 [Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Thorndike Press, 1998. P. 167–168].

⁸³ Сравните А. Хоннет и А. Маргалит «Признание» [A. Honneth and A. Margalit «Recognition» // Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 75. 2001. P. 111–139].

и прежде всего связано с тем фактом, что она не использует никаких нравственных формулировок, чтобы осмыслить или осудить поведение мужчины.

На первый взгляд, причина такого отсутствия нравственных формулировок может показаться обманчиво очевидной: современные интимные отношения основаны на договорной свободе, и такая свобода исключает возможность возложить на кого-то моральную ответственность за уход. Но это объяснение не может дать удовлетворительного объяснения рассказам Ширы или Бриджит, поскольку суть их историй заключается в том, что они чувствуют себя ответственными за то, что их бросили, и, следовательно, недостойными. Именно эта подразумеваемая цепочка причин и следствий формирует структуру этих историй и требует прояснения. Такая цепочка является наглядным примером того, что Маркс и Энгельс называют «ложным сознанием», которое мы можем охарактеризовать тем, что субъект не способен осознать и сформулировать природу и причины своего (социального) страдания и что, пытаясь с этим смириться, он использует чужую — в наших примерах мужскую — точку зрения в ущерб себе. (В наших историях женщина обвиняет себя в том, что ее бросили.) Но в приведенных выше рассказах сам факт того, что точка зрения мужчин так легко сокрушает точку зрения женщин, требует некоторого объяснения. Тавтологично просто предположить, что именно мировоззрение делает это. Ложное сознание само по себе не может быть объяснением, а скорее экспланандумом, тем, что должно быть объяснено. Что из себя представляет механизм, с помощью которого мы приходим к принятию чужой точки зрения и защищаем чужие интересы? Чтобы понять силу и эффективность ложного сознания, мы должны разоблачить его механику, его основные элементы и выявить способы, которыми оно соединяет психическое с социальным. Я утверждаю, что такое ложное сознание — чувство ответственности за то, что тебя покинули, — объясняется тем, что некоторые особенности нравственной вселенной женщин переплетаются с властью мужчин, т. е. со структурой признания в романтических отношениях (и, по всей вероятности,

в рамках модернизма вообще); тем, что идеал независимости мешает признанию и действует в рамках принципиально неравной структуры распределения независимости; и тем, что психологические способы объяснения формируют представления о себе и об ответственности. Я бы предложила парадоксальное утверждение, что не *отсутствие* нравственных принципов в романтических отношениях, а скорее *сами* нравственные свойства современной любви, сформированные противоречиями между императивом независимости и признанием, объясняют, как и почему структура нравственной вины радикально изменилась.

Нравственная структура самобичевания

Основная причина преобразования нравственной структуры вины связана с тем фактом, что противоречие между признанием и независимостью, в общем и целом, устранено с помощью повышенного внимания к независимости посредством терапевтических способов самоконтроля. В терапевтической культуре независимость приобретает тогда, когда субъект способен понять, насколько его прошлое определяет его настоящее. Это, в свою очередь, подразумевает объяснительную модель, в которой неудачи должны рассматриваться как проявления и даже вторжения травмирующих или неразрешенных событий прошлого, которые субъект призван осознать и контролировать. Значительная часть психологических советов утверждает, что если ощущение брошенности, пренебрежение или отстраненность любовников (или угроза этого) причиняют так много боли, то это потому, что обеспокоенный человек имел травмирующий детский опыт, в котором он испытал (реальный или воображаемый) отказ, пренебрежение или отстраненность. Таким образом, даже если терапия и не ставит своей целью возложить на субъектов ответственность за их неудачи, на практике она требует, чтобы они находили причины этих неудач в собственном прошлом и в своем отказе решать личные проблемы с помощью самоанализа и самопознания. Утверждая, что мы всегда являемся

добровольными, но слепыми пособниками своей судьбы, терапия возлагает на личность некоторую степень ответственности за свои неудачи и за отказ от любых форм зависимости. В то время как для социологов зависимость является неизбежным следствием того факта, что мы являемся социальными существами и, следовательно, не патологическим состоянием, по мнению психологов, зависимость должна быть устранена, а выбор «эмоционально недоступных» партнеров всегда указывает на неполноценность того, кто делает выбор. Например:

Чуть более двух с половиной лет назад ко мне вдруг пришло осознание того, что я не только люблю Мистера Недоступность (эмоционально недоступного мужчину), но и боюсь обязательств, что *незаметно для меня разрушает все мои отношения*. Я поделилась своими идеями с окружающими и до сих пор изумлена количеством женщин, похожих на меня (курсив мой. — Автор)⁸⁴.

Или:

Мне потребовалась «уйма времени, чтобы перестать винить мужчин и начать брать на себя ответственность за мою низкую самооценку и за то, как это отражается на моем выборе мужчин (курсив мой. — Автор)⁸⁵.

Вот и Ирэн, процитированная ранее, снявшая со счетов все свои сбережения, чтобы присоединиться к своему парню, только чтобы обнаружить, что он к ней остыл, объясняет, почему она чувствовала себя влюбленной в него даже после того, как они расстались.

Корр.: Вы можете это объяснить?

Ирэн: [*Долго молчит*] Я знаю, это противоречит здравому смыслу, но в глубине души я чувствовала, что это моя вина. Что я, должно быть, сделала что-то, что заставило его убежать от меня.

---

⁸⁴ <http://www.naughtygirl.typepad.com/> (дата последнего обращения: 14.10.2011).

⁸⁵ <http://www.helium.com/items/477586-ways-to-avoid-emotionallyunavailable-men> (дата последнего обращения: 14.10.2011).

Корр.: И что же?

Ирэн: Например, слишком любила его, и была слишком доступна. Я не знаю. Понимаете, мое гребаное детство испортило мне жизнь. [Смеется]

В культурном отношении эти женщины вынуждены брать на себя вину (преподносимую как «ответственность») за то, что они пытаются строить отношения с труднодоступными мужчинами, и еще обвиняют себя в «слишком большой любви». Здесь формируется косвенное психологическое представление о том, что личность ответственна за неправильный выбор и за то, что она действительно нуждается в заведомо социальной основе признания и ценности. Давайте рассмотрим еще одно интервью с 31-летней Ольгой, которая работает в рекламе:

Корр.: Можете ли вы сказать, что находите трудным в своих отношениях с мужчинами?

Ольга: Да, с легкостью могу сказать, что я никогда не знаю, как себя вести. Если вы слишком деликатны, вы боитесь выглядеть отчаявшейся; если вы спокойны, вы говорите себе, что недостаточно поощряли его. Но знаете, по природе своей я склонна быть милой, показывать парню, что я хочу его, но так или иначе я всегда чувствую, что именно это и отпугивает.

В некоторых направлениях теории психоанализа идеальная личность должна быть способной сочетать независимость и преданность, но популярная версия терапии — та, которая советовала «слишком сильно любящим женщинам» любить меньше и обещала силу «самоуважения» и «самоутверждения» — сделала независимость центром личности и межличностных отношений. Терапевтическое убеждение называет главную трудность модернизма — иметь устойчивое чувство собственного достоинства, призывая участников, особенно женщин, формировать любовь к себе и, что еще хуже, осознать неуместным любить так, как женщин обычно учат любить, т. е. открыто проявляя заботу. Ценность рассматривается в основном как внутренняя проблема личности, а не как проблема признания, которое по определению не может быть порождено

самим собой. Таким образом, тема «любви к себе» значительно усиливает тему независимости и еще больше запутывает личность, провоцируя ее нести бремя неудач любви. Именно эта моральная и культурная структура объясняет коренное преобразование структуры вины, ответственности и подотчетности, произошедшее в современных отношениях. Рассматривая вопрос о том, как справиться с тревогой и неуверенностью, присутщими процессу поиска, многие советы популярной психологии, таким образом, странно похожи на советы, предоставленные чрезвычайно популярными «Правилами» (*The Rules*): «Поухаживайте за собой, примите ванну с пеной и похвалите себя, подбадривая приятными словами: “Я красивая женщина. И я самодостаточна”»⁸⁶. Или советы из интернет-форума:

Общей предпосылкой для всех этих типов всепоглощающей любви или любовной зависимости является... низкая самооценка. Как только мы поймем, что мы всегда «в безопасности», будь мы одни или в паре, *не будет никакой необходимости искать признания у окружающих*. Мы можем хвалить себя, любить и ценить, взаимодействовать с окружающими и заботиться о них, будучи цельной гармонично развитой личностью. Эмоциональный голод нельзя утолить с помощью других. Романтическая иллюзия — это мечта совершенного человека, и она, конечно же, не существует, разве что в сказках. Любовь, как ни странно, это не то, что мы получаем извне (курсив мой. — Автор)⁸⁷.

Такой совет — заменить любовь любовью к самому себе — отрицает фундаментальную и, по существу, социальную природу собственного достоинства. Он требует от личности создать то, что она не может создать сама. Современная навязчивая идея и наставление «любить себя» — это попытка с помощью независимости удовлетворить текущую потребность в признании, которое может быть даровано только признанием

---

⁸⁶ <http://www.therulesbook.com/rule10.html> (дата последнего обращения: 13.10.2010 (больше не доступен онлайн)).

⁸⁷ http://www.simplysolo.com/relationships/love_strategies.html (дата последнего обращения: 14.10.2011).

своей зависимости от других. Психологические методы объяснения, в конечном счете, поощряют самообвинение.

Некоторые люди хотят понять, почему: почему они сомневаются в себе? Почему их самооценка подорвана? Почему так больно, когда тебя бросают, когда отвергают, когда унижает друг? Как возникла эта уязвимость? Чем она вызвана? Почему это продолжается?

Простой ответ — «неразрешенная проблема брошенности», но, чтобы действительно понять причины и основания, мы должны вернуться — обратно вернуться к первобытному страху быть покинутым...

Когда, будучи взрослыми, мы чувствуем, что чья-то любовь или благожелательное отношение ускользает, начинают вырываться наружу наши самые примитивные сомнения в себе. Глубочайший страх, что кто-то может оставить нас и никогда не вернуться, появляется в наших глазах. И этот страх осложняется тем, что он связан с нашим чувством собственного достоинства. По мере того, как человек отдаляется от нас, мы теряем способность внушить ему желание остаться с нами.

Мы чувствуем себя так, словно переживаем самый страшный кошмар, будто нас бросают, потому что мы недостойны. Таким образом, подобные эпизоды, когда друг пренебрегает тобой, учитель игнорирует, начальник не замечает, а любовник отвергает, способны подорвать самооценку и внушить неуверенность в себе.

Восстановление поврежденной самооценки брошенного человека от накопленных ран, гноившихся с детства, начинается с понимания динамики случившегося. *Но это только начало, и есть инструменты (которые являются объектом исследования моих книг), чтобы восстановить самооценку, которая неуязвима и которую никто и никогда больше не сможет у вас отнять*⁸⁸ (курсив мой. — Автор).

Этот психолог правильно понимает, что самооценка играет главную роль в процессе разрыва отношений, но она вскользь объясняет это тем, что основной причиной потребности личности в признании окружающих и в неспособности это признание получить является ее ущербное развитие. В самом деле, потребность в оценке окружающих всегда сводится

⁸⁸ Андерсон. С. Откуда взялась моя неуверенность в себе? [Anderson S. Where Did My Self-Doubt Come From? // <http://susanandersonlcs.w.wordpress.com/tag/self-esteem> (дата последнего обращения: 14.10.2011)].

к отсутствию самоуважения, тем самым замалчивая необходимость признания и заставляя личность быть ответственной за свою неспособность справиться с противоречием между независимостью и признанием. Переход от вины к самобичеванию таков, что даже отсутствие отношений считается признаком незрелой или глубоко ущербной психики. На одном из израильских интернет-сайтов одинокая женщина пишет:

В глубине души я знаю, что это моя вина. Проблема в том, что я до сих пор не знаю, что же я сделала. Порой мне кажется, что я сделала недостаточно. Иногда, я боюсь, что сделала слишком много. В любом случае, что-то со мной неладно. И что бы это ни было, это моя вина. По крайней мере, кажется, именно на это намекает вселенная. Не во всеуслышание, конечно, не прямо. Но когда вам 31 год и вы все еще одиноки, вокруг вас формируется негласное единодушное мнение, предполагающее, что вся проблема в вас. И знаете, что? Я начинаю верить в то, что, возможно, так и есть.

Так что давайте сразу согласимся, что я виновата. Я согласна с приговором. Я склоняю голову и заявляю, что готова и хочу измениться — если только кто-нибудь, черт возьми, скажет мне, что именно нужно изменить и как. Потому что, если вы меня спросите, я уже перепробовала все методы, известные современным людям. Я съела слишком много плохих пирожных на свиданиях, выпила слишком много виски в барах для знакомств, вела слишком много остроумных разговоров в Интернете, передержала слишком много влажных рук в эзотерических кружках и так ничего и не добилась. Так что, пожалуйста. Я предлагаю вам поделиться со мной своими предложениями, поскольку, честно говоря, мои идеи закончились.

Да, я злюсь. И у меня есть на это веские причины. Довольно долгое время я стойко и благородно переносила свое одиночество. С высоко поднятой головой я продолжала сохранять оптимизм, достоинство и терпение. Я доказала, что способна любить себя. Любить мир и вообще любить. Я научилась быть более свободной, сдерживать себя и вновь обретать свободу, и теперь я в полной растерянности. Я хочу — нет, я требую — любви. Позвольте мне вернуться домой с мужчиной не для галочки, не для того, чтобы потешить мое самолюбие, а ради утешения сердца, пребывавшего в глубокой заморозке в течение многих лет. Просто дайте уже мне эту любовь, ради всего святого, потому что уж слишком долго я ожидала

в длиннющей очереди, и сейчас самое время однозначно заявить: теперь настал мой черед⁸⁹.

Структура этого самообвинения связана с тем, как прерогатива независимости распределяется среди обоих полов. Поскольку самооценка женщин наиболее тесно связана с любовью, поскольку они являются главной мишенью психологических советов и поскольку пользование этими психологическими советами является расширением их активности в процессе самоконтроля и контроля над отношениями, они также, скорее всего, усвоили структуру этого совета, а именно, что быть брошенными или просто одинокими указывает на неполноценность личности, замышляющей свое собственное поражение. Я бы предположила, что интенсивность самобичевания различна у мужчин и женщин — или, другими словами, что противоречие между признанием и независимостью в культурном отношении осуществляется языком терапии, которая по-разному описывает положения мужчин и женщин и их отношения.

Сомнение, которое ведет к уверенности, могло бы быть метафорой для мужчины, владеющего собой, но сомнение в себе, которое я описала, является женской метафорой, указывающей на субъективность, захваченную в ловушку противоречий между независимостью и признанием, и которой не хватает ясной и сильной социальной опоры для создания чувства собственного достоинства. Это отражается в одном из самых поразительных выводов моего исследования, что женщины и лишь в гораздо меньшей степени мужчины, часто считают себя ответственными за свои романтические трудности и неудачи. То, что мужчина диктует свои правила в процессе управления признанием — инициирует его и контролирует его поток — также проявляется и в том, что он считает себя гораздо менее ответственным за успехи или неудачи в отношениях. Вот, например, Сай, 52 года, успешный профессионал, разведен, имеет целый ряд моногамных отношений:

---

⁸⁹ <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3320096,00.html> (дата последнего обращения: 14.10.2011).

Корр.: У меня есть вопрос, который немного отличается от того, что мы обсуждали сейчас: случалось ли когда-нибудь с вами... бывает ли так, что вы сомневаетесь в себе? Достаточно ли я привлекателен /притягателен во всем, что касается любовных отношений? Достаточно ли я хорош? Нечто подобное... бывали ли у вас когда-нибудь такие сомнения?

Сай: Нет, никогда.

Корр.: Никогда?

Сай: Никогда.

Корр.: Вы имеете в виду, что всегда чувствуете себя желанным?

Сай: Да.

Корр.: Вы всегда ощущаете себя успешным?

Сай: Да.

Корр.: С женщинами, я имею в виду?

Сай: Да. Да.

Корр.: И вы всегда чувствовали, что женщины хотят вас больше, чем вы их?

Сай: Да. Безусловно. Ну, может, пару раз мне не повезло с женщинами, которые не хотели меня. Я помню два таких случая, но это не главное.

Корр.: Иначе говоря, общая картина выглядит так, что парадом командуете вы.

Сай: По крайней мере, последние двадцать два года.

Корр.: Итак, скажем, если вам понравилась какая-нибудь женщина, то, исходя из вашего опыта, вы с большой вероятностью сможете ее получить.

Сай: Нет, это не совсем верно, я бы так не сказал, но женщины всегда хотели меня больше, чем я хотел их. Я имею в виду конкретных женщин, которых хотел я... Как-то раз одна женщина брала у меня интервью, и, когда она попросила меня об этом, я заинтересовался ей, обратив внимание, что она умна. После интервью я позвонил ей и спросил, свободна ли она, и признался в том, что она мне очень нравится. Она ответила, что я ей тоже симпатичен, но в данный момент она не готова к отношениям. Такое случилось со мной однажды, но я не воспринял это как отказ.

Безусловно, я не утверждаю, что это интервью иллюстрирует опыт всех мужчин, однако оно поясняет, что значит контролировать сексуальное поле, ситуацию, характерную для некоторых мужчин и некоторых женщин, но для мужчин, не-

сомненно, больше. Процесс признания не только разделен по признаку пола, он фактически может выражать коренные социальные различия между мужчинами и женщинами. Ибо в противоположность гегелевской диалектике господина и раба, в которой господин может быть по-настоящему признан только независимым рабом, мужчины нуждаются в признании женщин меньше, чем женщины нуждаются в признании мужчин. Это потому, что даже в оспариваемом патриархате и мужчины, и женщины нуждаются в признании других мужчин.

Заключение

Размышляя о последствиях картезианского сомнения для модернизма, Ханна Arendt предполагает, что «конечно же, не способности, подлинность или вера были утрачены в эпоху модернизма и не сопутствующее им неизбежное доказательство чувств и оснований, а *уверенность*, которая прежде была неотъемлемой»⁹⁰ (курсив мой. — Автор). Точно так же мы можем предположить, что в современном переживании романтического страдания была утрачена онтологическая безопасность, обусловленная организацией процесса ухаживания в нравственной экологии выбора, взятием обязательств и ритуалом, а также вовлеченностью самооценки в социальную структуру общества. Онтологическая неуверенность, сопровождающая романтические страдания, распределена неравномерно.

Поскольку императив независимости преобладает над императивом признания, женщины в эпоху гипермодернизма живут в режиме далеко не картезианских сомнений по отношению к себе, без каких-либо нравственных принципов для формирования уверенности. Иначе говоря, в то время как картезианская неуверенность в себе мужчин, в конечном счете, ведет к утверждению их положения, знаний и чувств в мире, тот вид неуверенности, который был сформирован терапевтической культурой независимости и любви к себе, подрывает онтологическую основу личности.

---

⁹⁰ Arendt H. Ситуация человека / *Vita activa*, или *О деятельной жизни*. NY: Doubleday Anchor Books, 1959. С. 252 [Arendt H. *The Human Condition*. New York: Doubleday Anchor Books, 1959. P. 252].

Глава 5

Любовь, Разум, Ирония⁹¹

По моему опыту, поэзия либо сразу находит отклик в вашей душе, либо не находит его никогда. Вспышка откровения и ответная вспышка. Словно молния. Как любовь с первого взгляда...

Любовь. Влюбляются ли еще молодые, или этот механизм уже устарел, стал ненужным, нелепым, как паровоз? <...> Единственное, что он знал, влюбленность могла сто раз выйти из моды и снова в нее войти.

Д. М. Кутзее «Бесчестье» (Disgrace)⁹²

Стюарт попросил меня достать полтинник из его бумажника, откуда выпала фотография, я взглянула на нее и спросила: «Стюарт, кто это?». Он говорит: «О, это Джиллиан». Его первая жена... В бумажнике, через два, нет, три года после свадьбы...

«Стюарт, ты ничего не хочешь мне об этом рассказать?» — спрашиваю я.

«Нет», — говорит он.

«Уверен?»

«Да, — отвечает он, — я же говорю, это Джиллиан.» Он берет фотографию и кладет ее обратно в бумажник.

Естественно, я записала нас к семейному психологу.

Прием длился около восемнадцати минут. Я объяснила, что в основном моя проблема со Стюартом состоит в том, я не могу

---

⁹¹ Раздел этой главы, касающийся интернета, основан на моей статье, написанной вместе с Шошанной Финкельман: «Странный и неизбежный союз: эмоции и рациональность в выборе партнера» (*An Odd and Inescapable Couple: Emotion and Rationality in Partner Selection; Theory & Society*, 38(4) (2009), 401-22).

⁹² *Кутзее Д. М. Бесчестье. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. С. 13 [Coe-tzee J. M. Disgrace. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. P. 13].*

заставить его говорить о наших проблемах. А Стюарт в ответ: «Это потому, что у нас нет никаких проблем». «Вот видите!?» — говорю я (психологу).

Джулиан Барнс «Любовь и т. д.» (Love, etc.)⁹³

Размышляя и описывая влияние французской революции на общественные нравы, Эдмунд Берк задумался о том, что ждет человечество:

Все приятные иллюзии, делающие власть великодушной, а послушание либеральным, гармонизирующим различные нюансы жизни... должны быть развеяны этой новой торжествующей империей света и разума. Все благопристойное убранство жизни должно быть грубо сорвано. Все супер-идеи, которыми владеет сердце, а разум считает необходимыми, чтобы прикрыть дефекты нашей слабой, дрожащей натуры и сделать ее достойной в наших собственных глазах, все эти идеи должны быть уничтожены как смешная, абсурдная и устаревшая мода⁹⁴.

Берк предвидел то, что станет одним из главных источников динамизма и недовольства в эпоху модернизма, а именно тот факт, что вера — в трансцендентность и власть — должна стать подотчетной разуму. Но, по мнению Берка, «империя света и разума» не только не предвещает прогресса в нашем положении, но и подвергает нас истинам, которых мы не можем вынести. Ибо, говорит Берк, по мере того, как власть ослабеет, наши иллюзии тоже развеются, и эта новая нагота сделает нас чрезвычайно уязвимыми, обнажая и обличая как перед нами самим, так и перед окружающим истинное уродство нашего состояния. Исследование общественных отношений неумолимым взором разума может только сорвать гармоничный покров смыслов, на котором покоятся традиционная

⁹³ Барнс Дж. Любовь и т. д. NY: Alfred A. Knopf, 2011. С. 115 [Barnes J. Love, etc. New York: Alfred A. Knopf, 2011. P. 115].

⁹⁴ Цит. по: Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. London: Verso, 1983. С. 109 [Berman M. All That is Solid Melts into Air. London: Verso, 1983. P. 109].

власть, повиновение и верность. Чтобы вынести все, человеческое существование требует малую толику мифа, иллюзии и лжи. Только ложь и иллюзии могут скрасить жестокость социальных отношений. Иными словами, неутомимые попытки разума разоблачить и выявить обманчивость наших убеждений заставят нас дрожать от холода, поскольку лишь красивые истории — а не правда — могут утешить нас. Берк прав: может ли разум придать смысл нашей жизни — *это* фундаментальный вопрос модернизма.

Маркс, главный наследник и защитник Просвещения, странным образом соглашается с ультраконсервативными взглядами Берка в его знаменитом изречении: «Все застывшее и застойное тает в воздухе, все святое отдано на поругание, и люди, наконец, вынуждены трезво взглянуть в лицо реальным условиям своей жизни и своим отношениям с ближними»⁹⁵. Маркс, подобно Берку, рассматривает модернизм как насильственное пробуждение от приятного, хотя и отупляющего сна, и столкновение с незащищенными, неприкрашенными и бесплодными условиями социальных отношений. Это отрезвляющее осознание может сделать нас более бдительными и менее склонными к убаюкиванию причудливыми и пустыми обещаниями Церкви и аристократии, но также оно опустошает нашу жизнь, лишая ее очарования, тайны и ощущения святости. Знание и разум достигаются ценой осквернения того, что мы когда-то почитали. Таким образом, Маркс, как и Берк, похоже считает, что культурные фантазии — а не истина — делают нашу жизнь осмысленно связанной с другими людьми и направленной на высшее благо. Хотя Маркс не отвергал новую империю света и не стремился вернуться к канувшим в лету ритуалам прошлого, мы можем обнаружить у него тот же беркианский страх перед тем, что ждет человечество, в котором нет ничего святого и все отдано на поругание.

Совершенно очевидно, что не одобрение модернизма (прогресса, технологии, разума, экономического изобилия),

---

⁹⁵ Цит. по: Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. London: Verso, 1983. С. 95.

а именно противоречивое отношение к нему делает Маркса абсолютным модернистом. С самого начала модернизм одновременно вызывал тревогу и признание необычайной энергии, высвобождаемой разумом и иссушающей опасности, которую может повлечь за собой его работа. Разум сделал мир более предсказуемым и безопасным, но в то же время и более пустым. Однако когда современные люди объявили себя свободными от опиатов, затуманивавших разум и сознание, они затосковали по тому, от чего по гордому заявлению разума он их освободил, — по чувству святости и по самой способности верить. Торжествующий призыв разума к критическому разбору и анализу мифов и верований стал по-настоящему модернистским, когда он оказался неразрывно связан с щемящей тоской по сверхъестественному, в которое можно верить и влиянию которого можно поддаться. Модернизм определяется противоречивым отношением к узаконенным культурным корням и чувством страха перед силами, которым он может дать волю. Макс Вебер, как известно, придавал этой двойственности наиболее острый социологический пафос, с «разочарованием» глядя на модернизм. Разочарование подразумевает не только отсутствие в мире ангелов и демонов, ведьм и фей, но и то, что сама категория «тайны» становится и бессмысленной и рассматривается с пренебрежением. Ибо в своем стремлении контролировать мир природы и социальную жизнь различные современные научно-технические институты и рынок, нацеленные на решение человеческих проблем, облегчение страданий и повышение благосостояния, также растворяют наше благоговение перед природой, нашу способность верить и сохранять ощущение тайны. Призвание научной деятельности состоит в том, чтобы разгадывать и покорять тайны, а не находиться под их чарами. Подобным образом капиталисты, главным желанием которых является максимальное увеличение своих прибылей, часто игнорируют и ставят под сомнение религиозную или эстетическую сферы, которые ограничивают, отвергают или совершенно подрывают экономическую деятельность. Именно из-за того, что наука

и экономика значительно расширили границы нашего материального мира, помогая нам решить проблему дефицита, боги покинули нас. То, чем в более раннюю эпоху управляли вера, личная преданность и харизматичные герои, становится предметом знания, контроля и объектом вычислительных средств.

Это движение в сторону рационализации, однако, не устраняет всех проявлений страсти; скорее, по мнению Вебера, оно порождает попытки восстановить порядок переживания, в котором господствуют пыл и страсть, но лишь опосредованно и понемногу¹. В свете этого можно истолковать культ эмоций двадцатого века. Но там, где Вебер и другие понимали рационализацию как противопоставление эмоциям и противостояние им, я предполагаю, что задача социологического анализа состоит в том, чтобы понять рациональность и рационализацию не как культурную логику, противопоставленную эмоциональной жизни, а скорее как работу именно в сочетании с ней². Рациональность — это узаконенная культурная сила, которая пришла к перестройке эмоциональной жизни изнутри, т. е. изменила основные культурные сценарии, посредством которых эмоции понимаются и обсуждаются. В то время как романтическая любовь сохраняет уникальную эмоциональную и культурную власть над нашими желаниями и фантазиями, культурные сценарии и инструменты, доступные для ее создания, все больше противоречат сфере эротики и даже разрушают ее. Таким образом, в эмоциях любви задействованы, по меньшей мере, две культурные структуры: одна основана на мощной фантазии эротического самоотречения и эмоционального слияния; другая основана на рациональных моделях эмоциональной саморегуляции

---

¹ Скафф Л. А. Бегство из Железной клетки: Культура, политика и модернизм в размышлениях Макса Вебера. Berkeley: University of California Press, 1991 [Scaff L. A. Fleeing the Iron Cage: Culture, Politics, and Modernity in the Thought of Max Weber. Berkeley: University of California Press, 1991].

² Иллуз Е., Финкельман С. Странная и неразлучная пара: эмоции и рациональность в выборе партнера // Theory and Society. 38(4). 2009. P. 401–422 [Illouz E., Finkelman S. An Odd and Inseparable Couple: Emotion and Rationality in Partner Selection // Theory and Society. 38(4). 2009. P. 401–422].

и оптимального выбора. Эти рациональные модели поведения глубоко преобразовали структуру романтического желания, подрывая культурные ресурсы, благодаря которым исторически проявлялись страсть и эротизм.

Чарующая любовь

Вебер был не совсем точен в определении переживания «очарованности», но мы можем вывести его *от противоположного*, из того, что определяет разочарование. Очарованность опосредована мощными коллективными символами, которые дают ключ к чувству священного. Она основана на убеждениях и чувствах, которые вовлекают и мобилизуют всю личность целиком; эти убеждения и чувства не обрабатываются в когнитивных системах второго порядка и не являются рационально оправданными. Эти символы составляют и подавляют эмпирическую реальность верующего. В переживаниях очарованности нет сильного различия между субъектом и объектом. Таким образом, объект веры и сама вера имеют для верующего онтологический статус, который не ставится под сомнение. Можно сказать, что элементарные формы «чарующей» любви как культурного прототипа и феноменологического опыта напоминают следующую модель:

1. *Объект любви является священным.* Гийом де Лоррис, французский ученый, поэт, пик творчества которого пришелся на 1230 г., и автор первого раздела «Романа розы» (*Roman de la Rose*), средневековой поэмы, целью которой было научить искусству любви, представляет Даму, возлюбленную, как на пьедестале, как псевдо-божество, которому следует поклоняться. Такая риторика приверженности священному объекту возникла в куртуазной любви XII в., но была она и в XIX в. В письме к своей возлюбленной Эвелине Ханской Бальзак выражает желание поклоняться ей так, как не устроило бы современную эмоциональность: «Как бы мне хотелось провести день у ваших ног, положив голову вам на колени»³.

---

³ Любовные письма великих мужчин и женщин / Под ред. У. Дойл. Basingstoke: Pan Macmillan, 2010. С. 76 [Love Letters of Great Men and Women / U. Doyle (ed.). Basingstoke: Pan Macmillan, 2010. P. 76].

2. *Любовь невозможно оправдать или объяснить.* Стрела Купидона — древнейший символ любви, капризное и необоснованное чувство. По словам Гийома де Лорриса, как только стрела пронзила его тело и плоть, он так и не смог больше вынуть ее, как не смог перестать любить Даму своего сердца. Он не мог не любить. Любовь — это сила, подчиняющая себе. Рассмотрим, например, Гумберта Гумберта, впервые увидевшего Лолиту: «Необыкновенно трудно мне выразить с требуемой силой этот взрыв, эту дрожь, этот толчок страстного узнавания»⁴. Любовь здесь мгновенна, непреодолима, поскольку она рассматривается как акт физического узнавания, который обходит волю.

3. *Такое переживание переполняет эмпирическую реальность любящего.* В письме к своей жене Жозефине, написанном в 1796 г., будучи командующим французской армией в Италии, Наполеон писал: «Ни дня я не провел без любви к тебе; не было и ночи без твоих объятий; я не выпил и чашки чая, не проклиная гордость и честолюбие, которые заставляют меня оставаться в стороне от тебя, душа моя»⁵. Здесь любовь — это эмоция, которая всецело овладевает эмпирической реальностью любящего.

4. *Не существует различия между субъектом и объектом чарующей любви.* Объект любви нельзя отделить от ее субъекта, поскольку это переживание вовлекает и мобилизует всю личность целиком. Бетховен, писавший своей возлюбленной в 1812 г., выразился лаконично: «Мой ангел, мое все, мое собственное “я”»⁶.

5. *Объект любви уникален и несоизмерим.* Ромео, увидев Джульетту, заявляет: «Любило ль мое сердце до сих пор?»⁷ — подразумевая, что она единственная, кого он любил и будет любить всегда. Уникальность заключается в том, что возлюбленного никем нельзя заменить. Это также означает, что его или ее достоинства или недостатки невозможно измерить или сравнить с качествами других.

6. *Любящий человек забывает о своих собственных интересах, что является критерием любви к другому человеку.* На самом деле боль

---

⁴ Набоков В. Лолита. NY: Vintage, 1989 [1955]. С. 39 [Nabokov V. Lolita. New York: Vintage, 1989 [1955]. P. 39].

⁵ Любовные письма великих мужчин и женщин / Под ред. У. Дойл. Basingstoke: Pan Macmillan, 2010. С. 51 [Love Letters of Great Men and Women / U. Doyle (ed.). Basingstoke: Pan Macmillan, 2010. P. 51].

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Акт 1, Сцена 5 [Shakespeare W. Romeo and Juliet. Act 1, Scene 5].

является неотъемлемым компонентом переживания безусловной любви и ее восхваления. По словам Феликса, героя Бальзака в романе «Лилия долины» (*Le Lys dans la Vallée*) (1835 г.): «Отчаянно любить — все равно счастье»⁸.

Модель любви с первого взгляда — это слабое подобие эталона «чарующей» любви. Любовь с первого взгляда переживается как событие, неожиданно вспыхнувшее в жизни человека; она необъяснима и иррациональна; она возникает при первой встрече и поэтому не основана на накопленном в процессе знакомства когнитивном знании о возлюбленном. Скорее, она обусловлена целостной и интуитивной формой опыта. Она нарушает повседневную жизнь и вызывает глубокое душевное потрясение. Метафоры, используемые для описания этого душевного состояния, часто указывают на силу, которая является подавляющей и побеждающей (жар, магнетизм, гром, электричество). Такая разновидность «чарующей» любви одновременно спонтанна и безусловна, непреодолима и неизменна, уникальна и абсолютна. Этот идеальный тип романтической любви утверждает абсолютную неповторимость объекта любви, невозможность его замены другим, его несоизмеримость, отрицание (или невозможность) подчинения чувств расчету и рациональному знанию, полное подчинение любимому человеку и возможность (по крайней мере, потенциальную) пожертвовать своей жизнью ради него⁹. Этот псевдорелигиозный взгляд на любовь имел несколько светских культурных вариантов и, возможно, по этой причине, сохраняется на протяжении всей истории¹⁰. Он изменялся со временем, но его

⁸ Любовные письма великих мужчин и женщин / Под ред. У. Дойл. Basingstoke: Pan Macmillan, 2010. С. 78 [Love Letters of Great Men and Women / U. Doyle (ed.). Basingstoke: Pan Macmillan, 2010. P. 78].

⁹ Наглядный пример см.: Цвейг С. Письмо незнакомки. NY: The Viking Press, 1932 [Zweig S. Letter from an Unknown Woman. New York: The Viking Press, 1932].

¹⁰ В Средние века религиозная риторика часто смешивалась с любовной риторикой, представляя любимого человека как божество, что еще больше укрепляло представление о любви как о всеохватывающем переживании, в процессе которого влюбленный человек стремится слиться с объектом своей любви

основные компоненты — святость, неповторимость, эмпирическая сила, безрассудность, отречение от собственных интересов и отсутствие независимости — остались в литературных моделях, которые захватили власть с распространением грамотности и появлением любовного романа.

Модернизм, однако, ознаменовал глубокое изменение в истории чарующей любви появлением подозрения к ней и отказа ее испытать. Следующий остроумный комментарий знаменитой Кэндис Бушнелл — автора собственной колонки, вдохновившей ее написание книги «Секс в большом городе», легшего в основу одноименного американского сериала, — лишь одна из многочисленных возможных иллюстраций такого положения дел:

Когда вы в последний раз слышали, как кто-то говорил: «Я люблю тебя!» без привязки к неизбежному (если невысказанному) «как друг». Когда вы в последний раз видели, чтобы двое смотрели друг другу в глаза просто так, неосознанно? Когда вы в последний раз слышали, чтобы кто-то объявил: «Я по-настоящему, безумно влюблен»? Не задумывайтесь, просто подождите до утра понедельника¹¹.

Бушнелл выражает здесь совершенно сознательный, в высшей степени ироничный подход к любви, освобожденный от всяких иллюзий. Сожалея о таком положении дел, Морин Дауд, одна из самых известных комментаторов Нью-Йорк Таймс, писала: «В культурном, эмоциональном плане вся идея романтики ушла, исчезла, полностью утрачена»¹². Я думаю,

---

и даже полностью раствориться в нем. Буржуазный роман XIX в. представлял любовь как главную повествовательную суть семейной (для женщин) и общественной жизни. До некоторой, но вполне определенной степени эта модель присутствует и в современной кинематографической культуре, где Любовь, Секс и Романтические отношения представляют собой наиболее распространенную цель действий и психологических стремлений персонажей и основную сюжетную линию.

¹¹ Бушнелл К. Секс в большом городе. NY: Warner Books, 1996. С. 2 [Bushnell C. Sex and the City. New York: Warner Books, 1996. P. 2].

¹² Дауд М. Трагизм комедии // New York Times. August 3, 2010 [Dowd M. Tragedy of Comedy // New York Times. August 3, 2010].

она имела в виду, что «очарованность» в любви и романтике мало кто разделяет. То есть, хотя любовь может оставаться очень значимым переживанием для большинства людей, она не затрагивает и не мобилизует личность целиком. Это, в свою очередь, вызывает вопрос: почему любовь утратила свою способность ощущаться как «очарованность», как отказ от разума и собственного «я»? Я утверждаю здесь, что потеря способности любви создавать романтические убеждения является результатом рационализации таких убеждений в трех областях: в науке, технике и политике.

Разочарование — это фундаментальный культурный, когнитивный и институциональный процесс эпохи модернизма, посредством которого вера организуется системами знаний, поведение определяется систематическими и абстрактными правилами, и, как утверждал Вебер, верность становится трудно поддерживаемой. Согласно Веберу, величайшей культурной силой, формирующей разочарование, является рационализация образа жизни: тот факт, что он все более «методичен», систематичен и контролируется интеллектом¹³. Рациональное действие регулируется сознательно, а не случайно, привычно или спонтанно; культурный источник такого самосознательного регулирования может быть религиозным, научным, политическим или экономическим. Рациональное отношение разрушает очарование, поскольку для того, чтобы узнать объект и приблизиться к нему, здесь используются систематические правила, независимые от субъекта и объекта познания, создавая тем самым разделение между ними и развенчивая знание, полученное эпифаническим (благодаря озарению), традиционным или интуитивным способом. Рациональное отношение подрывает основы всех верований

---

¹³ Вебер М. Наука как призвание // In H. H. Gerth and C. W. Mills (eds) Max Weber: Essays in Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1970 [1946]. С. 129–156 [Weber M. Science as a Vocation // In H. H. Gerth and C. W. Mills (eds) From Max Weber: Essays in Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1970 [1946]. P. 129–156]; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. London: Routledge, 2002 [1930] [Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Routledge, 2002 [1930]].

(за исключением, возможно, веры в разум). Оно также имеет тенденцию подрывать трансцендентность, определяя действие как отношение средства и цели. Рационализация веры влечет за собой ослабление эмоциональности и веры в любовь. Согласно этому определению рационализации можно сказать, что ряд мощных культурных сил — наука, политический контрактуализм и технологии выбора видоизменили чувства и переживание любви, внесли свой вклад в ее рационализацию и, таким образом, в глубокое изменение процесса ее переживания субъектом. Именно взаимодействие и слияние этих трех сил, на мой взгляд, ответственны за угасание веры в романтическую любовь и возникновение двух структур чувств — неуверенности и иронии, глубоко преобразовавших способность личности переживать самозабвение и экстаз.

Превращение любви в науку

Первым фактором, способствующим разочарованию как культурному процессу, является преобладание научных способов объяснения любви, получивших широкое распространение благодаря университетам и средствам массовой информации. На протяжении всего XX в. сначала психоанализ и психология, а затем биология, эволюционная психология и нейробиология создали свою научную инфраструктуру, отнеся «любовь» к некоторым из своих ключевых научных концепций, таких как «бессознательное», «половое влечение», «гормоны», «выживание видов» или «химия мозга». Под эгидой научных методов объяснения эти базовые элементы пошатнули представление о любви как о непередаваемом, уникальном, почти мистическом и бескорыстном чувстве.

Именно потому, что психоанализ и динамическая психология поставили любовь в центр становления личности, они понизили ее культурный статус в качестве мистической силы, рассматривая ее как результат психологических процессов, таких как «психическая травма», «Эдипов комплекс» или «навязчивое повторение». Фрейдистская популярная культура, которая распространена в большинстве современных государств, настойчиво

утверждает, что любовь — это воспроизведение противоречий из раннего детства и зачастую не что иное, как повторение драмы, ранее произошедшей с другими героями, которые являются истинными прототипами настоящего объекта любви. Психопсихология утверждает, что любовь вызвана нашей привязанностью к ранним родительским образам, в результате чего наша психика сталкивается с возникновением «Эдипова комплекса». Таким образом, любовь стала выражением универсальной психической структуры и рассматривается как продолжение драм раннего детства. Создавая прямую линию повествования, соединяющую детский и взрослый романтический опыт, психологическая культура превращает любовный опыт в воссоздание не-любовных последовательностей как таковых и тем самым сводит на нет его невыразимость и тайну. Любовь становится объектом бесконечного исследования, самопознания и самоанализа.

Личность становится объектом непрерывного процесса самопознания и тщательного самоконтроля психики, что приводит к интеллектуализации романтических отношений через систематическую классификацию эмоций и через их тщательное отслеживание с помощью техник самоосмысления и самопреобразования. Превращая человеческое существо в объект и цель научного знания, психология разработала ключевое понятие «индивидуальности». Индивидуальность — это набор устойчивых отличительных качеств, призванных характеризовать человека с течением времени, а успешная любовь — результат совместимости психотипа и отличительных качеств двух людей. Отсюда следует, что романтическую совместимость можно оценить, измерить и предсказать с помощью соответствующих психологических инструментов. Таким образом, любовь могла бы стать объектом (психологических) измерений, целью которых было бы помочь установить и контролировать неразрывно связанные между собой идеалы независимости и согласованности.

По мере того, как независимость постепенно становилась средоточием идеала самости, проповедуемого психологией,

эмоциональное соединение воспринималось как угроза независимости и заменялось идеалом согласия между двумя зрелыми независимыми личностями. Слияние двух таких личностей или подчинение одной личности другой рассматривалось как отрицание основных притязаний на независимость и, в свою очередь, как признак эмоциональной патологии. Внедряя модели интимности, основанной на договоренности, активном общении и взаимной симпатии, отрасли психологии рассматривали интимные отношения как идеальные, возникающие в результате непрерывного подсознательного наблюдения двух независимых волей, которые должны быть приспособлены к потребностям и психологической структуре личности, ликвидируя тем самым прежнюю ассоциацию любви с трансцендентностью, силой, превосходящей индивидуальные потребности, и волей. Любовь стала «близостью», а близость означала возможность подчинения эмоциональной жизни правилам поведения, целью которых было сохранить и создать максимальную личную независимость в процессе романтических отношений.

Также рационализации любовного переживания способствовал тот факт, что психология считает романтическое страдание неприемлемым и неоправданным симптомом, обусловленным недостаточной зрелостью психики. В то время как «боль была абсолютно естественной составляющей эмоциональной реакции девятнадцатого века на посвящение себя другому человеческому существу»¹⁴, в современной психологической культуре страдание больше не сигнализирует об эмоциональном переживании, простирающемся за пределы собственной личности, т. е. оно больше не является признаком самоотверженной преданности или возвышенности души. Такая любовь, основанная на самопожертвовании, слиянии и стремлении к безусловности, стала рассматриваться как

---

¹⁴ *Листра К.* Анализируя свои чувства: Мужчины, женщины и романтическая любовь в Америке девятнадцатого века. Oxford: Oxford University Press, 1989. С. 50 [*Lystra K.* Searching the Heart: Women, Men, and Romantic Love in Nineteenth-Century America. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 50].

симптом неполноценного эмоционального развития. Культурное отождествление любви со страданием подобно отождествлению любви с одновременным переживанием трансцендентности и осуществления брачных отношений, в которых любовь утверждается в показном проявлении самопотери¹⁵. Утилитарные модели государственного устройства были перенесены в психику, и в этой новой терапевтической культуре идеалы самопожертвования и самоотречения стали считаться необоснованным признаком нездоровой психики (или признаком «страдания» ради получения скрытого морального удовлетворения) и, следовательно, очень подозрительными, поскольку независимость и способность сохранять свои собственные интересы стали синонимом психического здоровья.

Такая модель психического здоровья, преимущественно понижающая интимные отношения, требовала, чтобы любовь соответствовала определениям благополучия и счастья, которые, в конечном счете, отвергали страдание и предписывали человеку максимально извлекать пользу и выгоду. Эта модель здоровья рассматривает знание и защиту собственных интересов как основу эмоционально зрелой личности. Правильно любить — значит любить в соответствии со своими интересами. В эмоциональном переживании любви все больше содержится и проявляется прагматичное направление развития личности,

¹⁵ Вот как описывал это Уильям Вордсворт в своем стихотворении «Влияние природы» (1799 г.):

Когда встречал еще я утро жизни,
И днем и в свете звезд в душе моей
Все чувства, в ней живущие, сплетались
Не с суетным стремлением к тому,
Что создано рукою человека,
А с вечными порывами к Природе
И к жизни. Очищалась мысль моя
Священной скорбью и священным страхом,
И я учился постигать величие
Биения человеческого сердца.

Перевод М. Фроловского

См.: Вордсворт У. Влияние природы. London: Ginn, 1897. С. 70 [Wordsworth W. Influence of Natural Objects. London: Ginn, 1897. P. 70].

согласно которому человек должен обеспечить себе максимальное удовольствие и благополучие. Страдание становится все более чуждым этому новому культурному выражению любви. Это, в свою очередь, подразумевало, что если любовь является источником страдания, то это «ошибка», неверная оценка совместимости двух личностей, признак того, что человек нуждается в дальнейшем самопознании, которое могло бы устранить его страдания и привести к более зрелому выбору. Взаимность и сохранение личных интересов стали незримо заложены в обычный опыт любви, который можно проиллюстрировать несколькими контрастирующими примерами.

В комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» (1600 г.) Елена, избежавшая воздействия чар и уловок Пака, говорит с Деметрием, подвергшимся влиянию этого лесного духа и отвергнутым ее любовь:

Деметрий:

Да разве я любезничал с тобою?
Я завлекал тебя? Сказал я прямо,
Что не люблю, не полюблю тебя.

Елена:

А я зато люблю тебя все больше.
Ведь я твоя собачка: бей сильнее —
Я буду лишь в ответ вилять хвостом.
Ну, поступай со мной как с собачонкой:
Пинай ногою, бей, гони меня;
Позволь одно мне только, недостойной
(Могла ли бы я меньшее просить?) —
Чтоб, как собаку, ты меня терпел¹⁶.

Перевод Т. А. Щепкиной-Куперник, 1934 г.

Елена свободно и непринужденно выражает свои чувства к возлюбленному таким образом, который сегодня был бы истолкован не только как самоуничужение, но и как

---

¹⁶ Шекспир У. Сон в летнюю ночь (1600), Акт 2, Сцена 1 [Shakespeare W. A Midsummer Night's Dream (1600), Act 2, Scene 1].

патология. В мире Шекспира, напротив, к этому, скорее всего, отнеслись бы более благосклонно, как к обычному проявлению «безумной любви». Вспомните также Жюли де Леспинасс, пользовавшуюся большим уважением и восхищением писательницу XVIII в., чья любовь к капризному и неверному графу де Гиберу осталась безответной. Несмотря на его женитьбу на другой женщине, Джулия по-прежнему решительно заявляла о своей любви, проявляя безрассудную страсть, невзирая на отсутствие взаимности. В письме к Гиберу она писала:

Я слишком сильно люблю, чтобы сдерживать себя; я предпочитаю просить у вас прощения больше, чем не совершать ошибок. У меня нет самолюбия, когда речь идет о вас; я не переношу благоразумие, я ненавижу даже те «дружеские обязанности», которые заменяют интерес приличием, а чувство осмотрительностью. Как бы это сказать? Я люблю отдаваться порыву, и действую *только импульсивно*, и я безумно люблю, когда другие относятся ко мне подобным образом¹⁷ (курсив мой. — Автор).

Жюли де Леспинасс придерживается этики самоотречения, управляемой импульсивной эмоциональностью, а не расчетом затрат и выгод. Отнюдь не сигнализируя о незрелости или низкой самооценке, эта способность любить независимо от взаимности могла быть истолкована (и, вероятно, истолковывалась) как признак сильного характера.

Другой пример обсуждался в главе 2. Клятва Энн Эллиот всю жизнь оставаться верной капитану Уэнтуорту, несмотря на очевидность их разлуки, идет вразрез с современной чувствительностью, поскольку Энн считала любовь абсолютной и несоизмеримой и, по-видимому, отвергала какой-либо меркантильный интерес. Ее приверженность любимому представляет здесь собой полную самоотдачу и не зависит от того, принесет она ей благополучие или нет. Любовь заставляет ее отказаться от лучших перспектив и тем самым отвергнуть то,

---

¹⁷ Тирни В., Скотт Дж. У. Западные общества: документальная история, вып. II. NY: McGraw Hill, 2000. С. 185 [Tierney B., Scott J. W. Western Societies: A Documentary History, Vol. II. New York: McGraw Hill, 2000. P. 185].

что современное общество посчитало бы признаком зрелой психики, а именно ее личные интересы. Сегодня она была бы вынуждена записаться на прием к психоаналитику, лечь на кушетку и беспристрастно поведать о своем твердом намерении пожертвовать всей своей жизнью, ничего не ожидая взамен. Наконец, Эдит Уортон, писавшая в 1908 г. своему любовнику Мортону Фуллертону, использовала далеко не утилитарную терминологию:

Я могла бы искусно флиртовать, поскольку ясно вижу каждый ход игры — но в то же время презренье заставляет меня сметать все фишки с доски и кричать: «Возьми их все — я не хочу выигрывать — я хочу все проиграть тебе!»¹⁸.

Пренебрежение Елены, Жюли де Леспинасс, Энн Эллиот и Эдит Уортон к тому, что нам кажется нормой взаимности, подпирает современный здравый смысл. Это противоречит общепринятому предположению о том, что выбор объекта любви не должен брать верх над благополучием, а должен фактически способствовать ему при проявлении эмоциональной взаимности. Нравственная и психологическая норма эмоциональной взаимности, которая стала управлять романтикой и моделями наших отношений в целом, основана на утилитарной концепции психического здоровья и благополучия и является одним из главных источников культурной рационализации любви. Эта модель эмоциональной взаимности и утилитаризма, в конечном счете, основана на сильной программе разума: выбор объекта любви должен быть лишен капризов и тисков бессознательного; если он здоровый, он должен быть осознанным и стать объектом самопознания; он может стать источником удовольствия и благополучия, а главное, может и должен сохранять и утверждать личные интересы.

Биология оказала несколько иное влияние на систему культурных ценностей, благодаря которым она пришла

---

¹⁸ Письма Эдит Уортон / Под ред. Р. У. В. Льюис, Н. Льюис. NY: Charles Scribner's Sons, 1988. С. 152 [The Letters of Edith Wharton / R. W. B. Lewis, N. Lewis (eds). New York: Charles Scribner's Sons, 1988. P. 152].

к пониманию любви. Биологи обычно объясняют любовь химическими процессами, которые даже больше, чем психология, сводят любовь к факторам, совершенно чуждым самому чувству любви. Исследования в области нейробиологии указывают на наличие в мозге соответствующего количества химических веществ у людей, утверждающих, что они влюблены¹⁹. К этим веществам относятся тестостерон, эстроген, дофамин, норадреналин, серотонин, окситоцин и вазопрессин. Например, когда человек безумно влюблен, в мозге происходит резкое увеличение количества дофамина и норадреналина. В частности, более высокие уровни тестостерона и эстрогена присутствуют во время сладострастной фазы отношений. Говорят, что дофамин, норадреналин и серотонин чаще присутствуют в фазе влечения²⁰. Действие серотонина в процессе влюбленности с точки зрения химии подобно обсессивно-компульсивному расстройству, что объясняет, почему мы не можем думать ни о ком другом, когда влюблены²¹. Уровень серотонина также значительно выше в головном мозге

¹⁹ *Бартельс А., Зеки С.* Нейронные основы романтической любви // *Neuroreport*. 11(17). 2000. С. 3829–3834 [*Bartels A., Zeki S.* The Neural Basis of Romantic Love // *Neuroreport*. 11(17). 2000. P. 3829–3834]; *Фишер Х.* Почему мы любим: природа и химия романтической любви. NY: Henry Holt, 2004 [*Fisher H.* Why We Love: The Nature and Chemistry of Romantic Love. New York: Henry Holt, 2004].

²⁰ *Арон А. и др.* Вознаграждение, мотивация и эмоциональные системы, связанные с ранней фазой интенсивной романтической любви // *Journal of Neurophysiology*. 94(1). 2005. С. 327–337 [*Aron A. et al.* Reward, Motivation, and Emotion Systems Associated with Early-Stage Intense Romantic Love // *Journal of Neurophysiology*. 94(1). 2005. P. 327–337].

²¹ *Мараццитти Д., Акискал Х. С., Росси А., Кассано Дж. Б.* Изменение транспортера тромбоцитарного серотонина в процессе влюбленности // *Psychological Medicine*. 29. 1999. С. 741–745 [*Marazziti D., Akiskal H. S., Rossi A., Cassano G. B.* Alteration of the Platelet Serotonin Transporter in Romantic Love // *Psychological Medicine*. 29. 1999. P. 741–745]; *Теннов Д.* Любовь и лимерентность: Переживание влюбленности. NY: Stein and Day, 1979 [*Tennov D.* Love and Limerence: The Experience of Being in Love. New York: Stein and Day, 1979]; *Тессер А., Паулус Л. Д.* О причинно-следственной модели любви // *Journal of Personality and Social Psychology*. 34. 1976. С. 1095–1105 [*Tesser A., Paulhus D. L.* Toward a Causal Model of Love // *Journal of Personality and Social Psychology*. 34. 1976. P. 1095–1105].

недавно влюбившихся людей²². Окситоцин и вазопрессин более тесно связаны с долгосрочными связями и отношениями, характеризующимися сильной привязанностью²³. В февральском номере National Geographic за 2006 г. в статье «Любовь: химическая реакция» (*Love: The Chemical Reaction*), напечатанной на титульной странице, Лорен Слейтер описывает влечение и привязанность с точки зрения химических компонентов, которыми они вызываются. Подразумевается, что эйфория или экзальтация, которые мы можем испытывать, будучи влюбленными, есть не что иное, как химическая и непроизвольная реакция мозга. Исследования социобиолога Хелен Фишер, например, также утверждают, что мы биологически запрограммированы чувствовать сильную любовь в среднем в течение максимум двух лет, после которых страсть и интенсивность отступают²⁴. Результатом такого низведения любви до статуса химической реакции мозга является избавление от мистического и духовного взгляда на любовь и замена его новой формой биологического материализма. Кэтрин Таунсенд, например, размышляя о своей потребности чувствовать себя любимой, пишет: «Согласно интернет-журналу Psychology Today (Психология Сегодня)... “уровень фенилэтиламина — химического вещества в биохимии мозга, вызывающего

---

²² *Мараццинти Д., Акискал Х. С., Росси А., Кассано Дж. Б.* Изменение транспортера тромбоцитарного серотонина в процессе влюбленности // *Psychological Medicine*. 29. 1999. С. 741–745 [*Marazziti D., Akiskal H. S., Rossi A., Cassano G. B.* Alteration of the Platelet Serotonin Transporter in Romantic Love // *Psychological Medicine*. 29. 1999. P. 741–745]

²³ *Кертис Т., Ванг З.* Нейрохимия образования пар // *Current Directions in Psychological Science*. 12(2). 2003. С. 49–53 [*Curtis T., Wang Z.* The Neurochemistry of Pair Bonding // *Current Directions in Psychological Science*. 12(2). 2003. P. 49–53]; *Инсел Т., Янг Л.* Нейробиология привязанности // *Natural Review of Neuroscience*. 2(2). 2001. С. 129–136 [*Insel T., Young L.* The Neurobiology of Attachment // *Natural Review of Neuroscience*. 2(2). 2001. P. 129–136]; *Кендрик К.* Окситоцин, материнство и эмоциональная связь // *Experimental Physiology*. 85. 2000. С. 111–124 [*Kendrick K.* Oxytocin, Motherhood and Bonding // *Experimental Physiology*. 85. 2000. P. 111–124].

²⁴ *Фишер Х.* Почему мы любим: природа и химия романтической любви. NY: Henry Holt, 2004 [*Fisher H.* Why We Love: The Nature and Chemistry of Romantic Love. New York: Henry Holt, 2004].

эйфорию, — повышается у страстно влюбленного человека, усиливая состояние душевного подъема и радостного возбуждения”. То же самое происходит и со мной. Как, впрочем, и со многими женщинами, которых я знаю. Неужели все мы неадекватные любовные наркоманы?»²⁵. Очевидно, что смешение психологической и биологической терминологии с привычными представлениями о любви дефляционно и низводит душевное волнение к простым непроизвольным химическим реакциям, а переживание любви к физиологическому опыту, лишенному высшего смысла.

Предлагая иную точку зрения, эволюционные психологи аналогичным образом приписывают чувство любви внешнему фактору, служащему роду человеческому. Согласно Дилану Эвансу²⁶, с точки зрения эволюции считается, что такие эмоции, как любовь (вина или ревность) способствовали решению «проблемы взятия обязательств». Учитывая, что люди должны сотрудничать друг с другом, как они будут брать на себя обязательства по отношению к другим и/или обеспечивать их приверженность? Эволюционные психологи считают, что благодаря эмоциям. Романтическая любовь, возможно, служила цели внушить желание продолжить род и гарантировать, что мужчина и женщина не бросят друг друга по прихоти. И в этом случае интерпретационный сдвиг, осуществленный эволюционной психологией, привел к тому, что ощущаемая уникальность и трансцендентный характер любви стали просто функциональной необходимостью для обеспечения взаимодействия, выраженного на уровне вида. Любовь здесь — не что иное, как слепая необходимость природы и социальной группы, выраженная в частных историях отдельных лиц.

Научные способы объяснения — психологические, биологические и эволюционные — по природе своей, как правило,

²⁵ Таунсенд К. Нарушение правил: Откровения плохой девчонки. London: John Murray, 2009. С. 241 [Townsend C. Breaking the Rules: Confessions of a Bad Girl. London: John Murray, 2009. P. 241].

²⁶ Эванс Д. Эмоции: наука о чувствах. Oxford: Oxford University Press, 2001 [Evans D. Emotion: The Science of Sentiment. Oxford: Oxford University Press, 2001].

оказываются абстрактными и чуждыми категориям ощущаемого и переживаемого опыта. Это резко отличается, скажем, от религиозных объяснений прошлого, которые, рассматривая сильную любовь как проявление одержимости духа или как временную потерю разума, все же тесно переплетались с чувственным опытом субъекта. Научные объяснения сводят любовь к эпифеномену (побочному явлению), простому следствию первопричин, невидимых и неосязаемых субъектом, не мистических и не единичных, а вызванных произвольными и почти механическими — психическими, химическими или биологическими — процессами. С преобладанием научных методов объяснения трудно придерживаться взгляда на любовь как на уникальное, загадочное и невыразимое чувство. В этом смысле любовь так же утратила очарование, как и природа: она рассматривается уже не как вдохновенное таинственными и великими силами чувство, а скорее, как феномен, нуждающийся в объяснении и контроле, как реакция, определяемая психологическими, эволюционными и биологическими законами²⁷.

Научные знания широко освещаются средствами массовой информации, которые периодически должны объяснять реальное положение дел. Эта пояснительная структура не заменяет традиционных романтических представлений о любви, а скорее, конкурирует с ними и, в конечном счете, подрывает их. Наука склонна относить частные переживания к общим и абстрактным категориям, устраняя тем самым их характерные черты. Поскольку наука, по определению, стремится найти и объяснить причины, она, естественно, приуменьшает значение любого опыта, основанного на ощущении необыкновенного, невыразимого и безрассудного. Общее влияние научной пояснительной структуры на переживание любви является одновременно и *рефлексивным*, и *дефляционным*. Внимание влюбленных недвусмысленно привлекается к механизмам,

---

²⁷ Возможно, следует уточнить это утверждение потому, что психология все еще рассматривает переживание любви как единичное и некоторым образом пытается объяснить его с точки зрения частной истории субъекта.

лежащим в основе их любви и мотивирующим ее, и любовь становится результатом универсального психологического или химического воздействия, не зависящего от конкретных индивидуальных желаний определенных людей. Таким образом, желание воспринимается в некотором смысле оторванным от конкретного человека, на которого оно направлено, и, как непроизвольный механизм, представляет собой слепую силу, объект которой оказывается совершенно заменяемым. В этом смысле можно сказать, что романтическое желание теряет свое мифологическое содержание.

Культурный пессимизм Вебера состоял в том, что он не считал, что углубление научного понимания приводит к лучшему пониманию конкретных условий нашей жизни. По его словам:

Все мы сегодня тратим деньги, но держу пари, что, даже если бы здесь среди присутствующих в этом зале находились коллеги политэкономисты, почти каждый из них по-своему ответил бы на вопрос: Как так получается, что за деньги можно что-нибудь купить — иногда больше, а иногда меньше? Дикарь знает, что делать для того, чтобы получить свой хлеб насущный, и какие учреждения служат ему в достижении этой цели. Следовательно, растущая интеллектуализация и рационализация не свидетельствуют об увеличении обобщенных знаний об условиях, в которых живет человек²⁸.

Как предполагает один из комментаторов Вебера, ненаучные объяснения могут превосходить научные, поскольку они всеобъемлющи и более органично связаны с целостностью нашего жизненного опыта²⁹. Научные объяснения пережитого нами, напротив, отдаляют нас от наших переживаний, как когнитивно, так и эмоционально. Более того, говорит Вебер, наука делает наш опыт менее доступным для понимания, поскольку существует несовместимость между экзистенциальными

---

²⁸ Гейн Н. Макс Вебер и постмодернистская теория: рационализация против повторного очарования. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. С. 53 [Gane N. Max Weber and Postmodern Theory: Rationalization versus Re-enchantment. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 53].

²⁹ Там же.

(бытийными) рамками смысла и абстрактными, системно-организованными рамками. Таким образом, научные объяснения разрушают осмысленную связь между романтическим опытом и представлениями о любви как о чем-то таинственном и безрассудном. Принимая любовь за результат действия существовавших прежде бессознательных, химических и эволюционных механизмов, наука ослабляет способность превращать любовь в мифологию, в непостижимую сверхъестественную силу.

Политическая эмансипация как рационализация

Как показывают приведенные выше примеры, самоотверженность, самопожертвование и способность любить, не ожидая взаимности, рассматривались в основном (хотя и не исключительно) как женские качества. Одно из главных изменений в мотиве самопожертвования было вызвано феминизмом, понимаемым как широкое культурное убеждение, распространившее права человека на женщин и развенчавшее социальные и идеологические механизмы, которые делали бесправие женщин возможным, скрытым и весьма желательным. Другими источниками культурной рационализации любви являются нормы равенства, согласия и взаимности — контрактализм, которые стали доминировать в нравственном словаре наших политических систем и преобразовали условия, в рамках которых ведутся переговоры о гетеросексуальных отношениях. В своей «Политике подлинности» (*Politics of Authenticity*) Маршалл Берман предполагает, что «только в наше время мужчины [так в исходном тексте] стали думать о собственном самосознании как о явно политической проблеме»³⁰. Учитывая половую принадлежность, используемую Берманом, парадоксально, что это утверждение весьма применимо к женщинам в XX в. Действительно, феминизм оказал, пожалуй, самое значительное влияние на субъективность женщин и на

---

³⁰ Берман М. Политика подлинности. NY: Columbia University Press, 1998. С. XVI [*Berman M. The Politics of Authenticity. New York: Columbia University Press, 1998. P. XVI*].

отношения между полами. Вторая волна феминизма глубоко изменила понимание любви и ее эмоциональное проявление³¹. Больше, чем любое другое политическое и культурное образование, феминистские убеждения оказали значительное влияние на культурную историю любви, поскольку сорвали покровы мужского рыцарства и женской загадочности. Именно из-за того, что это влияние было таким решающим, я хочу критически рассмотреть, как феминистское движение отразилось на романтических отношениях и задаться вопросом, каким могло бы быть культурное влияние феминистских образов мышления в обществе, где все еще господствуют мужчины. При этом я рассматриваю феминизм как культурное мировоззрение, т. е. как новый способ понимания личности и ее отношений с окружающими. Это означает, что я временно отстраняюсь от своей очевидной приверженности феминизму с тем, чтобы составить представление о его влиянии на дестабилизацию традиционных гендерных ролей и норм посредством критики и его концепции равноправия женщин и мужчин. Поскольку феминизм, наряду с клинической психологией и потребительской культурой, стал самым мощным культурным фактором, формирующим и изменяющим отношения между мужчинами и женщинами, его можно и нужно анализировать, как и эти два других культурных образования.

В своей книге «Диалектика секса» (*The Dialectic of Sex*) Суламифь Файрстоун утверждает, что романтическая любовь не только скрывает классовую и гендерную сегрегацию, но, что более важно, она узаконивает, сохраняет и укрепляет ее. По словам Файрстоун: «Любовь, возможно, даже больше, чем деторождение, является основным рычагом притеснения женщин на сегодняшний день»³². Романтическая любовь стала рассматриваться не только как культурная практика, воспроизводящая гендерное неравенство, но и как один из основных механизмов,

³¹ Эта глава посвящена гетеросексуальной любви. В отсутствие иных указаний наше использование термина «любовь» следует понимать в этом смысле.

³² Файрстоун С. Диалектика пола: Обоснование феминистской революции. NY: Bantam, 1970. С. 126 [Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: Bantam, 1970. P. 126].

с помощью которых женщин заставляют принимать (и «любить») их подчинение мужчинам. Основное понятие, которое позволило феминизму расщепить секс и любовь, — это понятие власти. В феминистском мировоззрении власть — это невидимый, но весьма ощутимый фактор, организующий гендерные отношения, то, что должно быть отслежено и исключено из интимных взаимоотношений. Власть приобрела статус, объясняющий большую часть того, что неправильно во взаимоотношениях мужчин и женщин. Эта культурная структура зарождает, реорганизует и формирует социальные отношения. Если рассматривать ее как культурный сценарий, который подобно сценарию для «кастовой системы» или для «привилегированного общества» организует и регулирует сексуальные и гендерные отношения, можно сказать, что «симметрия власти» рационализирует социальные связи несколькими способами. Во-первых, она предлагает мужчинам и женщинам задуматься над правилами, организующими рутинный, принятый как должное порядок сексуального влечения (сформированный вековыми нормами патриархального господства), и интуитивно контролировать свои эмоции, язык и поведение. Во-вторых, для того, чтобы привить симметрию, она призывает женщин оценить и измерить свой собственный вклад и вклад их партнеров в отношения. В-третьих, она превосходит эротические отношения благодаря ценностям справедливости на рабочем месте и в обществе (профессиональный статус потенциальных любовников должен превосходить их личные желания как индивидуумов). И, наконец, она требует отнести эротические отношения к категории нейтральных процессуальных норм речи и поведения, которые освобождают отношения от их специфичности и конкретности.

Де-рутинизация власти

Возможно, наиболее заметной сферой применения принципов симметрии является сфера ухаживания и сексуальной инициативы. Наиболее яркий образец нового принципа организации интимных отношений по оси симметрии можно

найти в категории *сексуальных домогательств*, что является очень хорошим примером принципа эквивалентности свободных от власти и эмоционально симметричных отношений. Например, рассмотрим случай Дейва Касса и Клаудии Сэтчел — профессора экономики Пенсильванского университета и аспирантки. Они были вместе уже пять лет, когда в 1994 г. Кассу было отказано в назначении на кафедру аспирантуры на основании того, что его отношения со студенткой делают неприемлемым его нахождение в этой должности. С осуждением сообщая о судебном преследовании университета, Барри Данк объясняет:

Они неоднократно нарушали феминистские нормы, касающиеся асимметричности интимных отношений. Эти нормы предусматривают неприемлемость вовлечения лиц в интимные отношения при существовании значительной разницы в полномочиях двух сторон.

В этом контексте асимметричные отношения свидетельствуют о злоупотреблении властью и делают согласие подозрительным и даже невозможным, в то время как симметричные отношения рассматриваются как представляющие равенство и свободу выбора. Отношения Дэйва и Клаудии были неравными со многих точек зрения, поскольку пара находилась в разных возрастных категориях, Дэйв был примерно на 25 лет старше Клаудии, а также занимал разные должностные позиции в университете. Дэйв был профессором, а Клаудия студенткой³³.

Культурные/политические категории равенства и симметрии, которые здесь вступают в противоречие с такими принципами, как свобода выражения чувств и неприкосновенность частной жизни, представляют собой новые способы регулирования гендерных отношений, делая их подотчетными новым нормам симметрии власти и равенства условий.

Это влечет за собой новые способы восприятия тех самых категорий, которые представляют собой сексуальную связь между двумя людьми, поскольку требует, чтобы конкретное

---

³³ *Dank B. M. The Ethics of Sexual Correctness and the Cass Case // In Book of Proceedings, Seventh Annual Conference on Applied Ethics. 1996. P. 110–115.*

взаимодействие было отнесено к категории оценки абстрактного положения человека в социальной структуре. Знаменитый роман Дж. М. Кутзее «Бесчестье» (*Disgrace*) (1999 г.), цитируемый в эпиграфе к этой главе, рассказывает историю учителя, профессора Лурье, у которого был бурный роман с одной из его учениц. В результате он подвергся дисциплинарному разбирательству в своем колледже и вынужден был уйти в отставку. Лурье воплощает в себе характер мужчины, не понимающего новых правил, регулирующих отношения между мужчинами и женщинами. Вот разговор с одним из его коллег:

«Не кажется ли вам, — говорит Суортс, — что преподавательская жизнь по природе своей требует определенных жертв? Что ради общего блага мы должны отказывать себе в определенных удовольствиях?»

«Вы имеете в виду запрет на интимные отношения между представителями разных поколений?»

«Нет, не обязательно. Но как учителя мы обладаем некоторой властью.

Возможно, имеется в виду запрет на смешение иерархических отношений с сексуальными. Что, на мой взгляд, и произошло в данном случае. Или крайняя осторожность.»

Вмешивается Фродия Рассул: «...Да, он говорит, что виновен, но когда мы пытаемся получить конкретные ответы, неожиданно оказывается, что это не соращение молодой женщины, в котором он признается, а просто порыв, которому он не смог противостоять, он не упоминает ни о страданиях, которые причинил, ни о долгой истории эксплуатации, частью которой является то, что он совершил»³⁴.

Этот эпизод иллюстрирует семантические сдвиги от «непреодолимого порыва» к политическому (и психологическому) понятию «соращения», от любви к молодым людям к «интимным отношениям между представителями разных поколений», от определения мужественности как социального

---

³⁴ Кутзее Д. М. Бесчестье. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. С. 52–53 [Coetzee J. M. *Disgrace*. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. P. 52–53].

авторитета к запрету «смешивать иерархические отношения с сексуальными» и от испытания «личного удовольствия» к подозрению, что за ним скрывается «долгая история эксплуатации». Индивидуум и его желания становятся носителями абстрактной структуры власти, которая, в свою очередь, оправдывает институциональное вмешательство. Наряду с языком психологии, феминизм помог осуществить соблюдение норм и процедур для обеспечения справедливости, равноправия, эмоционального равенства и симметрии, институционально и эмоционально.

Когда рабочая среда берет верх над чувствами

Политика борьбы с сексуальными домогательствами была направлена на защиту женщин от мужского злоупотребления своей институциональной властью. Социологически это привело к тому, что нормы справедливости на рабочем месте обладали над личными желаниями людей. Например, в руководящих принципах политики Гарвардской высшей школы образования (HGSE) говорится, что:

HGSE провозглашает ценность тесных, заботливых отношений между членами сообщества HGSE. В то же самое время возникают особые вопросы в тех случаях, когда одно лицо несет прямую профессиональную ответственность за другое, это касается как преподавателя вуза или аспиранта кафедры по отношению к студенту, которого он учит или консультирует, научного руководителя по отношению к своим подчиненным или администраторов или преподавателей вуза по отношению друг к другу. В этой ситуации любые романтические отношения изначально асимметричны, поскольку в них участвует один человек, который в силу своей роли в сообществе HGSE имеет официальную власть над другим. Из-за этого неравного соотношения сил такие отношения имеют потенциальные возможности для эксплуатации. Такие отношения могут также сказаться и на других членах сообщества, которые могут полагать, что кто-то из руководства оказывает неправомерное влияние, что кто-то получает необоснованные преимущества или что романтические отношения ставят третьих лиц в невыгодное положение в образовательном или

профессиональном плане. Такие предположения могут иметь пагубные последствия, даже если они ошибочны³⁵.

Справедливость по отношению к сообществу работников в целом должна превалировать над индивидуальными чувствами, откуда следует, что рабочая среда должна взять верх над независимостью эротических отношений. В этой связи, очевидно, что рабочая среда имеет преимущественную силу по отношению к личным чувствам.

Процедурализм и нейтральный язык

Выполнение правил справедливости требовало применение нейтрального языка, поскольку предполагалось, что нейтралитет освободит язык от гендерных предрассудков и, самое главное, выявит и, таким образом, отразит невысказанные и невидимые предположения, с помощью которых мужчины и женщины традиционно формировали и проявляли свою индивидуальность и стремления. Например, рассмотрим студенческие рекомендации Пенсильванского университета в отношении сексуальных домогательств, ориентированные на мужчин и женщин, обладающих разной степенью власти, а также на студентов с одинаковым статусом:

Общие вопросы и ответы, касающиеся сексуальных домогательств

Могу ли я похвалить одного из моих студентов или коллег?

Да, при условии, что ваши комплименты не имеют сексуального подтекста. Такие комплименты, как «красивые ножки» или «ты выглядишь очень сексуально в этом костюме», могут заставить вашего сотрудника или студента почувствовать себя неловко или испугать. Даже если ваши комплименты не смущают человека, которого вы хвалите, они могут смутить окружающих.

---

³⁵ Руководство для студентов HGSE (Гарвардской высшей школы образования) [Student Handbook, p. 45 // <http://pdca.arts.tnua.edu.tw/reference/Harvard%20A1Ghandbook.pdf> (дата последнего обращения: 18.10.2011)].

Как насчет приглашения на свидание? Должен ли я принять «нет» за ответ?

Возможно, вам захочется пообщаться с кем-нибудь из коллег или одноклассников, которых вы находите привлекательными. Это вполне допустимо, если вы убедитесь, что ваши желания и симпатии взаимны. Если вам отказали в свидании, вы, возможно, захотите предложить этому человеку встретиться в другое время. Однако имейте в виду, что некоторым людям неудобно ответить «нет» на такой вопрос, из страха обидеть вас или спровоцировать какие-нибудь нежелательные ответные действия. Будьте благоразумны. Если человек снова отказывается, чувствует себя неловко или дает уклончивый ответ, не давите на него. Примите ответ, отпустите ситуацию и двигайтесь дальше³⁶.

Эти инструкции направлены на то, чтобы научить человека самого справляться со своими эмоциями и избегать ситуаций, в которых другие люди могут оказаться в неловком положении. Такая способность управлять собственными эмоциями в итоге создает зоны комфорта вокруг нейтральных способов взаимодействия, характеризующихся эмоционально нейтральным языком, без сексуального и гендерного подтекста. Таким образом, этот сдержанный «политкорректный» язык является в первую очередь методом *дезинтеграции*, т. е. лингвистическим и процедурным инструментом, который нарушает подсознательные правила, регулирующие гендерные отношения и эмоции, с тем чтобы заменить их не зависящими от контекста, общими и процедурными правилами взаимодействия. Известный пример того, как правила согласия, симметрии и взаимности должны теперь регулировать отношения, можно найти в антиохийских правилах, названных в честь американского колледжа, в котором они были впервые сформулированы. В 1990 г. группа феминисток в колледже обратилась к администрации с просьбой ввести политику сексуального согласия, обязательную для всех ее студентов. Как насмешливо

---

³⁶ <http://www.upenn.edu/affirm-action/shisnot.html> (дата последнего обращения: 18.10.2011).

резюмировал журнал «Ньюсуик», задача Политики Предотвращения Сексуальных Правонарушений состоит в том,

чтобы дать возможность этим студенткам стать равными партнерами, когда придет время «спариваться с самцами». Цель — стопроцентный секс по обоюдному согласию, и вот как это работает: недостаточно спросить девушку, хочет ли она заниматься сексом, как сказал адвокат Антиохийского женского центра группе новичков этой осенью. Вы должны получать согласие на каждом шагу. «Если хочешь снять с нее блузку, ты должен спросить. Если хочешь прикоснуться к ее груди, ты должен спросить. Хочешь дотронуться до ее гениталий, должен спросить. Если хочешь вложить в нее палец, тебе опять следует спросить»³⁷.

В статье высмеивается тот факт, что эти правила нацелены на обеспечение процессуального равенства между партнерами и, таким образом, недвусмысленно проектируют эротические встречи в соответствии с актом *политической воли*. С эротической точки зрения эти правила, по-видимому, устраняют скрытую неоднозначность и спонтанность, обычно сопровождающие сексуальный контакт. Но эти правила также утверждают новые способы понимания и выражения политической воли, во многом похожие на способы, возникшие во время Французской революции, которые использовались гражданами для открытого создания, оглашения и заключения нового социального договора³⁸. Такие акты четко выраженной политической воли контрастируют с традиционными кодексами и символами любви, которые из-за недостаточно четкой формулировки кажутся более спонтанными и естественными. Спонтанность, однако, есть не что иное, как следствие силы и малозаметности социальных сценариев, остающихся в тени.

---

³⁷ *Крайтон С. и др.* Сексуальная корректность: Не зашла ли она слишком далеко? // Newsweek. October 25, 1993 [Crichton S. et al. Sexual Correctness: Has it Gone Too Far? // Newsweek. October 25, 1993].

³⁸ *Хант Л.* Политика, культура и класс во Французской революции. Berkeley: University of California Press, 2004 [Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley: University of California Press, 2004].

Новые принципы равноправия

Близость, воспринимаемая таким образом, влечет за собой новые способы оценки отношений. В частности, в ней содержатся новые принципы, с помощью которых чувства переосмысливаются с точки зрения их значения, которое можно оценить, измерить и сопоставить. Она предлагает то, что социологи Люк Болтански и Лоран Тевено называли новыми «принципами равноправия», т. е. новые способы оценки действия в соответствии с принципом, который косвенно организует объекты, группируя их вместе с другими, устанавливает различия и присваивает им ценность или классифицирует их³⁹. Справедливость представляет собой новый принцип равноправия в романтических и семейных отношениях, т. е. новую систему измерения, с помощью которой можно оценивать и сравнивать степень вовлеченности партнеров и их чувства. Этот принцип равноправия был сосредоточен на двух объектах оценки. Наиболее очевидной областью, которая, как представляется, легко поддается этому принципу равноправия, является сфера практических домашних обязанностей и ответственности. Принцип справедливости затрагивает вопрос о том, существует ли равное распределение домашних забот, включающих воспитание детей, уборку дома и совершение необходимых покупок. Например, на интернет-сайте под названием *Sharing Housework* (Распределение домашних забот) говорится, что

необходимо учитывать общий баланс между работой и личной жизнью, чтобы определить того, кто должен выполнять каждую домашнюю задачу, и рассчитывать время, которое каждый человек тратит на работу вне дома, на уход за детьми, на оплату счетов или покупки для семьи... Когда дело доходит до подведения итогов и отслеживания того, кто что делает, некоторые пары могут воспользоваться контрольным перечнем действий или таблицей⁴⁰.

³⁹ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. Princeton: Princeton University Press, 2006 [1991]. С. 283 [Boltanski L., Thévenot L. On Justification: Economies of Worth. Princeton: Princeton University Press, 2006 [1991]. P. 283].

⁴⁰ <http://www.revolutionhealth.com/healthy-living/relationships/lovemarriage/couples-marriage/sharing-housework-equally> (дата посл. обрац.: 18.10.2011).

Очевидно, что норма справедливости вводит новые способы оценки, измерения и сравнения действий партнеров в повседневной жизни.

Однако наиболее ярко процесс введения новых принципов равноправия проявляется в гораздо менее осязаемой сфере эмоций. В то время как вклад в домашнее хозяйство иногда может быть выражен материальными и вполне измеримыми компонентами, эмоции, по-видимому, гораздо меньше поддаются количественной оценке. Тем не менее, несмотря на свой неосязаемый характер, они также стали объектом принципов равноправия. Ведение домашнего хозяйства и романтические взаимоотношения построены на принципах равноправия и на когнитивных осях, таких как «эмоциональная доступность», «эмоциональная выразительность», «эмоциональный вклад», т. е. на понимании того, кто вкладывает больше энергии, чтобы поддерживать отношения, и того, адекватно ли выражены и удовлетворены эмоциональные потребности обеих сторон. Принципы равноправия требуют, чтобы мы сравнивали параметры, упорядочивали и расставляли их по приоритетам, тем самым обеспечивая процесс оценки и классификацию эмоций. Например, в книге под названием «Освободись от этого неудачника и найди идеального парня» (*Lose that Loser and Find the Right Guy*) автор заявляет: «Помните: Мистер Идеал должен заботиться о вас так же, как он заботится о себе»⁴¹. Несомненно, что способность сравнивать заботу о себе и о другом требует мобилизации когнитивных инструментов для оценки и измерения «заботы». Вот еще один пример — Лара, 40-летняя женщина с двумя детьми, объясняющая свое решение инициировать недавний развод:

Мой муж во многих отношениях идеален: он ответственный, красивый, отличный отец, но он никогда не относился ко мне так тепло, как мне бы хотелось. Все эти годы я твердила себе, что не должна пытаться сравнивать его и мою теплоту, мою и его любовь, но,

---

⁴¹ Мэттьюс Дж. Освободись от этого неудачника и найди идеального парня. Berkeley: Ulysses Press, 2005. С. 21 [*Matthews J. Lose That Loser and Find the Right Guy. Berkeley: Ulysses Press, 2005. P. 21*].

в конце концов, не смогла. У меня было все, однако, он дал мне гораздо меньше, чем я хотела, и, в конце концов, я ушла.

Негласная норма эмоциональной симметрии вынудила ее подать на развод.

Политические идеалы равенства и справедливости, наука и техника сняли покров таинственности с любви и превратили сексуальные отношения в саморефлективный объект изучения и контроля посредством формальных и предсказуемых процедур. Вера в то, что язык должен быть нейтральным и очищенным от гендерных предрассудков, что сексуальные отношения должны выйти из тени власти, что обоюдное согласие и взаимность должны лежать в основе интимных отношений и, наконец, то, что обеспечивать такое согласие должны безличные процедуры, — все это привело к тому, что эротический и романтический опыт любви все больше подпадал под систематические правила поведения и был отнесен к абстрактным категориям. Гидденс, как мы видели в главе 1, выразил эти преобразования обтекаемым термином «чистые отношения» — договорные отношения, в которые вступают и из которых выходят, когда заблагорассудится⁴². Тем не менее он упустил из виду то, каким образом чистые отношения отражают рационализацию интимных отношений и преобразуют саму природу желания.

Технологии выбора

Третья культурная сила, способствовавшая процессам рационализации любви, заключается в повышении эффективности технологий выбора, предоставленных в интернете. Эти технологии пересекаются друг с другом и в значительной степени опираются на психологические знания: технологию

---

⁴² Гидденс А. Модернизм и самосознание. Stanford: Stanford University Press, 1991. С. 70–108 [Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 70–108]; Гидденс А. Трансформация интимности. Cambridge: Polity Press, 1992 [Giddens A. The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992].

выбора, не ориентированную на материальные продукты деятельности, и способы выбора партнеров, обусловленные рынком⁴³. То, что выбор партнера стал гораздо более рациональным, часто упускалось из виду из-за распространенного мнения о том, что выбор партнера, основанный на любви, влечет за собой сопутствующее понижение рациональных критериев. В противоположность этому я бы утверждала, что и любовь, и рациональность совместно структурируют современные отношения, что и для любви, и для рациональности было найдено разумное объяснение.

Чтобы прояснить, что является рациональным в современном выборе партнера, я бы спросила: как подобная рациональность выражалась в прошлом? Общеизвестно, что наши предшественники, ищущие партнеров, были рациональны: они обычно учитывали критерии размера приданого, личного или семейного благосостояния и репутации, образования и семейной политики (хотя очевидно, что во многих европейских странах начиная с XVIII в. эмоциональные соображения стали играть все более явную роль)⁴⁴. Но что часто опускается в этих объяснениях, так это наблюдение, что расчет на этом прекращался. Учитывая ограниченный выбор, помимо общих и элементарных запросов, касающихся характера и внешности, потенциальным партнерам предъявляли очень мало требований и чаще всего довольствовались *первой предоставленной кандидатурой*, отвечающей поставленным условиям и *подходящей для брака*, проявляя рациональность, которую я называю *прагматической*⁴⁵. Таким образом, для организации брач-

---

⁴³ Иллуз Е. Охлажденная интимность. Cambridge: Polity Press, 2007 [Ilouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2007].

⁴⁴ Стоун Л. Семья, секс и брак в Англии, 1500-1800. NY: Harper and Row, 1977 [Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500-1800. New York: Harper and Row, 1977].

⁴⁵ Макфарлейн А. Брак и любовь в Англии: Продолжение рода, 1300-1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. С. 160-166 [MacFarlane A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300-1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 160-166].

ного договора выбор не предполагал особо обдуманного расчета. Джованни ди Паголо Морелли, представитель высшей знати в Италии эпохи Возрождения, советовал молодым людям не слишком потакать своим требованиям, а просто «взять девушку, которая нравится»⁴⁶. Прагматические соображения о статусе, репутации, характере и внешности имели большое значение, хотя и сдерживались ограниченным кругом потенциальных партнеров и нравами общественной среды. Решение основывалось на приблизительной оценке человека, а не на непрерывных попытках собрать информацию о его вкусах, личных качествах и образе жизни. Чрезмерно сильные эмоции не приветствовались при выборе супруга. Предполагалось, что взаимная привязанность постепенно разовьется в процессе совместной жизни. В другом итальянском справочнике того времени Лодовико Долче советует отцам ставить себя на место «дочерей» в поисках потенциального зятя⁴⁷. Он понимал, что у отца не было возможности трезво оценить, какой тип человека его дочь найдет привлекательным и эмоционально совместимым; в конечном итоге, ему оставалось довериться интуиции и принять прагматичное решение о том, какого супруга его дочь хотела бы получить.

Кроме того, основная собранная информация во многом опиралась на слухи и общее впечатление, сформированное окружающими. В начале XV в. итальянская вдова пишет своей дочери: «Все говорят в один голос: тот, кто женится на ней, будет счастлив, потому что она будет хорошей женой. Что касается ее внешности, говорят, да и я могу подтвердить, что она хорошо сложена... Когда я поинтересовалась, бывает ли она грубоватой, мне ответили, что нет»⁴⁸.

⁴⁶ *Ди Паголо Морелли Дж.* (точный год неизвестен) // Женщины в Италии, 1350–1650: Идеалы и реалии / Под ред. М. Роджерс и П. Тинагли. Manchester: Manchester University Press, 2005. С. 116–117 [di Pagolo Morelli G. (exact original year unknown) // Women in Italy, 1350–1650: Ideals and Realities / in M. Rogers and P. Tinagli (eds). Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 116–117].

⁴⁷ Там же. С. 118.

⁴⁸ *Ди Паголо Морелли Дж.* (точный год неизвестен) // Женщины в Италии, 1350–1650: Идеалы и реалии / Под ред. М. Роджерс и П. Тинагли. Manchester: Manchester University Press, 2005. С. 117–118.

С современной точки зрения, поразительно то, как мало информации имели в своем распоряжении наши предшественники до принятия решения о потенциальном партнере⁴⁹. В назидательном стихотворении XV в. «Как хорошая жена учила свою дочь» (*How the Good Wife Taught Her Daughter*) говорится, что если только один мужчина ухаживает за девушкой, она «не должна пренебрегать им, каким бы он ни был»⁵⁰. Требования к физическим данным часто были минимальными. «В случае если он не выглядит как Баронси дель Чертальядесе [очень уродливый человек], жена должна считать его красивым», — советует Лодовико Дольче в итальянском справочнике, приведенном выше, обращаясь к отцу невесты⁵¹. Привлекательность играла определенную роль в выборе партнера, но учитывая, что сексуальная привлекательность не являлась четко различимой культурной категорией, ее характеристики остаются весьма расплывчатыми и по современным стандартам весьма минимальными. То же самое касается и характера потенциального партнера. Несмотря на то, что он считался важным критерием, это понятие оставалось очень широким и неопределенным, далеким от сложных психологических требований, предъявляемых в наше время.

В то время как многие родители эпохи Возрождения были сильно подвержены влиянию социальных, финансовых и политических факторов при выборе партнеров для своих сыновей и дочерей, когда дело доходило до вопросов о личных качествах, они просто искали «достойных» родственников, расплывчатый термин, который относился к основным

---

⁴⁹ Конечно, в прошлом заключалось много локальных союзов, участники которых полагались на долгосрочную, подробную информацию о потенциальных партнерах, однако, если провести параллель с современными случаями знакомств с ранее неизвестными потенциальными партнерами, как показывают приведенные здесь примеры, сбор информации был значительно менее подробным и сложным, чем во время онлайн-знакомств.

⁵⁰ Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. NY: Harper and Row Publishers, 1989. С. 242–243 [*Gies F., Gies J. Marriage and the Family in the Middle Ages. New York: Harper and Row Publishers, 1989. P. 242–243*].

⁵¹ Женщины в Италии, 1350–1650: Идеалы и реалии / Под ред. М. Роджерс и П. Тинагли. С. 118 [*Women in Italy, 1350–1650 / In Rogers and Tinagli (eds). P. 118*].

требованиям в отношении характера и статуса. После рассмотрения финансового положения и социального статуса потенциальных партнеров английские аристократы XV и XVI вв. искали «положительного» в целом человека, чтобы составить партию для своего сына или дочери, а не «идеальную» пару. Историк Барбара Дж. Харрис приводит два примера в своем исследовании, посвященном аристократкам эпохи Возрождения:

[Сэр Уильям] Холлс конкретно заявил, что хочет, чтобы его внучка вышла замуж за «честного человека, с хорошим именем и доброй репутацией», а также за человека «состоятельного». [Сэр Энтони] Денни выразил надежду, что его дочери выйдут замуж за его подопечных: «[Они] являются наследниками моих друзей и обладают хорошими качествами и добродетелями своих родителей... Я... получил согласие на брак».

Дэнни добавил: «Больше всего я заботился о том, чтобы мое потомство и те, кто должен сочетаться с ними браком, могли должным образом научиться любви и страху Божьему, послушанию своему Государю и долгу перед своей страной»⁵².

Согласно Фрэнсис и Джозефу Гизам, крестьяне в Англии также советовали своим детям найти приличного человека, хотя в некоторых случаях целью было просто найти *кого-нибудь*⁵³. Цель одиноких людей состояла в том, чтобы остаться довольными своим выбором, а не обрести идеального партнера. Эмоциональные ожидания от брака заключались в том, чтобы избежать чрезмерных страданий и, в лучшем случае, сформировать крепкую, но относительно сдержанную форму привязанности.

⁵² Харрис Б. Английские женщины-аристократки, 1450–1550: Брак, семья, собственность и карьера. Oxford University Press, 2002. С. 55 [Harris B. J. English Aristocratic Women, 1450–1550: Marriage, Family, Property and Careers. Oxford University Press, 2002. P. 55].

⁵³ Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. NY: Harper and Row Publishers, 1989. С. 242–243 [Gies F., Gies J. Marriage and the Family in the Middle Ages. New York: Harper and Row Publishers, 1989. P. 242–243].

Короче говоря, рациональность в прошлом не включала в себя почти никаких официально установленных «экспертных» знаний (за исключением, возможно, зельеварения); она состояла в приблизительной оценке экономических активов потенциального супруга; помимо общих приятных качеств, люди очень мало задумывались о том, какие черты им хотелось бы увидеть в своем партнере; поиск не был систематическим, даже когда он проводился за пределами ближайшего окружения; это было групповое или семейное, а не индивидуальное исследование; и, наконец, личный интерес, защищаемый в стратегиях брака, был в основном материальным и явно менее эмоциональным. Эмоции и личные интересы были четко дифференцированными категориями.

Наши предшественники, ищущие спутника жизни, кажутся простофилями по сравнению с современными людьми, которые с младых ногтей до зрелого возраста тщательно продумывают критерии выбора партнера и изощренные средства для достижения своих целей. Такие критерии являются не только социальными и образовательными, но и физическими, сексуальными и, пожалуй, в первую очередь эмоциональными⁵⁴. Психология, интернет-технологии и логика капиталистического рынка, применяемые для выбора партнеров, способствовали созданию культурной личности, которая значительно улучшила и приумножила свои вкусы и способность сделать правильный выбор. Психология, в частности, внесла большой вклад в определение личности как совокупности психологических и эмоциональных качеств и интимности

---

⁵⁴ Следует четко указать на то, что это наблюдение не является моральным. Как предполагает Лоуренс Стоун, в период с конца XVII в. до начала XVIII в. в Англии новая «а-мораль» или даже «безнравственность», похоже, захватила ухаживание и брак. «История за историей, будь то заключение или расторжение брака, свидетельствуют о невероятно циничной, корыстной и хищнической жестокости в человеческих отношениях, которая глубоко оскорбительна для современной эмоциональности». См.: *Стоун Л. Сломанные жизни: Расставание и развод в Англии в 1660–1857 годах.* Oxford: Oxford University Press, 1993. С. 27–28 [Stone L. Broken Lives: Separation and Divorce in England 1660–1857. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 27–28].

как взаимоотношений двух личностей с гармонично сочетающимися качествами и совпадающими вкусами. Гиперосознанный, рациональный способ выбора спутника жизни неразрывно связан с культурным ожиданием того, что любовь обеспечивает подлинные, непосредственные эмоциональные и сексуальные переживания. Такой гиперосознанный метод выбора партнера стал особенно заметным в сфере онлайн-знакомств⁵⁵.

Интернет-сайты знакомств стали очень популярными и прибыльными предприятиями⁵⁶. Онлайн-знакомства представляют собой наиболее важное направление в современном процессе ухаживания⁵⁷. Подобные сайты имеют одну цель:

⁵⁵ Примеры других рациональных методов современного выбора партнеров см.: Ахувия А, Эйдельман М. Формальные посредники на брачном рынке: Типология и обзор // *Journal of Marriage and Family*. 54(2). 1992. С. 452–463 [Ahuvia A., Adelman M. Formal Intermediaries in the Marriage Market: A Typology and Review // *Journal of Marriage and Family*. 54(2). 1992. P. 452–463]; Булкрофт Р., Булкрофт К., Брэдли К., Симпсон К. Управление риском и его проявление в любовных отношениях: Парадокс постмодерна // *Journal of Family History*. 25(1). 2000. С. 63–92 [Bulcroft R., Bulcroft K., Bradley K., Simpson C. The Management and Production of Risk in Romantic Relationships: A Postmodern Paradox // *Journal of Family History*. 25(1). 2000. P. 63–92]; Уолл С., Янг П. В поисках идеальных мужчины и женщины: Самопрезентация на видеосвиданиях // *Journal of Marriage and Family*. 51(2). 1989. P. 483–488 [Woll S., Young P. Looking for Mr or Ms Right: Self-Presentation in Videodating // *Journal of Marriage and Family*. 51(2). 1989. P. 483–488].

⁵⁶ По данным исследователей цифровых технологий comScore Networks, в декабре 2006 г. ведущим сайтом знакомств в США был Yahoo! Personals с более чем 4,5 миллионов просмотров, и сайты знакомств в США получили в общей сложности 20 миллионов просмотров от посетителей США в месяц. С ежемесячными пакетами стоимостью от \$ 9,95 до \$ 49,95 (http://www.onlinedatingtips.org/faq/online_dating_cost.html (дата последнего доступа: 18.10.2011) онлайн-знакомства также являются прибыльным бизнесом. В 2006 г. онлайн-знакомства были второй по величине категорией платного онлайн-контента с доходами более \$ 1 миллиарда (См.: Уортон А. Оценка свиданий вслепую // *Review Today*, May / June 2006 [Wharton A. The Dating Game Assessed // *Review Today*, May / June 2006]). Несмотря на предполагаемое замедление рыночного роста, по прогнозам JupiterResearch, доходы американских сайтов знакомств онлайн достигнут \$ 932 миллионов к 2011 г. (http://findarticles.com/p/articles/mi_m0EIN/is_2007_Feb_12/ai_n17218532/ (дата последнего доступа: 18.10.2011)).

⁵⁷ Приведенный ниже анализ представляет собой перепечатку третьей лекции Адорно 2004 г.

облегчить поиск романтических отношений или даже настоящей любви, основанный на двуедином идеале физической привлекательности и эмоциональной совместимости. Поиск спутника жизни — это больше не поиск того, «кто вам нравится», а скорее, поиск человека, способного удовлетворить продуманные и глубоко прочувствованные душевные устремления, которые, как предполагается, представляют собой результат высокой динамики обмена вкусами. Например, один популярный сайт знакомств Match.com гарантирует, что вы «обретете настоящую любовь»⁵⁸. Сайт рассказывает о счастливых историях с такими заголовками, как «Он полностью перевернул мое представление мире», «Наконец-то мы вместе и это навсегда» и «Мы до смешного счастливы, и это невозможно описать». Personals, сайт знакомств на Yahoo!, обещает, что «Свидания, бабочки, романтика... все это происходит здесь»⁵⁹. И другой подобный сайт eHarmony призывает одиноких «испытать радость подлинной совместимости»: «Позвольте eHarmony уже сегодня помочь вам в поисках вашей второй половинки»⁶⁰. Тем не менее, как я отмечала в своей книге «Холодная интимность» (*Cold Intimacies*), эти пугающие эмоциональные ожидания фактически увеличили масштабы рациональных методов, задействованных в выборе партнера⁶¹, благодаря целому ряду культурных механизмов:

1. *Интеллектуализация*. Профиль отображает процесс поиска в списке уже известных необходимых качеств и качеств, которые можно проанализировать и четко изложить, которые при совпадении укажут на совместимость предполагаемых партнеров (психологический профиль). «Интеллектуализация» является отличительной чертой рационализации и относится к способам, благодаря которым скрытые черты

---

⁵⁸ <http://www.match.com> (дата последнего доступа: 18.10.2011).

⁵⁹ http://personals.yahoo.com/us/static/dating-advice_romancepredictions-07 (дата последнего доступа: 18.10.2011).

⁶⁰ <http://www.eHarmony.org> (дата последнего доступа: 18.10.2011).

⁶¹ Иллюз Е. Охлажденная интимность. Cambridge: Polity Press, 2007 [Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007].

нашего опыта доводятся до нашего сознания, обозначаются и подвергаются подсознательному размышлению⁶².

2. *Рациональное управление потоком свиданий.* Интернет-знакомства обычно включают в себя гораздо больший объем взаимодействий, чем знакомства в реальной жизни; этот большой объем вынуждает участников разрабатывать стандартные методы для более легкого и эффективного управления постоянным потоком заинтересованных людей. Как выразился Нил Смелсер, компьютер служит «поистине рационализаторским устройством»⁶³.

3. *Визуализация.* Один из наиболее важных элементов, способствующих рационализации романтических отношений, связан с тем, что теперь пользователи могут увидеть своих потенциальных партнеров на одном снимке. В то время как в реальном мире рынок партнеров остается виртуальным — лишь предполагаемым, скрытым и всегда невидимым, в сети, рынок является реальным и осязаемым, именно благодаря тому, что пользователи интернета могут фактически отчетливо *представить* себе группу потенциальных партнеров и сравнить их между собой до предполагаемого свидания. Интернет предлагает возможные варианты, как на «шведском столе», и подстрекает к режиму выбора, обусловленному экономической сферой, тем самым мешая наиболее интуитивным или эпифаническим способам познания. Эта рационализация предусматривает сознательное, регламентированное правилами сравнение и выбор среди альтернативных средств для достижения данной цели. Этот формальный процесс рассуждений учитывает различные направления действий, которые мы

---

⁶² Вебер М. Наука как призвание // in H. H. Gerth and C. W. Mills (eds) Max Weber: Essays in Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1970 [1946]. С. 129–156 [Weber M. Science as a Vocation // in H. H. Gerth and C. W. Mills (eds) From Max Weber: Essays in Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1970 [1946]. P. 129–156].

⁶³ Смелсер Н. Дж. Рациональность и амбивалентность в Социологии: Послание президента 1997 // American Sociological Review. 63(1). 1998. С. 2 [Smelser N. J. The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences: 1997 Presidential Address // American Sociological Review. 63(1). 1998. P. 2].

хотим предпринять, и применяет систематизированный подход к достижению наших целей⁶⁴.

4. *Соизмерение*. В сочетании с идеологией психологии и рыночной идеологией интернет узаконивает процесс *соизмерения*. Венди Эспеланд и Митчелл Стивенс определяют это следующим образом: «[С]оизмерение включает использование чисел для создания отношений между вещами. Соизмерение превращает качественные различия в количественные, где разница четко выражается как величина, соответствующая некоторой общей системе мер»⁶⁵. Совокупное воздействие психологии, интернета и капиталистического рынка приводит к тому, что потенциальных партнеров можно сопоставить, измерить и сравнить друг с другом в соответствии с новыми методами и когнитивными инструментами оценки.

5. *Конкурентоспособность*. Наиболее очевидным эффектом визуализации рынка является внедрение способов классификации, которые были предположительными в процессе выбора партнеров в эпоху отсутствия интернета. В эту эпоху поиск основывался главным образом на том, что когнитивный психолог Гэри Клейн относит к «интуиции», к тому: «Как мы превращаем опыт в действие [или] в комплекс предчувствий,

---

⁶⁴ Вебер М. Наука как призвание // in Н. Н. Gerth and C. W. Mills (eds) Max Weber: Essays in Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1970 [1946]. С. 129–156 [Weber M. Science as a Vocation // in Н. Н. Gerth and C. W. Mills (eds) From Max Weber: Essays in Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1970 [1946]. P. 129–156]; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. London: Routledge, 2002 [1930] [Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Routledge, 2002 [1930]]. Также о рационализации Вебера см.: Олброу М. Создание социальной теории Макса Вебера. Basingstoke: Macmillan, 1990 [Albrow M. Max Weber's Construction of Social Theory. Basingstoke: Macmillan, 1990]; Шлюхтер В. Подъем Западного рационализма: История развития Макса Вебера. Berkeley: University of California Press, 1981 [Schluchter W. The Rise of Western Rationalism: Max Weber's Developmental History. Berkeley: University of California Press, 1981]; Уимстер С., Лэш С. Макс Вебер, Рациональность и модернизм. London: Allen and Unwin, 1987 [Whimster S., Lash S. Max Weber, Rationality and Modernity. London: Allen and Unwin, 1987].

⁶⁵ Эспеланд В., Стивенс М. Соизмеримость как социальный процесс // Annual Review of Sociology. 24. 1998. С. 316 [Espeland W., Stevens M. Commensuration as a Social Process // Annual Review of Sociology. 24. 1998. P. 316].

порывов, озарений, интуитивных ощущений, ожиданий и суждений, вытекающих из предыдущих событий нашей жизни»⁶⁶. Интуиция — это неосознанная форма суждения и оценки, основанная на эмоциональном значении, которое имеют для нас объекты. Онлайн-знакомства, напротив, узаконивают формальную, осознанную и систематическую форму рациональности, в которой мы даем оценку окружающим, определяя их как набор качеств, оценивая их в самых разных аспектах и сравнивая их с другими. Интернет создает условия для развития сопоставительного образа мышления, что становится возможным благодаря тому, что технология предусматривает выбор и предлагает инструменты (такие как «оценочные карты») для измерения относительных преимуществ каждого потенциального партнера. Если потенциальных партнеров можно оценить в соответствии с определенной системой мер, они становятся взаимозаменяемыми и в принципе могут быть улучшены. То есть остановиться на «достаточно хорошем» выборе теперь все труднее.

6. *Максимизация выгоды.* Наконец, в соответствии с логикой потребительской культуры технология позволяет и даже поощряет растущие требования и развитие вкуса. Как сказано в одном пособии по интернет-свиданиям: «[Ч]ем больше у вас опыта, тем изысканней ваш вкус и тем меньше людей вы готовы принимать во внимание»⁶⁷. Прежний прагматический рационализм выбора партнера уступил место всепроникающей расчетливой, рыночной и высокотехнологичной рациональности, мотивированной желанием максимизировать и усовершенствовать свою выгоду. Замечание Бурдые об общем духе экономики возможно как нельзя лучше подходит для

⁶⁶ Клейн Г. Сила интуиции: Как использовать свои внутренние ощущения для принятия лучших решений на работе. NY: Currency, 2004. С. 293 [Klein G. The Power of Intuition: How to Use Your Gut Feelings to Make Better Decisions at Work. New York: Currency, 2004. P. 293].

⁶⁷ Катц Е. Не могу поверить, что покупаю эту книгу: Практическое руководство по знакомству в Интернете. Berkeley: Ten Speed Press, 2004. С. 103 [Katz E. I Can't Believe I'm Buying This Book: A Commonsense Guide to Internet Dating. Berkeley: Ten Speed Press, 2004. P. 103].

того, чтобы отразить рассматриваемый процесс: «Дух расчета... во всех практических областях постепенно берет верх над логикой внутренней экономики, которая основывалась на сдерживании или, точнее, на отрицании расчета»⁶⁸. Действительно, сайты знакомств в интернете демонстрируют потребительскую логику все большего сужения, определения и усовершенствования вкусов и постоянного сравнения альтернативных возможностей.

Предоставляя пользователям возможность исследовать огромное количество вариантов, интернет побуждает их максимизировать свой выбор партнеров беспрецедентными способами, которые заметно расходятся с методами выбора в прошлом, когда останавливались на первом достаточно хорошем выборе и выбирали раньше, причем из более узкого круга потенциальных партнеров. Сама максимизация результатов превратилась в цель⁶⁹. Многие респонденты признают, что выбор настолько велик, что они вступают в контакт только с теми людьми, которые очень четко соответствуют их разнообразным притязаниям, включая внешность, сексуальные характеристики, психологический и эмоциональный склад. Большинство респондентов сообщают, что они стремились найти «более совершенных» людей, чем в начале своего поиска, что указывает на то, что их вкусы и амбиции изменились.

Очевидно, что онлайн-знакомства, совершаемые с помощью культурных рецептов психологических профилей и по-

---

⁶⁸ Бурдьё П. Социальные структуры экономики. Cambridge: Polity Press, 2005. С. 6 [Bourdieu P. The Social Structures of the Economy. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 6].

⁶⁹ Примеры последствий максимизации полезности для удовлетворенности и мотивации см.: Шварц Б. Парадокс выбора: почему больше значит меньше. NY: Ecco Press, 2004 [Schwartz B. The Paradox of Choice: Why More is Less. New York: Ecco Press, 2004]; Айенгар Ш., Леппер М. Когда выбор демотивирует: Можно ли желать слишком много хорошего? // Journal of Personality and Social Psychology. 79. 2000. С. 995–1006 [Iyengar S., Lepper M. When Choice is Demotivating: Can One Desire Too Much of a Good Thing? // Journal of Personality and Social Psychology. 79. 2000. P. 995–1006].

требительской логики, иллюстрируют, как соискатели используют продуманные рациональные стратегии для достижения своих романтических желаний. Как полагает социолог Джеффри Александер: «Постепенное проникновение компьютера в поры современной жизни углубило то, что Макс Вебер назвал рационализацией мира»⁷⁰. Интернет, как никакая другая технология, радикализировал представление о личности как о «выбирающей» и идею о том, что романтическое свидание должно быть результатом наилучшего выбора. То есть виртуальная встреча стала гиперпознаваемой, результатом рационального метода сбора информации для выбора партнера.

Интернет стал организован как рынок, где вы можете сравнить достоинства и «ценности», присущие людям, и отдать предпочтение «самой выгодной сделке». Ценности, присущие людям, включают социально-экономические достижения и уровень образования, а также их внешний вид, психологический склад и направленность образа жизни.

Интернет ставит каждого человека, ищущего партнера на открытом рынке, в открытую конкуренцию с другими, тем самым радикализируя представление о том, что можно и нужно улучшить свои романтические условия и что (потенциальные или фактические) партнеры в высшей степени взаимозаменяемы. Язык рынка проник и в печатные издания, например: «Говоря языком маркетинга, женщины в сфере интернет-знакомств сталкиваются с ошеломляющим выбором. Это закон спроса и предложения»⁷¹. Или: «Интернет-знакомства — это

⁷⁰ Александер Дж. Значения социальной жизни: Культурная социология. Oxford: Oxford University Press, 2003 [Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003]; Смелзер Н. Дж. Рациональность и амбивалентность в Социологии: Послание президента 1997 // American Sociological Review. 63(1). 1998 [Smelser N. J. The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences: 1997 Presidential Address // American Sociological Review. 63(1). 1998].

⁷¹ Эдгар Х. Б., Эдгар Х. М. Интернет знакомства: Первый мужской ресурс для поиска, привлечения, встреч и знакомств с женщинами онлайн. Aliso Viejo, CA: Purple Bus Furnishing, 2003. С. 22 [Edgar H. B., Edgar H. M. Internet Dating: The Premier Men's Resource for Finding, Attracting, Meeting and Dating Women Online. Aliso Viejo, CA: Purple Bus Furnishing, 2003. P. 22].

лотерея. <...> Поэтому, чтобы успешно разрекламировать себя перед этими женщинами, следует найти способы выгодно отличаться от других мужчин»⁷².

Проникновение языка и методов маркетинга в сферу межличностных отношений знаменует переход к технологиям взаимозаменяемости, т. е. к технологиям, которые расширяют круг выбора, позволяют быстро переходить от одного партнера к другому и устанавливают критерии сравнения партнеров и сравнения себя с другими. Такая практика оценки вступает в противоречие с концепцией любви, в которой нельзя постичь или познать другого человека рациональными методами, которая, можно даже сказать, составляет парадигму определенной модели отношений. По определению Жака Дерриды:

Структура моего отношения к другому представляет собой «отношение без отношения». Это отношение, в котором другой остается абсолютно трансцендентным. Я не могу дотянуться до него. Мне неведом его внутренний мир... Но это не препятствие, а условие любви, дружбы, а также войны, это условие отношения к другому⁷³.

Такое представление о любимом человеке — трансцендентном и несоизмеримом — все больше и больше утрачивается под натиском идеологии и технологий выбора.

Это, в свою очередь, говорит о том, что одновременно и любовь, и здравый рассудок стали рационализированными в том плане, что наши рассудительные предшественники имели довольно неразвитую форму рациональности при выборе любви и брака по сравнению с нашей. Технологии выбора отмечают исчезновение нерациональных способов выбора партнера, преимущественно ориентированных на конкретных людей, в которых эмоции приведены в действие небольшим количеством знаний или информации о них и в которых ро-

---

⁷² Там же. С. 21–22.

⁷³ Деррида Ж. Деконструкция в кратком изложении: Разговор с Жаком Дерридой. NY: Fordham University Press, 1997. С. 14 [Derrida J. Deconstruction in a Nutshell: A Conversation with Jacques Derrida, ed. J. Caputo. New York: Fordham University Press, 1997. P. 14].

мантические партнеры рассматриваются как уникальные сущности, а не как единицы, измеряемые по высоко познаваемым критериям и сравниваемые друг с другом.

Однако необходимо сделать оговорку: описывая влияние рационализации на романтические отношения, мы должны помнить о необходимости провести грань между ее различными источниками. Например, феминизм и научную терминологию объединяет общая цель контроля над отношениями, превращение их в объект процедур и правил и отнесение их к абстрактным принципам и процедурам, обусловленным правовой и экономической сферами. Тем не менее феминизм и рационализация любви с помощью капиталистической науки и технологии имеют важные и отличающиеся последствия для политики чувств. Феминизм создает методы контроля, которые позволяют личности контролировать неравенство возможностей для создания в итоге равных диалогических отношений. Капиталистическая рационализация, напротив, воспроизводит и оправдывает неравенство, создавая техники для классификации партнеров и для удовлетворения потребностей и предпочтений (т. е. закрепляя их в жестких рамках). Феминистская практика выступает против любой инструментализации тел и личностей; в отличие от этого практика выбора, основанная на лексике и эмоциональной грамматике рынка, не препятствует, а даже поощряет инструментализацию. Тем не менее то, что *должно* быть дифференцировано с точки зрения правовых норм, не всегда может быть дифференцировано как культурная практика, поскольку научный язык, феминизм и интернет-технологии — все это способствует разрушению эротической связи с помощью формальных правил, предоставляемых системами научных знаний, технологиями и договорным процедурализмом. Я утверждаю, что этот тройственный процесс рационализации глубоко изменил природу романтического желания и природу романтической веры.

Чувственная любовь и ирония

На первый взгляд, этот анализ может привести нас прямо к утверждению, сделанному, среди прочих, Кристиной Неринг, которая сожалеет об утрате страсти, вызванной новыми требованиями равенства. Неринг обоснованно и элегантно диагностирует изменение эмоциональной температуры современных влюбленных и приписывает его новым нормам равенства и единообразия. Она пишет: «Возможно, самая трудная ситуация в любовных отношениях — именно та, которую мы так официально и назойливо стремимся сегодня достичь: равенство»⁷⁴. Тем не менее, хотя предыдущий анализ может показаться подобным суждению Неринг, он отличается от него, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, в истории есть не только примеры знаменитого обращения Эмили Дикинсон к таинственному любимому, которого она называет своим «хозяином» (по всей видимости, игриво искажая любые претензии на равенство), но и вдохновляющие примеры Элизабет Барретт и Роберта Браунинга, Дидро и Софи Вolland, Гарриет Тейлор и Джона Стюарта Милля, Сартра и Симоны де Бовуар, для которых партнерство и равенство были мощными стимуляторами химической формулы их любви. На самом деле неравенство, пожалуй, в гораздо большей степени разъедает любовь, чем равенство. Утверждать, что равенство антиэротично — значит просто во многом не замечать тот факт, что неравенство порой влечет за собой унижение, стыд и грубость, условия, вряд ли способствующие эротизму. Но основным источником моих разногласий с Неринг является то, что она путает равенство с более диффузным процессом рационализации любви, т. е. с тем фактом, что романтическая жизнь стала регулироваться различными механизмами, такими как научные знания, технологии выбора и процедурные правила для обеспечения симметрии, взаимности и согласия.

---

⁷⁴ Неринг К. Оправдание любви: Возвращение романтики в двадцать первом веке. NY: HarperCollins, 2009. С. 79 [Nehring C. A Vindication of Love: Reclaiming Romance for the Twenty-First Century. New York: HarperCollins, 2009. P. 79].

Не равенство как таковое понизило температуру романтических отношений, а тот факт, что процедурализм, научная рефлексивность, контрактуализм и рациональность потребителей вступили в конфликт с традиционными способами эротизации гетеросексуальных отношений. Рационализация противоречит смысловым режимам, в рамках которых мужчины и женщины исторически испытывали и выражали сексуальное желание. Именно эти режимы я хочу рассмотреть сейчас. Поскольку исторически сексуальное желание запрограммировано в неравенстве мужчин и женщин, ситуация, с которой мы сталкиваемся в начале XXI в., как раз и является той, в которой нарушаются традиционные ритуалы сексуального взаимодействия и динамика сексуального желания. Эту традиционную динамику эротического желания я анализирую ниже.

Эротика эротике рознь

Почему романтические практики, строго запрограммированные по половому признаку, такие как «открытие дверей для женщин», преклонение колен в процессе признания в любви, огромные букеты цветов, «воспринимаются» более эротично, чем просьба дотронуться до женской груди? Это происходит потому, что строго запрограммированные гендерные практики добиваются сразу нескольких целей: они эстетизируют власть мужчин над женщинами; они относят господство к категории чувств и почтительного отношения, иначе говоря, делают власть завуалированной и подразумеваемой; они позволяют превращать отношения между полами в ритуал, т. е. организованы по четкой смысловой схеме; и они позволяют играть значениями, так как почтительное отношение (открытие двери) может быть эротически привлекательным только в том случае, если это насмешливое почтение, т. е. игра могущественной стороны (почтение раба не столь эротически соблазнительно, как почтение обладающего властью человека). Феминистские практики деэротизируют понимаемые таким образом гендерные отношения, поскольку они направлены, прежде всего, на то, чтобы сделать власть явной

и тем самым распутать паутину подразумеваемых смыслов, в которой власть прячется и эстетизирует себя. Луи Дюмон, один из ведущих аналитиков современности, проясняет эту динамику, предполагая, что существует внутреннее родство между властью и глубокими или эстетизированными смыслами. По его словам: «Ключ к нашим ценностям найти легко. Два наших главных идеала — это равенство и свобода»⁷⁵. И эти ценности, предполагает Дюмон, сглаживают восприятие социальных отношений:

Первая особенность, которую следует подчеркнуть, состоит в том, что понятие равенства людей влечет за собой понятие их сходства. <...> Если равенство понимается как коренящееся в самой природе человека и отрицается только порочным обществом, то, поскольку больше нет никаких правовых различий в положении или имуществе, или в типах людей, все они одинаковы и даже идентичны, и к тому же равны.

Вспоминая де Токвиля, Дюмон добавляет: «Там, где царит неравенство, существует столько же различных человеческих качеств, сколько и социальных категорий»⁷⁶. Дюмон является сторонником такого рода существенных различий, которые складываются между разными социальными и культурными группами в Индии, например. По его мнению, правая и левая рука — не просто полярные симметричные противоположности; скорее, они различны сами по себе, поскольку имеют разные взаимоотношения с телом. Таким образом, Дюмон предполагает, что равенство влечет за собой потерю качественных различий. Он использует аналогию с правой и левой рукой, поскольку обе они необходимы телу, но при этом радикально отличаются друг от друга. С несовременной неэгалитарной точки зрения, ценность каждой руки — левой и правой — коренится в ее отношении к телу, имеющему более высокий статус.

---

⁷⁵ Дюмон Л. *Homo Hierarchicus: опыт описания системы каст*. Chicago: University of Chicago Press, 1970 [1966]. С. 4 [*Dumont L. Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications*. Chicago: University of Chicago Press, 1970 [1966]. P. 4].

⁷⁶ Там же. С. 16.

Это уклонение от подчинения, или, если назвать его истинным именем, трансцендентность, заменяет плоский взгляд на глубокое представление и в то же время является корнем «атомизации» (т. е. разобщения), на которую так часто жалуются романтические или ностальгические критики модернизма. <...> В современной идеологии предыдущая иерархическая вселенная развернулась веером плоских представлений подобного рода⁷⁷.

Смысловый режим, на который указывает Дюмон, — это режим, в котором трансцендентность порождается способностью жить в рациональной, целостной, иерархически упорядоченной нравственной и социальной вселенной. Подобно правой и левой руке, эротизм, развитый в западной патриархальной культуре, был основан на аналогичной дихотомии между мужчинами и женщинами, каждый из которых радикально отличался от другого и утверждал свою собственную глубокую индивидуальность. Именно эта глубокая разница традиционно эротизировала отношения между мужчиной и женщиной, по крайней мере, с тех пор, как эти индивидуальности стали сильно эссенциализированными. Можно также предположить, что власть порождает глубокие смыслы, потому что ее почти всегда нужно скрывать. По этой причине она вынуждена создавать неоднозначные смыслы, которые одновременно принуждают к насилию и уклоняются от него. Такое уклонение производится эстетизацией властных отношений в виде мужского кодекса «галантности» и традиционного романтического ухаживания.

Эротика как прерывистость

Ролан Барт дает интересное дополнительное определение эротики:

Разве самая эротическая часть тела не там, где *распахивается одежда*? В извращении (где царит буквальное удовольствие) нет

---

⁷⁷ Дюмон Л. Размышления об индивидуализме: Современная идеология с точки зрения антропологии. Chicago: University of Chicago Press, 1986 [1983]. С. 249 [Dumont L. Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 1986 [1983]. P. 249].

«эрогенных зон». Именно прерывистость, как справедливо утверждает психоанализ, эротична; прерывистость кожи, мелькающей между двумя краями или предметами одежды (брюками и свитером, в вырезе блузки или между перчаткой и рукавом); именно этот промельк соблазняет или, скорее, чередование появления и исчезновения⁷⁸.

Динамика эротики — это воздействие откровения и тайны, поскольку можно предположить, что такое чередование разыгрывает и повторяет смену недостатка (эротики) удовлетворенностью ее созерцания. Сексуальное освобождение и «политически корректные» портновские и физические практики, напротив, имеют тенденцию подрывать эту динамику, поскольку они сглаживают поверхности тела, делая их равными, либо в обнажении (политика сексуального освобождения — пребывание на нудистском пляже, например), либо в их укрывании (разоблачение тела становится политически незаконным проявлением воплощенной сексуальности). Более того, одежда, приоткрывающая фрагменты тела, указывает на отсутствие определенности в вопросе о границах, о том, что такое эротика, и о том, когда и где такой эротизм допустим или недопустим. Прерывистость создает форму семиотической расплывчатости и неоднозначности. Здесь также процедуры политкорректной речи и дресс-кода устраняют неоднозначность и стремятся сделать речь и тело единообразными, четко определяя зоны допустимого и недопустимого контакта. Коротко говоря, наши новые правила приводят к устранению неопределенности.

Поглощение и самоотречение

В очень интересном анализе философ Ричард Шустерман предполагает, что эротический опыт на самом деле является формой опыта эстетического. В противовес кантовской эстетике отрешенности он полагает, что эротические переживания

---

⁷⁸ *Барт Р.* Удовольствие от текста. London: Jonathan Cape, 1975 [1973]. С. 9–10 [*Barthes R.* The Pleasure of the Text. London: Jonathan Cape, 1975 [1973]. P. 9–10].

эстетичны именно в том интенсивном поглощении, которое они требуют и порождают.

Сексом можно наслаждаться как с точки зрения его аристотелевского приносящего удовлетворение всепоглощающего чувства активности, так и с точки зрения сопутствующих ему приятных ощущений; он мощно отражает феноменологический масштаб субъективного наслаждения, но также сознательно направлен на объект (обычно на другого человека), что структурирует опыт, формирует его качество и придает ему глубокий смысл... Половой акт, являющийся когнитивным опытом, одновременно дающим знания о собственном теле и разуме и о теле и разуме сексуальных партнеров, как правило, демонстрирует уникальное единство последовательности и завершенности, ощущение того, что все развивается согласованно и мощно для достижения цели. Он также заметно выделяется на фоне повседневного однообразного опыта. Сексуальный опыт включает в себя широкий спектр эмоций, часть которых не имеет себе равных по своей интенсивности, и демонстрирует как моменты активного самоуверенного обладания, так и поглощающего подчинения воле партнера⁷⁹.

Сексуальный/эротический опыт противопоставляется аналитическому, рациональному мышлению, которое фрагментирует опыт, разделяет его и нарушает его поток и непосредственность. Он полностью поглощает личность. Разделяя мнение Вебера, Шустерман противопоставляет «сдержанное, контролируемое разумом удовольствие и более страстный восторг от переживания, которое переполняет субъекта»⁸⁰. Вебер во многом соглашался с этим, утверждая, что

влюбленный осознает себя частичкой истинно живого, извечно недоступного любым рациональным стремлениям. Он знает, что полностью освободился от холодных костлявых рук рациональных приказов так же, как от банальности повседневной рутины. Сознание

---

⁷⁹ Шустерман Р. Эстетический опыт: от анализа к эросу. London: Routledge, 2008. С. 92–93 [Shusterman R. Aesthetic Experience: From Analysis to Eros // Aesthetic Experience / in R. Shusterman and A. Tomlin (eds). London: Routledge, 2008. P. 92–93].

⁸⁰ Там же. С. 89.

влюбленного покоится на неизъяснимости и неисчерпаемости его собственного опыта. Переживание никоим образом не может быть передано, и в этом отношении оно подобно «обладанию» тайной. Это происходит не только благодаря глубине переживаний влюбленного, но и благодаря непосредственности захватившей его реальности⁸¹.

Эротика охватывает всю совокупность ощущений и, следовательно, не может быть сведена к категориям знания. Это означает также, что способы объяснения, продиктованные эротической сферой, неизбежно нерациональны. «Не закончившееся браком эротическое общение будет считаться созданным каким-либо иным образом, а не благодаря таинственному *предназначению: судьбе* в высшем смысле этого слова»⁸². Судьба может быть единственным объяснением любви, поскольку она вызывает чувства, не объясняя их. Это делает чувства предопределенными. Таким образом, эротический опыт не может признать фактор, не свойственный его переживанию. Эротизм — это определенный смысловой режим, в котором господствуют конкретность, специфичность, целостное суждение и непреодолимость опыта. Рационализированный смысл противостоит эротическому опыту, поскольку он интеллектуализирует его и вводит дистанцию между опытом и знанием, предшествующим ему. Таким образом, он разрушает чрезмерный эгоцентризм.

Эротика как излишнее расточительство

При попытке охарактеризовать современный взгляд на любовь поражает тот факт, что традиционно, поскольку романтическая любовь была институционально вне супружества, она отстаивала ценности, противоположные ценностям института брака, такие как личные интересы и сохранение рода. В то время как брак мог быть мотивирован семейными союзами

---

⁸¹ Цит. по: *Гейн Н.* Макс Вебер и постмодернистская теория: рационализация против повторного очарования. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. С. 143 [*Gane N.* Max Weber and Postmodern Theory: Rationalization versus Re-enchantment. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 143].

⁸² Там же.

и экономическими интересами, любовь как таковая рассматривалась как консуммация (начало половой жизни), угрожающая экономическому и социальному порядку. Взгляды Жоржа Батая на практическую ценность представляют собой очень интересную отправную точку для размышлений об этом. Батай предлагает следующую гипотезу для анализа большого числа кажущихся несопоставимыми явлений, экономических, сексуальных, эстетических, а именно, что продуктивность, самосохранение и личные интересы не являются первичными для социального порядка. Напротив, он предполагает, что непродуктивное расточительство, саморазрушительное и нецелесообразное поведение являются более первичными. Войны, ритуалы, дорогие удовольствия, игры, роскошные памятники — все это примеры того, что он называет «*dépense*», словом, имеющим два значения, — трата и расточительство. На самом деле именно расточительство передает смысл этих видов деятельности, и именно жертва порождает святость⁸³.

Эротизм принадлежит к той сфере прагматического поведения, в которой личность не только отказывается от себя, но и рискует растратить себя, испытать боль. В противоположность этому психотерапия и феминизм разделяют попытку сделать психику, особенно женскую, способной избежать растрачивания себя на те формы привязанности, которые не служат проекту здоровой, независимой и самореализованной личности. Тот, кого Филипп Рифф называет «психологическим человеком», тщательно взвешивающим свои удовольствия и неудовлетворенности» и рассматривающим «невыгодные обязательства как грехи, которых следует избегать больше всего»⁸⁴, — это мужчина (или женщина), уклоняющиеся от самоотверженных форм любви, присущих эротическим и романтическим

⁸³ Батай Ж. Проклятая доля: Тома II и III: История эротизма и суверенитета. NY: Zone Books, 1992 [1946–1949] [Bataille G. The Accursed Share: Volumes II and III: The History of Eroticism and Sovereignty. New York: Zone Books, 1992 [1946–1949]].

⁸⁴ Рифф П. Фрейд: разум моралиста. NY: Pantheon Books, 1984. С. 278 [Rieff P. Freud: The Mind of the Moralizer // quoted in W. I. Susman, Culture as History. New York: Pantheon Books, 1984. P. 278].

переживаниям, в обретении которых самоотречение играет решающую роль. Как говорит Жан-Люк Марион:

Препятствие, затрудняющее открытие любовного поля, — препятствие эротическое, а не эпистемологическое (теоретико-познавательное) или онтическое (сущностное) — состоит в самой взаимности; и взаимность приобретает эту силу лишь для того, чтобы создавать препятствие, поскольку, можно предположить, без доказательств или объяснений, что она одна создает условия тому, что эго считает «счастливой любовью»⁸⁵.

Но Марион добавляет, что взаимность — невыполнимая задача, поскольку она уводит человека из сферы любви в сферу торговли, несовместимой с любовью. Такой взгляд на любовь становится все более неправомерным, поскольку очевидно, что расточительность в виде самоотречения и самопожертвования носит однобокий характер и служит украшающим идеологическим средством для извлечения избыточной эмоциональной ценности женщин.

Семиотическая определенность

Подлинная идентичность и ритуализованное поведение создают семиотическую определенность, которая, как это ни парадоксально, является условием для создания приятных неоднозначных толкований. То есть властные отношения, как правило, организуются в устойчивых и четких рамках смысла, поскольку властные структуры имеют тенденцию порождать, утверждать и укреплять смысл. Неоднозначность становится возможной, когда устойчивые значения подменяются и искажаются. Например, андрогинный мужчина (или женщина) является андрогинным (и привлекательным как таковым) только потому, что показатели мужественности и женственности в остальном являются четкими и стабильными. Андрогин-

---

⁸⁵ Марион Ж.-Л. Эротический феномен. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. С. 69–70 [Marion J.-L. The Erotic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press, 2007 [2003]. P. 69–70].

ность не может быть культурно закодирована, если она не играет на хорошо известных признаках мужественности и женственности. Если бы мужественность и женственность были семиотически неопределенными, андрогинность нельзя было бы семиотически получить. Таким образом, именно семиотическая определенность может создавать неоднозначность, ощущение игры и удовольствия. В противоположность этому освобождение романтических отношений от давления власти имеет семиотический эффект, в результате которого гендерные признаки становятся менее заметными, таким образом, уменьшается способность порождать неоднозначность, часто считающуюся компонентом соблазнения. Например, Кэтрин Таунсенд сетует на отсутствие страсти у нового «деликатного человека»:

С деликатным человеком невозможно понять, хочет ли он, чтобы я сидела у него на коленях или в Starbucks, обсуждая состояние Вселенной. Если мне захочется послушать о чувствах, я могу позвонить подруге. В совершенно новом любовном романе я хочу горячего секса, а не горячего чая!

Уважение — это классно, но когда дело доходит до спальни, равноправие не всегда равноценно эротике. Когда Марлон Брандо схватил масло в «Последнем танго в Париже», сомневаюсь, что он размышлял о политкорректности.

Предыдущие поколения мужчин считали секс покорением — похабным, непристойным, забавным и грязным⁸⁶.

Таунсенд (невольно) возражает здесь Неринг и предполагает, что равенство лишает эротизм и сильно закодированные гендерные идентичности, их игривости. Она сожалеет об отсутствии игривости и неоднозначности, присущих культурной практике «соблазнения», как полубессознательной игры тела и языка, нацеленной на вызов желания в другом. Характеризуя идеального соблазнителя, Роберт Грин указывает на

---

⁸⁶ Таунсенд К. Почему некоторые мужские «горячие» сексуальные сцены оставляют меня равнодушной // Independent. January 7, 2010 [Townsend C. Why Some Men's 'Hot' Sex Scenes Leave Me Cold // Independent. January 7, 2010].

важность сохранения незавершенного характера романтических взаимоотношений, включающего возрастающую неопределенность, передачу смешанных сигналов, овладение искусством оболъщения, переплетение желаемого и действительного, смешивание удовольствия и боли, возбуждение желания и смятения, приглушение элемента сексуальности, не избавляясь от него, отказ соответствовать каким-либо стандартам, замедление удовольствия и лишение полного удовлетворения⁸⁷.

Неоднозначность — это, по сути, способ сохранения неопределенности в отношении намерений говорящего. Неоднозначность в этом смысле дает свободу, создавая благоприятные условия для произнесения ничего не значащих слов и позволяя выдавать свою идентичность за другую. Как выразились Шади Барч и Томас Бартшерер (используя противоречивое отношение вместо неоднозначности): «Противоречивое отношение заложено в эротическом феномене»⁸⁸. Оболъщение часто использует неоднозначные кодексы, которые делают прототипов-оболъщителей западной культуры образцом определенной формы свободы от морали, поскольку противоречивое отношение и неоднозначность по существу являются способами поддержания неопределенности в отношении намерений говорящего. Они дают и власть, и свободу, т. е. способность говорить что-то, не имея это в виду, способность подразумевать несколько значений одновременно. Соблазнитель использует неоднозначную речь, поскольку не подчиняются нормам искренности и симметрии. Так называемые политкорректные практики, напротив, требуют формы прозрачности и отсутствия двусмысленности — чтобы обеспечить максимальную договорную свободу и равенство и тем самым

---

⁸⁷ Грин Р. Искусство соблазнения. NY: Viking Press, 2004 [Greene R. The Art of Seduction. New York: Viking Press, 2004].

⁸⁸ Что написала молчаливая любовь: Введение // Эротикон: Размышления об Эросе, древнем и современном / под ред. В. Ш. Барч и Т. Барчерер. Chicago: University of Chicago Press, 2005. С. 7 [What Silent Love Hath Writ: An Introduction // Erotikon: Essays on Eros, Ancient and Modern / S. Bartsch and T. Bartscherer (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 7].

нейтрализовать традиционный риторический и эмоциональный ореол обольщения.

Рационализация любви подорвала режимы смысла, на которых основаны эротика и любовь: они включают неоднозначность, прерывистость, завуалированность речи, игривость и трансцендентность. Традиционное обольщение и эротизм основаны на весьма частичном знании другого, на некоторой неосознанности личности, на способности порождать неопределенность. Обобщая взгляды Канта на эстетику, Джеффри Александер предполагает, что «именно способность уклонения от принятия решений с помощью рационального мышления или нравственного понимания, а не абсолютное отмежевание от них, делает переживание эстетическим, дает саму свободу от априорной решимости, которая вслед за эстетическим опытом предусматривает, в свою очередь, большее концептуальное и нравственное развитие»⁸⁹.

Четырехкратная забота о нейтральном языке, симметричных властных отношениях, процессуальной справедливости и явно выраженном согласии создает помехи и нарушает правила неясности и двусмысленности в культурной сути либидо, понимаемом здесь *не* как универсальная постоянная, а как исторически сложившийся определенный способ организации сексуального желания: поскольку женственность в значительной степени определяется проявлениями зависимости, неравенство возможностей власти лежит в основе женских и мужских желаний и эротики (в этом Неринг совершенно права). Иными словами, институциональные процедуры для осуществления симметричных проявлений власти ставят под сомнение очень давнюю культурную традицию, в которой эротизировалась власть мужчин и ее отсутствие у женщин, причем именно это неравенство возможностей порождало богато структурированные значения. Таким образом, позвольте мне

---

⁸⁹ Александер Дж. Каноническое сознание: Материальное ощущение смысла // Environment and Planning D: Society and Space. 26. 2008. С. 789 [Alexander J. Iconic Consciousness: The Material Feeling of Meaning // Environment and Planning D: Society and Space. 26. 2008. P. 789].

предложить следующую гипотезу: если «политкорректный» язык вызвал насмешки, неудобство и чувство неудовлетворенности в культурном отношении, то это потому, что он подорвал и обнажил идеологическую составляющую, которая скрепляла воедино мужскую и женскую гендерную идентичность и равенство возможностей и делала их эротическими и *приятными* — из-за спонтанности и нерелексивности — оставляя нетронутыми гендерную структуру и иерархию. То есть неприемлемым политкорректный язык делает то, что он исключает чувственные фантазии и удовольствие, на которых построены традиционные гендерные отношения, но принципиально не потрясает и не трансформирует структуру гендерного неравенства, которое подтачивает эмоциональное ядро отношений (позволяя женщинам заботиться о своих детях, совмещая с частичной занятостью, и выполнять всю эмоциональную работу в контексте отношений). Другими словами, равенство требует переосмысление эротизма и романтического желания, которое еще предстоит осуществить.

Неуверенность, ирония или проблемы равноправия

Утрата страсти и чувственности связана с двумя культурными проявлениями эмоциональности, обусловленными равенством, а именно: с неуверенностью и иронией. Если, как утверждает Уильям Джеймс, эмоции служат для «изгнания неопределенности из будущего»⁹⁰, то очевидно, что процесс рационализации подорвал эту способность обрести уверенность, в результате чего неопределенность и ирония доминируют в культурном климате романтических отношений.

Эмоциональный контрактуализм (отношения, обусловленные свободной волей, равенством и симметрией) парадоксальным образом влечет за собой семиотическую неуверенность, т. е. постоянную озабоченность адекватностью собственного

---

⁹⁰ Джеймс У. Воля к вере: и другие очерки популярной философии, бессмертие человека. NY: Courier Dover Publications, 1956 [1897]. С. 77 [James W. The Will to Believe: and Other Essays in Popular Philosophy, and Human Immortality. New York: Courier Dover Publications, 1956 [1897]. P. 77].

поведения и трудностью усвоения надлежащих правил поведения в данных взаимоотношениях. Как пишет Морин Дауд:

Мои друзья-геи, похоже, также сбиты с толку современным этикетом любовного общения. Как кто-то сказал: «Моя команда может стать своеобразным барометром того, что ожидает вашу: что произойдет, когда желаемое гендерное равенство действительно будет достигнуто. И знаете что? Это ад. И здесь вы подумаете: “Если я тороплюсь заплатить по счету, неужели я отношусь к доминирующему, агрессивному типу? А если я смиренно сижу, разве весь мой облик говорит: “Позаботься обо мне, о, или еще, возьми меня?”»⁹¹.

Неуверенность здесь противопоставляется неоднозначности, которая является смысловым режимом, порождаемым именно разделяемыми смысловыми значениями. Неоднозначность приятна и состоит из смешения двух комбинаций известных значений; неуверенность, напротив, болезненна и обусловлена трудностями, связанными с овладением правил, организующих взаимодействия. Неоднозначность — свойство эротической игры, поскольку ее цель — произнести что-нибудь, не говоря прямо, или сказать несколько вещей сразу, опираясь на общий и подразумеваемый смысл. Неоднозначность игрива и приятна, поскольку является виртуозным способом играть с социальными правилами. Неуверенность, напротив, подавляет сексуальное желание и влечет за собой тревогу, поскольку она заставляет людей сосредотачиваться на себе и задаваться вопросами о правилах взаимоотношений, тем самым снижая их способность ощутить эмоции, вызванные самими взаимоотношениями. Как сказал один 40-летний мужчина, живущий в Лондоне:

Все мои друзья-мужчины в наши дни совершенно запутались в отношениях с женщинами. Они не знают, следует им быть агрессивными или нежными; быть мужественными мачо или деликатными;

---

⁹¹ Дауд М. Нужны ли мужчины? Столкновение полов. Harmondsworth: Penguin Books, 2006. С. 40 [Dowd M. Are Men Necessary? When Sexes Collide. Harmondsworth: Penguin Books, 2006. P. 40].

мы просто понятия не имеем, чего от нас ждут. Думаю, могу сказать, что все мужчины, которых я знаю, очень боятся женщин, вернее, того, что они не знают правил общения с ними.

Кроме того, нормы равенства противоречат ощущению удовольствия, которое возникает в результате проявления семиотически четкой гендерной идентичности. Например, Клэр, 37-летняя художница, родившаяся и выросшая в Европе, призналась в интервью:

Мне было нелегко общаться с израильскими мужчинами, поскольку странно, знаете ли, хотя они и мачо, они ведут себя совсем не так, как европейские мачо, чтобы доставить вам удовольствие.

Корр.: Как, например?

Клэр: Ну, понимаете, они встают перед тобой на колени, или открывают дверь, или дарят цветы. И хотя, думаю, было бы глупо наслаждаться подобными вещами, все же, надо признать, что это приятно, однако я знаю, что мне не следует получать от этого удовольствие.

Корр.: Не следует получать удовольствие? Почему бы и нет?

Клэр: Ну, знаете, потому что это не политкорректно.

Корр.: Надо же, как интересно. Итак, вы говорите, что не позволили бы себе насладиться определенными удовольствиями?

Клэр: О да, вы знаете, большая часть моей работы [живопись/скульптура] связана с женщинами и положением женщин, поэтому, да, с одной стороны, я наслаждалась бы этими вещами — более того, я ожидала бы их, но, с другой стороны, я упрекала бы себя и даже почти приказала бы себе [смеется] не получать удовольствие. Как будто у меня два «я», традиционное женское и современное. Понимаете, что я имею в виду?

Корр.: И эти два «я» противоречат друг другу?

Клэр: [Долго молчит] Можно и так сказать, просто я чувствую себя очень смущенной. Я, действительно, не знаю, что я могу и о чем мне следует просить у мужчины: если я скажу ему, почему бы тебе не купить мне цветы или почему бы тебе не написать мне стихи о любви, это будет выглядеть предательством по отношению ко мне как к феминистке. Я не могу предъявлять такие требования, поскольку в нашу эпоху освобожденная женщина, подобная мне, не нуждается в этом или, по крайней мере, не может больше об этом просить. Так что здесь, действительно, речь идет о том, что вы счи-

таете себя вправе просить. Поэтому часть меня хочет определенных вещей, но другая часть говорит, что мне не следует так себя чувствовать. Вот почему я часто не знаю, чего хочу или чего я должна хотеть, или даже что я чувствую.

Совмещение двух культурных структур создает напряженность и неуверенность в отношении самой сути желаний, между тем что, действительно, доставляет удовольствие и нормами, в соответствии с которыми это удовольствие оценивается. Подобное совмещение не позволяет женщине точно определить, какие правила должны управлять ее взаимодействиями. Как предполагает философ Роберт Пиппин: «Есть нечто такое в чувственной любви, что нельзя легко приспособить к христианскому или либерально-эгалитарному гуманизму»⁹². В социологическом плане равенство вызывает социальную тревогу, поскольку оно порождает неуверенность относительно правил взаимоотношений, которая, таким образом, подрывает спонтанность, исторически созданную подлинными идентичностями и ритуализованными правилами.

Неуверенность, в свою очередь, порождает иронию как доминирующий мотив, с помощью которого можно затрагивать тему любви. В западной культуре первое проявление иронического состояния разочарованности в любви можно найти у Сервантеса в «Дон Кихоте» (1605–1615 гг.). Этот роман пробил брешь в самой способности читателя поверить в любовные переживания странствующего рыцаря. Эта трудность веры в любовь усилилась с наступлением эпохи модернизма; современное романтическое состояние чаще напоминает «отрезвление», описанное Марксом, чем пыл и неистовство любовников прошлого, причем любовь все чаще становится привилегированным объектом мотива иронии. Процесс рационализации любви лежит в основе новой иронической структуры романтического чувства, которая знаменует собой

---

⁹² Пиппин Р. Головокружение: ответ Тому Ганнингу // Эротикон / Под ред. Ш. Барч и Т. Барчерер. С. 280 [*Pippin R. Vertigo: A Response to Tom Gunning // Erotikon / S. Bartsch and T. Bartscherer (eds). P. 280*].

переход от «чарующей» любви к разочарованию. Структуры чувства, весьма удачное выражение, придуманное Раймондом Уильямсом, обозначает социальные и структурные аспекты чувств и чувства социальных структур. Это «социальный опыт в процессе формирования»⁹³. Ироничная структура романтического чувства затрудняет принятие не только идеи страсти, но и страстной и самоотверженной преданности любимому человеку, которая характеризовала западную идею любви на протяжении последних нескольких столетий.

Ирония — это литературная техника, которая притворяется неосведомленной, но рассчитывает, благодаря своему влиянию, на знания слушателя (в противном случае ирония была бы воспринята буквально, хотя на самом деле она означает противоположное). Таким образом, это собирательный образ человека, который отказывается придерживаться убеждений, вписанных в ситуацию. Современное романтическое сознание имеет риторическую структуру иронии, поскольку оно пронизано освобожденным от иллюзий знанием, препятствующим полному доверию и приверженности. Ирония не может всерьез воспринимать убеждение, основополагающее для любви, а именно ее самопровозглашенную претензию на вечность и целостность. Следующий пример иронии Кэтрин Таунсенд описывает, как желание верить в вечность любви (мечтая о том, чтобы ее бывший парень сделал нечто из ряда вон выходящее, пытаясь не дать ей уйти) и невозможность поверить в это:

Как я могла поддаться этой иллюзии? Я всегда говорила, что, если бы у «Красотки» (Pretty Woman) было продолжение, бьюсь об заклад, что Вивиан, персонаж Джулии Робертс, оказалась бы на улице после того, как персонаж Ричарда Гира, заскучав, быстро бросил бы ее.

Но они знают только о том, как вернуть человека, и мы не раз видели это в фильмах — благодаря широкому жесту⁹⁴.

---

⁹³ Структура чувства // Словарь культурной и критической теории / под ред. М. Пейн, Дж. Р. Барбера. Oxford: Blackwell Publishing, 1997. С. 670 [Structure of Feeling // Dictionary of Cultural and Critical Theory / M. Payne, J. R. Barbera (eds). Oxford: Blackwell Publishing, 1997. P. 670].

⁹⁴ Таунсенд К. Романтика и страсть [Townsend C. Romance and Passion. Sep-

Этот тип культурной рефлексии по отношению к кинематографическим формулам и по отношению к тому влиянию, которое культурные мифы имеют на нас, умаляет пафос желания Таунсенд остаться с помощью самоиронии. В самом деле, немецкий философ-романтик Шлегель считает осознание конечности любви основным элементом иронии: «Истинная ирония — это ирония любви. Она возникает из чувства конечности и собственной ограниченности и очевидного противоречия этих чувств понятию бесконечности, присущему всякой истинной любви»⁹⁵. Это определение имеет смысл в свете того, что Шлегель, как и Кьеркегор, рассматривал сущность любви именно в ощущении ее бесконечности, «ибо всякую любовь отличает от вожделения то, что она несет на себе отпечаток вечности»⁹⁶. В противоположность этому можно сказать, что рационализация любви привела к созданию культуры конечной любви, подчеркивая ее психологические, биологические, эволюционные, политические и экономические ограничения. Релятивизация любви с помощью различных процессов рационализации неизбежно привела к тому, что ирония стала основным элементом новой романтической эмоциональности. Что, по всей вероятности, повысило осознание конечности, так это расширение технологий выбора, осознание соизмеримости и взаимозаменяемости партнеров, а также использование научных экспертных систем, развенчавших претензию на вечность. Таким образом, ирония посягает на саму возможность веры. Как пишет Дэвид Гальперин:

Некоторые переживания... несовместимы с иронией. Чтобы иметь их вообще, необходимо изгнать любой намек на иронию. И наоборот, появление иронии сигнализирует о завершении переживания или его уменьшении. Интенсивность противостоит иронии. В моменты

---

tember 28, 2008. <http://sleeping-around.blogspot.com/2008/09/romance-passion.html> (дата последнего обращения: 18.10.2011)].

⁹⁵ Шлегель, цит. по: Ханней А. Кьеркегор: биография. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. С. 145 [*Hannay A. Kierkegaard: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 145].

⁹⁶ Кьеркегор С. Или/или. Вып. II. NY: Doubleday, 1959 [1843]. С. 21 [*Kierkegaard S. Either / Or*. Vol. II. New York: Doubleday, 1959 [1843]. P. 21].

пылих, ошеломляющих ощущений мы мало осознаем контекст и не уделяем внимания более чем одному набору значений. В таком состоянии мы начинаем все воспринимать буквально: мы можем пережить только одно ощущение. Тремя кардинальными переживаниями, которые требуют избавления от иронии или не могут ее пережить, являются сильное горе или страдание, религиозный порыв и сексуальная страсть⁹⁷.

Если Гальперин прав, ирония несовместима с эмоциональным и физическим переживанием страсти и интенсивностью чувств. Вследствие описанного в этой главе тройственного процесса рационализации ирония стала доминирующим культурным переживанием нашего времени, отразившимся на эмоциональной структуре чарующей любви.

Заключение

В своем знаменитом диалоге «Пир» (*Symposium*) Платон доказывает, что любовь — это путь к обретению знания и мудрости и, следовательно, она полностью совместима с разумом. Платоновская метафора лестницы любви⁹⁸ утверждает, что любить одно прекрасное тело — значит любить саму идею красоты и совершенства и что в этом смысле разум и любовь могут быть неразрывно связаны друг с другом. Тройственный процесс рационализации, описанный выше, требует новой формулировки платоновского взгляда на совместимость любви и разума, поскольку разум, а точнее, рационализированный разум, подорвал способы, которыми романтическое и эротическое желание исторически формировалось и переживалось как созданное из глубоких и неоднозначных смыслов, как позволяющее выполнять реальные мужские и женские роли, как коле-

---

⁹⁷ Гальперин Д. Ирония любви: шесть замечаний о платоническом эроте // «Эротикон» / Под ред. Ш. Барч и Т. Барчерер. С. 49 [Halperin D. Love's Irony: Six Remarks on Platonic Eros // Erotikon / Bartsch and Bartscherer (eds). P. 49].

⁹⁸ Платон. Пир. Cambridge: Cambridge University Press, 2008 [Platon. The Symposium, eds M. C. Howatson and C. C. Sheffield. Cambridge: Cambridge University Press, 2008].

блющееся между разоблачением и сокрытием и как нарочито демонстрирующее расточительство.

Любовь утратила свой культурный пафос, а страсть, как беспорядочное движение ума и тела, была отрегулирована грандиозным культурным развитием процедурализма и рационализации. В этом смысле романтическое страдание также утратило свой пафос и остроту. Как пишет критик Вивиан Горник в своей книге «Конец романа о любви» (*The End of the Novel of Love*):

Когда Эмма Бовари ослабляла свои корсеты с мужчиной, который не был ей мужем, или Анна Каренина вырывалась из своих, или Ньюболд Арчер [так в оригинале] мучился над тем, уехать ли из Нью-Йорка с Элен Оленской, люди, действительно, рисковали всем ради любви. Буржуазная респектабельность обладала властью сделать из этих персонажей социальных изгоев. И чтобы выдержать изгнание, требовалась сила. Из подобного риска могла возникнуть сила страдания, приносящая ясность и прозрение. Сегодня же не нужно платить по счетам, нет мира, полного условностей, от которого человек может быть отлучен. Буржуазному обществу как такому пришел конец⁹⁹.

Этот публицист предполагает, что любовное страдание утратило свою культурную силу и пафос и больше не может обеспечивать экзистенциальную ясность, поскольку оно не выявляет конфликт между обществом и индивидом, не противоречит расчету экономической деятельности и не приказывает личности жертвовать собой или отказаться от своих обычных механизмов самоконтроля; скорее, оно указывает только на личность и ее собственные нужды. Если в главах 2 и 3 я описала деструктуризацию романтической воли, то в главах 4, 5 и 6 я указываю на деструктуризацию романтического желания, оказавшегося как в ловушке между неуверенностью в себе, иронией и чрезвычайно сексуализированной культурой, в которой были уничтожены традиционные условия возникновения эмоциональной и сексуальной страсти.

---

⁹⁹ Горник В. Конец любовного романа. Boston: Beacon Press, 1997. С. 158 [Gornick V. The End of the Novel of Love. Boston: Beacon Press, 1997. P. 158].

Глава 6

От романтических фантазий до разочарований

Любовь не может быть сама себе истоком.

Ролан Барт «Фрагменты речи влюбленного»
(*A Lover's Discourse*)¹⁰⁰

Мелодии услышанные сладостны,
но не услышанные слаще.

Джон Китс «Ода греческой вазе»
(*Ode on a Grecian Urn*)¹⁰¹

Работа воображения, равно как и разума, является основной для подъема современного сознания и, буду настаивать, для современной эмоциональной жизни¹⁰². Неожиданно перекликаясь с тезисом Вебера о разочаровании, Адорно предполагает, что воображение было основным элементом буржуазного общества, поскольку оно стало движущей силой производства и потребления, компонентом эстетической культуры капитализма. В «Дискуссии о позитивизме в немецкой социологии» (*The Positivist Dispute in German Sociology*) Адорно утверждает, что буржуазный модернизм благодаря широкому внедрению культурных технологий укротил нерегулируемую ассоциативную форму мышления и что в XVIII в. воображение, став центральным элементом дискуссий об эстетике, ограничилось этой сферой. С конца XVIII в. воображение стало институционализированной практикой в об-

---

¹⁰⁰ Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. Harmondsworth: Penguin, 1990 [1977]. С. 137 [Barthes R. *A Lover's Discourse*. Harmondsworth: Penguin, 1990 [1977]. P. 137].

¹⁰¹ Китс Дж. Ода греческой вазе. Harmondsworth: Penguin, 1988. С. 344 [Keats J. *Ode on a Grecian Urn* (1820), in John Keats: *The Complete Poems*. Harmondsworth: Penguin, 1988. P. 344].

¹⁰² Шульте-Зассе Й. Воображение и модернизм: или Укрощение человеческого ума // *Cultural Critique*, 5 (1986), С. 23–48 [Schulte-Sasse J. *Imagination and Modernity: Or the Taming of the Human Mind* // *Cultural Critique*, 5 (1986), P. 23–48].

ласти эстетики, а затем и в массовой культуре. С этой точки зрения регулируемая, институционализированная и коммерциализированная работа воображения является центральным аспектом современного буржуазного потребительского общества. Так называемый постмодернистский субъект характеризуется умножением желаний, которые являются результатом институционализации воображения. Более того, эта институционализация преобразовала саму природу желания вообще и романтического желания в частности. Она гораздо более четко систематизировала культурные фантазии, с помощью которых любовь представляется как история, как событие и как эмоция, и сделала воображаемое страстное желание своим перманентным состоянием. Как эмоция и культурное познание, любовь все чаще содержит воображаемые объекты желания, т. е. объекты, созданные воображением и возникающие в нем. Но Адорно также предполагает, что, будучи включенным в потребительскую схему, воображение было дискредитировано за пределами сферы эстетики. «Дискредитация фантазии или ее низведение в особую область, отмеченную разделением труда, стало первоначальным явлением упадка буржуазного духа»¹⁰³. С точки зрения культуры романтическая любовь и фантазия стали объектом опасения, поскольку фантазия допустима только тогда, когда она материализована и поставлена в абстрактное противоречие с реальностью¹⁰⁴. Как раз из-за того, что в любовном переживании стало трудно или даже невозможно отделить воображаемое от действительного, воображение было и остается дискредитированным в любви. И именно предположение, что коллективные фантазии обременяют романтический опыт, я хочу рассмотреть в этой главе. Точнее, я хочу попытаться понять взаимосвязь между чувством любви и ее сценариями в массовых фантазиях и влияние таких сценариев на природу романтического желания.

¹⁰³ Шульте-Зассе Й. Воображение и модернизм: или Укрощение человеческого ума // *Cultural Critique*, 5 (1986), С. 26–27.

¹⁰⁴ Там же. С. 27.

Воображение, любовь

Что такое воображение? Распространено мнение, что это естественная деятельность ума. Джеффри Александер описывал воображение как «неотъемлемую часть самого процесса представления. Оно овладевает зарождающимся жизненным опытом и превращает его с помощью ассоциаций, сгущения и эстетического творчества в некоторую специфическую форму»¹⁰⁵. Воображение здесь рассматривается не как свободная деятельность ума, а скорее, как нечто, состоящее из того самого материала, с помощью которого мы организуем мысли и переживания или предвосхищаем мир. В определении Александера подчеркивается, что деятельность воображения не столько изобретает культурные сценарии и модели, сколько использует заранее установленные. Более того, воображение не только не оторвано от реальности, но и поддерживает тесную связь с чувственным или «реальным» восприятием и часто заменяет его. Гоббс описывал воображение как «разложившиеся ощущения», слабую копию какого-то оригинального восприятия. В «Психологии воображения»¹⁰⁶ Жан-Поль Сартр продолжает эту тему, отмечая, что воображение, часто рассматриваемое как более мощная способность, чем обычное восприятие, на самом деле является слабым отголоском чувств. Закрой глаза и представь лицо того, кого любишь, говорит Сартр; какой бы образ ни возник, он будет казаться «слабым», «невывразительным», «плоским» и неживым¹⁰⁷. Воображаемому объекту просто не хватает того, что Элейн Скарри называет бодростью и жизненной силой воспринимаемого

---

¹⁰⁵ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. Berkeley: University of California Press, 2004. С. 9 [*Alexander J. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 9.*]

¹⁰⁶ Сартр Ж.-П. Психология воображения. London: Routledge, 1995 [1940] [*Sartre J.-P. The Psychology of Imagination. London: Routledge, 1995 [1940].*]

¹⁰⁷ Цит. по: Скарри Э. О бодрости: различие между мечтами и воображением под авторским руководством // *Representations*, 52 (1995). С. 1 [*Scarry E. On Vivacity: The Difference between Daydreaming and Imagining-Under-Authorial-Instruction // Representations, 52 (1995). P. 1.*]

объекта, т. е. объекта, воспринимаемого непосредственно органами чувств¹⁰⁸. Согласно этой точке зрения воображение — это способность заменять «реальное» восприятие действительно существующего объекта ощущениями, близкими к тем, какими они были бы в настоящей жизни. Таким образом, воображение не отменяет реальности, а, наоборот, пытается подражать ей, полагаясь на ощущения, чувства и эмоции, которые показывают то, чего не существует.

Однако наиболее распространенный взгляд на воображение представляет его как создание вымышленных образов, которые овладевают разумом гораздо сильнее, чем обычные чувственные ощущения, и отделяют нас от реальности. Эту точку зрения прекрасно проиллюстрировал Шекспир в своем знаменитом «Сне в летнюю ночь» (*A Midsummer Night's Dream*) (1600 г.):

Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображенья формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обиталище и имя¹⁰⁹.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Здесь воображение — это способность придумывать то, чего не было раньше, преувеличивать и приукрашивать наш жизненный опыт благодаря изобретению и приданию «формы неведомым вещам». Это представление о воображении особенно заметно в сфере любви, где воображаемый объект обладает большей энергией и жизненной силой. И обычный жизненный опыт, и огромное количество философских

¹⁰⁸ Цит. по: *Scarry Э.* О бодротности: различие между мечтами и воображением под авторским руководством // *Representations*, 52 (1995). С. 1 [*Scarry E.* On Vivacity: The Difference between Daydreaming and Imagining-Under-Authorial-Instruction // *Representations*, 52 (1995). P. 1].

¹⁰⁹ *Шекспир У.* Сон в летнюю ночь (1600). Акт 5, Сцена 1 [*Shakespeare W.* *A Midsummer Night's Dream* (1600), Act 5, Scene 1].

и литературных трудов свидетельствуют о том, что в процессе влюбленности воображаемые чары возлюбленного так же сильны, как и его существующие, и о том, что, когда мы влюблены, мы в значительной степени сами придумываем объект наших желаний. Пожалуй, нигде так ясно, как в любви, мы не можем наблюдать определяющую роль воображения, т. е. его способность заменять реальный объект и создавать его. Именно потому, что любовь может создать свой объект с помощью воображения, вопрос о подлинности эмоций, вызванных воображением, получил широкое распространение во всей западной культуре. Вот почему подлинность любовных переживаний и ощущений стала таким интересным объектом исследования в XX в., тесно переплетаясь со старой традицией, ставившей под сомнение источники любовного чувства. От Хайдеггера до Бодрийера с помощью Адорно и Хоркхаймера модернизм рассматривался как всевозрастающее разделение переживания и его изображения, а также как поглощение первого последним.

Классический пример беспокойства об эпистемическом статусе воображения в любви можно найти опять-таки во «Сне в летнюю ночь». Несмотря на праздничный характер, изобилие фей и мифологических существ, «Сон», как называют его действующие лица, — это мрачная комедия о человеческом сердце и его непредсказуемости. Этот мрак обусловлен тем, как специфически понятие воображения разъясняет противоположность между разумом и любовью. Основа (*Bottom*) говорит Титании: «Любовь с рассудком редко ладят в наши дни», и именно это противостояние, освещенное веками, структурирует пьесу. Поверхностное прочтение этого противопоставления предполагает, что «Сон» воспроизводит *topos* (традиционную тему) любви как опасной или смешной эмоции, поскольку ее выбор неразумен, ведь разум — проявление ума, а любовь, по-видимому, зависит от чувств и вызывается ими. Однако Шекспир придерживается противоположного (и очень современного) мнения. Елена в монологе утверждает, что она так же красива, как Гермия, но ее постоянно порочат и избегают как объект любви.

Как счастлива одна в ущерб другой!
В Афинах с ней равна я красотой...
Что из того? Он слеп к моей красе:
Не хочет знать того, что знают все.
Он в заблужденье, Гермией плененный;
Я — также, им любуюсь ослепленно.
*Любовь способна низкое прощать
И в доблести пороки превращать
И не глазами — сердцем выбирает:
За то ее слепой изображают.*
Ей с здравым смыслом примириться трудно.
Без глаз — и крылья: символ безрассудной
Поспешности!.. Ее зовут — дитя;
Ведь обмануть легко ее шутя.
И как в игре божатся мальчуганы,
Так ей легки и нипочем обманы.
Пока он не был Гермией пленен,
То градом клятв в любви мне клялся он;
Но лишь от Гермии дохнуло жаром —
Растаял град, а с ним все клятвы даром.
Пойду, ему их замыслы открою:
Он, верно, в лес пойдет ночной порою;
И если благодарность получу,
Я дорого за это заплачу.
Но мне в моей тоске и это много —
С ним вместе в лес и из лесу дорога!¹ (курсив мой. —
Автор)

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

«Сон» Шекспира предлагает очень интересный поворот в знакомой *традиционной теме* безрассудности любви, предполагая, что безрассудной ее делает именно то, что она *зависит от ума, а не от чувств*.

Любовь «не глазами — сердцем выбирает»: поскольку сердечная любовь — проявление ума, она меньше поддается рациональным критериям обсуждения, чем если бы «выбирала глазами». Под умом (сердцем — в русских переводах)

¹ Шекспир У. Сон в летнюю ночь (1600). Акт 1, Сцена 1.

подразумевается совокупность замысловатых ассоциаций, субъективно порожденных и непроницаемых для внешнего мира. Глаза, напротив, являются посредниками между личностью и окружающей действительностью: объект зрения как бы объективно установлен, и в этом смысле глаза полагаются на внешний по отношению к субъекту мир. Елена просит, чтобы любовь была основана на чувствах (глазах, т. е. на зрении), а не на уме, поскольку ум — это именно то, что отделяет процесс оценки другого человека и любви к нему от его ценности в объективном материальном мире. Ум здесь не только место для проявления воображения, но и его источник. Именно то, что сердечная любовь не имеет никакой связи с реальностью и делает ее формой безумия.

Следуя медицинскому дискурсу XVI в., «Сон» предполагает, что романтическое воображение является формой безумия именно потому, что не обладает якорем, ни физическим, ни психическим. Для Фрейда романтическое воображение, каким бы безрассудным оно ни было, имеет такой якорь — ранний образ родителя, потребность и желание преодолеть травму, полученную в детстве. Но в пьесе Шекспира безрассудность любви радикальна, поскольку воображение превращает ее в капризную эмоцию, не поддающуюся объяснению, а не определяющее событие даже психоаналитического ряда. Во «Сне» любовь — это переживание, которое мы не можем контролировать, ни рациональное, ни безрассудное. До Фрейда оно не отвечало даже логике бессознательного. Ключом к пьесе является то, что нет реального различия между здоровой и безумной любовью, поскольку «здоровая» любовь принципиально не отличается от неистовых чувств, которым были подвержены жертвы Пака. Романтическое воображение здесь является кодом для безумия и превращает любовь в безрассудную и самовоспроизводящуюся эмоцию, не обращающую внимания на личность любимого человека. Этот взгляд на любовь и воображение подчеркивает то, что в последующих взглядах и напоминает подозрительность к воображению, и отличается от нее. Пьеса Шекспира предвосхищает

вопрос о природе эмоций, вызываемых воображением, но не упоминает о темах, которые занимали философов и писателей начиная с XVIII в., а именно о роли культурных технологий и литературы в формировании воображения, об опережающем характере воображаемых эмоций и, что еще важнее, о проблеме перехода от воображаемого объекта к обычной реальности.

Современные институты воображения настойчиво предлагают и поощряют сдержанную форму мечтательности, главным образом, посредством беспрецедентного производства печатных и визуальных средств массовой информации, в которых наглядно представлены убедительные повествования о хорошей жизни. Модернизм в значительной степени заключается в способности по-новому представлять себе общественно-политические связи². Эти новые воображаемые связи включают не только политические отношения, но что, пожалуй, еще более важно — утопии личного счастья. Утопическое воображение активизируется в сфере частной жизни и предполагает определение субъекта как наделенного собственными мыслями, эмоциями и стремлениями; особым объектом и местом воображения становятся сфера домашнего очага и проявление чувств. Любовь и эмоциональное удовлетворение стали объектами утопической фантазии. Воображение идет рука об руку с демократизацией и обобщением идеала счастья, понимаемого как материальное и эмоциональное состояние. Потребительская культура, которая решительно координирует эмоциональную программу самореализации личности, формирует частный современный эмоциональный субъект в рамках его эмоций и мечтаний и определяет местом осуществления его или ее свободы обретенную и воображаемую собственную индивидуальность. Она узаконивает категорию желания и фантазии в качестве основы деятельности и волеизъявления и объявляет потребление и товары

---

² *Тейлор Ч.* Социальное воображение в эпоху модернизма. Durham, NC: Duke University Press, 2004 [*Taylor C.* Modern Social Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2004].

институциональной поддержкой для достижения или просто испытания такого желания. «Жизненная программа» — это институционализируемая проекция жизни отдельно взятого человека в будущее, построенная с помощью воображения. Модернизм институционализирует ожидания субъекта и его или ее способность представить свои жизненные шансы в культурной практике воображения. Эмоции превращаются в объекты воображения в том смысле, что жизненная программа представляет собой не только воображаемую культурную практику, но иногда и замысловатые эмоциональные проекты. Таким образом, воображение превращает желание и заранее ожидаемое предвидение бесконечного состояния любви и разочарования в угрозу самой способности желать.

Именно эта роль культуры и технологии в обеспечении самовоспроизводящегося романтического воображения занимает моралистов и философов Западной Европы с XVII в. Замысловатая взаимосвязь любви и воображения приобрела особую остроту с распространением печатной книги, кодификацией жанра и композиционного решения романа и постепенным формированием частной сферы. Любовные эмоции все больше переплетались с технологиями, которые освобождали деятельность воображения и одновременно кодифицировали его, организуя в рамках четких повествовательных формул³.

Способность романа вызывать отождествление и пробуждать воображение — и его поглощенность темами любви, брака и социальной мобильности — сделали романтическое воображение темой, затрагивающей общественные интересы. Все чаще стало считаться, что воображение оказывает дестабилизирующее воздействие в социальном и эмоциональном плане. Увеличение женской читательской аудитории на про-

---

³ «Дон Кихот» (1605-1615) Сервантеса, например, пародирует рыцарские романы, извращали разум читателей преувеличенной риторикой любовной преданности. Роман был попыткой высмеять эти романы, которые наводнили европейский книжный рынок, и их влияние на умы честолюбивых влюбленных и рыцарей, и таким образом указал на институциональную основу и систематический, а не хаотичный характер воображения.

тяжении XVIII в. встречало множество обвинений в нравственной пагубности романа, которые содержали едва скрываемый страх того, что он изменил саму природу эмоциональных и социальных ожиданий женщин⁴. Феминизация этого жанра благодаря преимущественно женской аудитории и появлению женщин-романисток углубила мнение о том, что романы поощряют воображаемые чувства и опасные настроения⁵.

Все больше размышляя о воздействии собственного литературного жанра, многие романы XIX в. включали критику социально разрушительного характера романа, его способности создавать опасные сентиментальные желания и социальные стремления, словом, вызывать предвосхищающие эмоции. В Пушкинском «Евгении Онегине» (1833 г.), ставшем знаменитым благодаря рассуждению о взаимосвязи жизни и искусства, Татьяна, наивная провинциальная девушка, отчаянно влюбляется в Евгения, искусленного и беспутного горожанина. Рассказчик, подражая холодности Евгения, иронично замечает:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюбилась в обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой

---

⁴ Томас Джефферсон, например, утверждал в 1818 г., что «когда этот яд заражает ум, он извращает его и отвращает от здорового чтения... результатом является раздутое воображение, болезненное суждение и неприятие всех настоящих жизненных забот». Цит. по: *Ross H. Сентиментальный роман в Америке, 1789–1860*. Durham, NC: Duke University Press, 1940. С. 4 [*Ross H. The Sentimental Novel in America, 1789–1860*. Durham, NC: Duke University Press, 1940. P. 4].

⁵ Критик осудил то, что он считал свободным использованием любовных романов, утверждая, что «их единственная цель — возбуждать романтические представления, в то время как они лишают умы идей, а сердца — чувств. Цитируется там же, с. 5.

И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума⁶.

Пора пришла, она [Татьяна] влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
*Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь...⁷* (курсив мой. — Автор)

Очевидно, что любовь Татьяны была заранее придуманным образом, ожидающим воплощения в однажды встреченном объекте, которым, по-видимому, и оказался романтический Евгений. Джордж Элиот так описывает Хетти Сорель в романе «Адам Бид» (*Adam Bede*) (1859 г.): «Хетти никогда не читала романов; как же тогда она могла найти образ для своих ожиданий?»⁸. Точно так же в «Нортенгерском аббатстве» (*Northanger Abbey*) (1818 г.) Джейн Остин высмеивает жанр готических романов в персонаже Кэтрин Морланд, которая делеет замысловатые идеи, навеянные ей прочитанными романами. Эти и другие авторы иронизируют над способностью романов формировать образ любви, предвосхищая его, т. е. оказывать влияние на способы, с помощью которых исследование воображаемых миров создает чувство.

Книгой, в которой наиболее полно отражены современные проблемы воображения и запутанные взаимоотношения

---

⁶ Пушкин А. С. Евгений Онегин.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: Митчелл С. Чувства и страдания: Женское развлекательное чтение в 1860-х годах // *Victorian Studies*. 21(1). 1977. С. 32 [Mitchell S. Sentiment and Suffering: Women's Recreational Reading in the 1860s // *Victorian Studies*. 21(1). 1977. P. 32].

между воображением, романом, любовью и социальными чаяниями, является «Мадам Бовари» (*Madame Bovary*) (1856 г.), где представлены основные характеристики страдания современного сознания, насыщенного воображаемыми сценариями любви и судьбой, которая их ждет после столкновения с реальностью. В юности Эмма Бовари тайно читала романы, и это сформировало ее представления о любви и мечты о роскошной жизни.

Они [романы] были полны любовных интриг, любовников, содержанок, гонимых дам, теряющих сознание в одиноких загородных домах, почталыонов, убитых на каждой почтовой станции, лошадей, загнанных насмерть на каждой странице, темных лесов, трепещущих сердец, клятв, рыданий, слез и поцелуев, лодок в лунном свете, соловьев, поющих в зарослях, и джентльменов, храбрых, как львы, ласковых, как ягнята, добродетельных, каких не бывает, и всегда готовых пролить потоки слез.

Когда ей было пятнадцать лет, Эмма в течение шести месяцев марила руки пылью всех находящихся поблизости библиотек. Позже, с сэром Вальтером Скоттом, она прониклась любовью к историческим произведениям и мечты ее занимали мысли о деревянных сундуках, дворцовой страже и бродячих менестрелях. Ей хотелось жить в каком-нибудь старинном особняке, как те владелицы замков в платьях с заниженной талией, которые целыми днями сидят, облокотившись на каменный подоконник готического окна, увитого трилистником, подперев рукой подбородок, и наблюдают за всадником с белым плюмажем на вороном коне, скачущим к ним через всю округу⁹.

Флоберовское описание воображения очень современно: оно четко структурировано и представляет собой мечты и фантазии, имеющие ясные, живые повторяющиеся образы; оно порождает то же смутное желание, которое испытывают Татьяна, Хэтти Сорель и Кэтрин Морланд. Это желание, оформленное с помощью языка в виде повествовательных сюжетов и последовательностей и с помощью умозрительных

⁹ Флобер Г. Мадам Бовари. NY: Bantam, 1989 [1856]. С. 31–32 [*Flaubert G. Madame Bovary. New York: Bantam, 1989 [1856]. P. 31–32.*]

образов — лунного света, пасторальных пейзажей, страстных объятий. На самом деле, исключительно современной любовь делает то, в какой мере она представляет собой предвосхищающую эмоцию, т. е. содержит хорошо отрепетированные эмоциональные и культурные сценарии, которые формируют и жажду эмоций, и стремление к хорошей жизни, соответствующей им. (В прежние времена эквивалентом, должно быть, служило предвосхищение эмоций страха или надежды, которые человек мог испытывать, размышляя о смерти и потустороннем мире, об аде и рае.) Таким образом, когда Эмма Бовари впервые нарушает супружескую верность, она переживает свой поступок только в литературной манере, пронизывавшей ее воображение:

Она раз за разом повторяет себе: «У меня есть любовник! У меня есть любовник!» <...> Она вступала в чудесное царство, где все будет пронизано страстью, экстазом и восторгом; ее окружали бескрайние лазоревые просторы, перед глазами сверкали искрящиеся вершины пылких чувств, а повседневная будничная жизнь виднелась лишь далеко внизу, в тени между этими вершинами.

Она вспомнила героинь прочитанных романов, и восторженный хор этих неверных жен запел в ее памяти сестринскими голосами, очаровавшими ее. Она чувствовала себя так, будто сама становилась частью этого воображаемого мира, как будто воплощала в жизнь давнюю мечту своей юности, причисляя себя к тем влюбленным женщинам, которым она так завидовала прежде. <...> А сейчас она торжествовала, и так долго сдерживаемая ею любовь радостно хлынула обильным бурлящим потоком. Эмма наслаждалась ей без угрызений совести, тревог или душевных страданий¹⁰ (курсив мой. — Автор).

Благодаря предвкушению воображение Эммы формирует те чувства, которые заставят ее разочароваться в своей замужней жизни и побудят ее влюбиться в Леона и Родольфа. «Мадам Бовари» был одним из первых романов, поставивших под сомнение связь воображения с задачами и обязанностями повседневной домашней жизни. Дон Кихот фантазирует и меч-

---

¹⁰ Флобер Г. Мадам Бовари. NY: Bantam, 1989 [1856]. С. 140–141.

тает гораздо больше, чем Эмма, но его романтические фантазии не бросают вызов его обязанностям отца или мужа и не ставят под угрозу домашний очаг или семью. Кроме того, в отличие от Дон Кихота, Эмма — прежде всего жена доброго заурядного провинциального врача, и ее фантазии, занимающие главное место в ее внутреннем мире, переплетаются с мечтами об эмоциональной и преуспевающей жизни: «Однообразие повседневности заставило ее мечтать о роскоши, а супружеская привязанность мужа довела ее до жажды измены»¹¹. Воображение здесь одновременно частное/эмоциональное и социальное/экономическое. Оно является движущей силой колонизации будущего; оно обосновывает выбор настоящего, исходя из субъективного представления о будущем, и, в свою очередь, формирует его. Один из наиболее интересных переходов к институционализации воображения в массовой культуре может быть охарактеризован тем, что она все больше формируется с помощью технологий и культурных жанров, вызывающих желание, жажду и предвосхищающие эмоции, эмоции о грядущих чувствах и ощущениях и когнитивные сценарии о том, как следует себя чувствовать и действовать.

Воображение воздействует на настоящее и формирует его, четко создавая потенциальные возможности настоящего — каким оно могло бы или должно было быть — когнитивно все более заметные. Как ясно дает понять рассказчик в «Мадам Бовари», это романтическое воображение оказывает двойное воздействие: оно делает любовь предвосхищающей эмоцией, т. е. эмоцией, которую ощущают и о которой мечтают до того, как она возникает на самом деле; и эта предвосхищающая эмоция, в свою очередь, формирует оценку настоящего, поскольку она позволяет реальным и вымышленным чувствам частично совпадать и заменять друг друга.

[Когда Эмма писала любовные письма Леону], она видела в своем воображении другого мужчину, призрак, сотканный из ее самых страстных воспоминаний, из самых приятных, прочитанных ею

¹¹ Флобер Г. Мадам Бовари. NY: Bantam, 1989 [1856]. С. 94.

описаний и самых сильных ее желаний; наконец, он стал настолько реальным и осязаемым, что она даже вздрогнула от изумления, однако он был практически неразличим под изобилием своих добродетелей, и ей не удалось ясно себе его представить¹².

Воображение Эммы делает Леона персонажем, балансирующим между реальностью и вымыслом, превращая реальность собственных ощущений в репетицию воображаемых культурных стереотипов и сценариев.

Эмма не может отличить свою любовь от созданных ею образов любви. Предвосхищая постмодернистские стенания, ее любовь кажется не чем иным, как повторением пустых знаков, которые, в свою очередь, повторяются вновь возникающими культурными индустриями. В отличие от утверждений Гоббса и Сартра, воображение Эммы гораздо ярче и реальнее ее повседневной жизни. По сути, именно ее повседневная жизнь кажется бледной, едва заметной копией воображаемого оригинала, пролегоменом (предварительным рассуждением) о страхе Бодрийяра, что реальность сведена к ее имитации. В эпоху модернизма работа воображения влияет на отношение к реальности, умаляя ее, делая ее слабым и бледным отражением пережитых в уме сценариев.

Таким образом, проблема воображения указывает на организацию желания: как люди желают, как культурно значимые познания формируют желание и как такие желания, обусловленные культурными особенностями, в свою очередь, создают обычные формы страдания, среди которых хроническая неудовлетворенность, разочарование и безысходная тоска. Воображаемое предвкушение переживания представляет собой две проблемы: эпистемологическую (я переживаю нечто реальное или представление об этом?) и этическую (как это повлияет на мою возможность жить хорошей жизнью?). Вопрос об эмоциональном воздействии технологий воображения стоит тем острее, что XX в. ознаменовался впечатляющим ускорением

---

¹² Цит. по: *Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа*. Johns Hopkins Press. С. 63–64 [*Girard R. Deceit, Desire, and the Novel: Self and other in literary structure*, Johns Hopkins Press. P. 63–64].

развития этих технологий. Кинематограф усовершенствовал то, чему положил начало роман, — техники отождествления с персонажами, исследование неизвестных визуальных условий и поведения и художественное оформление образов повседневной жизни — что расширило диапазон техник, позволяющих человеку представить и сформировать свои устремления. Больше, чем любая другая культура в истории человечества, потребительская культура активно и даже агрессивно вызывала работу воображения и фантазии. В самом деле, в истории Эммы Бовари не так часто упоминается о том, что воображение заставляет ее брать в долг у Лере, хитрого торговца, продающего ей ткани и безделушки. Воображение Эммы непосредственно связано с ранней потребительской культурой Франции XIX в. именно благодаря романтическому желанию.

Как предположил Адорно, цитируемый в начале этой главы, воображение подчинялось и неустанно возбуждалось буржуазной коммерциализированной культурой. Колин Кэмпбелл и другие социологи утверждают, что потребление обусловлено мечтами и фантазиями, благодаря которым человек задается вопросом о том, кто он есть. В своей книге «Романтическая этика и дух современного потребления» (*The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*) Кэмпбелл утверждает, что потребительская культура вывела на передний план «романтическую личность» полную чувств и стремления к подлинности, которая стимулирует эмоции, воображение и мечты¹³. В своем обсуждении ожидаемых потребительских впечатлений Кэмпбелл заявляет, что «основная деятельность потребителя — не фактический выбор, покупка или использование товаров, а поиск удовольствия, которому соответствует образ товара»¹⁴. Так что потребитель и романтическая личность, как показывает история, составляют единое целое.

¹³ Кэмпбелл К. Романтическая этика и дух современного потребления. Oxford: Basil Blackwell, 1989 [*Campbell C. The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism. Oxford: Basil Blackwell, 1989*].

¹⁴ Там же. С. 89.

Кэмпбелл не уточняет, как именно этот вид сдержанного мечтания приводится в действие, но мы можем предположить четыре источника, тесная связь которых создает для этого мощные когнитивные механизмы. Первый источник — это предметы потребления, которые являются конечной точкой в сложном и насыщенном процессе осмысления с помощью рекламы, брендинга и других средств массовой информации. Этот процесс соотносит предметы потребления с формированием отождествления и с хорошей жизнью. Иначе говоря, в потребительской культуре становится трудно отделить фантазию о товаре (скажем, о колоритном автомобиле) от фантазий, с которыми этот объект неустанно ассоциируется (скажем, секс с красивой женщиной). Материальные и эмоциональные фантазии взаимосвязаны, и каждая активизирует и усиливает другую. Второй источник фантазий — двойной: он включает в себя истории и изображения, распространяемые печатными и визуальными средствами массовой информации, которые тиражируют образы красивых людей, борющихся, и часто успешно, за достижение эмоционального счастья. Эти персонажи воплощают четкие повествовательные сценарии и яркие визуальные образы, вокруг которых формируется эмоция любви, т. е. она становится предвкушаемой как повествовательный сценарий и серия визуальных сцен. Наконец, с 1990-х гг. интернет стал площадкой мобилизации воображения, активизирующей мысленную проекцию личности с помощью разнообразных сайтов и воображаемую имитацию подлинных ощущений. Все четыре источника — потребительские товары, повествовательные сюжеты, изображения, интернет-сайты — по-разному способствуют позиционированию современного человека как желающего субъекта, стремящегося к переживаниям, мечтающего о конкретных предметах или образе жизни и живущего в воображаемом и виртуальном режиме. Благодаря использованию предметов потребления, медиа-образов, историй и применению различных технологий современный человек все чаще воспринимает свои желания и эмоции именно в этом режиме, и эти много-

численные посредники, в свою очередь, оказывают влияние на структуру желания, на понимание того, как и что более востребовано, и на роль, которую играет само желание в психике. Фантазия одновременно становится средством испытания удовольствия и эмоций, институционализированных с помощью потребительского рынка и массовой культуры.

Я предлагаю социологическое определение воображения как организованной и узаконенной культурной практики. Во-первых, она имеет социальную организацию: например, воображение мужчин и женщин может активизироваться по-разному и содержать разные объекты (скажем, любовь для женщин и социальный успех для мужчин). Во-вторых, она институционализирована, т. е. стимулируется и распространяется конкретными культурными жанрами и технологиями в печатной и визуальной формах и относится к превращенным в институт социальным областям, таким как любовь, семейная жизнь и секс. В-третьих, по своему культурному содержанию она носит систематический характер, имеет четкую когнитивную форму и сосредоточена на хорошо отлаженных повествовательных формулах и визуальных клише. В-четвертых, она имеет социальные последствия: например, разрыв с супругом или ежедневное преодоление скуки семейной жизни. И, наконец, она воплощается в эмоциональных практиках — в предвосхищающих и вымышленных эмоциях, которые специфическим образом переплетаются с эмоциями реальной жизни. Таким образом, воображение — это социальная и культурная практика, составляющая значительную часть того, что мы называем субъективностью — желанием и волеизъявлением. Она формирует эмоциональную жизнь человека и влияет на его восприятие повседневной жизни.

Вымышленные эмоции

Чтобы задуматься об эмоциональном и когнитивном процессе, который активизируется непосредственно воображением, нашей отправной точкой должна стать огромная роль вымысла в социализации. Воображение представляет особый

интерес для культурной социологии любви, поскольку оно тесно связано с фантазией и вымыслом и из-за того, что институционализированный вымысел (на телевидении, в комиксах, фильмах и детской литературе) стал основным для социализации. Способность к вымыслу формирует личность, способы самоорганизации, то, как она проживает задуманные ею истории и постигает эмоции, из которых складывается ее судьба. Одной из главных, хотя и недостаточно изученных тем социологии культуры, является понимание того, каким образом идеи наполняются эмоциональностью и, наоборот, каким образом эмоции поглощают мыслительное, повествовательное и вымышленное содержание. Этот процесс представляет собой часть того, что я называю вымышленным эмоциональным воображением.

Строго говоря, «вымышленное воображение» — это воображение, толчком к развитию которого служит чтение или взаимодействие с художественными произведениями, которые, в свою очередь, порождают эмоции. В контексте чтения художественной литературы Биджой Боруа определяет воображение как «разновидность невысказанной мысли — правду, которая безразлична к истине по референтным соображениям и просто принята во внимание»¹⁵. Невысказанные предположения — это предположения о несуществующих действиях и персонажах. Тем не менее, продолжает Боруа, эти «невысказанные предположения» провоцируют воображение и вызывают настоящие эмоции. Боруа предполагает, что вымышленное воображение может вызвать действие с помощью особой разновидности эмоций, которые он называет «вымышленными». Конечно, вымышленные эмоции близки к «реальными» — они имитируют их — но они не равноценны им потому, что могут быть вызваны чем-то нереальным и даже невозможным («Я плачу над гибелью Анны Карениной, хотя

---

¹⁵ Боруа Б. Х. Художественная литература и эмоции: исследование в области эстетики и философии ума. Oxford: Oxford University Press, 1988. С. 3 [Boruah B. H. Fiction and Emotion: A Study in Aesthetics and the Philosophy of Mind. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 3].

знаю, что она никогда не существовала»; «Я выхожу из кино-театра счастливой, поскольку главным героям удалось воссоединиться в конце»). Вымышленные эмоции могут иметь то же когнитивное содержание, что и реальные эмоции, но они вызываются влиянием эстетических образов и являются самореферентными, т. е. относятся к самой личности человека и не являются частью постоянного и активного взаимодействия с окружающими. В этом смысле они менее обсуждаемы, чем реальные эмоции, что может быть причиной того, что они самодостаточны и живут своей собственной жизнью. Эти вымышленные эмоции, в свою очередь, являются структурными элементами культурной деятельности воображения. Человек представляет себе и предвкушает эмоции, вызванные воздействием медиа-контента.

Представления о любви можно свести к нескольким ключевым историям и образам. Любовь, во многих отношениях, является основной повествовательной мотивацией сюжета. Она представлена как сильная эмоция, которая не только придает смысл действиям людей, но и мотивирует их изнутри, и рассматривается как преодоление внутренних или внешних препятствий, как состояние блаженства. Персонажи влюбляются с первого взгляда и их красота часто является тем, что связывает зрителя и влюбленных. Любовь выражается в ясных и узнаваемых ритуалах; мужчины любят и очень быстро оказываются во власти женщин. Люди осознают свои чувства и поддаются им. Любовь обычно подразумевает красивые ухаживания и великолепное признание в прекрасной обстановке.

Вымышленные эмоции — те, что возникают, когда мы отождествляем себя с историями и персонажами, формируют когнитивные шаблоны ожидаемых эмоций. Для формирования эмоций с помощью воображаемых сценариев должны быть соблюдены два основных условия: достоверность и повествовательная идентификация.

Достоверность

Пожалуй, наиболее очевидной характеристикой современного воображения является то, что оно обладает высокой степенью отождествления или достоверности. Кендалл Уолтон утверждает, что достоверность — главная причина, по которой вымышленное содержание вызывает эмоции¹⁶. Достоверность определяется как способность некоторых картин и образов возбуждать разум, соотнося, противопоставляя и привлекая понятные объекты. Образы порождают живые психические процессы, поскольку они позволяют визуализировать ожидаемый опыт и наделяют его эмоциональным смыслом. Некоторые утверждают, что образы более успешны в формировании эмоций, чем слова, что заставляет нас предполагать, что этот эмоциональный стимул в значительной степени дает им именно визуальный характер многих историй, публикуемых в средствах массовой информации¹⁷. Более того, достоверность усиливается реализмом (который сам часто ассоциируется с визуальностью). Действительно, реализм является господствующим культурным стилем в современной визуальной культуре. Наконец, вымышленные эмоции, по всей видимости, особенно достоверны, когда они вызваны очень актуальными образами. Умозрительные образы, с помощью которых формируются представления о любви, очевидны и повторяются. Это связано с тем, что образы любви, предлагаемые культурой, имеют чрезвычайную культурную значимость: они существуют в огромном количестве на различных культурных аренах (реклама, кино, популярная литература, рассчитанная на непритязательного читателя, интеллектуальная литература для избранных, телевидение, песни, интернет, справочники с практическими советами, женские журналы, религиозные предания, детская литература, опера). Любовные истории

---

¹⁶ Уолтон К. Л. Боязнь вымысла // *Journal of Philosophy*. 75. 1978. С. 5–27 [*Walton K. L. Fearing Fictions // Journal of Philosophy*. 75. 1978. P. 5–27].

¹⁷ Холмс Э. А., Мэтью А. Психические образы и эмоции: Особые отношения? // *Emotion*. 5(4). 2005. С. 489–497 [*Holmes E. A., Mathew A. Mental Imagery and Emotion: A Special Relationship? // Emotion*. 5(4). 2005. P. 489–497].

и образы представляют любовь как эмоцию, способствующую самому желанному состоянию — счастью. Любовь ассоциируется с молодостью и красотой, наиболее почитаемыми социальными характеристиками нашей культуры. Любовь так же рассматривается, как ядро наиболее нормативно установленного института (брака), а в светских культурах любовь определяет как смысл, так и цель существования. Наконец, поскольку любовь ассоциируется с ситуациями, жестами или словами, которые потенциально могут быть эротичными, они вызывают особое состояние эмоционального и физиологического возбуждения, что, в свою очередь, способствует достоверности этих образов. Короче говоря, эти различные условия — распространение культуры, культурный резонанс, культурная правомерность, культурная значимость, реализм, физическое возбуждение — объясняют, почему умозрительные образы любви особенно интенсивно вписываются в когнитивный мир. По словам Анны Бреслоу, редактора колонки «Современная любовь» (*Modern Love*) в Нью-Йорк Таймс: «Из-за полного отсутствия мужчин в моей семье в течение многих лет мужчины из видео-коллекции моей тети были единственными мужчинами, которых я знала, бурные романы и выстраданный катарсис заключительных сцен были единственными отношениями, которые я видела. <...> [Я] приучена отвергать хороших мужчин и страстно целовать кого-то лишь на фоне пылающего города»¹⁸.

Повествовательная идентификация

Современные эмоции являются вымышленными из-за преобладания повествования, образов и имитационных технологий моделирования желания. Все мы стали как Эмма Бовари в том смысле, что наши эмоции неразрывно связаны с вымышленными повествованиями: они развиваются в историях и подобны им. Если «все мы проживаем какие-либо истории

¹⁸ Бреслоу А. Распределение ролей: актер эпизода: мужчина // New York Times. March 13, 2011 [*Breslaw A. Casting Call: Bit Player, Male* // New York Times. March 13, 2011].

в нашей жизни и... свою собственную жизнь воспринимаем с точки зрения повествований, которые проживаем»¹⁹, тогда можно сказать, что повествовательная форма наших эмоций, особенно ее романтическая разновидность, обеспечивается и передается историями, опубликованными в средствах массовой информации и существующими в потребительской культуре. Эмоции неразрывно связаны с вымыслом (воплощены в различных технологиях), т. е. они переживаются как повествовательные жизненные проекты. А развиваться как повествования этим эмоциям позволяет то, что они формируются в историях, мобилизующих сильные механизмы отождествления.

Кит Оутли предлагает два определения отождествления:

Первое значение — распознавание, а второе значение — имитация. По утверждению Фрейда, человек узнает о действии и отождествляет (первое значение) причину или желание совершить его сам. Затем, сделав своего рода бессознательный вывод из этого желания, он или она также приобщаются к подобному типу поведения или отношения, имитируя его (второе значение) и становясь похожими на человека, ставшего образцом для этого отождествления²⁰.

Согласно Оутли, отождествление лежит в основе того, что он называет имитацией, под которой подразумевается, что мы копируем чувства главных героев романа, подобно моделированию, выполняемому на компьютере. Сопереживание, отождествление и имитация включают в себя четыре основных процесса: принятие целей главного героя («сюжет — это разработка подобных планов в мире историй», т. е. взаимодействие с сюжетом означает попытку выяснить конкретный способ связи намерений с целями); формирование вообра-

---

¹⁹ *Макинтайр А.* После добродетели: Исследование теории морали. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. С. 212 [*MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. P. 212].

²⁰ *Оутли К.* Таксономия эмоций литературного ответа и теория идентификации в вымышленном повествовании // *Poetics*. 23 (1994). С. 64 [*Oatley K.* A Taxonomy of the Emotions of Literary Response and a Theory of Identification in Fictional Narrative // *Poetics*. 23 (1994). P. 64].

жаемого мира, создание живого представления о нем; высказывания, обращенные к читателю, с помощью которых повествование становится более достоверным; и синтез различных элементов истории в некое «единое целое». Именно в этом четырехкратном процессе отождествления и имитации, согласно Оутли, мы ощущаем эмоции. Иначе говоря, воображение порождает эмоции благодаря культурно созданному сценарию повествований, которые запускают механизм отождествления с персонажами, сюжетами, намерениями персонажей и последующую эмоциональную имитацию. Именно этот механизм в сочетании с визуальной достоверностью вписывает некоторые сюжетные линии в наши мысленные схемы и, таким образом, делает их более вероятной частью нашего воображения и предвосхищения. Учитывая, что со многими из наших собственных эмоций мы сталкиваемся в медиа-культуре и с ее помощью мы можем сказать, что какая-то часть нашей эмоциональной социализации вымышленна: мы начинаем развивать и предвосхищать чувства благодаря повторяющимся культурным сценариям и историям, с которыми мы сталкиваемся. То есть мы приходим к предвидению правил выражения эмоций, к пониманию того, насколько важны некоторые эмоции для жизненного повествования, а также словарный запас и риторика для выражения этих эмоций.

Вымышленные эмоции возникают благодаря механизму отождествления с персонажами и сюжетными линиями, активизируемому шаблонами или схемами для оценки новых ситуаций, воспоминаний о событиях жизни и их предвидения. В этом смысле воображаемое предвидение обеспечивает шаблоны для вымышленных эмоций, формирующих основу жизненных проектов. Этот предвосхищаемый сценарий формирует предполагаемое повествование, используемое для организации приближающихся жизненных событий, последующих эмоций, соответствующих этому повествованию, и его предполагаемой цели. Следовательно, жизненные проекты неразрывно связаны с вымышленными эмоциями.

Вот что иронично заметила одна 37-летняя переводчица во время интервью:

Беттина: Когда я встречаю мужчину, после второй или третьей встречи, иногда даже раньше, вы не поверите, я представляю свадьбу, платье, приглашенные билеты, весь этот китч, иногда даже через несколько минут после встречи с ним.

Корр.: Это приятное чувство?

Беттина: Ну, и да, и нет. Да, потому что это здорово — фантазировать о чем-нибудь, я люблю фантазировать; но иногда я чувствую, что увлекаюсь, даже не желая этого. Я хотела бы быть осторожней, держать всю ситуацию под контролем, но мои фантазии, эта сентиментальная чушь, которая крутится в моей голове, всегда приводят меня к тому, чего я совсем не хочу.

Корр.: Что за сентиментальная чушь?

Беттина: Как будто меня ждет великая любовь. Я вижу перед собой весь ее сценарий, как мы сидим, держась за руки вечерами, пьем шампанское, путешествуем вместе по удивительным местам, как сумасшедшие объясняем друг другу в любви, просто прекрасно живем, у нас потрясающий секс, ну, знаете, как в кино.

Эта женщина говорит, что она *не* властна над своими чувствами и постоянно переживает свое влечение к мужчине как историю, которая с невероятной силой разворачивается в ее воображении, словно это эмоциональное напряжение подчиняет ее себе и она не может ничего с ним поделать. А воспламеняет ее воображение и вызывает сопутствующие эмоции не что иное, как мысленная проработка хорошо закодированных образов и повествовательных сценариев.

Точно так же, рассказывая о встрече с бывшим бойфрендом и о своей надежде возродить отношения, Кэтрин Таунсенд описывает свое душевное состояние перед встречей в выражениях, которые предполагают яркость мысленных образов, сложившихся у нее в голове, и их способность превратить реальность в разочаровывающий опыт.

Я виню персонаж Хью Гранта в фильме «Четыре свадьбы и похороны» (Four Weddings and a Funeral) за мою одержимость бри-

танскими мужчинами. Я усвоила, что какими бы неуклюжими и подавленными они ни казались, в конце концов, они придут и признаются в любви, возможно, под дождем.

Все-таки, это — земля Шекспира, даже если большинство мужчин, которых я здесь встречала, считают, что «куртуазная любовь» имеет какое-то отношение к Курту Кобейну.

Еще одна распространенная фантазия — это фрагмент из фильма «Осторожно, двери закрываются!», мысль о том, что во время обычного путешествия в метро мои глаза встретятся с глазами двойника Колина Ферга.

Неважно, что большинство мужчин, которые вступают со мной в разговор в метро, обычно просят мелочь. Я продолжаю надеяться, что когда-нибудь, зажатая среди потной толпы, я встречу человека, который не откажется уступить свое место пожилому человеку с тростью. (Если он это сделает, то все, я пропала.)

У моего бывшего парня всегда были проблемы с выражением чувств, поэтому, когда он пригласил меня встретиться с ним в Лас-Вегасе, я почему-то подумала, что если мы окажемся там вместе, то эта сумасшедшая обстановка сблизит нас друг с другом.

Если бы наши выходные превратились в дурацкую романтическую комедию вроде «Однажды в Вегасе» (What Happens In Vegas), мы бы сорвали джекпот на игровом автомате и поженились на пьяной церемонии, а наши безумные приключения заставили бы его понять, как сильно он меня любит. Возможно, это стало бы сумасшедшей историей, которую мы рассказывали бы внукам. Ведь поженились же Росс и Рейчел в «Друзьях» (Friends), будучи пьяными, и в итоге все сложилось к лучшему.

Когда я добралась до аэропорта, компания Virgin очень любезно предоставила мне место в бизнес-классе, что я посчитала добрым предзнаменованием. Весь полет я потягивала шампанское и представляла себя в платье, похожем на то, в котором Шэрон Стоун играла в кости в фильме «Казино» (Casino).

Возможно, самый большой миф, который увековечивают фильмы о любви, — это момент «истины», то волшебное мгновение, когда совершенно неподходящая друг другу пара понимает, что им суждено быть вместе, несмотря на то, что их отношения были абсолютно бесперспективны до этого момента. Обычно это предполагает, что один срывает свадьбу другого или останавливает посадку на рейс в аэропорту.

Реальность Вегаса была гораздо более приземленной. Мой бывший и я прекрасно провели те выходные, но мы не сорвали джекпот. Мы спорили так же, как и в Лондоне, и даже после того, как мы выпили все содержимое мини-бара, наши проблемы не исчезли²¹.

Здесь повествовательная структура предвосхищения явно сформирована жанром эксцентричной комедии, в которой неприязнь и конфликт являются психологическими и повествовательными предвестниками истинной любви. Таунсенд описывает, как конкретная повествовательная формула — романтическая комедия — пробуждает надежды о том, что «проблемы» будут преодолены в момент прозрения. Именно проекция личности в этих повествовательных сценариях объясняет их способность порождать ожидания и предвкушение, а также активизировать мечты и включать воображение. Это, в свою очередь, перекликается с общим утверждением о том, что фильмы и кинематографическая культура не изображают повседневные отношения реалистично, что они вселяют большие надежды, что они, как правило, пренебрегают воспроизведением проблем, предлагают повествовательные формулы, в которых любовь торжествует вопреки всему, и, наконец, порождают разочарование. Действительно, как утверждает Рейнхарт Козеллек, модернизм характеризуется увеличением расстояния между реальностью и стремлениями²², что, в свою очередь, порождает разочарование и делает его постоянным явлением в современной жизни. Рассматриваемое таким образом современное воображение становится кодексом для «завышенных ожиданий» и разочарования. Воображение из-

---

²¹ 23 сентября 2008 г., <http://sleeping-around.blogspot.com/2008/09/culture-of-love.html> (дата последнего доступа: 20.10.2011 (больше не доступен онлайн)).

²² Как говорит Рейнхарт Козеллек: «Мой тезис заключается в том, что на современном этапе разница между опытом и ожиданиями все больше увеличивается; точнее говоря, модернизм впервые понимается как новая эпоха с тех пор, как ожидания все больше дистанцируются от всего предыдущего опыта». Цит. по: *Хабермас Дж.* Философский дискурс модернизма. Cambridge, MA: MIT Press, 1990 [1985]. С. 12 [*Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, MA: MIT Press, 1990 [1985]. P. 12].

менило и повысило пороговый уровень ожиданий женщин и мужчин относительно желательных качеств партнера и/или перспектив совместной жизни. Поэтому теперь оно сопряжено с переживанием разочарования, печально известным слугой воображения и, особенно в сфере любви, основным источнике страданий.

Разочарование как культурная практика

Социобиологи, панглоссы (Панглосс в повести Вольтера «Кандид» — учитель Кандида, философ и оптимист) нашего времени объяснили бы связь воображения и разочарования как результат неизбежных биологических механизмов, которые служат более возвышенным эволюционным целям. Как мы уже отмечали в главе 5, во время любви мозг выделяет различные химические вещества, которые вызывают эйфорию и склонность предаваться мечтам о другом человеке²³. Поскольку эти вещества остаются в организме ограниченный промежуток времени (до двух лет), романтические фантазии и эйфория вскоре преобразуются либо в спокойную привязанность, либо в то, что некоторые переживают как разочарование. Возможно, более распространенная точка зрения предполагает, что любовь в большей степени, чем другие чувства, должна неуклонно справляться с присутствием другого в институционализированных, рутинных рамках и переходить от интенсивности к непрерывности, от новизны к близкому общению, тем самым делая «разочарование» экзистенциально присущим опыту любви.

Я утверждаю, что разочарование в партнере, в жизни, в отсутствии страсти — это не только частный психологический опыт или проявление предопределенности гормонов, но и господствующий эмоциональный стереотип. Вот как Маршалл Берман рассматривает разницу между современной личностью и личностью прошлого: «Человек, вся будущая жизнь которого уготована ему при рождении, который пришел

---

²³ В частности, глубокая романтическая любовь, идеализирующая конкретного партнера, связана с серотонином, дофамином и норадреналином.

в этот мир только для того, чтобы заполнить ранее существовавшую нишу, будет, вероятно, гораздо менее разочарован, чем человек, живущий в условиях нашей современной системы... где пределы амбиций не определены социально». Это происходит потому, что, хотя «членство в жестко организованном обществе может лишить человека возможности реализовать свои особые таланты, оно дает ему эмоциональную безопасность, которая почти неведома нам»²⁴ (курсив мой. — Автор). Современным отношениям не хватает эмоциональной безопасности, иначе говоря, они всегда на грани разочарования.

Более того, не только само разочарование является современной особенностью любви, но и его предвкушение. Как говорит главная героиня сериала «Секс в большом городе» (*Sex and the City*): «Каждый раз, когда мужчина говорит мне, что он романтик, мне хочется кричать. Все это означает, что у мужчины романтический взгляд на вас, и, как только вы становитесь реальной и перестаете вписываться в его фантазии, он теряет к вам интерес. Вот что делает романтиков опасными. Держитесь от них подальше»²⁵. Предвкушая чужое (или собственное) разочарование эта героиня показывает свой современный характер, отличаясь от Эммы Бовари именно в этом аспекте.

Я предполагаю, что для того, чтобы мечты и воображение разочаровывали, они должны быть определенным образом связаны с реальностью, я имею в виду, что должны существовать особенные способы — и трудности — для перехода от воображаемого к действительному.

В своих знаменитых «Воображаемых сообществах» (*Imagined Communities*)²⁶ Бенедикт Андерсон предполагает, что способы

---

²⁴ Берман М. Политика подлинности: радикальный индивидуализм и становление современного общества. NY: Atheneum, 1970. С. 90 [Berman M. The Politics of Authenticity: Radical Individualism and the Emergence of Modern Society. New York: Atheneum, 1970. P. 90].

²⁵ Бушнелл К. Секс в большом городе. NY: Warner Books, 1996. С. 6 [Bushnell C. Sex and the City. New York: Warner Books, 1996. P. 6].

²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления о происхождении и распространении национализма. London: Verso, 1991 [Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991].

воображения сообществ различаются не с точки зрения того, являются ли они истинными или ложными, а скорее с точки зрения *их* стиля. Воображение, или культурно и институционально организованное развертывание фантазии, не является абстрактной или универсальной деятельностью ума. Скорее, оно имеет культурную форму, которая специфическим образом связывает его с реальностью. Иными словами, разочарование по своей сути не связано с деятельностью воображения. Это можно проиллюстрировать, *исходя из противоположного*, на примере средневекового воображения. Средневековое воображение было поглощено адом и раем. Рай считался территорией богатства и изобилия, которая определялась и рассматривалась как географическое пространство, а не история с четкой повествовательной линией. Большая часть дискуссий вокруг рая касалась его местоположения и его обитателей. Воображение вращалось вокруг мифических областей. Как выразился Жан Делюмо, рай не только существовал, он даже увеличился в XVII столетии. Тогда мечтали о «золотом веке, островах счастья, об источнике молодости, об идиллии пасторальных сцен и земле изобилия. <...> [Н]икогда прежде на Западе сады не занимали такого видного места и не ценились так высоко»²⁷. Таким образом, рай когнитивно представляли как географическое образование, определяемое его водными территориями и пышной растительностью. В XV в. он стал местом вечной молодости и вечной любви, существующей вне пространства и времени. Это представление о рае имеет две характеристики: оно не сконцентрировано на четких персонажах и сюжетных линиях и не подвержено разочарованию *как таковому*. В Средневековье люди верили, что рай реален, что он существует где-то далеко за морем, и их воображению не было необходимости противостоять реальности в том смысле, что оно не сталкивалось с проблемой управления переходом от воображаемого к действительному²⁸. Когда рай был

²⁷ Делюмо Ж. История Рая: Райский сад в мифах и традициях. NY: Continuum, 2000 [1992]. С. 117 [Delumeau J. History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition. New York: Continuum, 2000 [1992]. P. 117].

²⁸ Там же.

утрачен в течение XVI в. (т. е., когда люди перестали верить, что он находится где-то в реальном мире), он стал объектом ностальгического желания. Рай рассматривался как средство утешения или как способ украсить повседневную жизнь, но с культурной точки зрения он не был связан ни с предвосхищающими эмоциями, возникавшими в реальной жизни, ни с проблемой разочарования. Скорее, работа воображения стала источником разочарования, мобилизованного романами. Говоря точнее, когда воображение стало более реалистичным, т. е. ориентированным на реальные, повседневные объекты, и когда оно стало демократичным, направленным на объекты или ощущения, в принципе доступные кому угодно, его стала преследовать проблема перемещения между воображаемыми ожиданиями и ограничениями повседневной жизни. Разочарование стало спутником любовных переживаний именно по мере развития воображения в этой сфере и укрепления его связи с повседневной жизнью.

Чтобы начать понимать природу разочарования, я хочу провести различие между разочарованием как единичным случаем (встречей с человеком, не оправдывающим наших ожиданий) и разочарованием как неопределенной эмоцией, продолжающейся в течение длительного периода времени. Первое четко и ясно сформулировано и может произойти при первой встрече (это становится все более актуальным при активном использовании сайтов знакомств в интернете); второе сформировано в результате опыта, накопленного в повседневной жизни. Эти две формы разочарования отличаются друг от друга, поскольку они предусматривают различные когнитивные стили. Первая обычно связана с формированием четкого мысленного образа человека до встречи; вторая возникает из подразумеваемого сравнения своей обычной жизни с ядром обобщенных и размытых повествовательных ожиданий того, какой должна быть жизнь.

Разочарованные жизни

Каковы же факторы, благоприятствующие созданию чувства разочарования как господствующего опыта, накопленного в повседневной жизни? Я начинаю этот анализ с разграничения, сделанного Даниэлем Канеманом и его коллегами, которые утверждают, что существует несоответствие между двумя формами сознания: той, которая проживает жизнь в бесконечном потоке мгновений; и той, которая запоминает и организует опыт в формы²⁹. Например, пациент А, который подвергается болезненной, но внезапно заканчивающейся процедуре, запомнит ее как более трудную, чем пациент Б, чья болезненная процедура длится дольше, но боль при этом постепенно уменьшается³⁰. Это говорит о том, что для решения, является переживание приятным или нет, люди уделяют больше внимания его когнитивной структуре, а не самому переживанию. Хотя Канеман и его коллеги не делают дальнейших выводов из своего исследования, они ясно указывают на то, чем сознание, организующее опыт в заранее установленные культурные и когнитивные формы, отличается от сознания, захваченного бесформенным потоком переживаний. Способность придать опыту очертания — сформировать его в повествовании с определенной последовательностью или чередой визуальных образов — придает ему другое качество и смысл, тем самым предполагая, что для того, чтобы опыт был пережит и запомнился как более приятный, нам необходимо организовать его в культурной и когнитивной форме.

²⁹ Канеман Д., Фредриксон Б., Шрайбер К. и Редельмайер Д. Когда сильная боль предпочтительнее слабой: добавление лучшего конца // *Psychological Science*. 4(6). 1993. С. 401–405 [Kahneman D., Fredrickson B., Schreiber C. and Redelmeier D. When More Pain is Preferred to Less: Adding a Better End // *Psychological Science*. 4(6). 1993. P. 401–405].

³⁰ Канеман Д., Редельмайер Д. Воспоминания пациентов о болезненных медицинских процедурах: ретроспективные оценки двух минимально инвазивных процедур в режиме реального времени // *Pain*. 66(1). 1996. С. 3–8 [Kahneman D., Redelmeier D. Patients' Memories of Painful Medical Treatments: Real-Time and Retrospective Evaluations of Two Minimally Invasive Procedures // *Pain*. 66(1). 1996. P. 3–8].

Очевидно, что проблема воображения аналогична по своей природе с той лишь разницей, что воображение организует опыт перспективно, а не ретроспективно. Если память стирает некоторые аспекты опыта и дает преимущество другим, заставляя нас помнить только те элементы, «которые соответствуют сценарию», воображение вызывает предвкушение только определенных форм и видов переживаний, тем самым отвлекая нас от других аспектов этого опыта, когда он фактически прожит, или заставляя нас оценивать его отрицательно. Поэтому разочарование — это либо неспособность найти ожидаемую (эстетическую) форму в собственном опыте, либо трудность поддерживать ее в реальной жизни. Эта трудность обусловлена тем, каким образом эти две формы сознания соединяются (или не соединяются) друг с другом. Но эта проблема, на мой взгляд, может многое рассказать нам *как о природе воображения, так и о природе повседневного опыта*, с которым должно справляться наше мысленное предвосхищение. В то время как давняя традиция заставляет нас с подозрением относиться к воображению и подспудно предполагать, что повседневная жизнь должна быть обустроена, я утверждаю, что не меньше внимания следует уделять структуре повседневного существования для создания большого разрыва между этими двумя формами сознания.

Несостоятельность повседневной жизни

В утверждении, что медиакультура порождает чрезмерные ожидания с помощью воображения, подразумевается, что всегда виновато воображение; «реальность» оставляет за собой последнее слово и рассматривается как окончательный критерий, по которому оценивается работа воображения. Психопроанализ, например, делает «принцип реальности» кодексом, который, в конечном счете, должен управлять психикой. По словам Джеймса Джонса: «Поскольку романтическая любовь предполагает “завышенную оценку”, она со свойственной ей идеализацией влечет за собой расхождение с оценкой реальности и поэтому всегда является незрелой

и опасной»³¹. Но это утверждение реального в противовес воображаемому не ставит под сомнение структуру «реального», с которой должно справиться воображение. Разочарование всегда рассматривается как результат «необоснованных ожиданий», однако структура реального, которая делает эти ожидания необоснованными, никогда не ставится под сомнение. Я бы поставила под сомнение именно предположение о том, что реальное по природе своей неизбежно испытывает недостаток ресурсов для удовлетворения воображения. Или, если это так, я бы поинтересовалась, почему.

В книге под названием «Может ли продлиться любовь?» (*Can Love Last?*)³² психоаналитик Стивен Митчелл утверждает, что из опыта его практики большинство браков становятся трудными, поскольку, в конечном итоге, между партнерами угасает страсть, что он приписывает большинству людей, стремящихся одновременно обеспечить безопасность и испытать риск. Отсутствие страсти в браке обусловлено тем, как мы организуем нашу потребность в безопасности. Нередко считается, что безопасность несовместима со страстью или даже ведет к ее гибели. Но я бы сказала, что эта потребность в безопасности и/или в риске не является неизменной составляющей психики; или, если это так, то безопасность и риск принимают меняющиеся формы в различных культурных структурах. А также они являются результатом социальной организации психики. Безопасность обусловлена способностью контролировать и прогнозировать свое окружение; риск, напротив, обусловлен ощущением сомнения в собственной социальной идентичности либо в понимании, как реализовать себя. То, что Митчелл называет безопасностью, является результатом глубокой рационализации повседневной и домашней жизни, превращением в рутину задач

---

³¹ Джеймс Дж. Террор и трансформация: двусмысленность религии в психоаналитической перспективе. London: Routledge, 2002. С. 14 [James J. Terror and Transformation: The Ambiguity of Religion in Psychoanalytic Perspective London: Routledge, 2002. P. 14].

³² Митчелл С. А. Может ли продлиться любовь? NY: Norton, 2003 [Mitchell S. A. Can Love Last? New York: Norton, 2003].

и обязанностей, которые помогают поддерживать непрерывное ведение домашнего хозяйства.

Рационализация домашнего хозяйства проявляется в установлении временного режима (просыпаться в определенное время, приходить домой в определенное время, водить детей на регулярные занятия, принимать пищу в определенное время, смотреть новости или сериалы, иметь определенный день для закупки продуктов, планировать участие в социальных мероприятиях; иметь предварительно рассчитанное свободное время и т. д.), а также в рационализации пространства (покупки в торговых центрах, которые являются высоко контролируруемыми средами; проживание в домах с равномерно спланированным пространством, рационально разделенным и организованным в соответствии с функциональным использованием объектов; проживание в районах, находящихся под видеонаблюдением и свободных от потенциальных источников хаоса, и т. д.). Современная семейная жизнь очень предсказуема, и ее предсказуемость спроектирована множеством учреждений, занимающихся организацией повседневной жизни: доставка на дом (продуктов питания, газет, товаров из каталогов); телевидение с его регулярными программами; социальное общение, главным образом, заранее спланированное; регламентированное время отдыха и каникул. Таким образом, то, что Митчелл называет безопасностью, на самом деле является рационализированным способом организации повседневного существования, т. е. «безопасность» достигается и психически, и социологически как побочный продукт рационализации повседневной жизни. Такая рационализация повседневной жизни часто приводит к разочарованию, поскольку она постоянно, ежесекундно сравнивается с различными широкодоступными моделями и образцами эмоционального возбуждения и эмоциональной выразительности, которые заставляют людей негативно оценивать себя и свою жизнь. Действительно, исследования показывают, что люди все больше подвержены негативному восприятию своей собственной упорядоченной повседневной жизни в результате

воздействия медиа-образов. Это сложный механизм. Исследования воздействия медийных образов на восприятие индивидами своего тела дают основание полагать, что изображения совершенных тел оказывают негативное влияние на самооценку и представление о собственной личности, поскольку наблюдение за ними наводит людей на мысль, что другие могут легче достичь совершенства (конкурентоспособность) и что это совершенство считается важным (нормативная легитимность). В силу этого медийные образы становятся источником разочарования благодаря косвенному посредничеству того, что мы думаем о мнении других на наш счет и об их достижениях по сравнению с нашими. Широко распространенные представления о любви могут внушить нам мысли о том, что другие, в отличие от нас, добиваются любви и что ее обретение является важным фактором успешной жизни. Вызванная неудовлетворенность может стать причиной хронического разочарования. Таким образом, рационализация повседневной жизни порождает скуку, которая, в свою очередь, постоянно на подсознательном уровне сравнивается с медийными моделями эмоционального возбуждения, интенсивности и полноты.

Раздражение

Наряду с безопасностью и рационализацией раздражение вызывает и размеренная совместная жизнь. Французский социолог Жан-Клод Кауфман проанализировал раздражение или досадные мелочи повседневной жизни, которые испытывают многие пары³³. Он описывает раздражение, касающееся характера партнера («Почему ты читаешь газету, когда я убираюсь?») или «Почему ты всегда обвиняешь меня в том, что я недостаточно внимателен к тебе?») или касающееся оценки действий партнера («Почему бы тебе не закрыть банку как следует?») или «Зачем ты всегда нюхаешь пищу перед тем, как съесть ее?»). Это раздражение, т. е. его объект (довольно незначительные жесты или слова),

³³ Кауфман Ж.-К. Раздражение: небольшие семейные разногласия. Cambridge: Polity Press, 2009 [2007] [*Kaufman J.-K. Gripes: The Little Quarrels of Couples. Cambridge: Polity Press, 2009 [2007]*].

кажутся типичными современными ощущениями, отражающими новый способ понимания и организации отношений.

Анализ Кауфмана не дает понимания причин, по которым современная повседневная жизнь является такой благодатной почвой для «досады». На мой взгляд, это обусловлено способами организации домашней жизни с помощью того, что мы можем назвать институционализированной сплоченностью и близостью.

Близость создается рядом лингвистических стратегий, все они направлены на сокращение расстояния между двумя людьми: раскрытие более глубоких пластов личности; повествование о своих сокровенных тайнах друг другу; раскрытие и обнажение психики; общая спальня или кровать и, главным образом, использование сферы досуга как общей точки соприкосновения интересов и совместное проживание в одном и том же пространстве. Необычайное расширение границ досуга в XX в. невозможно отделить от того, что он все чаще становится объединяющей площадкой для мужчин и женщин, где они накапливают общие впечатления и строят близкие отношения. Действительно, близкие доверительные отношения и привязанность — главные цели супружества и интимной жизни. В сочетании с рационализацией повседневной жизни близкие отношения институционализируют личность таким образом, что устраняют сдержанность, неосведомленность или непредсказуемость в другом человеке. Но я утверждаю, что близость и привязанность, как ни странно, на самом деле способствуют большему недовольству.

Это можно обосновать *исходя из противоположного*. Исследования показывают, что отношения на расстоянии более стабильны, чем близкие отношения. Исследователи объясняют это тем, что легче идеализировать партнера, когда он находится далеко³⁴. Частота взаимодействия неблагоприятно влия-

---

³⁴ *Стаффорд Л., Меролла А. Дж.* Идеализация, воссоединения и стабильность любовных отношений на расстоянии // *Journal of Social and Personal Relationships*. 24(1). 2007. С. 37–54 [*Stafford L., Merolla A. J.* Idealization, Reunions, and Stability in Long-Distance Dating Relationships // *Journal of Social and Personal Relationships*. 24(1). 2007. P. 37–54].

яет на идеализацию. Гораздо легче позитивно размышлять о другом человеке в его отсутствие. Что же касается партнеров, живущих вместе, они узаконивают свои отношения через близость несколькими способами: делят одно и то же пространство, комнату и кровать; проводят вместе свободное время и проявляют свое подлинное «я» с помощью ритуальных проявлений подлинности. Это резко отличается от моделей домашней и семейной жизни среди дворянства, существовавших до середины или даже до конца XIX в.: мужчины и женщины не обязательно делили одну и ту же спальню; они по-разному проводили досуг; не озвучивали беспрестанно свои эмоции и не раскрывали свой внутренний мир. В качестве иллюстрации иной культурной модели XIX в. рассмотрим письмо Харриет Бичер-Стоу своему мужу, в котором кратко излагаются «проблемы» их брака:

Размышляя о нашем будущем союзе — нашем браке — о пережитых препятствиях на пути к нашему счастью, мне кажется, они бывают двух или трех видов. Во-первых — это физические причины и ваши, и мои — такие, как ваша ипохондрическая болезненная неустойчивость, единственным лекарством от которой является физическая забота и внимание к правилам здоровья, — а с моей стороны — излишняя чувствительность, непоследовательность и недостаток контроля над мыслями и памятью. Это всегда усиливается, стоит мне упрекнуть кого-нибудь и начать придираться, и я надеюсь, это утихнет с выздоровлением. Я также надеюсь, что торжественное чувство важности мудрого и постоянного внимания к правилам здоровья произведет на нас обоих огромное впечатление. А на второе место я поставила отсутствие какого-либо определенного плана взаимной бдительности относительно улучшения друг друга, нехватку определенного времени и места для выполнения этого с твердой решимостью совершенствоваться и совершенствовать друг друга — признаваться в своих ошибках и молиться за наше исцеление³⁵.

---

³⁵ Девидсон К. Н. Книга любви: Писатели и их любовные письма. NY: Plume, 1996. С. 73 [*Davidson C. N. The Book of Love: Writers and Their Love Letters. New York: Plume, 1996. P. 73*].

По современным стандартам такое описание проблем в отношениях кажется и бесстрастным, и сухим, т. е. оно не предполагает, что этим двум личностям следует понимать уникальность друг друга и стремиться к максимальному слиянию. Скорее, оно говорит о том, что эти две личности должны стремиться к «совершенствованию» друг друга. Это контрастирует с современными нормами и культурными моделями близости и тесных доверительных отношений.

Описывая структуру повседневной жизни многих пар, исследователи утверждают, что «в ежедневных повседневных беседах партнеры проверяют и подтверждают физическое влечение друг к другу, обоюдные желания и отношения; заявляют о своих ценностях; раскрывают суть вопросов, вызывающих беспокойство; в свойственной им манере проявляют привязанность; а в остальном свободно рассуждают на множество тем, которые и открыто, и ненавязчиво высвечивают интересующие их вопросы, и дают ключи к пониманию мыслей других людей. Эмпирические данные, как выясняется, подтверждают важность повседневных разговоров»³⁶. Такая форма разговора — т. е. обнажение души и проявление предпочтений — создает подлинную близость, которая противоречит способности сохранять дистанцию. С когнитивной точки зрения тесные доверительные отношения для эмоций являются тем же самым, что визуальная близость для познания. Иначе говоря, удаленность от объекта позволяет нам создать его культурный образ, который может обострить наши чувства и сильнее захватить наше внимание. Близость к объекту, напротив, заставляет сосредоточиться на разрозненных компонентах переживания. Я бы сказала, что близость, перенесенная в повседневную жизнь и романтические отношения, заставляет более внимательно относиться к отдельным и обособленным моментам ежедневного существования и делает человека ме-

---

³⁶ Дак С. У. «Серьезные отношения: разговоры, здравый смысл, ощущение родства» цитируется в: Стаффорд Л., Меролла А. Дж. Идеализация, воссоединения и стабильность любовных отношений на расстоянии. С. 38 [Staford L., Merolla A. J. Idealization, Reunions, and Stability in Long-Distance Dating Relationships. P. 38].

нее способным уделять внимание и концентрироваться на их когнитивной форме, на культурном образе, который делает их способными создавать эмоциональную яркость. Другими словами, институционализация интимной жизни и близости вызывает раздражение и разочарование, заставляя партнеров постоянно фокусироваться друг на друге и в меньшей степени фокусироваться на культурном образе своих эмоций.

Одна из причин, по которой расстояние способствует идеализации, заключается в том, что оно активизирует «другую» форму сознания, т. е. память, которая воспроизводит воспоминания о приятных переживаниях, и предвосхищение, которое создает череду чувственных образов. Отдаленность наделяет способностью предвосхищать встречу в соответствии со сценариями, созданными в памяти и когнитивными формами, которые эстетизируют повседневную жизнь и растворяются в когнитивной безграничности повседневной реальности. Поскольку эмоции лучше формируются при взаимодействии с четко обозначенными (эстетическими) формами, расстояние позволяет чувствам быть более интенсивными именно потому, что они организованы в четкие и ясные когнитивные модели.

Психологическая онтология

Существует глубоко укоренившееся мнение, которое предполагает, что чрезмерное воображение и ожидания лишают нас способности справиться с реальностью, и что ожидания, по сути своей, оторваны от действительности. В одной из историй, опубликованных в колонке «Современная любовь» (*Modern Love*) в «Нью-Йорк Таймс», женщина рассказывает о том, что она рассталась с мужчиной, который был для нее очень подходящей парой, именно из-за ее завышенных ожиданий:

Когда я задумалась о своем тесном окружении и ленивом бойфренде, я на мгновение представила себе нашу будущую совместную жизнь, которая поразила меня... ну, своей заурядностью. А я хотела большего. <...> В Нью-Йорке, и особенно в киноиндустрии, трудно избавиться от представления о том, что на горизонте всегда

есть кто-нибудь получше. Впрочем, приняв эту идею, я превратила свою жизнь в непрерывный круговорот мелких разочарований, которые заставили меня затосковать по кому-то вроде моего Тима Донохью, который всегда был доволен собой и тем, что имел. Более того, я даже захотела снова стать таким как он³⁷.

Глубокое расхождение между ожиданием и реальностью часто рассматривается с точки зрения завышенных ожиданий относительно качеств партнера, и подобная чрезмерность, как показывает эта история, активизируется институционализированной надеждой улучшить свое положение. Лори Готлиб, одна из авторов журнала «Атлантик» (*Atlantic*), писавшая о том, как трудно найти себе пару, призвала женщин умерить свои ожидания. Как резюмировал другой комментатор, ее призыв заключался в том, что «женщины должны научиться искать хорошие качества в тех мужчинах, которые могут не соответствовать их *взыскательному вкусу*, но с которыми, по их мнению, они хорошо ладят»³⁸ (курсив мой. — *Автор*). Проблема здесь в том, что мужчины и женщины, ищущие партнера, имеют очень сложные и когнитивно четкие ранее сформированные наборы критериев, а в этой рекомендации отсутствует понимание механизма, который делает эти ожидания не только очень четко сформулированными и когнитивно значимыми, но и препятствующими реальным отношениям. В реальной жизни не меньше, чем в голливудских фильмах, одним из центральных механизмов, порождающих разочарование, является то, что мы можем назвать *психологической онтологией* личности, т. е. тот факт, что окружающие рассматриваются как обладающие стабильными, поддающимися описанию, узнаваемыми психологическими свойствами. В этой онтологии личность имеет неизменные характерные черты, о которых она должна быть хорошо осведомлена, чтобы взаимодейство-

---

³⁷ Бернинг Л. Я называю твое/его имя // *New York Times*. January 27, 2011 [*Berning L. I Call Your/His Name // New York Times*. January 27, 2011].

³⁸ Джонсон Д. Те, кто вступают в брак. *New York Review of Books*. August 19, 2010. С. 24 [*Johnson D. The Marrying Kind. New York Review of Books*. August 19, 2010. P. 24].

вать с неизменными характерными чертами окружающих. Следовательно, человек ищет людей с определенными, узнаваемыми, устойчивыми качествами. Таким образом, онтологизируются две категории, а именно: категория личности и категория отношений.

Вот как 42-летняя разведенная женщина оценила свои перспективы найти «хорошего» мужчину:

Барбара: Так трудно найти хороших мужчин, знаете ли, или, по крайней мере, мужчин, которые подошли бы мне. Я иногда думаю, что для этого должно произойти настоящее чудо.

Интервьюер: Почему? Какими должны быть эти мужчины?

Барбара: Во-первых, они должны соответствовать моей сложной психике. Ну, я очень тревожный, беспокойный человек и у меня много разнообразных потребностей. Например, с одной стороны, я очень независима, и мне необходимо личное пространство, мне нужно чувствовать, что я могу строить свою жизнь так, как я хочу, с другой стороны, мне также необходимы ласка, утешение и поддержка. Нелегко найти человека, который знал бы, как обеспечить все это вместе взятое. Мне нужен очень сильный, очень уверенный в себе парень, но при этом очень нежный по отношению ко мне.

Поиск Барбары здесь явно мотивирован психологической онтологией личности. Несмотря на заявленные ей противоречивые потребности, ее знание о себе весьма устойчиво; оно устанавливается посредством психической онтологии, которая укрепляет ее самоощущение и создает четкие когнитивные инструменты для оценки потенциальных партнеров. Я спросила ее:

Итак, когда вы ищете кого-то на сайте, как вы понимаете, сможет ли этот человек удовлетворить потребности, о которых вы только что рассказали.

Барбара: Это трудно; но, например, я бы обратила внимание на то, как он реагирует, если я не отвечаю быстро; если парень делает мне замечание по этому поводу, он в пролете. Меня это очень раздражает. Или как он подписывает свои письма, использует ли он некоторые уменьшительно-ласкательные словечки. Но подобные вещи легче узнать при встрече.

Корр.: А когда вы встречаетесь с парнем, на что вы обращаете внимание?

Барбара: Трудно сказать, но это связано с тем, напряжен ли он, внимателен ли ко мне, нервничает или нет, жалуется ли на других, проскальзывают ли в его речи властные нотки, завышена или занижена его самооценка и тому подобное.

Такая тончайшая настройка на поведение и особенности окружающих становится возможной благодаря тому, что Барбара использует определенные когнитивные категории и границы, которые становятся трудными для согласования, поскольку они устанавливают взаимодействия в рамках неизменных психологических характеристик и свойств личности.

Рассмотрим еще одно интервью со Сьюзен, психологом 42-х лет:

Я познакомилась с этим парнем на званом обеде, и он мне очень понравился. Он очень хорош собой, и он искрометно шутил весь вечер, заставляя нас всех истерически смеяться. И когда он попросил номер моего телефона, я была в восторге, в полном восторге. Потом мы встретились, чтобы пообедать в одном кафе с садом. Он предпочел сесть в саду, а я — внутри. В результате мы сели в саду. Но я действительно не могла находиться на солнце, потому что у меня не было солнцезащитных очков, и я очень чувствительна к солнечному свету, но он сказал, что страдает от недостатка солнца и продолжал настаивать, и, знаете, в тот момент я почувствовала, что меня к нему больше не тянет.

Корр.: Можете объяснить почему?

Сьюзан: Я почувствовала, что с этим человеком будет очень трудно прийти к согласию. Что он всегда будет ставить свои интересы во главу угла.

Корр.: Итак, по этому эпизоду вы смогли составить себе полное представление о нем.

Сьюзан: Совершенно верно. Если у вас хорошая интуиция и вы психологически проницательны, вы сразу, благодаря мелочам понимаете, какой человек перед вами, возможно, в первую очередь благодаря мелочам.

В колонке «Современная любовь» в «Нью-Йорк Таймс» женщина рассказывала, как она «влюбилась» в мужчину во

время семинара по Випассане, а затем, наконец, поговорила с ним: «Я искося взглянула на него и увидела ручки, торчащие из кармана его брюк, — не одну, а много, целую связку ручек. Именно эта странная деталь дала мне понять, насколько он не в себе»³⁹. Очевидно, что «мелочи» здесь переносятся в плоскость психологической и эмоциональной онтологии.

Такой скрупулезный, психологизированный способ оценки окружающих весьма распространен. Например, подруга Кэтрин Таунсенд оценила ее бойфренда следующим образом: «Послушай, я не думаю, что он плохой парень. Я уверена, что он все-таки защитит тебя, обдумав это около 20 минут и взвесив все “за” и “против”. Но неужели ты не хочешь найти того, кто сделает это не задумываясь?»⁴⁰. Очевидно, что такой пренебрежительный отзыв требует продуманного поведенческого сценария психологической сущности мужчины. Или, наконец, рассмотрим рассказ Хеллен, 35-летней писательницы:

Во многих отношениях мой мужчина идеален. Я имею в виду не то, что он умный, привлекательный и очень веселый; такой он, кстати, и есть. Я хочу сказать, что он очень любит меня. Вы не представляете, какие СМС он посылает мне каждый день, дважды, а иногда и по пять раз в день, это настоящая поэзия. Уверена, я могла бы их опубликовать. Но что меня бесит, так это его отношения с матерью. Каждый раз, когда с ним что-то происходит, хорошее или плохое, он рассказывает об этом мне и своей матери, почти одновременно. Иногда он посылает одно и то же СМС нам обеим, и меня это так раздражает! Более чем раздражает. Я чуть не рассталась с ним из-за этого.

Кор.: Можете сказать почему?

Хеллен: Это выглядит так, словно он еще не отделился от матери и не избавился от Эдипова комплекса. 50-летний мужчина должен

---

³⁹ *Кеннеди П.* Вдохни, выдохни, влюбись // *New York Times*. November 4, 2010 [*Kennedy P.* Breathe In, Breathe Out, Fall in Love // *New York Times*. November 4, 2010].

⁴⁰ *Таунсенд К.* Нарушение правил: Откровения плохой девчонки. London: John Murray, 2009. С. 183 [*Townsend C.* Breaking the Rules: Confessions of a Bad Girl. London: John Murray, 2009. P. 183].

быть достаточно эмоционально зрелым, чтобы не обсуждать с мамочкой каждый свой шаг. И это совсем не кажется мне привлекательным, поскольку многое говорит о нем и о его эмоциональной зрелости.

Общение с матерью рассматривается здесь с точки зрения «онтологии» и относится к категории «Эдипова комплекса» и понятию «эмоциональная зрелость», которые указывают на то, что поведение и эмоции оцениваются с точки зрения тщательно разработанной модели здоровой личности, наделенной установленными качествами. Все вышеприведенные ответы онтологизируют личность на основе терапевтических способов оценки, в которых формы поведения рассматриваются как более или менее здоровые.

Это приводит, в свою очередь, к возникновению новой культурной категории, которую мы можем назвать категорией «отношений». Отношения приобрели собственный культурный статус, отличный от статуса личности (хотя они, конечно, тесно связаны). Как сказала одна моя разведенная собеседница, 48-летняя Ирина: «Мой бывший муж — по-настоящему замечательный человек, я до сих пор вижу в нем то, что увидела в первый раз, он прекрасный человек, просто наши отношения никогда не складывались. Мы так и не почувствовали глубокую связь». Психологические личности обладают неизменными свойствами и, в свою очередь, создают отношения, когнитивную модель, которая, как предполагается, представляет собой осязаемое выражение психологической сущности. Отношения как культурная категория становятся новым самосознательным объектом наблюдения и оценки. Отношения оцениваются в соответствии с тем, насколько гладко они протекают — сценарии отношений — и в соответствии с гедонистическими принципами — удовольствие и благополучие, которое они обеспечивают. То, что некоторые социологи называют «эмоциональной работой» — преимущественно женская прерогатива — обуславливается «эмоциональной онтологией», оценкой взаимосвязей в соответствии со сценариями и моделями здоровой эмоциональности и доставляющих

удовлетворение отношений. Эмоциональная работа — это рефлексивный анализ отношений, отраженный в практике бесед, жалоб, просьб, выражения потребностей, понимания потребностей другого человека. Эмоциональная онтология неявно подразумевает сравнение с медиа-идеалами и историями посредством социально-психологического процесса мысленного сравнения себя с другими. Более важно то, что такие эмоциональные онтологии представляют собой инструменты для мониторинга отношений и сравнения их с тем, каким они должны или могли бы быть, для их критики и поиска причин, из-за которых они не складываются. Современные романтические отношения беспрестанно отражаются в таких онтологических оценках.

Подведем итог: повседневная жизнь структурирована таким образом, что она не позволяет активировать стилизованную форму сознания, которая поддерживает интенсивность эмоций и сохраняет идеализированный образ другого человека. Более того, культурные онтологии — личности, эмоций и отношений — препятствуют обычным взаимодействиям, следующим за изменчивостью практического опыта, поскольку они постоянно подвергаются неявному сравнению с существующими моделями того, какими они должны быть.

Воображение и интернет

Если бы существовала история воображения буржуазного субъекта, то появление интернета должно было бы ознаменовать ее решающую фазу. Интернет представляет собой, несомненно, одно из самых значительных преобразований в стиле романтического воображения. В контексте современной культуры я бы различила, по крайней мере, две формы предвосхищающего воображения, которые создаются современной культурой. Первая — это предвкушение, основанное на синтезе множества образов, историй и предметов потребления, например, когда мы ожидаем, скажем, покупки предмета роскоши или поездки в отпуск или любовной истории. Это предвосхищение может быть расплывчатым или весьма

упорядоченным с когнитивной точки зрения, вызванным либо посредством товаров, обращением к мысленным образам, либо повествованиями: например, желанием любовной истории, развивающейся в определенной последовательности, или визуальными сценами со счастливым завершением, таким как романтический поцелуй или романтический ужин. Вторая форма предвосхищающего воображения возникает при попытке виртуально воспроизвести реальный опыт с помощью технологии. Это воображение предвосхищает, пытаясь имитировать настоящее свидание. Оно охватывает онлайн-игры и сайты знакомств, которые проектируют и воспроизводят фактические сексуальные/романтические свидания.

Согласно глобальному опросу 2010 г. Всемирной службы Би-би-си, в котором приняли участие около 11 тыс. пользователей интернета в 19 странах⁴¹, 30 % всех веб-пользователей в любой момент времени ищут друга или подругу; в некоторых странах, таких как Пакистан и Индия, доля соискателей составляет 60 %. Во время одного из конкурсов студенческих любовных историй Нью-Йорк Таймс заметила радикальные перемены в способах взаимодействий, от случайных сексуальных связей до отношений, при посредничестве интернет-технологий.

В феврале 2011 г. Sunday Styles [секция Нью-Йорк Таймс] попросили студентов колледжей по всей стране лично рассказать — на примере собственных историй — чем является для них любовь. «Когда мы впервые провели этот конкурс три года назад, самой популярной темой сочинения была тема случайных связей: “секс без обязательств”, который для многих оказался не таким уж беззаботным. Вопросом, которым тогда, казалось, задавались сотни авторов этих историй, был: Как получить физическое без эмоционального?»

Как же много может измениться за три года! На этот раз самый часто задаваемый вопрос был противоположным: Как получить

---

⁴¹ Блэк Д. Онлайн-знакомства набирают популярность, привлекая 30 процентов пользователей сети: Опрос // *New York Times*. February 16, 2010 [*Black D. Online Dating Grows in Popularity, Attracting 30 Percent of Web Users: Poll* // *New York Times*. February 16, 2010].

эмоциональное без физического? Конечно же, случайные связи в колледже живут и процветают, но в этих записях акцент сместился на близкие отношения с использованием информационных технологий, которые возникают и углубляются почти исключительно посредством ноутбуков, веб-камер, онлайн-чатов и текстовых сообщений. В отличие от сексуального риска в культуре случайных связей, эта любовь настолько безопасна, что самым страшным являются не болезни, передающиеся половым путем, а компьютерный вирус или, возможно, личная встреча с объектом привязанности»⁴².

Интернет и различные технологии, используемые для того, чтобы познакомиться с кем-нибудь и увидеть его на экране, кажется, играют чрезвычайно важную роль в новых формах ухаживания.

Но, как говорится в другой статье того же автора в «Нью-Йорк Таймс»:

Огромное количество людей признается в том, что с большим волнением приобщившись к онлайн-свиданиям, они затем быстро осваиваются, воспринимая их как большое удовольствие и соблазн, манящий своим разнообразием, затем позволяют представить себе, что человек, с которым они переписываются, и есть их единственная настоящая любовь, и, наконец, сталкиваются с *глубоким разочарованием*, когда все заканчивается личной встречей с реальным, несовершенным живым человеком, который не похож на фотографию в jpg-формате или не разговаривает как e-mail сообщение⁴³ (курсив мой. — Автор).

Как я утверждаю в книге «Охлажденная интимность»⁴⁴, стиль воображения, который разворачивается на сайтах знакомств

---

⁴² Джонс Д. Современная любовь: Конкурс студенческих сочинений // New York Times. April 28, 2011 [Jones D. Modern Love: College Essay Contest // New York Times. April 28, 2011].

⁴³ Джонс Д. Вы не больны, вы просто влюблены // New York Times. February 12, 2006 [Jones D. "You're Not Sick, You're Just in Love // New York Times. February 12, 2006].

⁴⁴ Иллюз Е. Охлажденная интимность. Cambridge: Polity Press, 2007 [Illouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2007].

и с их помощью, следует понимать в контексте технологии, которая развоплощает и текстуализирует свидания, причем лингвистический обмен является средством получения психологического интимного знания. Интимность, которая создается, не является эмпирической или сосредоточенной на живом человеке, а скорее обусловлена выработкой психологического знания и способов установления отношений друг с другом. Интернет-воображение опирается на массу текстовых когнитивных знаний в соответствии с первоочередной задачей определения субъектов как сущностей, наделенных различными, дискретными и даже количественными характеристиками — психологическими и образа жизни. Там, где традиционное романтическое воображение когда-то характеризовалось сочетанием реальности и воображения, вызванного живым человеком, и основывалось на накопленном опыте, интернет расщепляет воображение — на набор самогенерируемых субъективных значений — и свидание с другим человеком, заставляя их происходить в разные моменты времени. Знание о другом также много раз расщепляется, поскольку другой человек воспринимается сначала как самозадаваемая психологическая сущность, затем как голос и только позже как движущееся и действующее тело.

Интернет-воображение не противопоставлено реальности; оно противостоит воображению, вызванному реальным человеком, и основанному на интуитивных эмоциях, т. е. на эмоциях, обусловленных быстрыми и нерелексивными оценками других людей. Оно противоположно ретроспективному воображению, т. е. воображению, которое пытается *заочно* уловить чувственные и телесные ощущения, вызванные реальным физическим присутствием другого. Эта форма воображаемой проекции вызвана неполным и интуитивным знанием другого человека. Интернет, напротив, предлагает перспективную форму воображения, в которой человек представляет себе особенный объект, чье физическое присутствие еще предстоит обнаружить. Ретроспективное воображение описанного здесь типа является информационно-ненасыщен-

ным, тогда как перспективное воображение на основе интернета является информационно-обильным.

Традиционное романтическое воображение вызывалось реальным человеком, синтезировало прошлый опыт, смешивало, комбинирувало существующий объект с образами и переживаниями прошлого и сосредоточивало внимание на нескольких «разоблачающих» другого человека деталях, как визуальных, так и лингвистических. В результате такое воображение представляло собой смешение образов прошлого и взаимоотношений с реально существующим человеком. Как ментальные и эмоциональные процессы, эта особая форма воображения, подобно желанию, нуждается в небольшом количестве информации для приведения в действие. Кроме того, как и желание, она лучше активируется благодаря малому, а не большому количеству информации. По мнению психоаналитика Этель Спектор Персон: «Это могут быть движения человека, который закуривает сигарету на ветру, откидывает волосы назад или разговаривает по телефону»⁴⁵. Иначе говоря, жестикация, телодвижения и голосовые интонации выполняют работу по пробуждению романтических фантазий и чувств. Как считал Фрейд, способность реагировать на мелкие и, казалось бы, бессмысленные детали обусловлена тем фактом, что «в любви мы любим то, что потеряно»⁴⁶. Вероятно, это результат глубоко заложенных родительских схем и культурной близости к определенным формам телесных поз и поведения, запечатленным в нашем сознании. «Огромная сила, которую возлюбленный, по всей видимости, оказывает на любящего, может быть частично объяснена тем, что объект любви наделяется таинственной силой всех потерянных объектов прошлого»⁴⁷. В культурной конфигурации, в которой работал Фрейд, любовь и фантазия были тесно переплетены благодаря их способности соединять прошлый и настоящий опыт в прочных, сформированных

⁴⁵ Персон Э. С. Мечты о любви и судьбоносные встречи: сила романтической страсти. NY: Norton, 1988. С. 43 [*Person E. S. Dreams of Love and Fateful Encounters: The Power of Romantic Passion. New York: Norton, 1988. P. 43*].

⁴⁶ Там же. С. 115.

⁴⁷ Там же. С. 92.

взаимоотношениях. Суждения, основанные на привлекательности, часто включают в себя возрождение интуитивных суждений, основанных на накопленном опыте. «Интуиция означает способность судить о стимулирующих особенностях или проводить различия между стимулирующими категориями лучше, чем случайность без возможности описать основу суждений вербально. <...> С интроспективной точки зрения интуитивные суждения, по-видимому, возникают спонтанно и без помощи сознательных рассуждений»⁴⁸.

Интуиция — это форма суждения, активизирующая бессознательное знание, т. е. знание, структура и свойства которого не доступны непосредственно сознанию человека. Возможно, из-за того, что некоторые формы воображения информационно не насыщены, они могут легко переоценивать, т. е. приписывать другому человеку дополнительные преимущества или «идеализировать» его. Подобная идеализация может быть обусловлена некоторыми, а не многими качествами другого человека⁴⁹.

Напротив, перспективное воображение, активированное интернетом, перенасыщено информацией. Можно сказать, что интернет резко контрастирует с информационно не насыщенным воображением, поскольку он обеспечивает знание о другом и фактически требует это знание, которое не является целостным, а основано на характерных особенностях, и позволяет постоянно сравнивать людей и их качества, что имеет тенденцию ослаблять процесс идеализации. Интернет-фантазия перспективна, т. е. направлена на кого-то еще не встреченного. Она вызвана не живым человеком, а обусловлена языковым обменом и текстовой информацией. И оценка в данном случае основывается на накоплении качеств, а не является це-

---

⁴⁸ Болте А., Гошке Т. Интуиция в контексте восприятия объекта: интуитивные гештальт-суждения опираются на бессознательную активацию семантических представлений // *Cognition*. 108(3). 2008. С. 608–616 [Bolte A., Goschke T. Intuition in the Context of Object Perception: Intuitive Gestalt Judgments Rest on the Unconscious Activation of Semantic Representations // *Cognition*. 108(3). 2008. P. 608–616].

⁴⁹ Митчелл С. А. Может ли продлиться любовь? С. 95, 104 [Mitchell S. A. Can Love Last? P. 95, 104].

лостной. В этой конкретной конфигурации люди обладают слишком большим объемом информации и кажутся менее способными идеализировать. Вот, например, как Стефани, 26-летняя аспирантка, рассказывает о своем первом свидании с парнем, с которым она познакомилась в Сети.

Стефани: Я познакомилась с ним довольно быстро после очень интенсивной переписки и одного телефонного звонка. Мне понравился его голос. Мы встретились в кафе у моря, атмосфера была великолепно, и, хотя я была готова к тому, что он менее красив, чем на фотографиях, поскольку так обычно и происходит, оказалось, что он ничуть не хуже. Так что все началось очень хорошо, но это так странно, что в течение вечера, а мы провели два с половиной часа вместе, во мне ничего не щелкнуло. Он совсем не отличался от того классного парня, с которым я общалась в Сети, казалось, он обладал таким же чувством юмора и теми же достоинствами, он был умным, красивым, но я ничего не почувствовала.

Корр.: Можете сказать почему?

Стефани: Ну, мне неприятно об этом говорить, но, может, он был слишком любезным? Было что-то в его любезности, что-то слишком слащавое [*смеется*], он слишком стремился угодить или, может быть... я не знаю. Мне нравится любезность, но она должна быть немного смешана с грубоватостью, иначе можно подумать, что он не ощущает себя достаточно мужественным, вы понимаете, что я имею в виду?

Интересный ответ: несмотря на то, что этот мужчина удовлетворяет ее списку желанных качеств, она все же отвергает его из-за отсутствия «щелчка» (важного понятия в современных романтических отношениях), что само по себе объясняется тем, что мужчине не хватило особого и трудно выразимого качества («мужественности»), которое, как можно предположить, состоит в распознавании установленных визуальных и телесных кодов. Критерии «мужественности» (или «женственности») — и в более общем смысле «сексуальности» — требуют целостного суждения, которое стало отличительной чертой гештальтпсихологии. Мужественность, женственность, сексуальность можно определить только благодаря различным жестам,

телодвижениям и позам человека. Они определяются визуально и не могут быть обработаны лингвистически. Такому подходу к действительности предшествует абстрактное, вербальное познание другого, и у него возникают трудности при переходе к визуальному целостному подходу. Избыток психологических и вербальных знаний о другом человеке может оказаться неблагоприятным для ощущения влечения к нему. Таким образом, в традиционной любви к реальному человеку, основанной на информационно не насыщенном воображении, эмоции генерируются посредством четырех основных процессов. Во-первых, существует влечение к телу. Во-вторых, это влечение задействует предыдущие отношения и переживания субъекта. (Тогда как Фрейд понимал переживания прошлого как строго психологические и биографические, я, как и Бурдье, рассматриваю их как социальные и коллективные.) В-третьих, этот процесс, в свою очередь, осуществляется на полусознательном или бессознательном уровне, минуя рациональное *cogito* (мышление). Наконец, и почти по определению, происходит идеализация другого человека, который воспринимается как уникальный. Такая идеализация часто обеспечивается сочетанием наших знаний и нашего незнания о другом человеке. Иначе говоря, меняется сама суть формирования желания, организованного информационно не насыщенным воображением: роли визуальных и физических сигналов уменьшаются, частичная информация заменяется избыточной, и последующая способность идеализировать ослабевает.

В отличие от традиционного романтического воображения, в интернет-воображении господствует вербальное затемнение, преобладание языка в процессах оценки, часть или большинство из которых основано на визуальном восприятии и сигналах. Язык интенсивно используется в описании внешности, в лингвистическом профиле пользователя, в процессе знакомства и классификации других пользователей и в процессе обмена электронными письмами. Язык вмешивается в процессы визуальной и физической оценки и в процесс распознавания. Вербальное затемнение — это вмешательство вербальных спо-

собою оценки в процессы визуального распознавания. Исследователи показывают в экспериментах, что люди, использовавшие слова для описания лиц других людей, чьи фотографии они видели, имеют худшие показатели при распознавании этих лиц, чем люди, которых просили выбрать этих людей без какой-либо предварительной вербальной обработки. Это говорит о том, что лингвистическое знание, основанное на тексте и на вербальных характеристиках другого человека, может мешать способности приводить в движение механизмы визуального распознавания привлекательности.

Можно сказать, что это знаменует перемену, произошедшую в самой сути романтического желания. Я утверждаю, что романтическое желание все меньше определяется бессознательным. Это с его кажущейся бесконечной способностью формулировать и совершенствовать критерии выбора партнера является глубоко осознанной сущностью, которая неустанно отдает себе отчет в выборе и ответственна и за него, и за разъяснение рационально желательных критериев другого человека. Желание структурировано выбором как двуединая рациональная и эмоциональная форма действия. Более того, можно предположить, что идеализация — как процесс, занимающий центральное место в переживании любви, — становится все более труднодостижимой именно из-за онтологизации личностей, которая поощряет тщательное изучение характера других людей, и разбора разрозненных качеств, что препятствует целостной оценке. Наконец, ошеломляющее чувство уникальности, которое когда-то было характерно для чувства любви, изменилось, как предполагает вступительный эпиграф из Барта, утонуло в огромном количестве потенциальных партнеров.

Самодовлеющее желание

Таким образом, я могу утверждать, что желанию, воображению и реальности становится все труднее взаимодействовать друг с другом по двум основным причинам. Во-первых, воображение становится все более стилизованным и основанным на жанрах и технологиях, активирующих вымышленные эмоции,

поощряющих отождествление и предвосхищающих повествовательные формулы и визуальные настройки. Вторая связана с тем, что в повседневной жизни используются культурно-познавательные категории, которые затрудняют объединение романтических переживаний и отношений в целостную познавательную форму. В результате фантазия и воображение становятся все более независимыми от своих объектов. Но я также утверждаю, что фантазия и воображение стали не только самообразующимися, но и самодовлеющими, став своими собственными (доставляющими удовольствие) целями. Вот несколько примеров. Роберт, 50-летний разведенный мужчина, рассказал в интервью:

Корр.: Вы говорили ранее, что чем старше вы становитесь, тем больше предаетесь фантазии. Что вы имели в виду? Что вы подразумеваете под фантазией? Вы имеете в виду любовь, которая не может быть удовлетворена?

Роберт: Да, и я думаю, чем старше я становлюсь, тем больше мне нравится неутоленная любовь.

Корр.: Интересно! Можете сказать почему?

Роберт: Я получаю от этого огромное удовольствие.

Корр.: Вы можете объяснить почему?

Роберт: Это решает экзистенциальную проблему симбиоза эмоционального и интеллектуального. Если такая любовь не осуществляется сексуально, но осуществляется психически, она приносит удовлетворение. И именно то, что любовь не утолена, что она остается нереализованной и доставляет мне самое большое удовольствие. Тот факт, что обещание осталось невыполненным, наполняет смыслом любой незначительный жест, улыбку или взмах рукой, СМС «Доброе утро», полученное после пробуждения приобретает глубокий смысл.

<...>

Корр.: Были ли вы влюблены в женщин, не ответивших вам взаимностью?

Роберт: Да, конечно!

Корр.: Вас это больше всего привлекает?

Роберт: Трудно сказать, потому что когда я влюбляюсь, мне всегда кажется, что это и есть моя самая большая любовь. Но да,

в целом, я бы сказал да. Потому что я могу больше фантазировать о них в моем воображении.

Желание и фантазии здесь тождественны, поскольку их объединяет тот факт, что любовь остается неутоленной. Воображение становится режимом переживания желания и его направлением, и, наоборот, желание наиболее остро переживается в режиме воображения. Желания и фантазии не только переплелись; они стали самодовлеющими. Или, по словам другого респондента Даниила, того самого человека, которого я цитировала в главах 3 и 4:

Я ненавижу свидания на одну ночь. От них пустота в душе. Мне нужен целый комплекс ощущений, который позволяет мне фантазировать. Мне необходимо фантазировать. <...> Без любви у меня нет вдохновения, я не могу работать; она — мой наркотик. Я не могу быть один. Я имею в виду, что я не могу быть один в своих мыслях. Не только физически. Меня не интересует близость в четырех стенах. Я покончил со всеми этими семейными делами. Но не с фантазией.

Очевидно, что фантазия здесь противопоставляется одновременно и чисто сексуальным отношениям (на одну ночь), и семейной жизни, поскольку, на мой взгляд, они не дают возможности развернуться воображению, которое, в свою очередь, поддерживается повествовательной/эстетической формой. Вот как Марианна, 44-летняя француженка, описывает свои отношения с мужчиной, живущим в Соединенных Штатах: «Мне гораздо удобнее, что он далеко; у меня такое чувство, что наши отношения всегда будут прекрасными, поскольку большая их часть живет в нашем сознании». Эти мужчины и эта женщина предполагают, что в основе гиперсовременного воображения лежит само желание желать, что человек находится в состоянии непрекращающегося желания и предпочитают отложить его удовлетворение именно для того, чтобы сохранить и само желание, и эстетический облик желаемого объекта. Обратите внимание, что фантазия переплетается с эмоциональной энергией, т. е. способность воображать порождает сильные эмоции.

Семейная жизнь отвергается именно потому, что она угрожает этой способности переживать эмоции посредством воображаемых сценариев. Более того, в признаниях этих людей фантазия, по-видимому, нацелена не на обладание предметом, а только на себя, т. е. на доставляемые ею фантазматические удовольствия. Как выразился Джон Апдайк: «Воображаемый поцелуй легче контролировать, он приносит больше удовольствия и от него меньше суматохи, чем от настоящего»⁵⁰. Повторяя эту точку зрения, 47-летняя женщина рассказала о своей внебрачной связи следующим образом:

Вероника: Знаете, пожалуй, самой приятной частью этого романа были электронные письма, которые мы отправляли друг другу из дома, ни один из наших супругов ничего не знал, и эта сладкая мука ожидания увидеть его, бесконечные фантазии о нем ночью, после пробуждения и на работе. Находясь в подобной ситуации, когда вы не можете разговаривать друг с другом и видеться, когда хотите, действительно заставляет вас страстно желать друг друга. Иногда я даже спрашивала себя, не любила ли я его в моем воображении больше, чем в реальной жизни, потому что фантазия была намного более пылкой.

Корр.: Можете сказать почему?

Вероника: Ой, ну и вопрос, так трудно сказать. [*Надолго замолкает*] Думаю, это потому, что вы можете гораздо лучше все контролировать; все выглядит так, как вы хотите; когда вы пишете, вы пишете так, чтобы вас воспринимали, как вы хотите, вы не делаете ошибок. Конечно, вы можете мучиться, если он вам не отвечает, но возникает такое чувство, словно вы сами пишете свой собственный сценарий, тогда как в его присутствии все сразу становится намного сложнее, вы становитесь более тревожной, более раздражительной, вы хотите быть с ним, вы хотите убежать, он вам нравится и не нравится. Каким-то образом, когда вы пишете, все чувства становятся такими, какими они должны быть.

---

⁵⁰ Здесь Апдайк имеет в виду акт воображения, основанный на опыте, пережитом с реальным человеком. Цитировано: *Апдайк Дж. Либида-лайт* // *New York Review of Books*. November 18, 2004. С. 31 [*Updike J. Libido Lite* // *New York Review of Books*. November 18, 2004. P. 31].

Фантазия и воображение связаны не с беспорядком, как нередко считалось в многовековой истории культурного осуждения воображения, а с контролем, со способностью управлять своими мыслями и формировать их, придавая опыту устойчивую и эстетическую форму. Более того, эти мужские и женские фантазии являются самодовлеющими, они существуют ради самих себя и рассматриваются как источник удовольствия, а не страдания.

Вот еще один пример — Орит, 38-летняя женщина, работающая помощником секретаря в одной организации. Она рассказывает историю о том, как влюбилась в мужчину, с которым познакомилась в интернете за три года до этого интервью.

Орит: Мы долго переписывались, и у меня возникло такое чувство, что я знаю его очень хорошо.

Корр.: Вы когда-нибудь встречались?

Орит: Нет. Однажды, кажется, это было два года назад, мы решили встретиться, но в последний момент он отменил встречу.

Корр.: И с тех пор вы его не видели?

Орит: Нет. Я, правда, не знаю, почему он все отменил. Думаю, он струсил или что-то в этом роде.

Корр.: Это повлияло на ваши чувства к нему?

Орит: Вовсе нет. Я все равно продолжала любить его. Все эти годы мне кажется, что он единственный, кого я люблю. Он мне очень близок, даже несмотря на то, что мы больше не переписываемся. Я чувствую, что знаю его очень хорошо и понимаю его.

Корр.: Он вам близок?

Орит: Да.

Корр.: Но как, если вы никогда с ним не встречались?

Орит: Ну, во-первых, он много о себе рассказывал. Мы много переписывались. Видите ли, со всеми этими новыми технологиями, вы можете многое узнать о человеке. На Facebook я могу увидеть его друзей, что он делал, как он провел отпуск; его фотографии; часто мне кажется, что он рядом со мной в комнате, я вижу, когда он заходит на Gmail, когда он входит в систему; когда он занят в Skype; я могу увидеть, какую музыку он скачал и что он слушает. Как будто он все время рядом со мной, в моей комнате. Я вижу, что он делает, что он слушает, на какие концерты ходил, поэтому он мне кажется очень близким.

Непонятно, в какой мере Орит взаимодействует с реальным или воображаемым персонажем. Ее эмоции, я бы сказала, имеют эпистемологически промежуточный статус: поскольку она никогда не встречалась с этим человеком и ее эмоции в значительной степени самообразованы, а не вызваны реальными взаимоотношениями, даже виртуальными — они вымышлены. Однако в той мере, в какой она взаимодействует с реальными техническими устройствами (*Gmail*, фотографии на *Facebook* и т. д.), можно сказать, что это своего рода интерактивные вымышленные эмоции, закрепленные в технических объектах, которые воплощают и делают настоящим воображаемого человека. Можно сказать, что технология здесь играет роль создателя вымышленных эмоций посредством «присутствующего отсутствия». Кажется, что интернет поддерживает отношения именно с помощью фантазматического присутствия, которое он создает. Фантомная конечность — это ранее ампутированная конечность, неврологическое присутствие которой все еще ощущается субъектом. Подобным образом и технология интернета создает фантомные чувства — чувства, которые переживаются как ощущения, вызванные реальным воздействием, но их фактический объект отсутствует или вообще не существует. Это стало возможным благодаря техническим устройствам, имитирующим присутствие. В то время как романы и фильмы вызывали чувства с помощью сильных механизмов отождествления, новые технологии создают чувства, устраняя расстояние и имитируя присутствие, а также предоставляя эмоциям реально существующие якоря. Больше, чем любая другая культурная технология, интернет позволяет воображению, основанному на ограниченном сенсорном контакте, вызывать эмоции, которые становятся самодовлеющими, питают и поддерживают сами себя. Если воображение — это способность представить то, что отсутствует, интернет предлагает радикально новый способ управления отношениями между присутствием и отсутствием. В самом деле, одними из главных показателей, по которым можно сказать, что воображение изменяется и имеет историю, являются именно

линии различий и нововведений в способах управления «присутствием и отсутствием» и в способах, которыми воображение может поддерживать само себя. Самодовлеющее воображение становится невосприимчивым к взаимодействиям реальной жизни и организуется вымышленными материальными и технологическими программными продуктами.

Заключение

В этой главе подробно рассматриваются несколько процессов: усиление кодификации и мобилизации мечты как обычной познавательной и эмоциональной деятельности в любви; связь между разочарованием и структурами повседневной жизни и близких отношений, которая препятствует переходу от воображения к повседневному существованию, тем самым порождая разочарование; рационализация воображения и желания с помощью информационно насыщенных технологий; и прогрессирующая автономизация желания и воображения, т. е. тот факт, что они становятся своими собственными целями, не направленными на конкретный объект. Таким образом, воображение как культурная практика стало одновременно высоко институционализированным и строго индивидуальным свойством все более монадических индивидов, чье воображение не имеет конкретных реальных объектов или, по крайней мере, испытывает трудности с концентрацией на одном из них. Следовательно, хотя конкретные отношения становятся все более осмысленными и организованными в соответствии с процедурными правилами, работа воображения, помимо этого, все более склоняется к форме самодовлеющего желания, желания, которое питает само себя и имеет мало возможностей осуществить переход от фантазии к повседневной жизни. Эти изменения разлагают классическую структуру желания, продиктованную волей и ориентированную на объект, ядро которой управляло противоречиями между воображаемыми объектами и реальностью, а также сдвигами и переходами от одного к другому.

Эпилог

Если сердцу — хоть одному —
Не позволю разбиться —
Я не напрасно жила!
Если ношу на плечи приму —
Чтобы кто-нибудь мог распрямиться —
Боль — хоть одну — уйму —
Одной обмирающей птице
Верну частицу тепла —
Я не напрасно жила!

Эмили Дикинсон, No. 982⁵¹

Перевод В. Марковой

Если эта книга и имеет неакадемическую цель, то она заключается в том, чтобы «облегчить боль» любви путем изучения ее социальных основ. В наше время осуществление такой задачи возможно лишь при условии, что мы перестанем выдавать инструкции и рекомендации людям, уже обремененным тираническим императивом наслаждаться счастливой здоровой жизнью и любовью. Надеюсь, мне удалось показать, что страх перед любовью или чрезмерность любви, тревоги и разочарования, присущие столь многим любовным переживаниям, находят свои причины в социальном переустройстве сексуальности, романтического выбора, способов признания в рамках романтических отношений и самого желания.

Но прежде чем я обобщу природу этих изменений, позвольте мне прояснить некоторые возможные недоразумения, которые эта книга могла невольно вызвать.

Ни в коем случае эта книга не утверждает, что современная любовь всегда несчастна или что викторианская любовь является лучшим или наиболее предпочтительным вариантом для нас. Манерные письма и романы прошлого послужили мне, главным образом, как аналитические инструменты для

---

⁵¹ Дикинсон Э. Стихотворения Эмили Дикинсон. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1999. С. 411 [*Dickinson E. The Poems of Emily Dickinson*, ed. R. W. Franklin, Reading edition. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1999. P. 411].

освещения социологических характеристик современного состояния, а не как нормативные критерии. Более того, мы не должны забывать о том, что женщины в прошлом, как бы им ни поклонялись, находились в состоянии зависимости, а иногда и отчаяния, которое нельзя не оплакивать. Существует множество современных форм счастливой любви, но эти формы современны не только своим счастьем, но и серьезными затруднениями. Я не писала о них, поскольку несчастье требует более пристального внимания ученых. Равенство, свобода, поиск сексуального удовлетворения, демонстрация заботы и независимости без учета гендерных различий — все это проявления выполненных обещаний современной любви и близких отношений. Когда мужчины и женщины — в гетеросексуальных или гомосексуальных отношениях — выполняют такие обещания, я считаю их отношения счастливыми не только потому, что они приспособлены к нормативным условиям современности, но и потому, что они осуществляют идеалы, которые в нормативном отношении превосходят идеалы предыдущих поколений.

Кроме того, хотя эта книга рассматривает точку зрения женщин и в значительной мере объясняет их затруднительное положение, она ни в коем случае не утверждает, что мужчины не страдают от любви. Я уделила большое внимание женщинам, поскольку эта сфера мне более близка и потому что женщины всегда были объектом индустрии психологического самообразования и срочно нуждаются в прекращении беспрепятственного исследования так называемой ущербности своей психики; а также потому, что, как и многие другие, я считаю, что эмоциональные переживания связаны — хотя и сложным образом — с организационным устройством экономической и политической власти. Если и есть один основной, приводящий в замешательство вопрос или источник беспокойства, который пыталась осветить эта книга, так это тот факт, что феминистская революция — такая необходимая, спасительная и еще не завершенная — не удовлетворила глубокого желания мужчин и женщин обрести любовь и страсть. И свобода,

и равенство должны оставаться в основе наших нормативных идеалов любви, но смогут ли эти политические идеалы сформировать страсть и преданность и как они это сделают, остается культурной загадкой, которую эта книга пыталась разрешить. Получается, что гетеросексуальные женщины среднего класса находятся в странном историческом положении в настоящее время. Обладая такой полноценной властью над своим телом и эмоциями, которой они никогда ранее не обладали, они, тем не менее, самым беспрецедентным образом эмоционально зависят от мужчин.

Третье потенциальное недоразумение, которое мне хотелось бы развеять в этом эпилоге, — это утверждение, что несчастная любовь — это новое явление, вызванное модернизмом, или даже что современные люди больше страдают от нее, чем наши предшественники. Муки любовного страдания — это избитый сюжетный ход в мировой литературе, столь же древний, как представление о самой любви, и история имеет множество примеров и моделей любовных мук. Однако подобно тому, как современные страдания, вызванные внутренними причинами, отличаются от средневековых ритуалов самобичевания, современные страдания от любви включают в себя новые социальные и культурные переживания. Разумеется, это не говорит о том, что некоторые переживания не сохраняют элементов, которые сопротивляются изменениям, но раз уж все исследования подразумевают преднамеренные решения сосредоточиться на определенных аспектах какого-либо явления и игнорировать другие, эта книга также намеренно сосредоточила основное внимание на том, что в романтическом страдании является новым. Она утверждает, что романтическая любовь является территорией парадоксального процесса. Современные люди несравненно лучше, чем их предшественники подготовлены к тому, чтобы справляться с повторяющимися отказами, расставаниями или предательствами благодаря отстраненности, независимости, гедонизму, цинизму и иронии. По сути дела, большинство людей с юного возраста предполагают, что путь к романтической любви

будет очень нелегко и тернист. Однако моя точка зрения в этой книге заключается в том, что *из-за* множества разработанных нами стратегий преодоления хрупкости и взаимозаменяемости отношений многие аспекты современной культуры лишают личность как способности страстно влюбиться, так и полноценно испытать это чувство и противостоять сомнениям и неопределенности, сопутствующим процессу любви и привязанности к партнеру. Любовь изменила свою структуру, поскольку изменился характер приносимых ею страданий.

Наконец, несмотря на то, что в этой книге я попыталась подробно рассмотреть причины уклонения мужчин от сильных эмоциональных отношений и трудности их вступления в них, она не является ни ответом на горестные стенания о том, «куда делись достойные мужчины?», ни обвинением сексуальной свободы как таковой. Это, скорее, попытка осознать социальные силы, формирующие эмоциональную уклончивость мужчин и последствия сексуальной свободы, избегая предположения о том, что мужчины по своей сути являются недостаточными существами или что свобода должна представлять собой наивысшую ценность наших практик. Если — как согласны многие — культ свободы в сфере экономики может иметь и, порой, действительно, имеет разрушительные последствия, порождая, например, неопределенность и высокий уровень неравенства в доходах, то нам, как минимум, следует аналогичным образом поинтересоваться его последствиями в личной, эмоциональной и сексуальной сферах. Критический анализ свободы, предпринятый в одной сфере, должен симметрично проводиться и во всех остальных. Радикальный ум не должен уклоняться от исследования и критической оценки непреднамеренных последствий глубочайших устоев и самых сокровенных убеждений человека, а именно свободы. Подобно тому, как свобода в экономической сфере создает неравенство и делает его невидимым, свобода в сексуальной сфере отвлекает внимание от социальных условий, которые делают возможным эмоциональное господство мужчин над женщинами. Одна из главных идей этой книги довольно проста:

в современных условиях мужчины обладают гораздо большим сексуальным и эмоциональным выбором, чем женщины, и именно этот дисбаланс создает их эмоциональное господство. Таким образом, цель этой книги состояла в том, чтобы привлечь социологию в сферу традиционного царства психологии и попытаться сделать то, что лучше всего удастся социологам культуры — показать, что самые глубокие тайники нашей субъективности формируются такими «ключевыми» факторами, как преобразования экологии и архитектуры сексуального выбора. Обычные переживания эмоциональных страданий — ощущение недостатка любви или одиночества, преодоление отчужденности окружающих — формируются основными институтами и ценностями модернизма. В связи с этим основной замысел книги состоит в том, чтобы рассмотреть эмоции — по крайней мере, романтическую любовь — с точки зрения Карла Маркса на товар, т. е. показать, что они формируются социальными отношениями, что они не распространяются свободно и без ограничений, что их магия социальна и что они охватывают и сводят воедино институты модернизма.

Разумеется, нам не следует преувеличивать различия между настоящим и прошлым; в конце концов, мужчины и женщины прошлого вступали в брак с определенной долей свободы, любили друг друга, оставляли друг друга и руководствовались относительным чувством выбора. Однако, надеюсь, мне удалось показать, что социология пытается осмыслить направление и общие тенденции культуры и, таким образом, имеет возможность предположить, что за пределами субъективности определенных людей нечто фундаментальное в этой свободе, т. е. в том, как она была институционализована в современной культурной категории выбора — изменилось, и такая институционализация, в свою очередь, изменила условия эмоционального торга и обмена эмоциями между мужчинами и женщинами. Мужское и женское несчастье в любви содержит, поэтапно осуществляет и узаконивает сложные проблемы современной свободы и способности осуществлять

выбор. Эти проблемы сложно структурированы и посвящены следующим ключевым процессам.

Преобразование экологии и архитектуры выбора. Поиск и выбор партнера претерпел глубокие изменения по нескольким причинам: нормативным (сексуальная революция), социальным (ослабление классовой, расовой, этнической эндогамии) и технологическим (появление интернет-технологий и сайтов знакомств). Идея «великой трансформации любви» является аналитическим инструментом, позволяющим понять, чем отличаются социальные структуры выбора в прошлом и в настоящем. Вопреки общепринятому мнению я утверждала здесь, что в современном обществе выбор — как познаваемая и рефлексивная категория — стал гораздо более значимым в процессе поиска и обретения объекта любви. Эта значимость является результатом преобразования экологии выбора, характеризующегося рядом элементов: значительным увеличением количества потенциальных партнеров и, как следствие, ощущением безграничных возможностей; тем фактом, что процесс принятия решения о выборе является более длительным и сложным; что вкусы в сексуальной, физической и культурной сферах становятся все более подвижными и утонченными; тем фактом, что процесс оценки окружающих стал более осознанным и индивидуальным; а восприятие шансов на улучшение собственного выбора стало неотъемлемым элементом структуры отношений. Все это преобразовало процесс поиска, сделав его познаваемым, более рациональным и эмоциональным и более зависимым от вкусов. Следовательно, в основе современной любви лежит новый процесс оценки: личность полагается на онтологизированные эмоции, т. е. на узнаваемые и стабильные эмоции, которые, в свою очередь, считаются главным руководством к действию. Это позволяет тщательно оценивать людей в самых разных аспектах. Данные изменения создают условия для преобразования природы желания и воли, способов давать обещания, предвосхищать грядущие события, принимать решения исходя из собственного опыта, рассматривать и оценивать риск и, что наиболее

важно, задумываться о своих чувствах, желаниях и стремлениях в процессе любви.

Возникновение сексуальных полей. Сексуальные поля — это социальные площадки, на которых сексуальность становится независимым показателем образования пар, областью социальной жизни, которая интенсивно коммерциализируется, и самостоятельным критерием оценки. Сексуальные поля подразумевают, что действующие на них субъекты, находясь в состоянии конкуренции, совершают неустанную работу по оцениванию других. Они соревнуются друг с другом: а) за сексуально наиболее желанных партнеров, б) в накоплении партнеров и в) в демонстрации собственной сексуальной привлекательности и сексуального мастерства. Наряду с этими аспектами конкурентной борьбы за создание пары брачные рынки включают и другие аспекты, такие как социально-экономический статус, индивидуальность и культурная компетентность. Выбор на брачном рынке осуществляется с учетом следующих критериев: экономического статуса, физической привлекательности, образования, дохода, а также с учетом менее осязаемых качеств, таких как индивидуальность, сексуальная привлекательность или обаяние. То, что супружество представляет собой рынок, является историческим, а не естественным фактом, вызванным преобразованием экологии романтического выбора. Никогда прежде в истории мужчины и женщины различных социальных классов, религий и рас не встречались так, словно они находятся на свободном, нерегулируемом рынке, где рационально и инструментально оцениваются и обмениваются такие качества, как красота, сексуальная привлекательность и социальный класс. Брачные рынки всегда существуют наряду с сексуальными полями; однако сексуальные поля часто предшествуют и поэтому мешают им, вследствие чего мужчины и женщины задерживаются на них или предпочитают их брачным рынкам. На сексуальном поле как таковом доминируют мужчины, поскольку они могут оставаться на нем дольше и иметь более широкий диапазон выбора женщин. Наличие большей доступности выбора

делает мужчин — особенно представителей высшего среднего класса — господствующими на сексуальном поле. Такое господство проявляется в их еще большем нежелании связывать себя длительными отношениями. Эта динамика сексуальных полей, новая экология и архитектура выбора создают условия для эмоционального господства мужчин и дают им преимущество по трем основным причинам. Во-первых, социальный статус мужчин в настоящее время в гораздо большей степени зависит от их экономических достижений, чем от наличия семьи и детей. Во-вторых, биологический и культурный факторы не являются определяющими для мужчин с точки зрения продолжения рода, поэтому они могут позволить себе находиться в поиске гораздо более длительный период времени, чем женщины. Наконец, поскольку мужчины пользуются сексуальностью как статусом, поскольку нормы сексуальной привлекательности ставят во главу угла молодость и так как возрастная дискриминация предоставляет преимущество мужчинам, диапазон выбора потенциальных партнеров у них намного шире, чем у женщин. Таким образом, гетеросексуальные мужчины и женщины среднего класса имеют разный подход к сексуальным полям. В силу того, что экономическое выживание мужчин в большей степени зависит от рынка, чем от брака, и поскольку они не связаны — или менее связаны — императивом романтического признания, используют сексуальность как статус и проявляют независимость, они, как правило, имеют кумулятивную и эмоционально сдержанную сексуальность. Женщины, напротив, попадают в ловушку более противоречивых стратегий привязанности и отстраненности. Так что эмоциональная отстраненность и страх перед обязательствами у мужчин являются выражением их роли на сексуальных полях, созданной новой экологией выбора.

Новые способы признания. Неравенство, возникающее вследствие этой новой экологии, связано именно с новыми способами признания. Как и во всех социальных сферах, успех здесь приводит к повышению статуса и самооценки. Привлекательность и сексуальный капитал теперь знаменуют собой,

создают социальную ценность и таким образом занимают центральное место в процессах признания. И наоборот, неспособность добиться успеха на сексуальных полях может угрожать чувству собственного достоинства и самоидентичности. Из этого следует, что любовь становится аспектом динамики морального неравенства, т. е. несходства в ощущении собственной ценности. Это неравенство разделяет мужчин и женщин, предоставляя мужчинам господство на сексуальных полях, а также отделяет преуспевающих мужчин и женщин от менее успешных в этой области. Иначе говоря, это неравенство существует и между представителями обоих полов, и в рамках одного пола. Более того, поскольку модернизм был ознаменован образованием частной сферы, которая одновременно формировала женскую индивидуальность и отделяла ее от сферы общественной, центральное место в женском социальном чувстве собственной значимости заняла любовь. Таким образом, в условиях свободного рынка женщины нуждаются в большей любви для самоутверждения и стремятся как можно раньше вступить в серьезные отношения. Преобразование экологии и архитектуры выбора, а также взаимосвязь любви и социальной ценности свидетельствуют о том, что гендерное неравенство теперь касается эмоционального, а не социального неравенства. Широко распространенная литература, посвященная Марсу и Венере, — не что иное, как попытка с точки зрения психологии понять, что на самом деле представляет собой социологический процесс, а именно реорганизация гендерных различий в любви, являющейся источником обретения значимости для женщин или сексуального капитала для мужчин.

Охлаждение желания и слабость воли. Ирония, страх перед обязательствами, неоднозначность и разочарование — все основные темы этой книги и важнейшие элементы познания любви — представляют собой четыре основных компонента того, что я назвала деструктуризацией воли и желания, чья ориентация сместилась от формирования прочных связей к формированию охлажденной индивидуальности. Все четыре компонента объединяет тот факт, что они выражают

трудность мобилизации целостности личности в ее желании, направленном на другого человека, утверждение независимой индивидуальности в глубочайших тайниках субъективности и более общее охлаждение страсти. Более того, изменилась способность активизировать желание, остановиться на его объекте и приобщиться к культуре любви. Изменилась сама интенсивность желания и способы его проявления личностью. Во-первых, в условиях большего выбора желание опирается на высоко познаваемые формы самоанализа и самокритики. Во-вторых, сравнения между различными возможными вариантами ослабляют сильные эмоции. В-третьих, желание теперь осуществляется в культурной среде, где господствует процедурализм, т. е. абстрактные и формальные правила, согласно которым следует развивать отношения с партнерами и осуществлять свою собственную эмоциональную жизнь. В-четвертых, тогда как в прошлом желание подчинялось экономике дефицита, теперь оно руководствуется экономикой изобилия, вызванной как сексуальной нормативной свободой, так и коммерциализацией секса. Наконец, поскольку желание переместилось в область воображения, возможность его поддерживать в реальных взаимоотношениях оказывается под угрозой. В определенном смысле желание становится одновременно и более слабым, и более сильным: слабым, поскольку оно не поддерживается волей — выбор, скорее, ослабляет, чем подстегивает волю, — и сильным, когда оно перемещается в виртуальную сферу виртуальных и замещающих отношений.

Таким образом, эта книга может показаться обвинительным актом любви в эпоху модернизма. Но было бы более полезно расценить ее как попытку противостоять господствующим взглядам на то, что мужчины психологически и биологически, по сути своей, неспособны к установлению связей и что женщинам лучше изменить свою психическую структуру, чтобы найти и сохранить любовь. На самом деле биология и психология — как способы объяснения и легитимации трудностей романтических отношений — являются лишь частями проблемы, а не ответом на них. Если эмоциональное неравен-

ство мужчин и женщин предусматривается биологией, эволюцией или неадекватным психическим развитием, то эти различия в значительной степени усиливаются и до некоторой степени оправдываются культурой и институтами модернизма, что наиболее заметно благодаря изменению моделей экономического выживания, коммерциализации секса, нормативной свободе и равенству между мужчинами и женщинами. Таким образом, терминология Марса и Венеры, с помощью которой мы пытались объяснить и смягчить наши различия, очевидно, не годится; на самом деле она служит лишь для дальнейшей натурализации культурных различий между мужчинами и женщинами. Такая терминология предполагает, что мужчины и женщины кардинально отличаются друг от друга, что мужчинам нравится решать проблемы, в то время как женщинам нравится получать признание, и что решение состоит в том, что мужчинам следует прислушиваться к женщинам и признавать их значимость, в то время как женщинам следует уважать потребность мужчин в независимости. Может показаться, что это обеспечивает растерянным мужчинам и женщинам полезный способ ориентироваться в море гендерных различий, но во многих отношениях это лишь укрепляет мнение об эмоциональной ущербности мужчин и о том, что женщины нуждаются в исправлении их эмоционального облика.

Разумеется, это не означает, что мужчины и женщины не должны нести личную ответственность за свои действия. Эта книга никоим образом не умаляет и не обесценивает понятия личной ответственности и подотчетности в межличностных отношениях. Напротив, она утверждает, что лучшее понимание совокупности факторов, воздействующих на мужчин и женщин, может помочь избежать бремени чрезмерной ответственности и лучше определить границы личной и этической ответственности. В связи с вышесказанным критически настроенный читатель, как и многие, прочитавшие эту книгу, несомненно, захочет узнать, каковы мои политические рекомендации. Одно из основных нормативных допущений,

которые стоят за этой работой, заключается в том, что потеря страсти и эмоциональной глубины является важной культурной потерей и что охлаждение эмоций может сделать нас менее уязвимыми для одних, но при этом сильно затруднить наше страстное увлечение другими. Я присоединяюсь к мнению Кристины Неринг и Джонатана Франзена о том, что страстная любовь подразумевает боль и что такая боль не должна нас терзать. Как прекрасно выразился Франзен: «[Б]оль ранит, но не убивает. Когда вы рассматриваете альтернативу — безболезненную мечту о самодостаточности, подстегиваемую технологией, — боль оказывается естественным результатом и естественным показателем того, что вы живы в этом невосприимчивом мире. Пройти через жизнь безболезненно — значит и не жить совсем»¹.

Цель гендерного равенства заключается не в одинаковой отстраненности, а в равноценной способности испытывать сильные и страстные эмоции. Почему это так? Ведь нет недостатка в философских или этических моделях, проповедующих умеренность во всем, и особенно в страстях. Несмотря на то что эта работа полностью отвергает идею о том, что институционализация отношений является единственной жизнеспособной основой для их организации, она рассматривает способность любить как способ мобилизации целостности личности, как решающую способность устанавливать связи с другими и преуспевать в жизни, т. е. как важный человеческий и культурный ресурс. Способность извлекать смысл из отношений и эмоций, на мой взгляд, лучше обнаруживается в тех связях, которые вовлекают личность целиком, позволяя ей сосредоточиться на другом человеке при этом забывая о себе (как в моделях идеального родительства или дружбы, например). Более того, страстная любовь рассеивает неуверенность и чувство незащищенности, присущие большинству взаимоотношений, и в этом смысле обеспечивает очень важный

---

¹ Франзен Дж. Любовь — удел трусов. Выбери то, что причиняет боль // New York Times. May 28, 2011 [Franzen J. Liking Is for Cowards. Go for What Hurts // New York Times. May 28, 2011].

источник для понимания и принятия того, что нас волнует². Этот вид любви исходит из самых глубин личности, мобилизует волю и синтезирует разнообразные желания. Как сказал Гарри Франкфурт, любовь освобождает нас от ограничений и трудностей, связанных с непониманием направления собственных мыслей и, я бы добавила, чувств. Страстная любовь прекращает это состояние нерешительности и освобождает нас от «ступора» неуверенности³. Такая любовь формирует характер и, в конечном счете, является единственным чувством, дающим нравственные ориентиры в жизни. Состояние нерешительности по отношению к тому, что мы любим, вызванное обилием выбора, трудностью эмоционального самоанализа и идеалом независимости, препятствует страстной приверженности и в итоге затрудняет понимание того, кем мы являемся по отношению к себе и к этому миру. По этим причинам я не могу принять всерьез культ сексуальных переживаний, который охватил культурную сферу западных стран, главным образом потому, что я считаю, что такой вид чрезвычайно коммерциализированной сексуальной свободы препятствует способности мужчин и женщин создавать прочные, всеобъемлющие осмысленные отношения, дающие человеку знание о любимых им людях.

Радикальный и либеральный феминизм должен реагировать на нынешнюю ситуацию аналитическим и нормативным образом: учитывая, что женщины еще не готовы отказаться от идеи романтической любви, и учитывая, что они встречаются с мужчинами на открытом сексуальном поле, накопление сексуального капитала должно обсуждаться и подвергаться сомнению для разработки новых стратегий борьбы с эмоциональным неравенством и удовлетворения более широких социальных и этических целей женщин. С точки зрения как феминистской, так и кантовской этики мы должны поставить под сомнение культурную модель накопления сексуального

---

² Франкфурт Х. Причины любви. Princeton: Princeton University Press, 2004 [*Frankfurt H. The Reasons of Love. Princeton: Princeton University Press, 2004*].

³ Там же. С. 65.

капитала. Если вторая волна феминизма открыла ворота сексуального ограничения и сдерживания чувств, то теперь настало время пересмотреть состояние отчужденности и охлаждения, созданного взаимодействием и пересечением эмоций, сексуальной свободы и экономики. До тех пор, пока экономические институты и институты биологического воспроизводства в рамках гетеросексуальных семей узаконивают гендерное неравенство, сексуальная свобода будет бременем для женщин. В данных обстоятельствах следует обсудить вопрос о том, как сделать сексуальность областью поведения, управляемой одновременно и свободой, и этикой. Сексуальная революция, стремясь отбросить запреты и достичь равенства, по большому счету оставила этику вне сферы сексуальных отношений. Эта книга, по сути, предполагает, что осуществление самовыражения через сексуальность нельзя отделить от вопроса о наших обязанностях по отношению к другим людям и их эмоциям. Так что нам следует не только перестать рассматривать мужскую психику как изначально слабую или не способную любить, но и открыть для обсуждения модель сексуального накопления, продвигаемую современной мужественностью, которую слишком восторженно поддерживают и перенимают женщины; нам также следует переформулировать альтернативные модели любви, модели, в которых мужественность и страстная приверженность не противостоят друг другу и даже являются синонимичными. Вместо того чтобы критиковать мужчин за их эмоциональную несостоятельность, нам следует обратиться к моделям эмоциональной мужественности, а не к тем, которые опираются на сексуальный капитал. Такой культурный призыв может действительно приблизить нас к целям феминизма, которые заключались в построении этических и эмоциональных моделей, соответствующих социальному опыту женщин. Ибо, будучи оторванной от этического поведения, сексуальность, какой мы ее знаем в течение последних 30 лет, стала аренной суровой борьбы, оставившей многих, и мужчин, и особенно женщин, ожесточенными и опустошенными.

Вот парадокс, который эта книга пыталась объяснить: охлаждение эмоциональности, любви и романтики. Страсть выглядит ужасно нелепо для большинства мужчин и женщин, которые отшатнулись бы с насмешкой или со скрытым отвращением от риторики любовных писем XVIII и XIX вв. Тем не менее, как я пыталась показать, любовь во многих отношениях представляется наиболее важной сейчас, чем когда-либо еще, для определения собственной ценности. Учитывая, что многое в нашей культуре указывает на нашу психику, мы, как представляется, оказываемся практически беспомощными, когда история любви терпит крах, и по этой причине неудачи в любви угрожают основам нашего самосознания. Вот почему современная любовь требует психотерапии, бесконечных дружеских бесед, обсуждения и утешения. Любовь — не просто культурный идеал; это социальная основа самосознания. Однако культурные ресурсы, которые делают ее неотъемлемым элементом самосознания, исчерпаны. Как раз по этой причине существует острая необходимость вернуть этику в сексуальные и эмоциональные отношения именно потому, что эти отношения имеют столь большое значение для формирования собственной значимости и самоуважения.

Таким образом, эта книга представляет собой отрезвленное одобрение модернизма посредством любви. Она признает необходимость ценностей свободы, разума, равенства и независимости, но в то же время вынуждена учитывать огромные трудности, порождаемые основной культурной матрицей модернизма. Как и всякое пробуждение после беспробудного пьянства, отрезвленное одобрение модернизма не охвачено пылом утопий или разоблачений. Но это дает нам тайную надежду, что с ясным сознанием и пониманием самих себя мы сможем лучше жить в нынешние времена и, возможно, даже изобретем новые формы страсти.

Оглавление

Слова благодарности.....	3
Глава 1. Введение	5
Муки любви	5
Что такое модернизм?.....	15
Любовь в эпоху модернизма, современный характер любви.....	20
Почему социология является и остается необходимой.....	24
Социология и психические страдания.....	27
Глава 2. Великая трансформация любви или возникновение брачного рынка.....	31
Характер и нравственная экология романтического выбора	37
Любовь персонажей, характер любви	39
Ухаживание и сватовство как социальная сеть.....	46
Общепризнанные и негласные правила	49
Семиотическая последовательность	54
Практическая заинтересованность как страсть	56
Репутация и выполнение обещаний	60
Роли и обязательства	63
Великая трансформация романтической экологии: появление брачных рынков	68
Сексуализация и психологизация романтического выбора	70
Брачные рынки и сексуальные поля	88
Заключение	99
Глава 3. Страх перед обязательствами и Архитектура романтического выбора.....	101
От женской сдержанности до мужской отстраненности	106
Мужественность и упадок ответственности	124
Динамика женской стратегии исключительности.....	129
Гедонический страх перед обязательствами	138
Абулический страх перед обязательствами.....	150
Новая архитектура романтического выбора или дезорганизация	155
Соблюдение обещаний и архитектура современного выбора.....	168
Сексуальное изобилие и эмоциональное неравенство	175
Заключение	182
Глава 4. Потребность в признании. Любовь и уязвимость личности	185
Почему любовь — это прекрасное чувство	188
От классового признания к признанию личности.....	190
Признание и онтологическая неуверенность в эпоху модернизма	205
Признание против независимости.....	219
От самовлюбленности к самобичеванию	236

Нравственная структура самобичевания	245
Заключение	253
Глава 5. Любовь, Разум, Ирония	254
Чарующая любовь	259
Превращение любви в науку	264
Политическая эмансипация как рационализация	276
Де-рутинизация власти	278
Когда рабочая среда берет верх над чувствами	281
Процедурализм и нейтральный язык	282
Общие вопросы и ответы, касающиеся сексуальных домогательств	282
Новые принципы равноправия	285
Технологии выбора	287
Чувственная любовь и ирония	302
Эротика эротике рознь	303
Эротика как прерывистость	305
Поглощение и самоотречение	306
Эротика как излишнее расточительство	308
Семиотическая определенность	310
Неуверенность, ирония или проблемы равноправия	314
Заключение	320
Глава 6. От романтических фантазий до разочарований	322
Воображение, любовь	324
Вымышленные эмоции	339
Достоверность	342
Повествовательная идентификация	343
Разочарование как культурная практика	349
Разочарованные жизни	353
Несостоятельность повседневной жизни	354
Раздражение	357
Психологическая онтология	361
Воображение и интернет	367
Самодовлеющее желание	375
Заключение	381
Эпилог	382

Ева Иллуз

**ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ РАНИТ?
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ**

16+

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *Т. Руднева*

Подписано в печать 09.01.2020
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 25
Тираж 500. Заказ № 20-01-09

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Издательство «Директмедиа Паблишинг»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДИРЕКТ-МЕДИА»

публикует учебники, монографии, новые издания и не утратившие актуальности с годами, сборники опубликованных статей и коллективные научные сборники.

В каталоге издательства более 12 000 книг:

- учебная литература для школ, вузов и училищ;
- современная и классическая научная литература;
- биографии и мемуары знаменитых исторических личностей;
- non-fiction
- уникальные издательские коллекции и многое другое

«Директ-Медиа» использует самые современные технологии книгоиздания: от электронных книг и печати по требованию до многотысячных тиражей.

**Хотите приобрести уникальную книгу
или издать своё произведение?**

Мы ждём Вас!

www.directmedia.ru

DirectMedia ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН УМНЫХ КНИГ

Техническая поддержка E-mail: help@directmedia.ru